ВСЕВОЛОД РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Советский писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

ВСЕВОЛОД РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Вступительная статья
А. И. Павловского

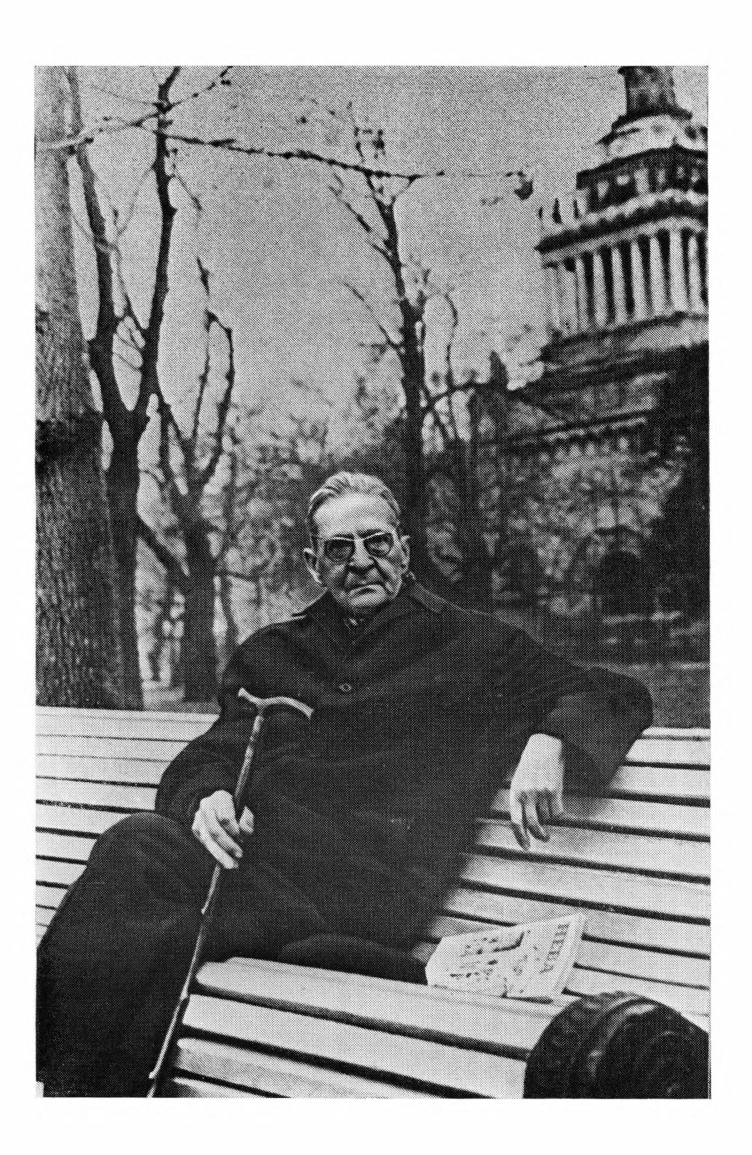
Составление, подготовка
текста и примечания
М. В. и Т. В. Рождественских

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1985

ББК 84.Р7
Р 62

В настоящем издании разнообразно представлено наследие крупного советского поэта Вс. Рождественского (1895—1977), от первых стихов, написанных под воздействием акмеизма, до произведений последних лет, обобщающих его богатый жизненный и творческий опыт. Видную и замечательную часть наследия поэта, всю свою жизнь верного высоким традициям русской классики, составляют стихи о Ленинграде, его культуре, его людях.

Р $\frac{4702010200-356}{083(02)-85}$ 412—85

ВСЕВОЛОД РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Всеволод Рождественский принадлежит к старшему поколению советских поэтов. Он начал писать и печататься еще до Октября, но подлинное начало его поэтического пути относится к годам Революции и гражданской войны. Все последующие десятилетия своей долгой и богатой творческими свершениями жизни он был неразрывно связан с развитием советской поэзии. Другом его революционной и поэтической юности был Николай Тихонов. Судьба сближала его с М. Горьким и А. Блоком. Вс. Рождественский был свидетелем становления молодого социалистического государства. На его литературной судьбе хорошо видны все годовые кольца советской поэзии: и сложные двадцатые годы, когда поэтическое движение было помолодому бурным, стремительным и разнохарактерным, и тридцатые, с их вниманием к стройкам первых пятилеток, с их движущейся, красочной поэтической географией, поездками по стране, с замечательным Первым съездом писателей, а затем военные годы — блокадный Ленинград, Волховский фронт, великая Победа и, наконец, мирные послевоенные три с лишним десятилетия...

В своей поэзии Вс. Рождественский был убежденным сторонником классических — чистых и строгих — форм, приверженцем одухотворенного высокого реализма, завещанного великой русской поэзией XIX века. Он сумел протянуть в наши дни живую нить преемственности. Он был ищущим художником, показавшим нескончаемое многообразие поэзии, вобравшей в себя как достижения прошлого, так и сложный опыт художественного сознания XX века.

Всеволод Александрович Рождественский родился 29 марта (10 апреля) 1895 года в Царском Селе, теперешнем городе Пушкине, вблизи Петербурга. Надо думать, что этот дворцовый город с его всемирно знаменитыми зданиями и «версальскими» парками, изящный, как драгоценная шкатулка, гармоничный и преисполненный

поэтической прелести, оказал эстетическое влияние на восприимчивую душу будущего поэта. Стихи Вс. Рождественского, за редчайшими исключениями, отличаются соразмерностью, исполнены строгого вкуса и изящества. Всю свою долгую жизнь Вс. Рождественский чуть ли не ежегодно возвращался на незабываемые тенистые улицы, помнившие его родителей и его самого — в высокой гимназической фуражке и с ранцем на спине.

Родительская казенная квартира помещалась в самой гимназии: отец, Александр Васильевич, служил там законоучителем. Директором был Иннокентий Анненский. Позднее Вс. Рождественский прочитал и высоко оценил его стихи, остававшиеся в те годы неизвестными даже сослуживцам поэта. На Широкой улице жила гимназистка, о существовании которой маленький Всеволод, впрочем, не подозревал, то была Аня Горенко — вскоре ей предстояло стать знаменитой Анной Ахматовой.

«Здесь столько лир повешено на ветках», — писала Ахматова о Царском Селе. То был поистине город муз. Здесь когда-то читал свои оды Державин; слагал меланхолические стихи Жуковский; создавал «Историю Государства Российского» Карамзин; шумели пушкинские друзья — знаменитая «плеяда», о которой в старости Вс. Рождественский напишет одну из лучших своих прозаических книг; в казармах гусарского полка служил Чаадаев, затем — Лермонтов; по аллеям парка, опираясь на трость, любил прогуливаться старик Тютчев; потом — через много десятилетий — здесь, в тех же «чаадаевских» казармах, окажется Есенин...

Но душою города был Пушкин. В 1899 году, в столетнюю пушкинскую годовщину, в Екатерининском парке появилась чугунная скамья, а на ней фигура лицеиста в расстегнутом сюртуке и с детски припухлыми губами. Стихи для памятника, высеченные на цоколе, выбрал Анненский. Всеволоду было тогда четыре года. Юный Пушкин, среди мраморных и бронзовых обитателей парка, стал его новым знакомцем. Потом, когда юноша достиг гимназического («лицейского») возраста, он приходил к Пушкину с его стихами на устах. Многие годы спустя он написал:

Если не пил ты в детстве студеной воды
Из разбитого девой кувшина,
Если ты не искал золотистой звезды
Над орлами в дыму Наварина,
Ты не знаешь, как эти прекрасны сады
С полумесяцем в чаще жасмина...

...О, святилище муз! По аллеям к пруду,
Погруженному в сумрак столетий,

Вновь я пушкинским парком, как в детстве, иду
Над водой с отраженьем мечети,
И гостят, как бывало, в лицейском саду
Светлогрудые птички и дети.

(«Если не пил ты в детстве студеной воды. . .)

Подробно и красочно описал поэт семейный уклад и свое детство в известной автобиографической книге «Страницы жизни». Он рано почувствовал симпатию и сочувствие к простому народу. Его родители подавали ему хороший пример в тружениченской жизни. По-видимому, сильное влияние оказала на него мать. Анна Александровна была одаренной и поэтической натурой, мечтательного, но деятельного склада. В Петербург она попала из большой деревенской семьи, проживавшей в Тульской губернии. Надо думать, что близость толстовских мест будоражила воображение крестьянской девушки, и впоследствии она затеяла с Толстым переписку. А родные места отца находились неподалеку от Тихвина — в сельце Ильинском. (Впоследствии, в годы Великой Отечественной войны, Вс. Рождественскому, уже известному поэту, пришлось воевать неподалеку от них.) Во время летних каникул ездили туда почти каждый год на лошадях, с ночлегами в пути всем семейством, с домашним скарбом — на манер неторопливого девятнадцатого века, только-только закрывшего тогда свой календарь. Двигались по Шлиссельбургскому тракту, по полевым и лесным дорогам, по шатким бревенчатым мостикам, а потом — через Волхов, на Новую Ладогу и по вологодской дороге к себе, в Ильинское. И само путешествие, и деревенский дом производили на мальчика огромное впечатление. Лето в детстве бесконечно, и с каждой неделей Царское Село с его искусственными руинами, замками и водопадами, наядами и дриадами, с его торжественными галереями, ажурными мостиками, мраморными гирляндами и лукавыми завитками барокко отодвигалось, походя на волшебную сказку. Сосновые леса, студеные воды, ласковые травы, трели жаворонков в высоком небе и девичьи запевки, — все было естественным, простым и настоящим. Но осенью Царское Село возвращалось, и чудесная сказка из полузабытой книги вновь становилась явью, Однако уже по-иному начинали звучать даже знакомые стихи Пушкина: теперь слух мальчика улавливал в них говор ручья и лепет листвы, завывание ветра и отзвуки удалой русской песни, перемешанной с дорожной печалью.

Эти две действительности, формировавшие детский мир поэта, то есть Царское Село и сельцо Ильинское, мало-помалу глубоко проникали друг в друга. Искусства, переполнявшие собою «обитель муз», приходили в живое и деятельное соприкосновение с впечатлениями от естественной русской природы и народного творчества: крестьянских песен, сказок, деревянного зодчества, кружевного орна-

мента и... языка — прежде всего языка! — неистощимого и многоцветного.

По сути дела, вся поэзия Вс. Рождественского, от юности до старости, так или иначе, в разной степени и в неодинаковых живых комбинациях, представляла собою тонкую игру этих двух замечательных начал, гармонично сливавшихся в единстве индивидуального художественного слова и поэтической личности. Возможно, именно эта гармония и давала ему устойчивое ощущение счастья и полнокровности жизни, которую он не уставал любить и воспевать на протяжении всего своего долгого пути. Не случайно и книги его носят названия радостные и светлые: «Лето», «Окно в сад», «Русские зори», «Иволга», «Золотая осень», а последняя, предсмертная, названа «Лицом к заре»... Анакреонтические мотивы из лицейской лирики Пушкина и его «плеяды», культ солнца и разума органичным образом прижились в его стихах и впоследствии, видоизменяясь в духе новых времен и чувствований, продолжали звучать, не смущаясь шумом и грохотом эпохи. В этом не было ни нарочитости, ни манифестационности. Так птицы поют свои лесные песни в каменных чащах больших городов.

Он сплетал свои стихи из солнечных нитей даже в самые пасмурные и драматические дни.

Однако судьбе Вс. Рождественского, поэта, наделенного нежной и трепетной певучестью голоса, выпал редкий по своей суровости век.

Когда будущий поэт был гимназистом младших классов, страну потрясла цусимская трагедия — она показала всю гнилость империи, беспечно блиставшей в золотом обрамлении Екатерининского и Зимнего дворцов; в 1905 году государь-император расстрелял рабочих, пришедших просить хлеба; поднявшаяся крутая революционная волна сменилась тягостными годами реакции; в 1914-м, сразу после пышного празднования 300-летия дома Романовых и после нескончаемых балов, маскарадов и фейерверков, озарявших Царское и Петербург, началась мировая кровавая бойня.

Поэтическая юность Вс. Рождественского совпала с эпохой, исключительной не только по жестокости и трагизму событий, но и по глобальности революционного преобразования мира.

В 1914 году вышла первая книга Вс. Рождественского «Гимназические годы».[1] Она была издана маленьким тиражом на средства одноклассников-меценатов без ведома автора.

К тому времени юный поэт учился уже в 1-й Петербургской гимназии. Переезд из Царского Села был вызван увольнением дирек-

---

[1] Всеволод Рождественский, Гимназические годы (Стихи юности). С предисловием Вяч. Флерова, издание т-ва В. Я. Флерова, СПб., 1914.

тора И. Ф. Анненского, вступившегося после событий 1905 года за молодежь, и прогрессивно настроенных преподавателей, среди которых был и отец поэта. В Петербурге Вс. Рождественский стал печататься в журнале «Ученик» [1], выходившем под редакцией преподавателя латыни В. Г. Янчевецкого — знаменитого впоследствии писателя В. Яна, автора исторических романов «Чингисхан» и «Батый».

Стихи Вс. Рождественского тех лет были в полном смысле слова ученическими. Неожиданный выход книги даже несколько раздосадовал молодого поэта, хорошо видевшего незрелость и подражательность своих стихотворных упражнений. «Мои товарищи, — вспоминал он, — думали этим неожиданным подарком сделать мне «приятный сюрприз». Позднее, уже на первом курсе университета, мне стоило немалого труда обрыскать всех букинистов города, чтобы уничтожить эту «постыдную», как я считал тогда, книгу шестиклассника, носившую явные следы увлечения Надсоном и Апухтиным... Меня охватывал ужас от одной только мысли, что мои наивные детские строки могут случайно попасться на глаза А. А. Блоку или В. Я. Брюсову» [2].

Стихи из этой книги Вс. Рождественский никогда не перепечатывал, но для понимания его творческого роста они имеют известное значение. Впоследствии поэт и сам расценивал их «исторически» как определенный и неизбежный фазис развития. [3] Стихи действительно были несамостоятельными, книжными, с явным налетом романтической стилизации. Но, кроме влияния Надсона и Апухтина, в них заметно воздействие медитаций Баратынского и пейзажной лирики Фета, виден интерес к русскому фольклору, в частности к сказке и песне. Есть в книге и цикл стихов, посвященный Пушкину, причем именно они отличаются наибольшей продуманностью и обработанностью формы. Очевиден также и общий демократический настрой молодого автора. В дальнейшем интерес к народному творчеству, к русскому пейзажу, к национальной поэтической классике, прежде всего к Пушкину, будет углубляться и расширяться. Сборник «Гимназические годы» может, следовательно, рассматриваться как начало творческого пути — начало робкое, подражательное, но не лишенное характерных признаков, свойственных будущему творчеству поэта.

В 1914 г. Вс. Рождественский становится студентом филологического факультета Петербургского университета. Из обстановки

---

[1] Первое опубликованное стихотворение Вс. Рождественского («Старый дом») относится к 1910 году («Ученик», 1910, № 1).

[2] Вс. Рождественский, Страницы жизни. Из литературных воспоминаний, изд. 2-е, доп., М., 1974, с. 102.

[3] Современные исследователи отмечают в первой книге Вс. Рождественского наличие некоторых важных для него впоследствии тем и образов. (См.: А. Амстердам, Всеволод Рождественский. Путь поэта, Л., 1965, с. 10—13; Ирина Васильева, Всеволод Рождественский, Очерк жизни и творчества, Л., 1983, с. 17—22).

классической гимназии, с ее схоластикой и рутинерством, он попадает в живую, исполненную бурления и многообразных интересов студенческую среду. Уже началась мировая война, продолжалась мобилизация. Публиковались первые списки убитых и раненых. Демократическая литература выступала против войны. Против шовинистического угара выступал Горький и целая плеяда близких к нему писателей. Передовая интеллигенция прислушивалась к Блоку. Большевики во главе с В. И. Лениным разъясняли антинародный, империалистический характер развязанной царизмом войны. Забастовки рабочих, демонстрации, сходки, мрачные вести с фронтов, развал государственного аппарата, распутинщина, измены в генеральном штабе — все это будоражило студентов. На лекциях знаменитых профессоров можно было увидеть фигуру пристава, следящего за порядком и благопристойностью. Не удивительно, что проблемы университетской науки порою отодвигались весьма далеко. В воздухе эпохи уже начинало ощущаться революционное предгрозье. Вопросы политической ориентации вставали с необычайной остротой и актуальностью.

Студент Вс. Рождественский далеко не сразу разобрался в пестрой и малопонятной ему тогда разноголосице мнений. Правда, демократическая закваска сразу же уберегла его от шовинистических настроений. А от соблазнов модернистского искусства спасало преклонение перед Блоком — «всевластным, — как сказал он позднее, — божеством нашей юности».[1]

Вскоре группа молодых прогрессивно настроенных филологов организовала «Кружок поэтов». На его заседаниях обсуждались стихи, подвергались критическому осмыслению новые поэтические течения. Наиболее яркой и радикальной фигурой в кружке была Лариса Рейснер. Ее отец, социолог и правовед М. А. Рейснер, известный своими революционно-демократическими взглядами, при ближайшем участии дочери стал издавать журнал «Рудин». Журнал был очень тесно связан с «Кружком поэтов» и в известной мере стал как бы его «органом». Первый номер журнала вышел в 1915 году. «На обложке, — вспоминал Вс. Рождественский, — красовался силуэт героя тургеневского романа с пышной шевелюрой и разлетающимся галстуком, исполненный в нарочито старомодной манере. Это было в духе эстетских вкусов буржуазной литературы и внешне как бы свидетельствовало об общей «благонадежности». Но внимательному читателю надлежало при этом иметь в виду, что красноречивый и свободолюбивый идеалист Рудин в конце концов завершил свою скитальческую жизнь на баррикадах 1848 года».[2] Редакция заявила,

---

[1] Всеволод Рождественский, Страницы жизни, с. 106.
[2] Там же, с. 178.

что она стремится создать «орган, который бы заклеймил бичом сатиры, карикатуры и памфлета все безобразие русской жизни, где бы оно ни находилось. . .»[1] Организаторы журнала в условиях царской цензуры военного времени достаточно смело осуществляли свою программу. Но содержание журнала было разнородным. Наряду с яркими памфлетами, направленными против существующего строя, и стихами, отмеченными незаурядным талантом, публиковались и откровенно эстетские, подражательные или поверхностные произведения. Не найдя своего читателя, «Рудин» уже в 1916 году, на 8-м номере, прекратил свое существование. Вс. Рождественскому удалось выступить на его страницах всего лишь с тремя стихотворениями. Однако нет сомнения, да поэт и сам говорил об этом, что кратковременный период, связанный с «Кружком поэтов» и журналом «Рудин», имел для него большое значение. «Кружок поэтов» был неплохой студией стиха. На его заседаниях Вс. Рождественский встретился с О. Мандельштамом, С. Есениным и другими тогдашними молодыми петербургскими поэтами. А радикальная редакция журнала «Рудин», в особенности революционно настроенная Лариса Рейснер, с которой у Вс. Рождественского завязались дружеские отношения, способствовала уточнению его политической ориентации. Правда, юному поэту предстояло еще пройти искусы и соблазны, из которых самым сильным и опасным, по его позднейшим словам, был «эстетизм», но демократическая основа его взглядов, сформировавшаяся еще в семье, приобрела революционную направленность. Если Вс. Рождественский в октябре 1917 года оказался на стороне революционного народа и стал командиром Красной Армии, а затем активным участником борьбы с Юденичем на подступах к Петрограду, то эта позиция была им занята быстро и решительно, без колебаний и сомнений в значительной степени потому, что в его жизни уже был опыт общения с революционно настроенной молодежью. Как известно, Лариса Рейснер в 1918 году стала комиссаром Генштаба Военно-Морского флота. Она была человеком яркого и кипучего общественного темперамента. Ее проза — одна из самых выразительных страниц в истории молодой советской литературы. В годы дружбы с Вс. Рождественским Л. Рейснер (как, впрочем, и позже) писала стихи. Нет сомнения, что в долгих беседах, о которых Вс. Рождественский вспоминал как о счастливом даре судьбы, вопросы поэзии затрагивались нередко — ведь чтение стихов было обоюдным. Легко предположить, что Л. Рейснер в какой-то степени могла облегчить своему молодому товарищу-поэту его нелегкую и к тому же едва начавшуюся борьбу с соблазнами «эстетизма». Эта борьба была знакома и ей самой, но

[1] «Рудин», 1916, № 4 («От редакции»).

завершилась в более краткие и энергичные сроки, чем у Вс. Рождественского.

Был, наконец, и еще один, может быть, наиважнейший момент в его поэтической юности, способствовавший быстрому формированию его общественных и литературных взглядов. Вс. Рождественский, студент университета, был принят в 1915 году репетитором в семью М. Горького. Об этом он рассказал в своих литературных воспоминаниях «Страницы жизни». Рассказал он и о восприятии М. Горьким своих тогдашних стихов. В тетрадке, которую прочитал М. Горький, были произведения по преимуществу книжно-романтические, нередко подражательные, в них чувствовалась старательная и восхищенная учеба у мастеров «Цеха поэтов» — акмеистов. По поводу этих стихов М. Горький заметил: «Бойтесь красивости! Опасное это дело. За декорациями можно проглядеть жизнь, а она куда значительнее и интереснее любого театра... Где вы всей этой «романтике» учились? Подозреваю, что в детстве у Жуковского, а позднее у Гумилева и цеховых его подмастерьев. Стоит ли? И так уж у вас в стихах много университетской премудрости... Печатное слово сейчас вам ценнее жизни... Книги должны идти от жизни и возвращаться в жизнь. За каждой книгой стоит живой человек — не забывайте этого. Стихи для стихов — пустяковое дело». [1]

А через несколько лет Вс. Рождественскому довелось близко познакомиться и с Блоком. Это была еще одна великая и бесценная школа.

Как видим, учителя у Вс. Рождественского были замечательные.

Если истоки его жизни и творчества были освещены немеркнущим светом Царского Села и гения Пушкина, то юность оказалась связанной с двумя великими русскими писателями — Горьким и Блоком. То был редкостный, невиданно щедрый дар судьбы, определивший в творческом пути Вс. Рождественского если не все, то, конечно, очень многое. Воздействие Горького и Блока было принципиальным, так как касалось не столько технической стороны поэтического ремесла, а самого отношения к жизни и слову. Разумеется, ремесло и отношение к жизни, техника и мировоззрение всегда тесно связаны и влияют друг на друга, но воздействие Блока и Горького было в те годы все же, по-видимому, сильнее в области идейной, мировоззренческой. Что касается «ремесла», то Вс. Рождественский предпочитал ориентацию на акмеистов. Поэтика и музыка стихов Блока не только юному Вс. Рождественскому, но и многоопытным метрам казались тогда достоянием и выражением символизма, хотя символизм, как известно, уже пережил свой последний разрушительный кризис, а Блок ушел далеко вперед — к темнеющей от гнева России.

---

[1] Вс. Рождественский, Страницы жизни, с. 153.

В 1916 году Вс. Рождественский стал рядовым в команде молодых солдат Запасного электротехнического батальона. Вместо стройных стихотворных четверостиший — марширующие колонны в серых солдатских шинелях; вместо рассуждений о лирике трубадуров — труба полкового горниста, играющего сбор; вместо терцин и сонетов — хриплая ругань фельдфебеля. Война была в самом разгаре. Некоторые петербургские поэты пели здравицу смерти — воспевали войну до победного конца, среди них — Гумилев, Сологуб, Северянин. Но на иных позициях стояли истинные наставники молодого Вс. Рождественского: Горький, издававший антивоенный журнал «Летопись», Блок с его «Стихами о России». Их голоса в защиту гуманизма и культуры различал Вс. Рождественский сквозь шовинистическую какофонию. Громко звучал и голос Маяковского, проклинавшего «золотолапого микроба» войны. «В терновом венце революций грядет шестнадцатый год», — торопил он события, уже преисполненный ощущением надвигающейся бури. «Музыка революции» вошла в слух Блока.

Общественно-политическое, гражданское развитие поэта шло в 1916—1917 годах ускоренными темпами. С симпатией вспоминал он солдат батальона, в котором ему пришлось служить и встретить Февральскую революцию. В большинстве своем это были выходцы из деревень. В их рассказах вставала бескрайняя, нищенская, вскипающая мятежом крестьянская Россия. Были среди солдат и революционно настроенные рабочие, мастеровые. К Вс. Рождественскому — вольноопределяющемуся, студенту — они относились дружелюбно. Революционная атмосфера становилась повседневной реальностью, в ней дышалось легко и естественно. «Революцию — преобразование мира — совершал на наших глазах народ, рабочие с окраин и солдаты, вернувшиеся с фронта. За ними, конечно, была правда истории, а не за теми, кто прежде считал себя хозяевами. И значит, надо идти за народом и вместе с ним». [1] Батальон, к которому Вс. Рождественский был приписан, входил в состав Петроградского гарнизона; с самого начала примкнул он к революционным рабочим.

Вместе с солдатами своего батальона участвовал он в бурных событиях 1917 года.

«Когда утром памятного дня я с трудом добрался до своей части — так много было по пути высыпавшего на улицу народа, — я застал на казарменном дворе необычайную картину. Выложенная булыжником продолговатая площадь гудела тысячью голосов. Уже разворачивались плакаты с огромными наспех написанными буквами: «Вся власть Советам!», «Ленин с нами!». Отделенные и взводные, охрипшие от крика, выравнивали строящуюся длинную колонну —

---

[1] Там же, с. 135.

готовилось шествие по улицам города. С особым, непередаваемым чувством встал я в общий строй — впервые не на начальственное место — и от этого еще сильнее ощутил волнующее и пьянящее чувство общности с великим всенародным делом».[1]

Надо ли говорить, что такие события не забываются. Они навсегда остаются в сознании, а в творческом самоопределении художника играют важную роль.

На той же Дворцовой площади, приблизительно через год, в торжественной обстановке Вс. Рождественский принял присягу как командир Красной Армии. Он был взводным в учебно-опытном минном дивизионе, участвовал в обороне Петрограда от Юденича, служил на тральщике, освобождавшем Финский залив от английских мин. Служба была нелегкой, связанной с постоянной и нешуточной опасностью. Демобилизовался Вс. Рождественский лишь к концу 1921 года.

Все это время, бурное и сложное, не оставлявшее и часа для систематических занятий писательским трудом, он не порывает связей с литературной жизнью революционного Петрограда. Город голодал, мерз, терпел жестокую нужду буквально во всем. Не было хлеба, одежды, дров, не хватало электричества. Литературная жизнь, однако, не замирала. Наоборот, она была на редкость интенсивной и разнообразной. Правда, не было бумаги, простаивали типографии, выход книги становился событием хотя бы уже потому, что она сумела выйти. По рекомендации Горького Вс. Рождественский поселился в «Доме искусств» — своеобразной бытовой коммуне многих работников культуры Петрограда. Этот большой дом, бывший особняк Елисеевых, подробно и красочно описала в своем романе «Сумасшедший корабль» Ольга Форш. В «Доме искусств» оказалась едва ли не вся молодая советская литература тех лет. Здесь можно было увидеть «серапионовых братьев», Н. Тихонова, еще не снявшего длиннополой кавалерийской шинели, Вс. Иванова, приехавшего из партизанской Сибири, М. Зощенко, В. Каверина, М. Шагинян, А. Грина, О. Мандельштама, А. Чапыгина, В. Шкловского, — впрочем, список «жильцов» мог бы быть очень длинным. Вс. Рождественского судьба свела в одной комнате с Николаем Тихоновым. Их дружбе с тех пор предстояло длиться десятилетия. Н. Тихонов читал тогда своему соседу «Орду» — стихи, исполненные силы, мужества и романтики. У Вс. Рождественского стихи в ту пору были иными, но язык революционной эпохи обоим поэтам был одинаково внятен и близок.

Вс. Рождественский по природе своего таланта и мироощущения был романтиком в не меньшей степени, чем Николай Тихонов, но отношение к «ремеслу» у них было разным. Достаточно сказать, что

---

[1] Вс. Рождественский. Страницы жизни, с. 132—133.

именно в эту пору, в 1920 году, Вс. Рождественский вступил в «Цех поэтов» — цитадель акмеизма. «Цех» имел строгий устав. Он состоял, подобно средневековым цеховым организациям, из «мастеров» и «подмастерьев». Будучи новичком, Вс. Рождественский был зачислен в «подмастерья». Согласно правилам, члены «Цеха» не должны были печатать произведения без предварительного обсуждения и одобрения его участников. Они стояли за независимость искусства от действительности, за его автономность и элитарность. Вступление Вс. Рождественского, красного командира, человека, связанного с революционной действительностью более чем тесными узами борьбы и долга, в эту элитарную группу кажется тем более удивительным, если вспомнить его открытое преклонение перед Блоком — противником акмеизма.

Впрочем, судя по всему, в «Цехе поэтов» к Вс. Рождественскому отнеслись если не несерьезно, то по крайней мере недоброжелательно. Его стихи, выполненные по канонам акмеизма, оценивались неодобрительно. Что касается Блока, то он отнесся к стихам сборника Вс. Рождественского «Лето» со спокойной доброжелательностью.[1]

Полуотрицательное отношение «мастеров» «Цеха» к стихам своего «подмастерья» объяснялось, надо полагать, не столько самими стихами, вполне профессиональными и соответствовавшими, как сказано, и духу и канонам школы, сколько иными мотивами. Не исключено, что в «подмастерье» ощущалось иное, чуждое социальное начало — демократическое, даже «красное».

Отношение Вс. Рождественского к акмеистам, точнее сказать, творческое взаимодействие с их художественными принципами и заветами — вопрос не простой.

На протяжении своей долгой жизни он сохранил уважительное отношение к определенным сторонам и завоеваниям акмеистического искусства: высоко ценил точность и конкретность поэтического слова, твердую материальность уверенного штриха, стереоскопичность изображения, звучность и полновесность той действительности, которая пусть краем, не полностью, но попадала в поле их зрения. В стихах акмеистов его привлекала также яркая чувственность в изображении многоликого и праздничного бытия, экзотическая красочность сюжетов и неизменно волевой, мажорный, «киплинговский» напор, звучавший в интонации «конквистадорских» поэтических новелл, столь излюбленных метром группы. Кроме того, среди акмеистов были разные люди; группа, при всех своих заявлениях, которые должны были свидетельствовать единство, была на самом деле крайне неоднородной: достаточно вспомнить Ахматову, Мандельштама, Лозинского... У каждого из них молодому «подмастерью» было чему учиться.

---

[1] Там же, с. 210.

Но здесь надо также учитывать по крайней мере два-три важных обстоятельства, касающихся природы поэтического таланта Вс. Рождественского и его личности.

По внутреннему складу своего дарования он был лириком-реалистом. Хотя это выражение несколько прямолинейно, но оно все же довольно точно, так как предметность изображения, его зримость и вещность не только всегда высоко ценились Вс. Рождественским у других поэтов, чему можно найти множество свидетельств в различных его высказываниях, но и культивировались, тщательно разрабатывались, доводились до совершенства и в собственном стихе. Если сравнить даже самые поздние его стихи, относящиеся, например, к шестидесятым или семидесятым годам, и произведения молодости, всюду можно увидеть эту фамильную черту — своего рода гербовую марку мастера. Сам он склонен был различать на этом гербе полустертые временем, но все же видные взору его памяти геральдические знаки акмеизма. Став мастером, бесконечно далеким по своим устремлениям, по судьбе, по свершениям от канувшего в Лету «Цеха», Вс. Рождественский все же сохранил известную благодарность за учебу в бытность свою подмастерьем. Все дело, очевидно, в том, что в акмеистах, особенно в своей молодости, он видел по преимуществу реалистов, во всяком случае людей, утверждавших реалистическое письмо. Ведь именно ими, акмеистами, в противовес символистам, было сказано, что роза вновь должна стать розой — не символом, не мистическим аналогом инобытия прекрасного духа, а ароматом, цветом и прелестной плотью. Кроме того, в стихах акмеистов, что для молодого Вс. Рождественского имело огромное значение, упруго пульсировала голубая жилка романтики — прежде всего, конечно, у автора «Колчана» и «Шатра». Для того мира, в котором в годы юности жил Вс. Рождественский, акмеистические мерки были привлекательны, так сказать, своей наглядностью. Другое дело, что мерки эти, удобно совпадавшие с параметрами юношеских стихов, постоянно приходили в драматическое противоречие с масштабами клокотавшей революциями эпохи. Причем эпоха эта стояла не поодаль и глядела не из книг, повествующих о бурных событиях 1789 года, а решительно и грубо входила в личную жизнь, в биографию.

Вс. Рождественский в годы гражданской войны был, как сказано, командиром Красной Армии, плавал на тральщике по Ладоге, Неве, Финскому заливу, занимаясь опаснейшей военной работой; он делил общий кров с солдатами и матросами, ощущая при этом свою полную и радостную общность с воюющим народом; в Петрограде, в «Доме искусств» он жил в среде литераторов, испытывая вместе с ними все тяготы голода, холода, неустроенности и военной нужды. Он хорошо знал жизнь — ее суровые будни, ее страдания, ее горе

и надежды. Великая мечта человечества о счастье трудящихся людей всего мира в революционные годы обретала плоть ценою жертв и подвижничества миллионов мечтателей — крестьян, одетых в солдатские шинели, рабочих, революционной интеллигенции. Однако в стихи Вс. Рождественского тех лет этот лик эпохи — лик, столь хорошо известный ему, странным образом не попадал. Своеобразие его поэтического мира заключалось, по-видимому, в парадоксальном сочетании трезвого и четкого зрения с той особенной силой воображения, которая у натур, склонных к созерцательности, но вовлеченных в жестокую схватку социальных стихий, выполняет своего рода защитную роль.

Душевная мягкость и искренность наивно прикрывают себя легким щитом искусства, а тонкая сеть стиха кажется едва ли не кольчугой. Его природный лирический инструментарий был выточен с большой тонкостью и изяществом, но не обладал столь же большой твердостью. Некоторые его стихи напоминали по манере и технике исполнения работу тончайшей и нежнейшей китайской кисточкой — так отчетлива и вместе с тем зыбка линия, позволяющая осязать предмет и ощущать окружающий его воздух; иные напоминают акварели, почти невесомые в своих мелодичных красках. Музыка его тогдашних стихов почти всегда солнечна и грациозна, в них плещет, переливается и ликует молодая чувственная радость жизни.

В 1918 году Вс. Рождественскому выпала необыкновенная по тем временам удача — уехать на лето в деревню: не «мешочником», отправившимся в хлебные края обменять барахло на продукты, как это делали в тот год многие петроградцы, а в родные места, в гости. То была Тульская губерния, где в селе Туртень Ефремовского уезда родилась и провела свои юные годы его мать. Оставив на время голодный, тифозный Петроград с его разворошенным и тяжким военным бытом, длинными очередями у пустых булочных и погромыхиванием близких фронтов, поэт оказался в местах, которые, надо думать, потрясли его прежде всего своей тишиною. Наверно, не случайно приходил ему в те годы замысел, навеянный, как он полагал, музыкой Римского-Корсакова, но, по-видимому, в не меньшей мере и музыкою сельской неожиданной неги, — написать о граде Китеже. Вместо вылавливания английских мин в холодной невской губе — ленивые росные утра, сладостное купанье в тихой речке, долгие мечтательные прогулки по окрестным грибным и ягодным лесам, а вечером неторопливые беседы при керосиновой лампе, воспоминания о стихах, о любимых книгах, авторах далеких и уютных: Стивенсоне, Дюма, Диккенсе... Среди громыхавших по стране фронтов эта идиллия и впрямь могла напомнить град Китеж, над которым сомкнулись спасительные воды забвения. Для мечтательной от природы души поэта, всегда тяготевшей к созерцательности и внутренне как бы все-

часно готовой к радости, этот сельский уголок заключал в себе неиссякаемый источник поэтических вдохновений.

Туманят ночи грозовые
Мое цыганское житье,
И я люблю, люблю впервые,
О тульская моя Россия,
Сухое золото твое.
За церковью Бориса-Глеба
Краюхой аржаного хлеба
Горячие ползут поля,
И не было синее неба,
Не пахла радостней земля.

(«Туманят ночи грозовые. . .»)

Он пишет «Деревенские ямбы», составившие затем небольшую книжку стихов «Лето» (с подзаголовком «Стихи 1918 года»), вышедшую в Петрограде в 1921 году.

В ней собраны в основном пейзажные стихи, очень выразительные, тонкие, лиричные, овеянные странным для тех лет фетовско-усадебным колоритом.

Что может быть милей и проще, —
Когда еще прозрачен май,
К березовой причалить роще
И пить в тени вечерний чай!
В густой траве дымятся чашки —
Благоухающий огонь —
И золотистые букашки
Щекочут теплую ладонь.
Так нежно, со стаканом чая,
В струистой синеве костра,
Склоняется ко мне — не знаю —
Любимая или сестра.
И кажется, что это Счастье
Встает, спускается к реке.
А белое мелькает платье
Как облако в березняке.

(«Вечерний чай»)[1]

Книге «Лето» был предпослан эпиграф из Фета:

«. . .Дрожанье фарфоровых чашек
И речи замедленный ход. . .»

---

[1] Поздняя редакция стихотворения получила заглавие «На берегу».

Но не только фетовская музыка любви и природы звучит в этой книге. В ней можно услышать преображенные отголоски анакреонтической лирики Пушкина, и «меланхолическую лень» Дельвига, и эпикурейство Языкова... И даже Державин, хлебосольный хозяин Званки, кажется, незримо направлял руку, живописавшую деревенский гостеприимный стол:

Плоды рассыпала Помона
На скатерти передо мной:
Прозрачный мед, рубин малины,
Антоновки полузагар.
И ты, и ты, мой друг единый,
Из красной меди самовар.
Как не поверить мне, что лары
В деревне тульской берегут
Такой ленивый, старый-старый
И вечно-ласковый уют?

(«Возвращение»)

Возможно, что и тень Овидия, певца любви и метаморфоз, также вспоминалась молодому петербургскому поэту; он, выученик гимназии Иннокентия Анненского, был хорошим знатоком античной поэзии.

Через несколько лет, оглядываясь на жизнь и желая подчеркнуть главное в своей поэзии, Вс. Рождественский писал:

...служил, как мог, Науке Счастья,
Самой трудной из земных наук.

(«К Лире»)

Годы гражданской войны, когда писались стихи, составившие книгу «Лето», были, мягко сказать, не самыми благоприятными, а в глазах современников — и не самыми уместными для служения этой Науке. По своей полной отрешенности от «злобы дня», по умиротворенности, по «архаическому», полузабытому чувству счастья, почти исчезнувшему из продутых и обожженных войнами людских душ, «деревенские ямбы» казались странной книжной забавой. Пожалуй, лишь одного М. Кузмина, которому, кстати, посвящено заглавное стихотворение «Лета», можно было поставить рядом с Вс. Рождественским. То, что Вс. Рождественский при этом служил в Красной Армии, стоял на платформе Советской власти и демонстративно солидаризировался с Блоком, автором «Двенадцати», а также был человеком, близким Горькому, лишь усугубляло странность его стихов. Поэзия как бы отделилась от ежедневного, практического, социально-служебного бытия человека, она жила по своим самовластным законам и — в своих границах — образовала собственную достаточно

автономную область. Эту область Вс. Рождественский вполне мог бы назвать Республикой Счастья.

В обстановке тех грозных лет такие стихи могли не без оснований казаться почти вызывающим, дерзким и дразнящим эстетизмом. Но если поставить вопрос, кого же они дразнили, то никакого утвердительного ответа на него дать невозможно. Можно ли предположить, что Вс. Рождественский своими безмятежными, меланхолично-пасторальными «Деревенскими ямбами» вознамерился дразнить эпоху? Ведь он сам был деятельною частицею ее революционного урагана, частицею, лишь на мгновенье залетевшей в безопасный уголок земли и радостно вспомнившей, что земля и люди могут быть счастливыми!.. Думал ли он противопоставить свои стихи плакатно-агитационной, кумачовой поэзии тех лет, например Демьяну Бедному, или громогласно-планетарным стихам Маяковского 1918—1919 годов, или мажору уже нарождавшихся тогда пролеткультовцев, «кузнецов» и комсомольских поэтов? Еще менее собирался он противопоставлять их аскетичным и волевым балладам Тихонова — своего друга по судьбе и писательской коммуне. Мы, правда, не знаем, как отнесся Тихонов к «Деревенским ямбам», но восхищение Вс. Рождественского балладами Тихонова известно. Им обоим было свойственно на редкость жизнелюбивое отношение к миру; в глубине их поэтических натур кипел неистребимый оптимизм, он-то прежде всего и сроднил их на долгие и долгие десятилетия взаимной творческой дружбы.

Вс. Рождественский в годы своей поэтической молодости был прежде всего натурой артистической и певческой. Из всего многообразия жизни он предпочитал брать волокна тонкие и солнечные и из этой пряжи ткал свои стихи. «Золотое веретено» — так называлась книга, вышедшая в том же 1921 году, что и «Лето». По своему содержанию, настроению и колориту она, по сути, ничем не отличалась от стихов 1918 года. Манера поэта, следовательно, определилась. Если «Лето» — по своему профессионализму и высокой культуре стиха — разительно отличалось от первых юношеских произведений, собранных в книге «Гимназические стихи», то «Золотое веретено» лишь подтвердило высокую степень достигнутого мастерства. По своему настроению, искрящемуся солнечной радостью, это действительно золотое веретено, с которого бежит, сплетая прихотливый узор стихотворения, изысканная словесная нить.

Сердце — звезду первозданной кущи —
Бросил я миру, и вот оно
Ринулось нитью быстробегущей
На золотое веретено.

(*«Двое»*)

Но обнаружилась и односторонность: ведь все другие нити жизни, кроме золотых, обрывались или не принимались во внимание. Там, где у жизни не хватало золота, добавлялась позолота. В «Золотом веретене» много книжных реминисценций, обыгрывания литературных сюжетов, известных персонажей, имен, названий. Это безусловно самая книжная из книг Вс. Рождественского. В этом отношении, то есть если иметь в виду искусственность и сознательную литературную вторичность ее сюжетов, она отличается от «Лета» в невыгодную для себя сторону. В «Лете» усадебно-фетовский колорит был достаточно прозрачным покровом, сквозь который был хорошо виден реальный пейзаж, обстановка, интерьер, — мир представал четким и материальным. В «Золотом веретене» немало превосходных по своему мастерству стихотворений, но это зачастую мастерство первоклассного рисовальщика, гравера-иллюстратора известных книг и сюжетов — «Пиквикского клуба» Диккенса, «Манон Леско» Прево, романов Стивенсона, Вальтера Скотта... Иные из стихотворений искусно созданы как бы по мотивам знаменитых приключенческих романтических книг. Словом, он нередко перелагал на язык стихов прозаические сюжеты подобно тому, как музыканты занимаются переинструментовкой. Это была искусная и очень тонкая работа, обнаружившая подлинную виртуозность. Некоторые из стихов этой полузабытой теперь книги стали широко известными и сохранили свою прелесть до сих пор. Таково, например, стихотворение «На палубе разбойничьего брига...», написанное, по-видимому, в подражание Стивенсону:

На палубе разбойничьего брига
Лежал я, истомленный лихорадкой,
И пить просил. А белокурый юнга,
Швырнув недопитой бутылкой в чайку,
Легко переступил через меня.

Не одно поколение читателей знало это прекрасное стихотворение наизусть. В нем есть обаяние старинной романтической истории, как бы вновь рассказанной сквозь шелест пожелтевших страниц...

В книгах «Лето» и «Золотое веретено» Вс. Рождественский предстал художником незаурядного таланта. Это мастер точной реалистической детали, лаконичного и четкого «акмеистического» рисунка, виртуозного подвижного стиха, умеющего быть прихотливым, грациозным и лукавым, исполненным естественности и живого обаяния. В его пейзажах и стилизациях была жизнерадостность и молодая романтичность, как бы постоянная готовность к счастью и предвкушение заманчивых открытий. Осмысляя впоследствии эту черту своего характера и поэзии, он писал: «Я... люблю жизнь и хочу видеть ее праздничными глазами — наша эпоха заслуживает этого, несмотря

на всю ее сложность и трудность».[1] Именно этой особенностью своего мироощущения и «творческого поведения» Вс. Рождественский и был в известной степени созвучен своей молодой, романтически настроенной эпохе, жаждавшей праздничного обновления мира во имя человеческого счастья.

И все же книга «Золотое веретено», при всех своих немалых достоинствах, оказалась для поэта своего рода жестким рубежом, даже, точнее сказать, очевидной и болезненной преградой, которую следовало во что бы то ни стало преодолеть, чтобы выйти в большую поэзию и к широкому читателю. Поэт, надо думать, и сам почувствовал опасность тупика. Ведь идти дальше по пути «Золотого веретена» означало лишь формально совершенствоваться в области версификации и количественно умножать сюжеты. Не случайно «Золотое веретено», в котором, как сказано, много света, солнца и чувственной радости бытия, кончается стихами, неожиданно исполненными грусти и горечи. Он пишет об «измученных словах», о «бескрылой душе», которая зачем-то торопит бег букв по снеговому полю бумаги («Один, совсем один за письменным столом. . .»), о звонком, но холодном слове, опускающемся в тяжелую, как вечность, воду («Я тебе эту песню задумал на палец надеть. . .»).

Главный вопрос, который его тревожил: надо ли менять голос, чтобы произнести слова, нужные эпохе и современникам. Ведь «долг каждого из нас, — замечал он в одном из писем, — овладеть языком своей эпохи».[2] Этот вопрос стоял тогда не перед ним одним.

Следующая книга Вс. Рождественского вышла лишь через пять лет, в 1926 году. Надо было научить стих дышать воздухом эпохи, ее широкими пространствами, ее ветром, не изменяя при этом, как мечтал поэт, ни регистра строки, ни естественности природного тембра. «Самым искренним образом, — писал он, — хотел бы я «в ногу попасть и припев подхватить», и мне сейчас жалки и смешны все, малодушно убегающие от своей эпохи, люди страусовой этики и кабинетных баррикад. Только так поверив и можно жить».[3]

Предстояла работа долгая и трудная, подчас мучительная. Даже в 1930 году, когда уже многое было сделано именно в этом направлении, он писал: «. . .с большим трудом овладеваю своими голосовыми связками и жестом».[4]

Известны слова Блока о том, что первым признаком истинного поэта является «чувство пути». Вс. Рождественский всегда был в

---

[1] Из письма к И. М. Басалаеву от 14 февраля 1944 года. — Личный архив И. М. Басалаева.

[2] Из письма к Д. С. Усову от 8 августа 1930 года. — Архив Вс. Рождественского.

[3] Из письма к Д. С. Усову от 15 марта 1931 года. — Там же.

[4] Из письма к Д. С. Усову от марта 1930 года. — Там же.

движении, всегда искал — разочаровывался, падал, поднимался, но неизменно торил свою дорогу в сторону общего пути.

Сколько блуждал я в глухом бездорожье,
Сколько раз падал и снова вставал.

(«Мир мой — широко раскрытая книга. . .»)

«Я... всегда в тревоге и в движении. Я не могу унести свою душу в Музей».[1]

До и после выхода «Золотого веретена» Вс. Рождественский работает исключительно много и разнообразно. Неоценимую роль в становлении поэта сыграла работа в издательстве «Всемирная литература», куда его в качестве переводчика привлек Горький. По совместной работе в издательстве тесно сблизился Вс. Рождественский и с Блоком. Впрочем, этот период подробно описан им в «Страницах жизни», и потому останавливаться на нем детально нет смысла. Важно, пожалуй, лишь отметить, что, много занимаясь переводческой работой, Вс. Рождественский проявил себя на этом поприще выдающимся мастером. Значительным явлением стали его переводы стихов Теофиля Готье и Беранже. Богатство и своеобразие романтической палитры Готье передано им не только с большой точностью, но и с подлинным поэтическим воодушевлением, виртуозностью и изобретательностью. По-видимому, здесь сказалась и известная родственность поэзии Готье, кстати, высоко ценимого акмеистами, некоторым сторонам дарования самого переводчика. Что касается Беранже, то жизнерадостность, демократичность и песенность этого поэта также были дороги и близки солнечной и веселой музе Вс. Рождественского. Переводческая работа оказывала на Вс. Рождественского большое внутренне-эстетическое и иное воздействие. Он относился к этому делу исключительно серьезно и поистине вживался в душу переводимого им автора, отчасти изменяясь, обогащаясь вместе с ним. Собственная его душа не оставалась незатронутой, нейтральной и безучастной. Будучи вдохновенным переводчиком Мольера, Беранже, Готье, Гюго, Верхарна, Шиллера, Гете, он впоследствии доброжелательно и восторженно принял поэзию Абая, где ему оказались близки мотивы молодости, весны и дружбы, много переводил армянских поэтов, грузинских, украинских, белорусских, а также поэтов Эстонии и Латвии. Переводимый им мир был огромен и разнообразен. Для его оригинальной поэзии, в особенности в двадцатые и тридцатые годы, этот мир, тщательно освоенный, психологически и эстетически пережитый, имел огромное значение.

---

[1] Из письма к В. Я. Архиппову от 15 февраля 1935 года. — Центральный государственный архив литературы и искусства, ф. 1458.

Но главное, конечно, заключалось в творческом осмыслении реального, окружающего мира. Как писал поэт: «...быть «мертвым» в наше живое время я не хочу. Кроме того, у меня слишком много жадного интереса и прямого сочувствия ко всему, что строится кругом». [1]

Стихи, составившие книгу «Большая Медведица» (1926), свидетельствуют об упорной работе поэта по освоению действительности. Он искренне стремится вжиться в нее, услышать и понять ее живые голоса и звуки, смысл ее практических дел, ее трудностей и побед. «„Большая Медведица"», — справедливо писал один из исследователей творчества Вс. Рождественского — это первый отклик поэта на тревоги своего века, но именно первый отклик, во многом противоречивый и не всегда достигающий цели». [2]

Однако для уяснения характера творческого пути нам важны прежде всего те моменты и произведения, где такая цель достигалась. В этом отношении нельзя не согласиться с И. Васильевой, автором обстоятельной монографии о Вс. Рождественском, что к середине двадцатых годов связь его поэзии «с живой жизнью, с современностью становится более ощутимой», его лирика «все чаще насыщается публицистическим, остросовременным содержанием, героическими темами и мотивами». [3]

Исследователи справедливо связывают искания Вс. Рождественского со сходными устремлениями Н. Тихонова, Э. Багрицкого, Н. Асеева. Идут сложные и напряженные поиски героя, делаются попытки испытать поэтическое слово на прочность, убедиться в его способности художественно освоить сложнейшую и противоречивую действительность двадцатых годов — с их острыми классовыми схватками, нэпом и первыми ощутимыми победами социализма в человеческих отношениях.

В стихи, составившие книгу «Большая Медведица», входят совершенно новые для Вс. Рождественского темы — романтика Революции, труда, созидания, строительных буден.

В «Поэме дня» мы встречаем, например, такие строки:

Когда возводят дом высокий,
Сквозной, как радиолучи,
Спеши и ты в одном потоке
Нести на жгучем солнцепеке —
Простой, певучий и жестокий —
Всё выше, выше кирпичи.

---

[1] Из письма к Д. С. Усову от 15 марта 1931 года. — Архив Вс. Рождественского.

[2] А. Амстердам, Всеволод Рождественский, с. 40.

[3] Ирина Васильева, Всеволод Рождественский, с. 67.

Таких слов у автора «Золотого веретена» не бывало. Он стремился понять свою эпоху, ее пафос, ее душу. Нельзя сказать, чтобы такое понимание представляло для Вс. Рождественского значительную трудность. Говорить о том, что Вс. Рождественский переживал, переходя к стихам «Большой Медведицы», серьезную мировоззренческую ломку, было бы крайне неточным. Ломался голос, перестраивалось слово, менялась музыка стиха — его ритм, его интонация. В творчестве Вс. Рождественского музыкально-речевая интонация всегда имела огромное значение. Не случайно он был так восприимчив и чуток к музыке и впоследствии так много времени отдал музыкальному театру, став автором стихотворных оперных либретто. Как правило, своим возникновением его стихи были обязаны первичному интонационному толчку, но «голосовые связки» его стиха, по его собственным словам, долго не могли претворить звуки и шумы времени во внятную и адекватную смыслу эпохи поэтическую речь. В «Большой Медведице» он осваивал темы и мотивы, прежде почти не появлявшиеся в его творчестве. Не изменяя лирической и романтической природе своего дарования, то есть по существу оставаясь самим собой, он не только пишет о крупных исторических событиях, но и включает в них факты собственной жизни. То, что прежде казалось ему непоэтичным (стройка, быт), теперь стало входить в стих и превращаться в поэзию. Реалистическая природа его таланта освобождалась от одежд эстетизма и декоративной праздничности, чтобы сомкнуться с реальной действительностью.

У нас под снегом сфинксы, и закат
Как знамя рваное, и шпиль огнистый,
И полукругом врезанный Сенат,
Где у костров стояли декабристы.
Прожектором взрезая черноту
Подъемных кранов, якорей и тросов,
У нас под ветром взморья на мосту
Катил Октябрь бушлатный вал матросов.

(«У нас под снегом сфинксы, и закат. . .»)

Основная интонация этой книги — энергичная, волевая, можно сказать, «тихоновская». Резкий, решительный жест, упругая походка главенствуют в стихах «Большой Медведицы».

Как хочешь яблоко зови,
Да только нет другого.
Не для того ль и соль в крови,
Чтоб оседать на слово?

(«Толкнул в плечо, сказал: „Пора! . .“»)

Многое плодотворно завязалось в этой книге: и тема истории, сопряженная с давними и современными революционными событиями, и тема культуры; по-новому восприняты и образ города, взятого в единстве его историко-культурных и архитектурных аспектов, и картины русской природы.

Принципиальную роль в «Большой Медведице» играла интимная лирика — любовная и пейзажная. Дело в том, что примерно с середины двадцатых годов все чаще раздавались голоса об «архаичности» лирического поэтического сознания, о ненужности лирики, ее враждебности и чуждости громкому, «нелирическому», индустриальному веку. Эта проблема волновала многих; глубокой болью, драматической растерянностью отзывалась она в стихах и высказываниях самых различных художников, чье дарование было по преимуществу именно лирическим. Широко известным было стихотворение Н. Асеева о «стальном соловье», явившемся заменить живое певческое сердце поэта. Вс. Рождественский не знал в этом отношении никаких колебаний: внутренне для него этой проблемы как бы не существовало, с демонстративным пренебрежением он игнорировал ее как выражение упрощенчества и вульгаризации. В своей пейзажной лирике он был особенно близок С. Есенину — с ним связывали его и дружеские отношения. Его пейзажные стихи полны сыновней щемящей грусти, любви и нежности, в их музыке слух улавливает легкий отзвук есенинской светло-печальной мелодии.

Спят плоты у желтого суглинка,
Сизый дым ложится за костром,
Небо — точно глиняная кринка
С розовым топленым молоком.

...Жизнь моя, от васильков и кашки,
Как река, ты вышла на простор!
Больше мальчик в ситцевой рубашке
Не подбросит вереска в костер.

Но живет в душе его вечерней,
От костра затянутой дымком,
Тот же месяц — золото по черни,
Тот же в вишнях утонувший дом.

(«Вижу я: у городской заставы...»)

В отличие от прежних книг в «Большой Медведице» заметно сказалось и воздействие Блока: главным образом в историко-культурной трактовке Петербурга, в теме «русской Бури», но также и в любовной лирике — с ее страстным, вихревым движением и беззащитностью «земного сердца».

В небольшой лирической поэме «Лунатик», посвященной Бетховену, возникает тема искусства. Построенная по принципу музыкальной сюиты, она в своих маленьких главках перебирает времена, эпохи и страны, с их социальными ураганами и бедствиями, гениально предсказанными в пророческой музыке Бетховена. От Наполеона до Круппа — таков неожиданный размах этой поэмы, в чем-то отдаленно перекликающейся с «Возмездием» Блока. А одна из заключительных строк поэмы:

Смотрят на Запад скуластые степи, —

вызывает в памяти читателей блоковских «Скифов».

Критика отмечала и противоречивые явления в творчестве тех лет. В «Большой Медведице» он смело приступает к разработке сложных философских тем, пунктирно, правда, уже намечавшихся и в «Золотом веретене». В дальнейшем философская лирика (особенно в поздние годы) займет в поэзии Вс. Рождественского значительное место. Надо полагать, что эпохальные события, пережитые поэтом, не раз обращали его мысль к проблеме личности и истории, индивидуальной судьбы и судеб человечества. Он был в этом отношении не одинок. Маяковский, Пастернак, Есенин, Тихонов, Заболоцкий — каждый по-своему — прикасались к проблемам крупного философского смысла; «к «векам, истории и мирозданию» обратился в своей последней поэме Маяковский. Что касается Вс. Рождественского, то он сделал попытку приложить огромный масштаб вечности к индивидуальной человеческой судьбе. Эта давняя — державинская и пушкинская — тема сколько-нибудь плодотворного разрешения в «Большой Медведице» не получила. Более того — поэтическое сопоставление современности с холодно взирающей вечностью поневоле смещало масштабы ценностей, делая их к тому же весьма относительными. В докладе «Петербургская школа молодой русской поэзии», прочитанном 27 сентября 1923 года в Пушкинском Доме, Вс. Рождественский высказал слова порицания по адресу тех поэтов, которые «слишком близко», по его мнению, «подошли к современности и слишком оглушены ею». [1]

В стихах «Большой Медведицы» эти ноты прозвучали в поэтической трактовке Петербурга, который, отдав дань времени, будто бы вошел, подобно кораблю-ветерану, в спокойные воды вечности.

Однако надо отметить, что мысли, высказанные в докладе о «петербургской школе», судя даже по стихам «Большой Медведицы», не говоря уже о последующих книгах, не были устойчивыми. Статуарный, эмблематический («вечный») Петербург постепенно превращает-

---

[1] Записки передвижного театра, вып. 62, 1923, с. 2.

ся в лирике Вс. Рождественского в современный, живой, наполненный шумом труда индустриальный город.

Что касается пейзажной и любовной поэзии, то мотивы вечности, искусно инструментованные в тонах классических традиций Пушкина и Баратынского, придали стихам оттенок лирических медитаций, проникнутых свойственным Вс. Рождественскому жизнелюбием:

Земное сердце не устанет
Простому счастью биться в лад.
Когда и нас с тобой не станет,
Его другие повторят.

(«Земное сердце не устанет. . .»)

Понимание кратковременности человеческого бытия придавало в глазах поэта особое очарование и остроту чувственной прелести мира.

Поверь, поцелуи, как яблони, минут,
Но небо над нами янтарнее сот.
В прозрачную память, где мост опрокинут,
Раздавленной вишнею солнце течет.

Как радуга, Август насмешлив и статен,
Как листья, бежим мы под редким дождем,
И весь я от пятен, от солнечных пятен
В березовой роще на платье твоем.

(«Как сердце, качается берег зеленый. . .»)

Почти тотчас после выхода в свет «Большой Медведицы» Вс. Рождественский (в январе 1927 года) пишет: «Напечатанная «Медведица» для меня что-то такое, что осталось позади. Я оглядываюсь на нее с нежностью и с улыбкой, как на уходящую Юность. Больше мне таких стихов не повторить.

Теперь по-новому начинают смотреть глаза. Мне хочется красок sombre ⟨мрачных — *А. П.*⟩ и горького голоса. Я иду в сторону Лермонтова, еще не напечатанной «Судьбы поэта» и только что оконченного мною «Ночного пешехода» (Федотов). Теперь, мне кажется, у меня есть некоторое право отворять калитку из своего сада в ночной мир. . .» [1]

Конечно, новая книга, исподволь завязывавшаяся из стихов 1927—1928 годов, не означала разрыва с недавними обретениями. В книгу «Гранитный сад» (1929) Вс. Рождественский включил произведения, входившие в «Большую Медведицу», но лишь те, что в свое время действительно прокладывали для него пути в будущее,

---

[1] Из письма к Д. С. Усову от 25 января 1927 года. — Архив Вс. Рождественского.

например стихотворение «Крысы грызут по архивам приказы...», исполненное патетики воспоминаний о днях Революции. Теперь мотив этого стихотворения подхвачен и развит в «Октябрьской погоде», где появились строчки, которые могут стать эмблематическим выражением нового этапа в гражданском и литературном развитии поэта:

Я хочу октябрьскую погоду
Провести сквозь песню до конца!

Вс. Рождественский формально не входил ни в одну из литературных группировок двадцатых годов. Принципы реалистического искусства, всегда дорогие и непреложные для него, освященные великими традициями классической поэзии, представлялись ему достаточно широкими для плодотворных творческих исканий. Будучи романтиком по складу характера, он справедливо считал, что сочетание правдивости в изображении жизни с долей вымысла и воображения, тщательность в ремесле и неустанность исканий — главные залоги писательского успеха. Но среди пестроты тогдашних литературных групп его внимание все же остановило небольшое творческое объединение «Содружество», в которое входило несколько ленинградских писателей (Н. Браун, М. Комиссарова, Н. Баршев, Б. Лавренев, А. Чапыгин, М. Козаков, Д. Четвериков и др.). «Содружники» заявляли, что ощущают себя «современниками... великой эпохи, участниками ее мирового призвания и дела».[1] Единственное, что, по-видимому, могло смущать Вс. Рождественского в платформе «Содружества», но на что он, надо думать, не обратил особого внимания, памятуя о неизбежной для всякой группы разноголосице талантов, это их скептическое отношение к романтизму. Впрочем, присутствие в группе Б. Лавренева могло совершенно успокоить его и на этот счет.

Со стихов, составивших книгу «Гранитный сад», то есть примерно с 1927—1928 годов и намного дальше, началась для поэта очень сложная, порою смутная, противоречивая, но зато чрезвычайно интенсивная по творческому напряжению пора поисков, досадных срывов, удач, возвращений вспять и резких рывков вперед. Он всегда был художником неизменно честным перед самим собой и перед своей работой. Смотреть «новыми глазами», как он выразился в письме, было его целью, стремлением и заветным желанием. Он понимал, что эпоха требует особого поворота зрения, каких-то иных красок и даже конкретных и специальных знаний. Изменялись люди, их психология, их привычки; менялся интерьер, пейзаж; в интимные переживания людей, в традиционные человеческие драмы входили «производственные» коллизии. Страна жила в ускоренном ритме на-

---

[1] Содружество. Литературный альманах, Л., 1927, с. 295.

чавшихся пятилеток. Ощущение новизны, небывалости было во всем. Слово не поспевало за событием. Некоторые вещи еще не имели имен, и поэзия не знала, как к ним подступиться. Из-под пера Вс. Рождественского выходили стихи, которые он потом никогда не включал в свои сборники; он еще как бы учился говорить на языке индустриальной эпохи, словами рабфаковок и рабочих парней, но вместо поэзии на бумаге появлялись рифмованные строки, похожие на бодрые, чуть ли не «частушечные» лозунги, как, например, в стихотворении «Ледоход»:

А Весна с парнишкой Маем —
Комсомолка, не Весна —
То поет ночным трамваем,
То стучится у окна...

Подхватив припев горячий,
Становись в ряды и пой —
На земле нельзя иначе
Слиться с пламенной толпой!

Не случайно именно в эти годы Вс. Рождественский много размышляет о задачах и судьбах искусства. Он пишет небольшую проникновенную поэму о художнике Федотове, стихи о Лермонтове, о Некрасове. Эти произведения были первыми предвестниками большого цикла о людях русского искусства — поэтах, художниках, старых мастерах ваяния и архитектуры. Впоследствии он создаст и книгу прозы о поэтах пушкинской плеяды («В созвездии Пушкина», М., 1972).

Вс. Рождественский много путешествует, и горячий строительный азарт первых пятилеток радостно будоражит и перестраивает его стихи. Он был в Закавказье на строительстве медеплавильного завода, где работал в многотиражке и близко познакомился с трудовым многонациональным кавказским миром, видел строительство Днепрогэса и создание Турксиба, путешествовал по Узбекистану и бескрайним казахстанским степям. Его стих, всегда жадный до впечатлений, обладавший счастливой способностью с одухотворенной точностью передавать чувственный облик мира, был буквально захлестнут радостью и полнотой бытия.

Ему, поэту Севера, художнику, привыкшему к скромным, приглушенным краскам, внезапно открылась земля, ранее более известная по романтической литературе, по гриновскому многоцветному, шумному и экзотическому Зурбагану.

Но особенно пленил его восточный Крым — Коктебель, где начиная с 1927 года он проводил едва ли не каждое лето в доме замечательного поэта и художника Максимилиана Волошина.

Вс. Рождественский не был тогда путешественником-одиночкой. Целые бригады писателей, по инициативе Горького, выезжали в различные районы страны, чтобы познавать социализм в практике его конкретного ежедневного созидания. Не случайно распространенным поэтическим жанром стал в те годы стихотворный очерк и лирико-патетический репортаж.

То была многосторонняя и чрезвычайно плодотворная школа жизни. Характерно, что раздел, посвященный путешествиям в книге «Земное сердце» (1933), Вс. Рождественский назвал «Цех жизни» — возможно, в полемическом противопоставлении отошедшему в прошлое «Цеху поэтов». В то же время эпиграфом к книге, взятым из Теофиля Готье («Я принадлежу к числу тех, для кого видимый мир существует»), он подчеркнул верность своим реалистическим принципам.

Далеко не все удовлетворяло Вс. Рождественского в его собственных тогдашних стихах. Порою он чувствовал, что его поэзия отчетливо разделяется как бы на два потока — на стихи о «внешнем» (на «производственную тему») и на стихи о личном, стихи «для себя». Это вносило в его поэтическое сознание диссонанс и смятение. Он стремился «внешнее» сделать внутренним, то есть чувственно и поэтически, эмоционально, а не только разумом освоить его. «Я видел многое, — пишет он в одном из своих тогдашних писем, — и из того пестрого вороха впечатлений хочу отобрать наиболее ценное. А ценным считаю я созвучное себе, т. е. то, о чем я могу писать, не пригнетая «совести художника»...» [1] «Столкновение с крепкими деловыми людьми, — рассказывает он в другом письме, — с ритмическим движением по-настоящему трудовой жизни всегда бодрит меня и вызывает ответное желание работать самому...» [2] И — снова: «Новый мир развертывается на каждом шагу — грубый и яркий. И продолжается все та же моя учеба „языку эпохи"». [3] Вс. Рождественский внимательно присматривается к современной поэзии, он видит, что она живет теми же трудностями и теми же болезнями роста, что и его собственный стих. «Право, мне хотелось бы, чтобы от нашей действительно прекрасной эпохи у потомков осталось впечатление, как от живых людей, которые умели и побеждать и бороться, и различать цвета и слышать запахи, и братски ощущать зеленое великолепие природы. Голые схемы и диаграммы в поэзии — это ее младенческий лепет...» [4] В конце двадцатых и в начале тридцатых годов Вс. Рождественский

[1] Из письма к Д. С. Усову от 8 августа 1930 года. — Архив Вс. Рождественского.

[2] Из письма к Д. С. Усову от 15 марта 1931 года. — Там же.

[3] Из письма к Д. С. Усову от 23 ноября 1930 года. — Там же.

[4] Из письма к Э. Ф. Голлербаху от 29 июня 1933 года. — Там же.

и сам порою не сумел избежать «схем и диаграмм в поэзии», но природа его таланта и неизменная воодушевленность, интерес к красочному, звучащему и полнокровному миру, его чудесной, переменчивой, солнечной плоти быстро победили короткий душевный раскол на «внешнее» и «внутреннее», на очерково-публицистическое и собственно лирическое. Он в сущности нашел себя на своих же путях, обогатив «ворохом новых впечатлений», переживаний собственную лирическую природу с ее постоянной тягой к конкретности. В «Земном сердце» поражает обилие подробностей живой жизни. Природа Крыма, Кавказа, русского Севера, Украины широким цветным полотном вошла в книгу и сделала ее на редкость счастливой, молодой и радостной по своему настроению, что оказалось органично созвучным динамичной и мажорной эпохе тех лет. На Первом Всесоюзном съезде Н. Тихонов говорил: «Мы стремимся стать мастерами не мировой скорби, а мировой радости».[1] Слова эти были безусловно созвучны Вс. Рождественскому, провозгласившему Науку Счастья труднейшей и главнейшей «из земных наук».

Эта радость жизни, щедрая изобразительность и музыкальность стиха в какой-то мере перешли и в книгу «Окно в сад», вышедшую уже в конце тридцатых годов. Но общая тональность ее заметно иная. Хотя и в этой книге есть счастливый привкус дороги, а в цикле «Иволга» играет и пенится молодая страсть и, как прежде, немало тонких и мелодичных пейзажей, все же главенствующая мажорная мелодия поддерживается и ведется в ней спокойно-сосредоточенными, медитативными мотивами.

Критика отмечала, что для книги «Окно в сад» принципиальное значение имел цикл «Встречи». Это — серия портретов, посвященных деятелям русского искусства и литературы. Среди них есть и написанные в прежние годы стихи о Лермонтове, о Некрасове, о Пушкине, о Гоголе, но теперь к ним добавились портреты Тютчева, А. Грина, Шевченко, Джамбула, Апухтина, «Баллада о Николае Островском». В целом они создают выразительную историко-культурную панораму и обнаруживают во Вс. Рождественском не только прекрасного портретиста, но и своеобразного исследователя и истолкователя духовной жизни как прошлого, так и современности.

Заметное место в его поэзии заняли произведения, посвященные русской истории («Новгородская София», «Князь»), они послужили началом длительной и многолетней работы над стихами, воскрешающими славное прошлое России. Поэт придавал этим произведениям принципиальное значение. Они углубляли представление об истории родной страны, воспитывали патриотическую гордость и уверенность в мощи и неколебимости национальной почвы.

---

[1] Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет, М., 1934, с. 504.

Как известно, к концу тридцатых годов военная опасность стала реальностью. В стихах советских поэтов все сильнее звучали мотивы мобилизационной готовности. Советские писатели участвовали в международных конгрессах в защиту культуры и мира. К воинствующему гуманизму призывал деятелей культуры М. Горький. В обстановке приближающейся войны воспитательная, агитационно-пропагандистская роль литературы резко усилилась. Наряду с публицистическими стихами важную роль стали играть произведения, освещающие и воспевающие военное прошлое страны, ее богатое духовное наследие. Широкую известность получили поэмы К. Симонова «Суворов», «Ледовое побоище», Дм. Кедрина «Зодчие», «Конь», «Песня про Алену Старицу», Н. Рыленкова «Земля отцов»... К ним примыкали и стихи Вс. Рождественского о славе древнего Новгорода, о князе Всеволоде.

Бился князь с ливонскими волками,
И за каждую родную пядь
Меч его — отточенное пламя —
В грудь врага входил по рукоять...

Под грозой решительного боя
За родные сердцу рубежи
Дай мне сталь и мужество героя,
В грудь любовь и ненависть вложи.

(«Сын Мстислава, княжич Мономаха...»)

Эти стихи звучали в те годы с несомненной актуальной силой. Можно, следовательно, сказать, что к началу Великой Отечественной войны его поэзия прошла большой, сложный и плодотворный путь. Позади остались соблазны эстетизма и самодовлеющей книжности. В ней укрепились реалистические начала, расширились и стали многообразными связи с жизнью, с трудовой действительностью страны. Поэт научился внимательно вглядываться в социальную новизну людских отношений и говорить на «языке эпохи», а стих его при этом не потерял своих исконных лирических свойств. Многообразная газетная деятельность Вс. Рождественского на различных стройках, в заводских многотиражках приучила его перо к оперативной работе, к быстроте и практической действенности отклика на события жизни. Все это пригодилось ему в годы Великой Отечественной войны, когда он стал сотрудником фронтовых редакций.

В первые же дни начавшейся войны Вс. Рождественский вступает в ряды Народного ополчения. Когда-то он оборонял Петроград от Юденича, теперь снова — близкие подступы к городу: враг уже на лужских рубежах, уже захвачен город Пушкин...

Командование направило поэта в газету Народного ополчения —

«На защиту Ленинграда». В начале июля он опубликовал в ней свое первое фронтовое стихотворение. Так началась долгая военная страда.

Роль писательского слова в годы войны была очень большой. Литераторы работали во фронтовых, армейских, дивизионных газетах: писали статьи, корреспонденции с передового края, репортажи, стихи. Они жили общей жизнью с воюющим народом. Около четырехсот писателей не вернулось с фронтов войны. В Ленинграде была большая писательская организация. Группу писателей при Политуправлении фронта возглавлял Н. Тихонов, на Балтфлоте — Вс. Вишневский. Небольшая, но активная группа работала на Ленинградском радио. За годы ленинградской осады было создано немало замечательных произведений. Достаточно вспомнить стихи и поэмы Н. Тихонова, О. Берггольц, В. Инбер, Вс. Азарова, В. Шефнера, М. Дудина, С. Орлова...

Вс. Рождественский вскоре оказался в Седьмой армии, стоявшей на правом берегу Невы. Как военный корреспондент он выполнял самую разнообразную работу — бывал в различных частях Волховского фронта, на передовых, писал не только стихи, но и очерки, корреспонденции, заметки, портреты героев. Многое из той повседневной работы навсегда осталось в пожелтевших подшивках газеты «Ленинский путь», сослужив свою полезную службу времени. Но для поэта такая деятельность не прошла бесследно — она давала ему множество впечатлений и наблюдений, сталкивала с самыми разными людьми, приносила счастливое ощущение своей слитности с судьбою воюющего народа. Вс. Рождественскому пришлось воевать в тех местах, где в годы детства он проводил летние месяцы. Это обстоятельство усиливало в нем чувство любви к родной земле, тревогу за ее будущее, он был рад, что наравне со всеми держит в руках оружие и что его перо помогает в борьбе с ненавистным врагом. В одном из писем того времени он писал: «...здесь, в глухом лесу, где я сейчас живу, я отыскал на карте и по компасу местоположение Ленинграда и повернул на него окошечко своей палатки, чтобы каждое утро, просыпаясь, смотреть в ту сторону. Я не близко от него, но мое сердце все время с ним...

...А вообще жизнью я сейчас доволен, вижу в ней определенную цель и твердо верю в нашу приближающуюся победу. Работать приходится много, и что очень мне приятно — я вижу своими глазами плоды своих усилий. Стихи мои читаются, песни поются. С одной из песен весной бойцы шли в атаку. Я получил благодарность в приказе, а месяц тому назад награжден медалью «За боевые заслуги». Слово мое живет там, где оно сейчас всего нужнее, и как поэту мне больше нечего желать...» [1]

[1] Из письма к И. М. Басалаеву от 13 июля 1942 года. — Архив И. М. Басалаева.

За годы войны Вс. Рождественский написал две книги стихов: «Голос Родины» (1943) и «Ладога» (1945).

Он по праву мог сказать, обращаясь к любимому городу:

Я счастлив тем, что в грозовые годы
Я был с тобой,
Что мог отдать заре твоей свободы
Весь голос мой.
Я счастлив тем, что в пламени суровом,
В дыму блокад
Сам защищал и пулею и словом
Мой Ленинград.

(«Белая ночь»)

В военных стихах Вс. Рождественского немало пейзажей, по-прежнему точных и красочных, но в них вошло теперь и восхищение мужеством бойцов, и то душевно широкое сопереживание, которое дается личным участием в народной жизни.

В лучших произведениях военной поры чувство любви к родине достигало большой гражданской и лирической силы.

Я вижу избы, взгорья ветровые,
И, уходя к неведомой судьбе,
Родная, непреклонная Россия,
Я низко-низко кланяюсь тебе.

(«Могила бойца»)

В жанровом отношении стихи военных лет оказались достаточно разнообразными. Сама действительность, с ее изменчивостью и конкретностью ежедневных задач, требовала применения различных средств — от сатиры и раешника до оды, от стихотворного очерка, рассказывающего о выполнении боевого задания, до баллады, от корреспонденции до песни. Поэт, по-видимому, не раз с благодарностью вспоминал полезную выучку, которую он прошел в газетной практике на стройках тридцатых годов. В своих балладах он выступал не только как мастер сюжета, но и как внимательный психолог, умеющий с помощью точной и выразительной детали обрисовать характер драматической ситуации и образ героя («Баллада о боевом друге», «Баллада о комбате Юняеве», «Партизаны», «Сердце связиста», «Шофер» и другие). Он хорошо знал блиндажный, земляночный, окопный быт, своеобразие фронтового дружества, простоту и сердечность отношений между людьми, ежедневно рисковавшими жизнью. Все это входило в его стихи в виде многочисленных деталей и штрихов, которые в глазах читателей убедительно подчеркивали невыдуманность, правдивость повествования, а художественной ткани стиха придавали реалистическую плотность. Сердечность интонации

и открытость поэтического взгляда особенно сказывались в его лирике — пейзажной и интимной. Северная природа была близка Вс. Рождественскому, он хорошо знал ее краски и звуки. Но в годы войны, месяцами живя в защитной глубине фронтового леса, как бы под материнской охраной природы, он с новой силой почувствовал сыновнюю нерасторжимую связь с родной землей.

Тем и жизнь была мне хороша,
Что, томясь, как птица, синей далью,
Русская жила во мне душа
Радостью и песенной печалью.

(«Сердце, неуемный бубенец. . .»)

Некоторые его стихи той поры носят медитативный, неторопливый характер. Такова «Палатка».

Поздней осенью в чаще несладко,
Дни короче, а сумрак мутней.
Одиноко сереет палатка
Под навесом набухших ветвей.

Поэт всматривается в спокойную, вечную в своей живой прелести жизнь леса, углубляется в собственные воспоминания, уходит по тропам памяти. . .

Уж проносятся листья-скитальцы
В злую изморозь, в хмурую рань,
И дождей посиневшие пальцы
Барабанят о мокрую ткань.

Но на лавке под старой шинелью
Мне тепло, и табачным дымком
Улетает и тает под елью
То, что смутным подсказано сном.

Что мне снилось? Леса и дороги,
Да туманом затопленный бор,
Долгий стон журавлиной тревоги
Над дымящейся гладью озер.

Но суровая действительность снова возвращается к нему — гулом орудий, злым стрекотом пулеметов и гуденьем тяжелых бомбардировщиков.

Выхожу — и над гарью равнины,
Над разливами хвойных седин
Треугольником лег журавлиный
Высоко проплывающий клин.

Неустанное крепнет гуденье —
Краснозвездные птицы летят...
А внизу расстилает цветенье,
Как победный костер, листопад.

В «Палатке», как видим, нет громких «военных» слов, стихотворение внешне непритязательно по краскам, скромно по интонации, но это одно из сильнейших в нашей военной лирике произведений.

В минуты фронтового затишья, наряду со стихами, принимается Вс. Рождественский и за прозу — пишет главы будущей книги «Страницы жизни» и новеллы, составившие впоследствии книгу «Шкатулка памяти».

Война, обостряя национальное чувство, возбуждает и историко-культурную память. Вс. Рождественский, художник, всегда чуткий к вопросам культуры, прекрасный знаток исторического прошлого страны, создает произведения, проникнутые духом преемственности. Таковы его стихи, посвященные Ленинграду, в частности его памятникам, архитектурным ансамблям и знаменитым пригородам.

Войдя вместе с войсками в освобожденный Новгород, он откликнулся на это событие замечательным стихотворением «Господин Великий Новгород». Пятиглавая София предстала его глазам почерневшей, но непреклонной.

Она пробита вражеским снарядом,
Ободран золотой ее шелом,
Но на снегу, со звонницею рядом,
Все полегли, кто встал на нас с мечом.

На заключительном этапе войны в лирике Вс. Рождественского появляются ликующие, солнечные ноты. Вместе со всем народом-освободителем он радуется счастью великой победы. Его поэзия выдержала жестокое испытание битвой. В огне войны жизнелюбивая муза Вс. Рождественского преисполнилась отваги и решимости, патриотической стойкости и силы. Обогатилась новыми красками реалистическая палитра художника, шире стал кругозор его лирики, отчетливее и весомее гражданское поэтическое слово.

В 1947 году Вс. Рождественский выпустил книгу «Родные дороги». В ней он собрал стихи из своих двух военных книг. Это был как бы поэтический отчет автора о работе в годы Великой Отечественной войны. Наступила долгожданная пора мира, а вместе с нею и необходимость осмысления новых явлений действительности. Однако следующая книга — «Иволга» — вышла лишь через одиннадцать лет, в 1958 году. Для поэта, привыкшего работать интенсивно, это большой срок. Но, как показала «Иволга», все эти годы писались

лирические стихи, возникали и ветвились новые темы. Одновременно со стихами, составившими сборник «Иволга», Вс. Рождественский много работал над стихотворными либретто. Была закончена наконец начатая еще до войны вместе с композитором Ю. Шапориным опера «Декабристы». Всего им было написано пятнадцать либретто.[1] То был огромный труд, требовавший и времени, и специальной подготовки, и длительного вживания в музыкальный мир композиторов различных эпох. Музыкальная общественность и критика высоко ценили эту плодотворную работу. Для Вс. Рождественского оперные либретто были не только выходом в мир музыки, где он чувствовал себя в такой же родной стихии, как и в поэзии, но и своеобразной пробой сил в большом жанре. Либретто как бы заменяли ему поэмы. Будучи в поэзии почти исключительно лириком, он вместе с тем ощущал необходимость многоголосия, широких исторических пространств, разветвленного действия. В либретто лирическая стихия, оставаясь самой собой, обретала полифонизм, опосредованно удовлетворяя стремление поэта к крупной форме.

В известной степени это же стремление заметно и в стихах Вс. Рождественского той поры. В особенности это сказывается в произведениях о Ленинграде, его настоящем и прошлом, его улицах, зданиях и его великих зодчих. Эти стихи широко развернуты в пространстве, причем не только в топографическом, но и в историческом.

На стрелке острова, где белые колонны
Возносит над Невой российский Парфенон,
Остановись на миг, мечтатель вдохновенный,
Белесым сумраком, как тайной, окружен.

Перед тобой столпов Ростральных очертанья —
Наследье прошлого, пришедшее в наш век, —
И у подножья их два светлых изваянья,
Два строгих символа могучих русских рек.

(«На стрелке острова, где белые колонны. . .»)

К 1947 году им был закончен цикл «Строители», посвященный великим зодчим, создавшим красоту города — эту великолепную поэму в камне. Из прошлого поэт обращает взгляд в современность — он пишет стихи, в которых возникает новый, строящийся Ленинград, город, вышедший из мрака и огня войны. В стихотворении «Новый порт» он своеобразно совмещает два плана города — современный и исторический. Конкретная историческая живопись, насыщенная мно-

[1] В их числе «Помпадуры» (музыка А. Ф. Пащенко), «Бесприданница» (музыка Я. Г. Френкеля), «Заря над Двиной» (музыка Ю. С. Мейтуса).

жеством деталей, и повествовательность интонации, может быть, очевиднее всего говорят о близости лирики Вс. Рождественского тех лет эпическому (поэмному) масштабу и смыслу.

Огороды. Заборы. Шаги по мосткам деревянным,
Хриплый говор гармошки в воскресные пьяные дни,
Низкорослый кустарник, затянутый влажным туманом,
И слепою цепочкой бегущие в сумрак огни...

В послевоенной лирике Вс. Рождественского тема России и русской природы сделалась одной из главнейших. Она разрабатывалась поэтом весьма своеобразно — не только в собственно пейзажных стихах, но и в достаточно многочисленных произведениях, в которых оживает наша историко-культурная память, в частности тема русского народного искусства, понимаемая Вс. Рождественским очень широко: от национального эпоса и архитектуры до веселого искусства народной игрушки. В стихотворении «Зодчество» поэт так и пишет:

Я не хочу крошить по мелочам
Священный хлеб отеческих преданий.

Стихи эти не случайно были объединены в книге поэта в раздел с характерным названием «У истока рек».

Он пишет о фресках Киевской Софии, о старинных монастырях, о крепостях Пскова и Новгорода, заставляет читателя по-новому взглянуть на деревянное зодчество Кижей и залюбоваться резными украшениями ярославских и вологодских изб. В стихах этих сквозит не только восхищение «острым умом пилы и топора», «умелой и точной рукой» старинных русских мастеров, создавших постройки, поражающие гениальным сочетанием строгого расчета, безупречного вкуса и широкого вдохновения, — в них обнаруживается также и неожиданная историческая глубина. Перед нами возникает Россия различных веков и эпох, оставившая живой и теплый след в неоскудевающем народном искусстве. Во всем выразился талант народа, запечатлелась его история, отразилось его миропонимание. Даже незатейливая игрушка, утеха детворы ванька-встанька воплощает собою, наряду с лукавством и юмором, глубокую мысль о некоей неколебимости и природной устойчивости этого удалого, хитрого молодца:

Я закал нашей русской породы,
Ванька-встанька, в тебе узнаю!

(«Ванька-встанька»)

Искусство, мудрое и веселое, затейливое и величественное, пронизывало на протяжении долгих столетий всю жизнь русского народа.

В нем — истоки многих рек, в том числе и поэзии.

Нет сомнения, что столь живое, можно сказать, личное ощущение национальной истории и народного искусства помогает Вс. Рождественскому быть неизменно чутким и внимательным к тому, что мы называем социальным миром эпохи. Гражданская нота, особенно сильно зазвучавшая в его военных стихах и своеобразно выразившаяся в цикле «У истока рек», звучит отчетливо и выразительно во множестве самых различных произведений поэта.

Не только именем я русский, я душой
С судьбою Родины сплетен нерасторжимо,
И мил мне гул времен над самой головой,
Что для иных прошел неуловимей дыма.

(«Нет, мне не говори, что трудно умирать. . .»)

«Гул времен», ассоциирующийся со знаменитыми стихами Державина («глагол времен»), был всегда хорошо внятен Вс. Рождественскому, но озвучивался в тонах мудрого, жизнелюбивого приятия бытия:

О предках лишь воспоминанье
Хранится в летописи дней,
Но разве все их порыванья —
План неоконченного зданья —
Чем отдаленней, тем бледней?

По капле море собиралось,
И по крупинке соль росла,
А зорь пророческая алость
Неудержимо разгоралась,
Пока всё небо не зажгла.

Сквозь прошлого туман нередкий,
В просветах будущего дня
Вам — право доблестной разведки,
Мои неведомые предки,
Моя далекая родня!

(«Родня»)

Стихи последнего периода творчества поэта (он умер в 1977 году и похоронен на Литераторских мостках Волкова кладбища в Ленинграде) чаще всего связаны с Ленинградом и нередко приобретают характер философских медитаций, в которых спаяны воедино и раздумья о собственной жизни, и размышления о судьбах страны и народа. В одном из поздних циклов, «Полдень века», поэт вновь всматривался в знакомые с детских и юношеских лет очертания революционного города. Перед нами, как и во многих прежних стихах Вс. Рождественского, возникает знакомый городской пейзаж, про-

свеченный стру́ящимся колдовским светом белых ночей, сотни мостов, трубы заводов, пушкинские стройные «громады», новостройки и «портики старых колонн». Поэтической эмблемой города становится для Вс. Рождественского «Аврора»:

Навечно врезан профиль величавый
В наш ленинградский северный туман,
Стоит трехтрубным памятником славы
Великого восстанья ветеран.

И в яркий полдень, и сквозь дождик серый
К «Авроре» над просторами Невы
Приходят экскурсанты, пионеры,
Как к ней не раз еще придете вы.

Ее в морях водили наши деды,
Она открыла Первый день Земли,
И салютуют первенцу победы
Потомков боевые корабли.

(«Аврора»)

«Память сердца» все чаще заставляла поэта обращаться к великой революционной биографии страны. А от годов Революции («Зеленый кабинет») и гражданской войны («Песни былого») нередко протягивалась в его стихах нить ко временам Великой Отечественной войны. В стихотворении «В дожде, асфальтом отраженный. . .» возникает перед нами блокадный Ленинград — его «немые суровые здания», «мерзлые рытвины панелей», «пролет рухнувшего дома». Но «сумрачный экран воскресшей памяти» не только воскресшает перед нами четкие изображения героических блокадных дней, он — резким наплывом, как в кино, — обращает нашу мысль в будущее. Голос поэта звучит публицистически открыто и страстно:

Нет, то не сон. Всё вправду было.
Живые! Помните о том,
Какая доблестная сила,
Какая воля победила,
Какою правдой мы живем!

(«В дожде, асфальтом отраженный. . .»)

Здесь — средоточие поздней лирики Вс. Рождественского, мудрой, жизнелюбивой, уверенной в завтрашнем дне человечества. Когда он пишет о родине, истории, народе, о памятных торжественных датах, которыми отмечен путь Отечества, в его речи появляется явственная одическая интонация, течение стиха развертывается плавно и величаво. Судьба Вс. Рождественского сложилась так, что, будучи

поэтом сугубо лирического склада, он оказался не только свидетелем, но и активным участником всех крупнейших событий века:

Вручен был мне век достойный.
Должно быть, я был рожден,
Чтоб знать и голод, и войны,
И доблестный шум знамен.

(«Заветное дело жизни. . .»)

Осознание своей причастности к великим и малым событиям века наполняло его одический стих чувством личной гордости и счастья, а чисто художническая способность закреплять «миг» и «век» с помощью живых земных деталей, примет и штрихов конкретной жизни придавала его одописи лиричность и теплоту.

В поздних стихах Вс. Рождественского наряду с поэтическими размышлениями об исторических путях народа, выражавшимися, как сказано, торжественно и величаво, все чаще возникали и варьировались темы, связанные с общими проблемами бытия, то есть с извечными категориями философской лирики. Понимание огромности прожитой жизни, закономерно приближающейся к своему завершению, придавало его философским медитациям характер открытой лирической исповеди. В стихи вошли размышления о краткости жизненных сроков, о горечи разлуки с привычным и любимым земным миром, но эти мотивы в лирике Вс. Рождественского проникнуты той светлой печалью, о которой говорил Пушкин. Недаром одно из его стихотворений начиналось словами:

Я начал день свой пушкинским стихом,
Сверкнувшим мне с развернутой страницы,
И до сих пор он в памяти струится,
Как отраженье клена над прудом.

(«Я начал день свой пушкинским стихом. . .»)

И к своим стихам, оперенным светлой радостью дня, он порою относился, как к птицам, пущенным в синеву. Ему хотелось, чтобы слово, преодолев земную тяжесть вещественного смысла и путы условностей искусства, сделалось вольной частицей великого земного пространства:

Я их пустил на волю. Пусть слова,
Как ласточки, купаются в полете,
Пусть манит их всё выше синева
В скольжении и легком повороте!

(«Я их пустил на волю. Пусть слова. . .»)

Это — извечная мечта любого художника. Слова, родившиеся от соприкосновения с болью и радостью жизни, возвращаются в

жизнь, становятся переживанием, болью и радостью незнакомых душ. Впервые с такой пронзительной силой эту редкостную особенность слова Вс. Рождественский ощутил в годы войны, когда слова становились призывом, утешением или песней. В конце своей жизни он вновь осознал эту счастливую силу слова входить в сердца и жизни людей и таким образом как бы продлевать индивидуально-конечную и горестно-смертную жизнь поэта. Науки Счастья, — склонен думать он теперь, — как некоей универсальной дисциплины, которою можно овладеть и которой можно научить, возможно, не существует. Счастье — великое множество наук, разбросанных по людским судьбам, и потому каждый может научиться лишь своему счастью. Для одного это будет наслаждение радостями жизни, для другого — трудный искус и подвиг. Так сложным, кружным путем, обогащенный знанием и опытом, Вс. Рождественский приходит, казалось бы, к азам своей юношеской науки: счастье в самой жизни. Но теперь это счастье неизбежно включает в себя зерно истинной мудрости, а вместе с ним и толику печали:

Нет истины печальней и банальней,
И спорить с нею как-то не к лицу.
Что было счастьем на дороге дальней,
Становится нам ясно лишь к концу.

*(«„В чем счастье?"
О, как выспренно и странно. . .»)*

Проблемы бытия, встающие в поздней лирике Вс. Рождественского, тесно переплетены с темами творчества. Поэзия, ее смысл, назначение, ее место в жизни людей и, наконец, ее природа, — весь этот круг вопросов всегда волновал Вс. Рождественского. Он был художником ясного и обогащенного большой культурой поэтического разума. В своих многочисленных статьях, выступлениях на творческих семинарах, которыми он неизменно руководил в течение многих лет, Вс. Рождественский выразительно и с необычайной тонкостью раскрывал тайны поэтического ремесла, не страшась подчас обнажить «механику» поэтического образа, но не отнимая при этом у слушателей столь необходимого ощущения тайны — этого невидимого, но, может быть, самого существенного двигателя поэзии. Участники его семинаров могли убедиться — подчас на примере собственных несовершенных стихов, — как велика и безмерно могуча таинственная власть такого невещественного стихового компонента, каким, например, является интонация. По мнению Вс. Рождественского, смысл должен прежде всего найти свой звук, только тогда он обретет плоть. Самый же звук неразгаданным способом связан с сердцебиением и дыханием. Сердце, душа художника претворяют смысл в реальную словесную форму посредством интонации. Вс. Рождественский любил

напомнить о музыкальной стихии, которой жил Блок и которую он так гениально претворил в метельные, вьюжные, ветровые строки «Двенадцати».

Лирическое переживание, овеществленное в трепетном, одухотворенном и точном слове, насыщалось в стихе Вс. Рождественского множеством живых, красочных, пластичных и музыкальных деталей, штрихов и нюансов. В его стихотворениях всегда ярко и многогранно пульсировала живая плоть мира. В советской поэзии Вс. Рождественский — один из самых радостных и солнечных художников. Дело в том, что в огромном многообразии жизненных голосов и звуков, образующих звуко-смысловую сферу мира, всегда живут не истребимые ни войной, ни гладом, ни мором, ни вселенской засухой чистые и нежные, но столь же и сильные, упругие мелодии Жизни. Лирика Вс. Рождественского была чутким резонатором этих бессмертных мелодий, он был их поэтом-аранжировщиком.

Естественно, что его поэтическое слово было чисто и прозрачно. Вс. Рождественского можно назвать традиционалистом — но не в смысле архаичности заимствованных форм, а в том высоком понимании, когда мы говорим о Пушкине, Лермонтове, Некрасове или Блоке. Заслуга Вс. Рождественского перед современным читателем и перед самой поэзией, помимо многих и важных индивидуальных достижений в области мастерства, состоит еще и в том, что он, так сказать, продлил классику в наши дни. В его стихах классическое искусство, обогащенное громадным и сложным опытом XX века, прошедшее через его искусы и ответвления, явилось перед читателем в живой прелести строгих и чистых реальных форм. Вс. Рождественский как бы протянул радужный мост между поэзией XIX века и нашим временем — мост, удивительный не только по своей многоцветной красоте, но и по своей неожиданной прочности.

А. Павловский

НЕМНОГО О СЕБЕ

Мне суждено было родиться на рубеже двух столетий, весной 1895 года, в небольшом городке Царское Село, который ныне носит имя Пушкина. Все здесь говорит о лицейской юности великого поэта, а обширные парки с серебряными прудами и тенистыми аллеями стародавних лип сохранили память о многих светлых именах родной литературы. Статуи, памятники, павильоны свидетельствуют о русской воинской славе, о высоком искусстве русского зодчества XVIII и XIX веков.

Рос я в педагогической семье, которой близки были литературные интересы, в парках окружал меня воздух, которым дышали поэты пушкинской плеяды и последующих поколений, а директором моей гимназии был Иннокентий Анненский. Казалось, сама судьба предопределила мне быть убежденным филологом.

Петербургский университет поддержал эту рано наметившуюся склонность. Наряду с увлечением филологией пробудилось и сознательное отношение к поэзии. В 1915—1916 годах возник студенческий литературно-творческий кружок. Среди моих сверстников и товарищей по этому кружку была Лариса Рейснер, издававшая журнал «Рудин», где я и получил первое литературное крещение. Моими старшими товарищами по журналу были Лев Никулин и Осип Мандельштам, а по Пушкинскому семинару проф. С. А. Венгерова — Юрий Тынянов и другие молодые литературоведы той поры.

В нашем дружеском кружке разгорались жаркие споры, потому что в литературе того времени шла неустанная борьба различных группировок. Мы старались разобраться в той пестрой разноголосице школ и течений, которыми так богата была предреволюционная литературная среда. И, несмотря на свою молодость, уже и тогда чувствовали ущербность, упадочность модернистского искусства, его оторванность от тревог и волнений окружающей нас жизни. Нас привлекал чистый лирический голос Александра Блока, потому что в нем

слышали мы неугасимую честность художника, правду и совесть его сердца.

Конечно, все мы были в той или иной степени затронуты модным в то время эстетизмом, но здоровое чувство действительности уже начало проникать в наши юношеские стихи. И способствовала этому сама жизнь, уже насыщенная атмосферой близких гроз и великих общественных потрясений.

Осенью 1916 года по «общестуденческому призыву» я попал в саперную часть царской армии, но пробыл там сравнительно недолго — после свержения самодержавия вернулся в университет. Это произошло, впрочем, после пребывания в войсках Совета рабочих и солдатских депутатов, ночных патрулирований по городу и стычек с юнкерами Керенского. Возобновившаяся академическая жизнь оказалась не очень длительной — все, что происходило вне ее, было и нужнее и интересней. Я ушел добровольцем в недавно образовавшуюся Красную Армию, где пробыл около пяти лет на скромной должности младшего командира. Участвовал в обороне Петрограда от генерала Юденича, бороздил на тральщике — портовом буксире — серые волны Финского залива, вылавливая мины, разбросанные английскими интервентами.

Это было трудное, но вместе с тем и прекрасное время ни на минуту не угасавших надежд на то, что жизнь, завоеванная в борьбе, должна принести счастье и отдых Советской Родине.

Воинская часть, в которой я служил, входила в состав Петроградского гарнизона, и это давало мне возможность не порывать связи с литературной средой. Вхождение в нее началось много раньше, и тут я обязан поистине счастливому стечению обстоятельств. Еще к первому курсу университета относится мое знакомство и сближение с семьей А. М. Горького, где мне довелось стать студентом-репетитором. Почти два года, проведенные под гостеприимной горьковской кровлей, оказались по сути моим вторым университетом.

Всегда сочувственно относившийся к молодежи, к ее творческим начинаниям, Алексей Максимович привлек меня в 1918 году к сотрудничеству в основанном им издательстве «Всемирная литература». И с этого началась моя работа поэта-переводчика. Здесь же произошло и знакомство с А. А. Блоком, общение с которым считаю одним из самых значительных событий жизни. А годы первых пятилеток стали временем накопления жизненного и творческого опыта. Решающую роль сыграли и странствия по родной стране, когда мне пришлось быть непосредственным свидетелем вдохновенного созидательного труда наконец-то вздохнувшей свободно страны.

Я видел опаленные душным июлем приднепровские степи, где в каменных отрогах вырастала казавшаяся тогда гигантской плотина Днепрогэса; в Лорийском ущелье Армении слышал жаркое дыхание

цехов медеплавильного завода. Два лета провел с геологами Средней Азии в горах Заилийского Алатау. Видел первый товарный состав, прошедший вдоль казахстанских предгорий по рельсам только что построенного Турксиба. Но главным во всех этих незабываемых впечатлениях были люди, с их новым отношением к труду, к братскому многонациональному в нем содружеству.

Один за другим выходили в эти годы мои сборники — лирическая летопись, вдохновленная самой жизнью. В них были и отклики на события общественной значимости, и природа нашего Юга, Средней Азии, и облик родного города на Неве, и имена деятелей русской национальной культуры, и просто лирика сердца.

С первых же дней Великой Отечественной войны я пошел в народное ополчение, и за четыре года, проведенных на Ленинградском, Волховском и Карельском фронтах, пережил едва ли не самый значительный период своего жизненного пути. Много примечательного прошло перед моими глазами. Довелось быть участником прорыва ленинградской блокады, освобождения Новгорода, форсирования реки Свирь. Видел я и победные салюты у стен московского Кремля.

Годы войны, прошедшие для меня сперва в близких окрестностях Ленинграда, затем в волховских и карельских лесах, в межозерье Ладоги и Онеги, вернули мне ощущение родного Севера, которое в юные годы было заслонено яркими впечатлениями южного моря, кавказских гор и казахстанских степей. В стихи вошла наша скромная северная природа — неистощимый источник любви к родной стороне. Эта тема, как и связанные с нею образы нашего исторического прошлого и народного творчества, стала мне особенно близкой в послевоенные годы. Возможно, этому способствовало то, что у меня всегда было пристрастие к миру красок, форм и звучаний, к тому вечно цветущему саду жизни, где человеку нашей эпохи суждено быть неустанным и взыскательным садовником.

Вот то немногое, что я мог бы рассказать о внешнем движении моей жизни. Но у меня, как у каждого поэта, есть и своя внутренняя биография — мои стихи. Они расскажут лучше, чем мог бы это сделать сам автор, как росла его душа, непосредственно отзываясь на то, что ее волновало и вдохновляло, что хотелось передать людям — друзьям и современникам.

Путь был длинным, и написано было немало. Но сейчас, оглядываясь на прошлое, думается мне, что небольшие стихотворные сборники, малыми тиражами выходившие до войны, только намечали основные вехи дальнейшего творческого роста. Зрелость пришла позднее.

За время войны написаны три книги стихов, лично для меня ценных потому, что жизнь окончательно подвела к основной моей теме Родины и Народа. Это — «Голос Родины» (1943), «Ладога»

(1945), «Родные дороги» (1947). За ними последовали «Стихотворения. 1920—1955» — однотомник (1956), «Иволга» (1958), «Русские зори» (1962), «Стихи о Ленинграде» (1963). Детгиз издал книгу «Читая Пушкина» (1959), издательство «Советский писатель» — мемуарную повесть «Страницы жизни» (1962), в которой рассказано о встречах и общении с замечательными людьми, многое определившими в моей литературной судьбе, об А. М. Горьком, А. А. Блоке, С. А. Есенине, А. Н. Толстом.

В эти и предшествующие годы я много занимался стихотворными переводами западноевропейской прогрессивной классики и поэзии наших братских литератур. Написано также несколько либретто к операм, шедшим на сценах музыкальных театров, — в том числе «Декабристы» (муз. Ю. А. Шапорина).

Есть мудрая народная пословица: «Путь дороги не знает». Народ различает понятия «путь» и «дорога». «Путь» для него значительнее, важнее. Он всегда продиктован сердцем и всегда один, меж тем как «дороги» многообразны.

С благодарностью вспоминаю я людей вдохновенного творческого труда, встречавшихся мне за долгие годы, и великие дела моей Советской Родины. Судить о том, как складывался этот путь, мне самому было бы затруднительно. Пусть об этом говорят стихи — лирическое отражение пережитого и передуманного.

⟨1970⟩

СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Осень, слякоть, дождик, холод,
Тучи, лужи, тусклый свет.
Хорошо тому, кто молод,
Кто мечтой еще согрет.

Что ему природы горе,
Если грез душа полна!
Солнце, розы, горы, море,
Песни, счастье и весна!

1913

2

Я тебя давно не понимаю —
Так близка — моя и не моя.
Словно это снится — провожаю,
Горечи и грусти не тая.

Не сказав ни слова ночью вьюжной,
Погляди в глаза — в последний раз!
Всё равно, мы дни делили дружно, —
Что уж думать в этот поздний час!

Вспоминай за дымными годами,
Гордым и безумным не зови, —
Шли мы как с закрытыми глазами
И не берегли своей любви...

1916

3

Туманят ночи грозовые
Мое цыганское житье,
И я люблю, люблю впервые,
О тульская моя Россия,
Сухое золото твое.
За церковью Бориса-Глеба
Краюхой аржаного хлеба
Горячие ползут поля,
И не было синее неба,
Не пахла радостней земля.

1918

4. УТРО

1

Свежеет смятая подушка.
Лежу, не открывая глаз,
А деревянная кукушка
Прокуковала восемь раз.
Уже высоко солнце встало,
Косым лучом пылится день.
Натягиваю одеяло —
Плотней закутываюсь в лень.
Да как уснешь! Навстречу блеску
Ресницы тянутся давно,
И ситцевую занавеску
Колышет свежее окно.

2

Идти густыми коноплями,
Где полдень дышит горячо,
И полотенце с петухами
Привычно кинуть на плечо.
Локтем отодвигать крапиву,
Когда спускаешься к реке,
На берегу нетерпеливо
Одежду сбросить на песке

И, отбежав от частокола,
Пока спины не обожгло,
Своею тяжестью веселой
Разбить холодное стекло!

1918

5. ВЕЧЕРОМ

Последний вечер. На прощанье
Мы на балконе, при свечах,
И вздрагивает вышиванье
В твоих замедленных руках.
Смотрю, как шелковые пчелки
Запутались среди листвы.
Поблескивание иголки,
Похрустывание канвы.
А дальше — смутное шуршанье,
И над каймой цветов и птиц
Твое горячее дыханье
Да искорки из-под ресниц.
Всё медленней, всё несвободней
Ложатся пальцы, никнет взор...
Я знаю — грусть моя сегодня
Ложится в пестрый твой узор.

1918

6

Давно переступают кони,
Луна встает из-за полей,
Но бесконечны на балконе
И шумны проводы гостей.
Со свечками и фонарями
Весь дом выходит на крыльцо,
И за стеклянными дверями
Мелькнуло милое лицо.
В холодный сумрак за колонной,
Пока не увидал никто,
Скользнешь ты девочкой влюбленной,
Накинув второпях пальто.

Порывистый, невольно грубый,
На этих старых ступенях,
Прохладные целую губы
И звезды в ласковых глазах.
И венчик полевой ромашки
(К чему нарядные цветы?)
К моей студенческой фуражке,
Смеясь, прикалываешь ты.

1918

7. ТИХВИН

Погасла люстра, меркнут ложи,
И руку поднял дирижер.
Так упоительно похожий,
Вздохнув, загрохотал собор.
Отеческое било снова
Гудит. Чугунная гроза
Идет и нежно, и сурово.
Я вздрогнул и закрыл глаза.
Так только в детстве и бывало
Под перезвон колоколов:
Кумачный полог, одеяло
Из разноцветных лоскутков.
Окошко настежь, вянут травы,
Толкутся мошки на дворе,
И пыльный полдень плавит главы
За Тихвинкой в монастыре.
Когда-нибудь узлом поэмы
Ты станешь, тихий город мой,
Сам узел Тихвинской системы
Стянувший крепкою рукой.
Здесь, скукой творческою смята,
Душа моя изнемогла.
Здесь Римский-Корсаков когда-то
Запоминал колокола.

1918

8

О садах, согретых звездным светом,
Горестно и трудно мы поем.
Оттого-то на пути земном
Ангелы приставлены к поэтам.

Водят, как слепых или детей,
И, неутомимые скитальцы,
Слышим мы внимательные пальцы
Милых спутников в руке своей.

Ангел неразумный и простой,
Никогда не знающий, что надо,
Верю, будешь ты моей женой,
Легкой девушкой земного сада.

Для земных неповторимых дней
Уходя от звезд и райских клавиш,
В бестолковой комнате моей
Пыль сотрешь и вещи переставишь.

А когда услышишь сквозь века
Мерный ветер этой жизни сирой,
Гибкая, в пылающих руках
Станешь человеческою лирой.

Был я слеп, но сын мой, наконец,
Всё поймет, испепеленный светом,
И про то, чего не знал отец,
Скажет, потому что стал поэтом.

Ненасытен и многоочит
Будет он, как полная лампада.
В этом жизнь. И бог меня простит,
Если говорю не так, как надо!

1919

9

Друг, Вы слышите, друг, как тяжелое сердце мое,
Словно загнанный пес, мокрой шерстью порывисто
дышит.
Мы молчим, а мороз всё крепчает, а руки как лед.
И в бездонном окне только звезды да синие крыши.

Там медведицей белой встает, колыхаясь, луна.
Далеко за становьем бегут прошуршавшие лыжи,
И, должно быть, вот так же у синего в звездах окна
Кто-нибудь о России подумал в прозрачном Париже.

Больше нет у них дома, и долго бродить им в снегу,
Умирать у костров, да в бреду говорить про разлуку.
Я смотрю Вам в глаза, я сказать ничего не могу,
И горячее сердце кладу в Вашу бедную руку.

1919

10. ДИККЕНС

Привычные покинув стены,
Клуб, погруженный в сонный транс,
Пять краснощеких джентльменов,
Кряхтя, влезают в дилижанс.

О члены Пиквикского клуба!
В какую глубину невзгод
Из домика под тенью дуба
Вас любопытство поведет?

Встречая фрак темно-зеленый
Усмешкой плутоватых глаз,
Почтительные почтальоны
Слегка поддерживают вас.

И, доверяя почве зыбкой
Жизнь драгоценную свою,
Зевнув, с блаженною улыбкой
Отходите вы к забытью.

Вспотевшим позволяя шляпам
Сползать на загорелый нос,
Ответствуйте неспешным храпом
Бичу и шороху колес.

Вас из-за пыльной занавески
Разбудит радостный рожок,
Когда на холм в июльском блеске
Взбежит курчавый городок.

О, сколько, сколько добрый гений,
Почтовых погоняя кляч,
Сулит дорожных приключений,
Рассказов, встреч и неудач!

А где-то за конторкой Сити,
Вихрастый, с продранным локтем,
Голодный клерк вам нить событий
Плетет всю ночь, скрипя пером,

Чтоб можно было улыбнуться
И в душном мире торгаша,
Пока свеча плывет на блюдце,
А мыши возятся, шурша.

1919

11

На палубе разбойничьего брига
Лежал я, истомленный лихорадкой,
И пить просил. А белокурый юнга,
Швырнув недопитой бутылкой в чайку,
Легко переступил через меня.

Тяжелый полдень прожигал мне веки,
Я жмурился от блеска желтых досок,
Где быстро высыхала лужа крови,
Которую мы не успели вымыть
И отскоблить обломками ножа.

Неповоротливый и сладко-липкий
Язык заткнул меня, как пробка флягу,
И тщетно я ловил хоть каплю влаги,
Хоть слабое дыхание бананов,
Летящее с Проклятых островов.

Вчера, как выволокли из каюты,
Так и оставили лежать на баке,
Гнилой сухарь сегодня бросил боцман
И сам налил разбавленную виски
В потрескавшуюся мою гортань.

Измученный, я начинаю бредить,
И снится мне, что снег идет в Бретани
И Жан, постукивая деревяшкой,
Плетется в старую каменоломню,
А в церкви слепнет узкое окно.

1919

12

Нет, не Генуя, не Флоренция,
Не высокий, как слава, Рим,
Просто маленькая гостиница,
Где вино ударяет в голову,
Где постели пахнут лавандою,
А над крышей — лиловый дым.

Прогуляем с утра до вечера...
Выйдет Вега — условный знак,
При свечах подадут яичницу,
Мы смеемся, читаем Пушкина,
Отвернется сосед — целуемся,
И по узкой скрипучей лестнице —
Кто скорей — взбежим на чердак.

Платье, солнечное, как облако,
Соскользнуло, и, вся в луне,
Ты прижалась, неутолимая,
Перепутала наши волосы...
Вся любовь моя солнцем выпита,
Пей и ты золотую лень!

Встанет месяц над черепицами,
И тогда мы заснем, и к нам
Постучатся не раньше завтрака.
Дилижанс затрубит на площади,
Ты махнешь платком, дернут лошади.
Снова горы и виноградники...
Здесь сегодня, а завтра там...

1919

13. МАНОН ЛЕСКО

Легкомысленности милый гений,
Как с тобою дышится легко!
Без измен, без нежных приключений
Кем бы ты была, Манон Леско?

Бабочка, ты вся в непостоянстве,
«Завтра» — вот единый твой закон,
Роскоши, тюрьмы, почтовых странствий
Пестрый и неверный «фараон».

О, как трогательно ты любила!
Сердце на холодном острие
Не тебе ль пылавшим подносила
Шпага кавалера де Грие?

И от поцелуя к поцелую
Розой ты тянулась, горяча.
Вот и я люблю тебя такую —
С родинкой у левого плеча.

Как не зачитаться вечерами,
Если в душном воздухе теплиц
Пахнет старомодными духами
С этих легкомысленных страниц!

1920

14

О, прорезь глаз наискосок,
И легкость шубки серебристой,
И бархат капора, и льдистый,
Мутнее золота, зрачок!

Как пчелы, губы на ветру
До капли выпьют вдохновенье.
Я и улыбкой не сотру
Их горькое напечатленье.

Всё буду помнить Летний сад
И вазу, гордую, как дева,
На красном цоколе, налево
От входа, где орлы парят.

1920

15

Один, совсем один, за письменным столом
Над неоконченным я думаю стихом.

Он вычертил зигзаг по снеговому полю,
Уже пропитанный чернилами и болью,

И, страстной горечью над буквами дыша,
Торопит их разбег бескрылая душа.

Слова измучены пророческою жаждой,
И тот, кто с ними был в пустыне хоть однажды,

Сам обречен тебе, неугасимый свет
Таинственных имен и ласковых планет.

1920

16. «СЕВИЛЬСКИЙ ЦИРУЛЬНИК»

Не болтовня заезжего фигляра,
Не тонкий всплеск влюбленного весла, —
Дразня цикад, безумствует гитара,
Как Фигаро, гитара весела;
Стучит, звенит от резкого удара,
И даже страсть ей струн не порвала.

Вскипай речитативами Россини,
О музыка, стремительней вина!
И кьянти ты, и воздух темно-синий
Из черного с серебряным окна.
Ревнуя, как не думать о Розине
И как не обмануть опекуна!

Смятенным пальцам уж не взять диеза. . .
О, глупый, недогадливый, смотри:
У розового светляка — портшеза
Качаются на палках фонари.
От легкого, веселого пореза
Секстиной сердце бьется до зари.

1920

17. ПЕСЕНКА ПРО ЗЕЛЕНЫЙ ЦВЕТ

Я люблю зеленый цвет,
Веселее цвета нет.

Цвет вагонов и полей,
Глаз неверных и морей,

Рельс в осеннем серебре,
Семафоров на заре.

Что свежей и зеленей
Непримятых зеленей?

Помню камень изумруд,
Помню плащ твой, Робин Гуд,

Зимний сад, окно, сафьян,
Кринолин и доломан.

1921

18. ГАТЧИНА

Вот здесь, перед дворцом, немало лет назад
В двунадесятый день сам император Павел
На мокром гравии солдат своих расставил
И «лично принимать изволил» плац-парад.

Глаза навыкате, остекленевший взгляд. . .
Вновь бронзовый маньяк надменно трость отставил,
Но нет ни гауптвахт, ни вывешенных правил —
Лишь Фофанов бредет в пустынный Приорат.

Я помню, как-то мне поэта показали
За мокрым столиком в буфете, на вокзале. . .
Как скучен, жалок он в примятом котелке!

По паркам шел октябрь. И в ясности морозной
Прислушивался он, вертя листок в руке,
К дрожанью блюдечек и скуке паровозной.

⟨1921⟩

19

В калитку памяти как ни стучи,
Ни слуг не дозовешься, ни хозяев,
Пес по ступенькам не сбежит, залаяв,
И на балкон не вынесут свечи.

Прости, осиротелое жилье!
Горячих дней я расточил немало,
И горько мне, что, бедное мое,
Ты и меня у двери не узнало. . .

1921

20

Н. С. Тихонову

Был полон воздух вспышек искровых,
Бежали дни — товарные вагоны,
Летели дни. В неистовстве боев,
В изодранной шинели и обмотках
Мужала Родина и песней-вьюгой
Кружила по истоптанным полям.

Бежали дни. . . Январская заря,
Как теплый дым, бродила по избушке,
И, валенками уходя в сугроб,
Мы умывались придорожным снегом,
Пока огонь завертывал бересту
На вылизанном гарью очаге.

Стучат часы. Шуршит газетой мышь.
«Ну что ж! Пора!» — мне говорит товарищ,
Хороший, беспокойный человек
С веселым ртом, с квадратным подбородком,
С ладонями шершавее каната,
С висками, обожженными войной.

Опять с бумагой шепчется перо,
Бегут неостывающие строки
Волнений, дум. А та, с которой жизнь
Как звездный ветер, умными руками,
Склонясь к огню, перебирает пряжу —
Прекрасный шелк обыкновенных дней.

1921

21

Я тебе эту песню задумал на палец надеть.
Урони, если хочешь, в прозрачной стремнине столетий.
Над кольцом золотым опускается звездная сеть,
Золотому кольцу не уйти из серебряной сети.

И последний поэт улыбнется последней звезде,
Не услышит пастух над руинами ветра ночного...
Наклонись — и увидишь в тяжелой, как вечность, воде
На песке золотистом холодное, чистое слово.

1921

22

В те времена дворянских привилегий
Уже не уважали санкюлоты.
Какие-то сапожники и воры
Прикладом раздробили двери спальни
И увезли меня в Консьержери.

Для двадцатидвухлетнего повесы
Невыгодно знакомство с гильотиной,
И я уже припомнил «Pater noster», [1]
Но дочь тюремщика за пять червонцев
И поцелуй мне уронила ключ.

Как провезли друзья через заставу,
Запрятанного в кирасирском сене,
В полубреду, — рассказывать не стоит.
А штык национального гвардейца
Едва не оцарапал мне щеки.

Купцом, ветеринаром и аббатом
Я странствовал, ниспровергал в тавернах
Высокомерие Луи Капета,
Пил за республику, как друг Конвента
(Все помнили тогда о Мирабо).

---

[1] «Отче наш» (лат.). — *Ред.*

Хотел с попутчиком бежать в Вандею,
Но мне претит мятежное бесчинство,
Я предпочел испанскую границу,
Где можно подкупить контрабандистов
И миновать кордонные посты.

И вот однажды, повстречав карету...
(Что увлекательнее приключений,
Которые читаешь, словно в книге?)
Увидел я... Благодарю вас, внучка,
Какое превосходное вино!

1921

23. ПАМЯТИ АЛ. БЛОКА

(7 августа 1921)

Обернулась жизнь твоя цыганкою,
А в ее мучительных зрачках
Степь, закат да с горькою тальянкою
Поезда на запасных путях.

Ты глазами, словно осень, ясными
Пьешь Россию в первый раз такой —
С тройкой, с колокольцами напрасными,
С безысходной девичьей тоской.

В пламенное наше воскресение,
В снежный вихрь — за голенищем нож —
На высокое самосожжение
Ты за ней, красавицей, пойдешь.

Довелось ей быть твоей подругою,
Роковою ночью, без креста,
В первый раз хмельной крещенской вьюгою
Навсегда поцеловать в уста...

Трех свечей глаза мутно-зеленые,
Дождь в окне, и острые, углом,
Вижу плечи — крылья преломленные —
Под измятым черным сюртуком.

Спи, поэт! Колокола да вороны
Молчаливый холм твой стерегут,
От него на все четыре стороны
Русские дороженьки бегут.

Не попам за душною обеднею
Лебедей закатных отпевать. . .
Был ты нашей песнею последнею,
Лучшей песней, что певала Мать.

1921

24—27. *В ЗИМНЕМ ПАРКЕ*

(1916)

1

Через Красные ворота я пройду
Чуть протоптанной тропинкою к пруду.

Спят богини, охраняющие сад,
В мерзлых досках заколоченные, спят.

Сумрак плавает в деревьях. Снег идет.
На пруду, за «Эрмитажем», поворот.

Чутко слушая поскрипыванье лыж,
Пахнет елкою и снегом эта тишь

И плывет над отраженною звездой
В темной проруби с качнувшейся водой.

1921

2

Бросая к небу колкий иней
И стряхивая белый хмель,
Шатаясь, в сумрак мутно-синий
Брела усталая метель.

В полукольце колонн забыта,
Куда тропа еще тиха,

Покорно стыла Афродита,
Раскинув снежные меха.

И мраморная грудь богини
Приподнималась горячо,
Но пчелы северной пустыни
Кололи девичье плечо.

А песни пьяного Борея,
Взмывая, падали опять,
Ни пощадить ее не смея,
Ни сразу сердце разорвать.

⟨1916⟩

3

Если колкой вьюгой, ветром встречным
Дрогнувшую память обожгло,
Хоть во сне, хоть мальчиком беспечным
Возврати мне Царское Село!

Бронзовый мечтатель за Лицеем
Посмотрел сквозь падающий снег,
Ветер заклубился по аллеям,
Звонких лыж опередив разбег.

И бегу я в лунный дым по следу
Под горбатым мостиком, туда,
Где над черным лебедем и Ледой
Дрогнула зеленая звезда.

Не вздохнуть косматым, мутным светом, —
Это звезды по снегу текут,
Это за турецким минаретом
В снежной шубе разметался пруд.

Вот твой теплый, твой пушистый голос
Издали зовет — вперегонки!
Вот и варежка у лыжных полос
Бережет всю теплоту руки.

Дальше, дальше! .. Только б не проснуться,
Только бы успеть — скорей! скорей! —
Губ ее снежинками коснуться,
Песнею растаять вместе с ней!

Разве ты не можешь, Вдохновенье,
Легкокрылой бабочки крыло,
Хоть во сне, хоть на одно мгновенье
Возвратить мне Царское Село!

1922

4

Сквозь падающий снег над будкой с инвалидом
Согнул бессмертный лук чугунный Кифаред.
О, Царское Село, великолепный бред,
Который некогда был ведом аонидам!

Рожденный в сих садах, я древних тайн не выдам.
(Умолкнул голос муз, и Анненского нет. . .)
Я только и могу, как строгий тот поэт,
На звезды посмотреть и «всё простить обидам».

Воспоминаньями и рифмами томим,
Над круглым озером метется лунный дым,
В лиловых сумерках уже сквозит аллея,

И вьюга шепчет мне сквозь легкий лыжный свист,
О чем задумался, отбросив Апулея,
На бронзовой скамье кудрявый лиценст.

Декабрь 1921

28

Она ни петь, ни плакать не умела,
Она как птица легкая жила,
И, словно птица, маленькое тело,
Вздохнув, моим объятьям отдала.

Но в горький час блаженного бессилья,
Когда тела и души сплетены,
Я чувствовал, как прорастают крылья
И звездный холод льется вдоль спины.

Уже дыша предчувствием разлуки,
В певучем, колыхнувшемся саду,
Я в милые беспомощные руки
Всю жизнь мою, как яблоко, кладу.

1922

29

Такая мне нравится тишина:
Становится комната слышна,
Часы под подушкой как сверчок,
Рассвет ложится на потолок,
Сон отступает, не спеша,
И возвратилась ко мне душа.

«Где ты блуждала? Скоро день.
Прежнее платье свое надень,
Взором своим меня коснись,
Где отразились лазурь и высь,
И, начиная наш общий путь,
Сердце опять вложи мне в грудь!

Всё, что ты видела, где была,
Ты мне расскажешь, как луч светла.
Что я запомню, а что и нет, —
Но пусть останется легкий след
Прикосновения губ твоих
Там, где услышал тебя мой стих».

1922

30

Прости меня и улыбнись, прощая.
Ты понимаешь, больше мне не петь!
Ты понимаешь, мудрая, простая,
Она уже успела улететь.

Вдогонку ей я посылаю стрелы,
И вместе с сердцем рвется тетива.
О, посмотри! — ты этого хотела —
Так умирают звезды и слова.

Когда-нибудь под незакатным небом,
В уже простой, как детский сон, стране
Я назову своей водой и хлебом
Твой горький рот, который снится мне.

1922

31

Луна или волчица
Выходит за гумно?

Что вспомнилось, что снится —
Не всё ли ей равно?

Зачем она глядится
В замерзшее окно?

Какой сегодня ветер
На пепелище дня!

Живешь ли ты на свете
И помнишь ли меня?

Я знаю — искры эти
От твоего огня!

1922

32. БАЛЛАДА ПАМЯТИ

Кто ты? Мохнатое имя.
Кто ты? Шиповник, пчела?
Стой над губами моими, —
Я умираю от жажды.
Дважды рожденная, дважды
Ты меня братом звала.

Помнишь, священного дуба
Широкошумный навес,
Дом наш, сколоченный грубо,
Жертвенник, желтые волны,
Трубное ржанье и полный
Легионерами лес?

Желтые готские косы
Многих сводили с ума.
Стрелы, визгливые осы,
Рвали клубящийся воздух. . .
Как мы бежали! А звезды
Сыпала с неба зима.

Как тебя звали — не помню.
Я тебя на́звал женой.
Спустимся в каменоломню,
Там перевяжешь мне рану,
Там я стонать перестану,
Там ты заснешь надо мной.

Да, ты была мне подругой, —
Ночи сгорали дотла, —
Лирой и веткой упругой,
Легкой подругой была.
Если же я умираю,
Злой лихорадкой томим,
Песню тебе завещаю,
Ненависть, стрелы и Рим.

В городе северной ночи —
Сколько столетий прошло? —
Вьюге ты смотришься в очи.
Как же сквозь сумрак белесый
Эти мохнатые косы
Римское солнце нашло?

Да, мы не стали другими.
Нам не дано забывать.
Нехристианское имя
Ртом, пересохшим от жажды,
Дважды рожденное, дважды
Мне суждено повторять!

⟨1923⟩

33

Мы с тобой когда-нибудь поедем
В самый синий, самый звездный край,
О котором видим сны и бредим
Или вспоминаем невзначай.

В легкую, прозрачную погоду,
После прошумевшего дождя
Белому, большому пароходу
Сладко будет вздрогнуть, отходя.

На руках я снес тебя в каюту,
Поцелуй мне волосы обжег.
Море спит, но каждую минуту
Палуба уходит из-под ног.

Милая, сухую корку хлеба
Делим мы с тобою пополам,
Но какое золотое небо
Будет сниться этой ночью нам!

⟨1923⟩

34

Видишь звездную карту вот здесь у меня на ладони?
Этот розовый узел веселой удачей завязан,
Оттого-то мне снится резная решетка, и кони,
И серебряный трепет в кудрях монастырского вяза.

Словно воск, что наколот на кончик масонской иголки,
Тает вся моя жизнь, и за облаком душной разлуки,
О, как пойманный ветер клубится в разорванном шелке,
Как легко твое тело, как злы окрыленные руки!

⟨1923⟩

35

...когда весенний первый гром...

Обрывай ромашку. Всё на свете просто.
Стол, накрытый к чаю. Кресло и окно.
Чокнемся за радость! Я иного тоста
Не могу придумать. Выпьем за вино!

Сколько душной ночи в шелестящем шелке!
Солнцу из-за тучи улыбнуться лень.
И летят косые звонкие иголки,
Осыпает счастье белая сирень.

За бегущим садом вдруг прогрохотало.
Хлопнуло окошко, погасив свечу.
Соскользнуло платье. Как ты вся устала,
Как ты вся пылаешь! Я тебя хочу.

Горячи сквозь платье тонкие колени,
Ты течешь по жилам, золотой мускат!
Пей меня, как солнце пьет поток весенний,
Пей, не отрываясь, прошумевший сад.

Что нам пляс жемчужин по балконной крыше!
Грудь твоя жасмином пахнет под дождем.
А гроза проходит. Капли реже, тише. . .
Радуга упала за кирпичный дом.

Чуть трепещут плечи. Настежь двери, окна.
Захлебнулся маем сад вечеровой.
И проносит ветер сизые волокна,
И в пруду янтарном мы дрожим с тобой.

⟨1923⟩

36

Ты лети, рябина, на гранитный цоколь.
В розовой беседке — помнишь, за прудом? —
Нет и половины разноцветных стекол,
В самом сердце тополь шепчется с дождем.

«Милый мой, — сказала ты еще недавно, —
Вот уже и осень! Значит, мне пора. . .»
Что же, я не спорю! Плачет Ярославна,
На стене в Путивле, плачет до утра.

Завтра поле, тучи, сонные вагоны,
Ждешь и не дождешься третьего звонка.
Пар ложится ватой под откос зеленый,
Ветер рвет в окошке уголок платка.

Грудь мою пронзили дождевые стрелы,
Серая повисла над полями сеть.
По размытым шпалам, над березой белой
Тучей мне растаять, песней облететь.

Может быть, ты вспомнишь, легкая подруга,
В час, когда не станет ни любви, ни сил:
— Был он словно ветер скошенного луга,
Словно роща солнце, он меня любил.

⟨1923⟩

37

Сердце бы отдал мелькнувшему мигу
Да не вернешь его... Значит, пора
Желтые листья закладывать в книгу,
Похолодевшие пить вечера.

Мы собрались за дымящимся чаем.
Строфы и листья на скатерть летят,
Розовый серп за кирпичным сараем
Встал, озаряя притихнувший сад.

Спелой антоновкой и листопадом,
Липовым медом, парным молоком
Дни эти пахнут над домом и садом,
Где мы вторую неделю живем.

Как же тебе не смеяться от счастья,
Если ты музой своею зовешь
Легкую девушку в ситцевом платье,
Смуглую, словно созревшая рожь!

⟨1923⟩

38. МОЛОДОСТЬ

Победителям больше не надо
На закате своем вспоминать
Кудри яблонь отцовского сада
И озер золотистую гладь.

Им не надо уж петь о стихии,
Отшумевшей давно в стороне,
Где паслись облака грозовые
И черемуха кланялась мне.

Но тебе, мой наследник счастливый,
Позабывший тревожные дни,
Расскажу я про дождик и нивы,
Про сугробы и волчьи огни.

Расскажу о великом пожаре,
Разорвавшем столетий межу,
О винтовке, о верной гитаре,
О кумачной звезде расскажу.

Этот дождь, успокоен и редок,
Станет в памяти ливнем опять,
И потянет тебя напоследок
Вспомнить ту, кто и муза, и мать.

Опаленные счастьем и гневом,
Как деревья в шумящей груди,
Мы свой век раскачали напевом
И летели — сердец впереди.

Выпрямляй же и гордо и смело
Многошумную думу свою, —
Для тебя эта молодость пела
И костром догорала в бою!

Между 1921 и 1923

39

Ник. Клюеву

Глубока тропа медвежья,
Солью блещет снежный плат,
Ты пришел из-за Онежья
В мой гранитный Китеж-град.

Видишь, как живем мы тихо,
В снежной шубе город наш.
Ночью бурая волчиха
Охраняет Эрмитаж.

Белый шпиль в мохнатых звездах
Лосьи трогает рога.
Ледяной, чугунный воздух
Налит в наши берега.

Между 1921 и 1923

40. В ТЕНЕТАХ ВРЕМЕН

Не нам в Тинтажеле услышать герольда,
Развалины башен и тучи в крови.
Мы смерть свою на море пили, Изольда,
А пенная память пьянее любви.

Усыпали звезды бессонное ложе,
На душные розы ты медлишь возлечь.
Изольда, Изольда, меж нами положен
Запрет Корнуэла — пылающий меч.

Зачем ты металась и песней горела?
Жестокая сердце пронзила стрела.
Я к сердцу прижал лебединое тело,
И звездная буря меня понесла.

Мы столько столетий скитаемся по льду
Сквозь снежную пыль и клубящийся сон,
Но кто бы узнал королеву Изольду
В камнях и парче византийских икон?

Ты смотришь сквозь темень в тяжелом соборе,
Как слезы твои, оплывает свеча,
А в сердце стучится косматое море,
И царский багрец упадает с плеча.

Мучительной песне я верен отныне,
Она заблудилась в тенетах времен.
Недолго тебе, неутешной княгине,
Кукушкою клясть половецкий полон.

Туда, где нет больше ни мук, ни разлуки,
Где память творит нескончаемый суд,
Ты тянешь свои обреченные руки,
Пока нас широкие сани несут.

Березы и елки сбегают навстречу,
Шарахнулся заяц, мелькнувший едва,
Врубаются сабли в гортанную сечу,
И ханский фирман разрывает Москва.

Столетья бегут, и мужает Россия,
Далёко петровские стружки летят.
Октябрьские зори восходят впервые,
И новые звезды сверкают, как сад.

А в этом саду наливается слово,
Качается Сирин в изгибах ветвей,
И всходит, как солнце для мира слепого,
Бессмертное сердце Отчизны моей!

1923

41

Широко раскинув руки
И глаза полузакрыв,
Слышишь ты иные звуки,
Видишь город и залив.

Облака возводит зодчий,
Тихо бродит вал морской...
Серебристый невод ночи,
Пенье сфер и голос мой.

Огонек сухой и сирый,
Страстных дум летучий прах,
Тетива нетленной лиры
В смертных пламенных руках.

На ветру, ночном и диком,
Тростником сгораешь ты
И венчаешь легким вскриком
Высоту и срыв мечты,

Чтоб в зрачках светло-зеленых,
Где обрывки сна скользят,
Видеть радугу на склонах,
Дымный пруд и свежий сад.

Чтоб, дыша светло и жадно
Счастьем, выпитым до дна,
Протянуть, как Ариадна,
Сердцу нить веретена.

1923

42

Летят дожди, и медлит их коснуться
Косых лучей холодная рука,
А солнце уж не в силах улыбнуться
Сквозь остывающие облака.

Как хороши желтеющие клены!
Накинь платок. Через вечерний сад
Посмотрим на бегущие вагоны
И за рекой протянутый закат.

За каждый лист, летящий нам на плечи,
За первый лед, за песню до конца,
За тихий час у говорливой печи
Так благодарны осени сердца!

И если ты забыть уже не в силах,
Ты можешь улыбнуться и простить,
Напрасных встреч, томительных и милых,
Наш листопад — последний, может быть...

1923

43

Береза, дерево любимое,
Береза, милая сестра,
Тебя из розового дыма я
Над тинной заводью с купавою,
Серебряную и кудрявую,
Увидел с поезда вчера...

Но ты дрожала вся от холода
В тумане, плывшем по реке,
И всё, что в песне было молодо,
Вдруг стало облаком пылающим
Над этим полем, пролетающим
С костром пастушьим вдалеке.

И вспомнил я крыльцо покатое,
Жасмин и гнезда над окном,
На взгорье дерево косматое,
Колодец, черную смородину...
Я вспомнил юность, вспомнил родину
Под легким северным дождем.

Береза, девушкой зеленою
Шумя в родимой стороне,
Ты, заглянув в окно вагонное,
Качнула кос осенних золото
И так вся улыбнулась молодо,
Что стало весело и мне.

1923

44

Друг, сегодня ветер в море,
Тополя идут на месте,
И скупые капли ногтем
Чуть царапают стекло.
Друг, сегодня в каждом доме
Медлит стрелка часовая,
Жены ставят на окошко
Обгоревшую свечу.

И, закрыв глаза, на вахте
Люди думают о доме,
О зеленом абажуре,
Чашке чая и жене.
Но распаханное море
Зарывает пароходы,
А деревья и поэты
Дышат ритмом мировым.

У меня в такие ночи
Сердце — тяжкий мокрый тополь.
Я качаю в шумной кроне
Нерожденные стихи.
Я хочу, чтоб там, далёко,
В лунном доме под каштаном
Ты вздохнула и проснулась,
Неизвестно отчего.

1923
Балтика

45. МАЙ

Ты не любишь. Ты не веришь тайне.
Говоришь, что все сонеты — бред.
А меж тем во Франкфурте-на-Майне
Я уже прославленный поэт.

Ах, окно твое закрыто шторой,
Но мечте моей не прекословь.
Я пишу трагедию, в которой
В пятом акте торжествует кровь.

И тогда... но мне мешает что-то,
Плачу я и не могу молчать.
Нет, ты вскрикнешь, нежная Шарлотта,
Разломив сургучную печать.

Будешь биться и рыдать, но поздно.
Крепко сжат остывший пистолет.
— Что за вздор! Да Вы в меня серьезно
Влюблены, мой дорогой поэт?

1923

46. НАВЗИКАЯ

Юную стройновысокую пальму
я видел однажды...

Одиссея, песнь VI

«Далеко разрушенная Троя,
Сорван парус, сломана ладья.
Из когда-то славного героя
Стал скитальцем бесприютным я.

Ни звезды, ни путеводных знаков...
Нереида, дай мне счастье сна», —
И на отмель острова феаков
Одиссея вынесла волна.

Он очнулся. День идет к закату,
Город скрыт за рощею олив.
Бедный парус натянул заплату,
Розовый морщинится залив.

Тополя бормочут, засыпая,
И сидит на стынущем песке
Тонкая царевна Навзикая
С позабытой ракушкой в руке.

«О, царевна! Узких щек багрянец —
Как шиповник родины моей,
Сядь ко мне. Я только чужестранец,
Потерявший дом свой, Одиссей.

Грудь и плечи, тонкие такие,
Та же страстная судьба моя,
Погляди же, девушка, впервые
В ту страну, откуда родом я.

Там на виноградники Итаки
Смотрит беспокойная луна.
Белый дом мой обступили маки,
На пороге ждет меня жена.

Но, как встарь, неумолимы боги,
Долго мне скитаться суждено.
Отчего ж сейчас — на полдороге —
Сердцу стало дивно и темно?

Я хотел бы в маленькие руки
Положить его — и не могу.
Ты, как пальма, снилась мне в разлуке,
Пальма на высоком берегу.

Не смотри мучительно и гневно,
Этот миг я выпил до конца.
Я смолкаю. Проводи, царевна,
Чужестранца в мирный дом отца».

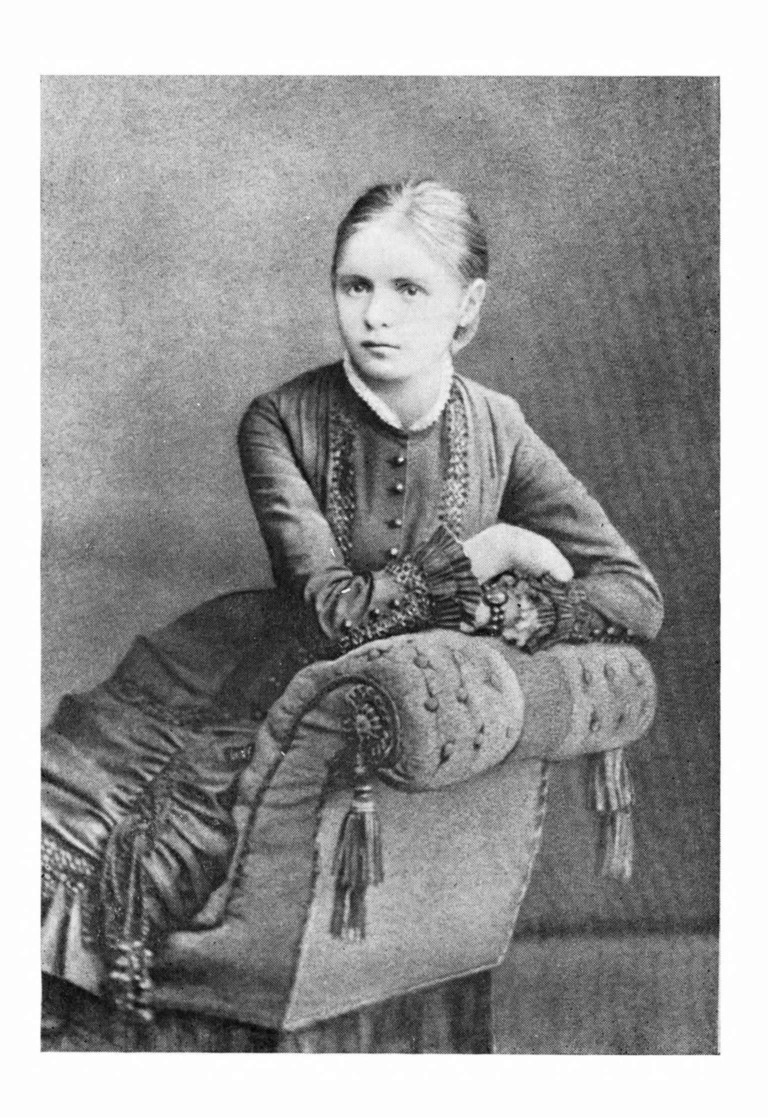
1924

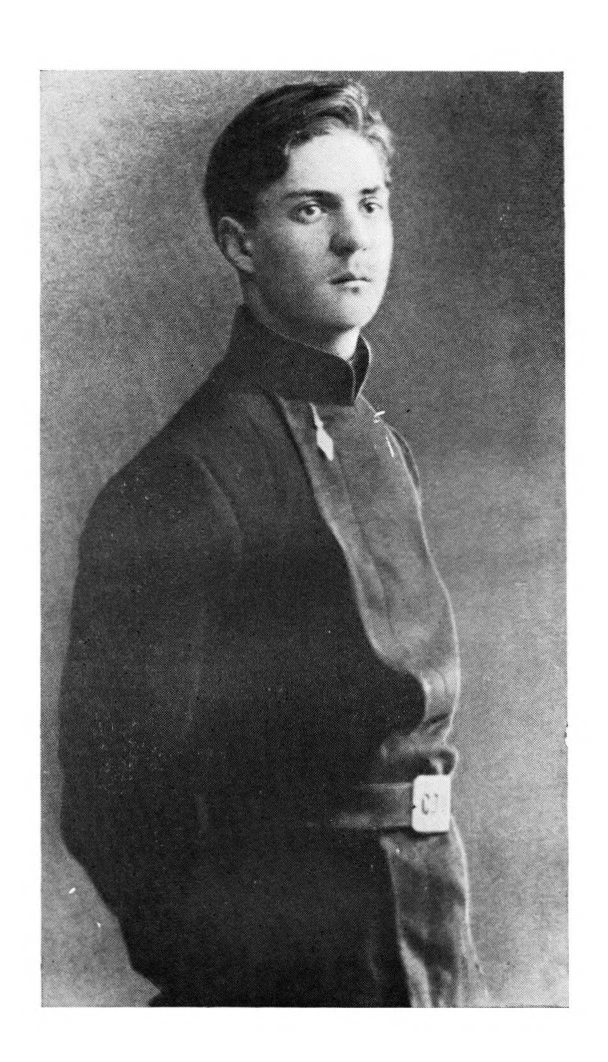
47

Много ль сердцу надо?
Горы и кусты,
Да тропинка к морю,
Где стояла ты!

Та тропа была мне
Всех других милей.
Осыпались камни
Под ногой твоей.

Пробегали тени,
Плыли облака,
Шла волна — вся в пене —
К нам издалека.

И казалось море
Черным псом у ног,
Что ложится мордой
На ночной песок...

1924

48

Жизнь моя — мучительное право
В каждом слове закалять металл.
Слава? Да, но что такое слава?
Никогда я славы не искал.

Верный сын тревоги и удачи,
Непутевый пасынок земли,
Словно солнце, тратил я без сдачи
Самые веселые рубли.

Ты скупа. Люблю тебя такую.
Видишь, в вечереющем саду
Жизнь свою, как девушку слепую,
По камням я за руку веду.

Тем, кто верит в счастье и приметы,
Оставляю лиру в горький час,
Чтобы снова на земле поэты
Лучше всех обманывали нас.

1924

49

Придет мой час — молчать землею,
Цвести, как яблоня цветет,
И наливать янтарный плод...
Я лучшей участи не стою.

Я был прохожим, был костром,
Нет, не костром — лишь тенью дыма.
И жизнь моя неповторима,
И весь я в голосе моем.

1924

50

Проходят и волны, и миги
Земного закатного дня...
Как грустно мне думать, что книги
Останутся после меня!

По строчкам скользя равнодушно,
Когда бы понять вы могли,
Что было мне горько, и душно,
И радостно в рощах земли.

Но женщина, с легкой улыбкой
На выцветший глядя портрет,
Простой назовет меня скрипкой
В симфонии праздничных лет

И скажет: «Босою девчонкой,
За синим скользя мотыльком,
Я песней вбежала бы звонкой
В его вечереющий дом!»

На миг задержались ресницы,
По тающим буквам скользя.
Живым я гляжу со страницы —
Вот только ответить нельзя.

Что слава! О глупые дети,
Как клен осыпается стих.
Всего мне дороже на свете
Шуршание листьев моих...

1924

51

О, если правда, что в ночи...
А. П.

Рука с рукой по тонкому лучу
К надзвездным рощам, сердцем снова дети,
Пойдем и мы... Ты видишь, я хочу
Всё взять с собой, чем так пылал на свете.

Другой любви приснятся наши сны,
Но ей иной захочется печали,
А мы с тобой на мутный снег весны,
На память тела всё бы променяли. . .

Пусть нет ни молодости наяву,
Ни листьев, осыпающих ступени, —
Сюда, сюда, на дикую Неву,
Свободные и горестные тени!

1924

52

За дороги твои, за березы,
За ворон и косые дожди,
За нежданные сердцу морозы
И за розовый день впереди,
За безжалостность солнца земного,
За бессонную ночь у огня, —
На, возьми мое сердце и слово —
Всё, что лучшего есть у меня!

1924

53. СЕВАСТОПОЛЬ МОЕЙ ЮНОСТИ

Белый камень. Голубое море,
Всюду море, где ты ни пойдешь.
На стеклянной двери, на заборе,
На листве — слепительная дрожь.

Здесь знавал я каждый пыльный тополь,
Переулок, спуск или овраг, —
Давний брат мой, гулкий Севастополь,
Синий с белым, как старинный флаг.

Вход на рейд. Буек в волнах и вышка.
Вот уж близко. Пена за кормой.
Посмотри — ныряющий мальчишка
Расплылся медузой под водой.

Отставной матрос зовет, смеется,
Вертит желтой дыней: «Заходи!»
Запевают песню краснофлотцы
С бронзовым загаром на груди.

Там, где руки дерево простерло,
Где за стойкой синие глаза,
Вместе с сердцем обжигает горло
Ледяная мутная «буза».

А когда идешь приморским садом,
Кажется, что в воздухе сухом
Весь мой город пахнет виноградом
И одесским крепким табаком.

Если дождик барабанит в крышу
В беспокойной северной тоске,
Книгу выпустив из рук, я слышу,
Слышу эту соль на языке.

И тогда мне хочется уступки
Самым дерзким замыслам своим.
Что найду я лучше белой шлюпки
С мачтою и кливером тугим?

Здесь на стеклах в дождевом узоре
Я морскую карту узнаю.
Стоит мне закрыть глаза — и море
Сразу входит в комнату мою.

Хорошо, что в море нет покоя,
Хорошо, что в самый трудный год,
Где б я ни был, синее, живое,
Старый друг — оно за мной придет!

‹1925›

54. К ЛИРЕ

Жизнь была обманчивой и гибкой,
Гордой и строптивой — как и ты,
Но умел я прятать за улыбкой
Горькое волнение мечты.

Лира, Лира! Слишком по-земному
Я тобой, любовницей, горел,
Чтоб легко отдать тебя другому
Для отравленных перстов и стрел.

Разве я не знал, как в дни разлуки
Ты была умна и хороша?
Для тебя в пылающие руки
Перешла бродячая душа.

И, в воловьи жилы заплетая
Всех лесов разбуженную дрожь,
Ты со мной — судьба твоя такая, —
Как ночное дерево, поешь.

Никогда для ложного пристрастья
Я тебя не выпускал из рук.
И служил, как мог, Науке Счастья —
Самой трудной из земных наук.

(1925)

55

Только вспомню овраг и березы,
Да в кустах заколоченный дом,
Ледяные, как олово, слезы
Оседают на слове моем.

Оттого, что без счастья и боли
Я смотреть на деревья не мог,
Мне хотелось бы ивою в поле
Вырастать у размытых дорог.

Я бы пел — и печально и строго —
Многошумной своей головой,
Я бы пел, чтоб дышать хоть немного
Вместе с вами тревогой земной.

Ведь в разлуке еще непокорней
Захотят, задыхаясь в пыли,
Обнимать узловатые корни
Невеселое сердце земли.

Зима 1925

56. ПАВЛОВСК

Помнишь маленьких калиток скрипы,
Колдовской шиповник там и тут?
Мне уже не спится. Это липы
В переулках Павловска цветут.

Мне уже не спится. Это ели
Стерегут кого-то за прудом...
Хочешь, мы на будущей неделе
Переедем в прошлогодний дом?

Он зарос жасмином и сиренью,
Окунул в боярышник лицо,
Круглый клен разломанною тенью
По ступенькам всходит на крыльцо.

И никак не мог бы отыскать я
Той крутой тропинки под овраг,
Где мелькало голубое платье,
Мотыльком раскачивая мак.

Вот и парк! Как он тенист в июле,
Как он сетью солнца оплетен!
Круглый Портик Дружбы — не ему ли
На ладонь поставил Камерон?

Помнишь давних дней тревоги, встречи?
Посмотри — шумит тебе в ответ
Старый друг наш, дуб широкоплечий,
И до нас проживший столько лет!

Вечна жизнь, и вечны эти розы.
Мы уйдем, но тем же будет сад,
Где трепещут в воздухе стрекозы
И березы ласково шумят.

Оба землю любим мы родную,
И просить мне надо об одном:
Хоть былинкой вырасти хочу я
Здесь, под старым дубом над прудом!

Может быть, отсюда через двести,
Через триста лет увижу я,
Как под эти липы с песней вместе
Возвратилась молодость моя.

1925

57

Земное сердце не устанет
Простому счастью биться в лад.
Когда и нас с тобой не станет,
Его другие повторят.

Но ты, мое очарованье,
Моя морозная заря,
Припомнишь позднее свиданье
В зеленых звездах января.

Закрой меня своею шалью,
Закутай сердце в бахрому.
С какой взмывающей печалью
Тебя, голубка, обниму!

Долей вино тревогой старой.
В последний раз в любви земной
Я стану верною гитарой,
А ты натянутой струной.

Мороз крепчает. Гаснет пламя.
Проходят годы. Мы одни.
Остановись хоть ты над нами,
Мохнатый месяц, в эти дни!

1925

58

Было это небо как морская карта:
Желтый шелк сегодня, пепельный вчера.
Знаешь, в Петербурге, на исходе марта,
Только и бывали эти вечера.

Высоко стояла розовая льдинка,
Словно ломтик дыни в янтаре вина.
Это нам с тобою поклонился Глинка,
Пушкин улыбнулся из того окна.

Солнечную память узелком завяжем,
Никому не скажем, встанем и пойдем:
Над изгибом Мойки, там, за Эрмитажем,
Памятный для сердца молчаливый дом.

Нам ли не расскажут сквозь глухие пени
Волны, что тревожно о гранит шуршат,
Знал ли Баратынский стертые ступени,
И любил ли Дельвиг вот такой закат!

Где ты? Помнишь вербы солнечной недели,
Дымный Исаакий, темный плащ Петра?
О, какое небо! Здесь, в ином апреле,
Нам с тобой приснятся эти вечера!

1925

59

Где-то в солнечном Провансе
Тяжелеет виноград.
Мы поедем в дилижансе,
Друг, куда глаза глядят.

Заслонили дом зеленый
Косы желтые берез,
Пламенеющие клены
Тронул утренний мороз.

Мимо яблонь, вдоль откоса,
Сквозь шафранный листопад
Под шуршащие колеса
К нам бежит прозрачный сад.

Так всю жизнь! А ночью роздых,
Да в блаженных рощах сна
В пруд просыпанные звезды
И янтарная луна.

Дай, как буду умирать я,
Всё отринуть, всё забыть,
С плеч скатившееся платье
Дай душе переступить.

Уходя в иные звуки,
В круговой певучий путь,
Дай ей маленькие руки
К звездным рощам протянуть.

В горький час, в садах изгнанья,
Если ты еще жива,
Для блаженного узнанья
Дай ей лучшие слова.

Чтобы нам с земным приветом
Разминуться на пути,
Те слова, что в мире этом
Я не мог произнести!

Милый друг, земное лето,
Наклонись, зарей дыша,
Дай мне слышать платье это,
Где шуршит моя душа!

⟨1926⟩

60

Любите и радуйтесь солнцу земному.
    Другого не будет.
И каждый тропинку к высокому дому
    Забудет.
Мне сердце сжимает горячая жалость,
    Земная тревога.
Любите, любите! Дороги осталось
    Немного.

⟨1926⟩

61. АПРЕЛЬ

Вон там огни, через деревья сада —
Едва, едва.
Летящий мост, гранитная ограда,
Моя Нева.
И мы стоим без слова и дороги,
Как вся река,
В морском ветру, в пророческой тревоге,
В руке рука.
Ну можно ль так не в шутку заблудиться
В простом краю?
Ни Всадника, ни серых сфинксов лица
Не узнаю.
Сквозит апрель — последний холод года.
Близка заря.
Я, как Нева, жду только ледохода
В мои моря.
Весь этот мир, подаренный мне снова, —
Такой иной,
И я несу любви большое слово
Сквозь лирный строй.

⟨1926⟩

62

Расставаясь с милою землей
Для снегов совсем иного мира,
Не хочу я радости другой,
Чем вот эти руки, эта лира.

Не она ли, разрывая тьму,
Отвечала горькому рассказу
И была единственной, кому
На земле я не солгал ни разу!

⟨1926⟩

63

Был всегда я весел и тревожен,
Словно ветер — каждый день иной,
И такой мне был зарок положен,
Чтоб шуметь березой вековой.

Не ломал рябины горькой кисть я,
Не рыдал в ночи, как соловей.
Расчеши мне пламенные листья,
По оврагам с посвистом развей!

Если я сквозь дождик моросящий,
Как большое дерево, пою,
Это значит: бурей настоящей
Закачало голову мою.

А когда сломаюсь над простором,
Многошумной бурей помяни, —
Всё же рос я деревом, в котором
Ты качала грозовые дни.

⟨1926⟩

64

Хорошо улыбалась ты смолоду,
Да одно лишь не по сердцу мне:
Много к вечеру хмелю и солоду
Остается на песенном дне.

Вывози мою долю богатую
На широкую лунную гать!
Всею грудью ложусь на лопату я
Поскорее ее закопать.

Надо нам оглянуться по-новому:
Видно, жизнь начиналась не зря,
Коль цветная по небу суровому
Полотенцем ложится заря.

Перепахана начисто родина,
Навсегда оттолкнулся паром, —
Пусть не плачут сирень и смородина
Под горячим моим топором!

Если избу срубили мы заново,
Крепко пахнет обструганный тес,
Хорошо мне от этого пьяного,
Золотистого духа берез.

⟨1926⟩

65. БЕЗ ВОЗВРАТА

Есть на свете путники. Они
Не расстанутся с певучей ношей,
И летят, как жаворонки, дни,
Всё равно — плохой или хороший.

Их душа, как ветер в волосах,
Пахнет дымом древнего кочевья.
Степь поет им, в грозовых лесах
Кланяются до земли деревья.

Собирайся! Путь далекий нам.
Радуга лежит на косогоре.
Видишь город, видишь степь, а там
Синей солью пахнущее море!

Птицы петь нам будут поутру,
Яблонею звезды осыпаться,
Будем мы, как тополь на ветру,
Под грозой без памяти качаться.

И грустить не надо ни о чем.
Хорошо ведь на земле зеленой
Стать простым бродягой-скрипачом
С верною подругою Миньоной.

Был и я, как этот тополь, юн,
Непокорен, как и все поэты,
Да ведь полюбил же бурю струн,
Ленты на ветру и кастаньеты.

Полюбил тебя за то, что ты
Гордой нищенкой ушла из дому,
Что летим мы вместе, как листы,
В голубую звездную солому.

⟨1926⟩

66. ОТШУМЕВШИЕ ГОДЫ
(1923)

Крысы грызут по архивам приказы,
Слава завязана пыльной тесьмой,
Кедры Сибири и польские вязы
В кронах качают приснившийся бой,

Радиостанции. Противогазы.
Поступь дивизий. Победа. Отбой.

Красная Армия! Звезды-жестянки,
Пятиконечное пламя труда!
Помню тебя на последней стоянке,
Помню, как звали домой поезда
Стуком колес, переливом тальянки,
В села родные, в иные года.

Где вы, костры и ночная солома,
Брод на рассвете и топот копыт,
Чьи-то цветы на седле военкома,
Строчка приказа: товарищ... убит.
Всё это было... И ты уже дома.
Что же тебя по ночам бередит?

В аудиториях университета,
В солнце музеев, в асфальте дворов,
В пыльной листве загорелого лета,
В дыме редакций, контор, вечеров, —
Мне ли томиться судьбою поэта,
Мирно командовать ротою слов?

Роту иную водил я когда-то.
В песню ушла ледяная река.
За богатырку и за два квадрата
Леворукавных, за посвист клинка
И за походы — спасибо, ребята,
Сверстники, спутники в судьбах полка!

Юные сердцем! Из пламенной были
Песни, тревоги и молодость — вам,
Мы побеждали, а вы победили.
Вам с кирпичами всходить по лесам.
Стройте всё выше! Мы песню сложили —
Буря ее разнесла по сердцам.

⟨1926⟩

67. ПОЭМА ДНЯ

Когда возводят дом высокий,
Сквозной, как радиолучи,
Спеши и ты в одном потоке
Нести на жгучем солнцепеке —
Простой, певучий и жестокий —
Всё выше, выше кирпичи.

Когда грядущие кометы
Расплавят олово и медь,
Мы — неразменные монеты —
Лжецы, бездельники, поэты,
Провозгласим свои декреты
И всех научим жить и петь.

Вся наша мудрость в нашей глотке,
В глазах крылатых на восток,
В такой ямбической походке,
В такой шальной всемирной «сводке»,
Что с нами в такт стучат лебедки,
Взывает пар и льется ток.

Мы — только масло для машины,
Но если винт какой заест,
Взревут пэонные турбины,
Как жизни рокот соловьиный,
Чтоб дрогнул сердцем мир единый,
Всё сожигающий окрест.

Отныне кровь моя — гуденье
В котлах зажатого огня,
Весь мир — одно сердцебиенье,
Скольженье пил, лебедок пенье,
Галоп колес и вдохновенье,
Да, вдохновенье — для меня!

⟨1926⟩

68

Коридор университета —
Романтический Париж,
Где с тетрадками, Лизетта,
Ты на лекции бежишь.

Быть сарматом не хочу я,
Хоть и в Скифии рожден,
Мне науку поцелуя
Вверил некогда Назон.

Для заслуженных каникул
Покидая факультет,
Покажи мне свой матрикул,
Не декан я, а поэт.

Я тебя учить не буду
Многословной ерунде,
Ты со мной поверишь чуду —
Сердца пламенной беде.

Ты всегда была прилежной,
Догадайся в чем сама,
Ты науку страсти нежной
Сдашь в апреле на «весьма».

Между 1923 и 1926

69

В столовой музыка и пенье,
Веселый чайный разговор,
А здесь и ветер, и смятенье,
И быстрых губ прикосновенье,
Неповторимое с тех пор.

Чуть только сердце ты задела,
Как, став струною под смычком,
Беспечной скрипкою запело
Мое послушливое тело
О милом, вечном и земном.

С широкошумным вздохом муки
Я отдаю себя — гляди! —
В твои безжалостные руки,
Как будто тополь, в ночь разлуки
Грозу качающий в груди.

Между 1923 и 1926

70. ГЁТЕ В ИТАЛИИ

Чуть светлеет вздувшаяся штора,
Гаснут звезды в розовой ночи.
Круглый стол, сверканье разговора,
Звон тарелок, таянье свечи.

Нет, не заслужил я этой чести!
После скачки, в вихре дождевом,
Друг харит, с прелестницами вместе
Я сижу за праздничным столом.

Конь храпел... С плаща бежали струи.
Черный лес катил широкий гул...
Что ж, друзья! Вино и поцелуи
Нас мешать учил еще Катулл!

Кто бы, пряча сердце от пристрастья
Купидоном заостренных стрел,
С Музою, смеющейся от счастья,
Чокнуться глинтвейном не хотел?

Пью за синий бархат винограда,
Пью за то, чтоб возле тонких плеч
С ветром из серебряного сада
Сердце, словно бабочку, обжечь.

Пью за то, что здесь не слышно бури,
Что мое забвенное перо —
Только штрих, приснившийся гравюре
Этого волшебника Моро!

Между 1923 и 1926

71. ДИАЛОГ

(Полька)

«Хоть и предан я рассудку,
Ум любви не прекословит,
Не примите это в шутку,
Я люблю вас, крошка Доррит!

У меня в подвалах Сити
Три конторы. Ваше слово?»
— «Мистер Дженкинс, не просите,
Не могу. Люблю другого».

«Что другой! Отказ — а там уж
И закрыта к сердцу дверка.
Много ль чести выйти замуж
За какого-нибудь клерка?

Вот так муж. Над ним смеяться
Будут все из-за конторок».
— «Мистер Дженкинс, мне семнадцать,
Вам же скоро стукнет сорок.

Кто откажет вам в таланте
Счет вести, проценты ваши...
Но, пожалуйста, отстаньте.
Мне пора идти к мамаше...»

Между 1923 и 1926

72. ВЕНЕЦИЯ

Не счесть в ночи колец ее,
Ласкаемых волной.
Причаль сюда, Венеция,
Под маской кружевной!

В монастырях церковники
С распятием в руках,
На лестницах любовники,
Зеваки на мостах

Поют тебе, красавица,
Канцоны при луне,
Пока лагуна плавится
В серебряном огне.

Не для тебя ль, Венеция,
Затеял карнавал
Читающий Лукреция
Столетний кардинал?

Он не поладил с папою,
Невыбрит и сердит,
Но лев когтистой лапою
Республику хранит.

Пускай над баптистерием
Повис аэроплан,
Пускай назло остериям
Сверкает ресторан,

Пускай пестрят окурками
Проходы темных лож, —
Здесь договоры с турками
Подписывает дож.

За рощею лимонною
У мраморной волны
Отелло с Дездемоною
Рассказывают сны.

И разве бросишь камень ты,
Посмеешь не уйти
В истлевшие пергаменты
«Совета десяти»?

Душа, — какой бы край она
Ни пела в этот час,
Я слышу стансы Байрона
Или Мюссе рассказ.

А где-то — инквизиция
Скрепляет протокол,
В театре репетиция,
Гольдони хмур и зол,

Цветет улыбка девичья
Под лентами баут,
И Павла-цесаревича
«Граф Северный» зовут.

Здесь бьют десяткой заново
Серебряный улов,
Княжною Таракановой
Пленяется Орлов.

Гори, былое зодчество, —
Весь мир на острие.
Уходят в одиночество
Все томики Ренье!

Не повернуть мне руль никак
От шелка ветхих карт.
«Севильского цирульника»
Здесь слушал бы Моца́рт.

Скользит гондола длинная
По бархатной гряде,
А корка апельсинная
Качается в воде...

Между 1923 и 1926

73. КОРСАР

В коридоре сторож с самострелом.
Я в цепях корсара узнаю.
На полу своей темницы мелом
Начертил он узкую ладью.

Стал в нее, о грозовом просторе,
О холодных звездных небесах
Долго думал, и пустое море
Застонало в четырех стенах.

Ярче расцветающего перца
Абордажа праздничная страсть,
Первая граната в самом сердце
У него разорвалась.

Вскрикнул он и вытянулся. Тише
Маятник в груди его стучит.
Бьет закат, и пробегают мыши
По диагонали серых плит.

Всё свершил он в мире небогатом,
И идет душа его теперь
Черным многопарусным фрегатом
Через плотно запертую дверь.

Между 1923 и 1926

74. МЕЛЬНИЦА

Три окна, закрытых шторой,
Круглый двор — большое D.
Это мельница, в которой
Летом жил Альфонс Доде.

Для деревни был он странен:
Блуза, трубка и берет.
Кто гордился: парижанин,
Кто подтрунивал: поэт.

Милой девушке любовник
Вслух читал его роман,
На окно ему шиповник
Дети ставили в стакан.

Выйдет в сад — закат сиренев,
Зяблик свищет впопыхах.
Русский друг его, Тургенев,
Был ли счастлив так в «степях»?

Под зеленым абажуром
Он всю ночь скрипел пером,
Но, скучая по Гонкурам,
Скоро бросил сад и дом.

И теперь острит в Париже
На премьере в Opéra.
Пыль легла на томик рыжий,
Недочитанный вчера.

Но приезд наш не случаен.
Пусть в полях еще мертво,
Дом уютен, и хозяин
Сдаст нам на зиму его.

В печке щелкают каштаны,
Под окошком снег густой...
Ах, пускай за нас романы
Пишет кто-нибудь другой!

Между 1923 и 1926

75

Что толку — поздно или рано
Я замолчу, —
Я пью из своего стакана,
Я так хочу.
Сплетая радость и страданье
В узор живой,
Вся жизнь моя — одно дыханье,
Единый строй.
Не говори мне: «это надо»
Иль — «должен ты».
Какой же разум есть у сада,
У высоты?
Порви мой вздох на вольной ноте,
Гаси звезду,
Ударь свинцом меня в полете —
Я упаду.
Но и в последнее мгновенье
Зрачок, горя,
Заледенит отображенье
Твое, заря!

1926

76. ПЕСНЯ СТЕПЕЙ

Никого не люблю — только ветер один,
Да ночлег под телегою в поле,
Только ветер один с черноморских равнин,
Да веселую вольную волю.

Да в широкой степи одинокий костер,
Да высокие звездные очи,
Да на шали твоей молдаванский узор,
Да любовь — летней ночи короче!

1926

77

Что ж, душа, с тобою мы в расчете,
Возвращаю гладкое кольцо.
Пусть тряхнет на позднем повороте,
Пусть ударит дождиком в лицо.

Как жилось, как пелось, как любилось —
Всё скажи с последней прямотой.
И в кого ты только уродилась
Русскою скуластой смуглотой?

О цыганка милая, когда бы
Мог я лечь к тебе в костер травы!
Но твои колени слишком слабы
Для такой тяжелой головы.

И уж не могу я верить счастью,
Если, и жалея, и кляня,
Ты глядишь с неизъяснимой страстью
Сквозь слезу разлуки на меня...

1926

78

Сонной, глухой тишиной наливаются в августе ночи,
Не умолкает кузнечик во мгле опустевших полей.
Реже выходим гулять мы, и встречи и взгляды короче,
Ниже мохнатые звезды, и всё мне молчать тяжелей.

Слышишь, ударилось яблоко, продребезжала телега?
Скоро созревшее слово в горячую пыль упадет.
Вот и задумай желанье, пока разгорается Вега,
Ветер, как вздох, затихает и месяц над садом встает.

1926

79. НОЧНОЙ ПЕШЕХОД

(П. А. ФЕДОТОВ)

1

Чтó стихи, чтó таинства Киприды,
Если барабаны — как гроза,
Если в пестрых будках инвалиды
Пучат оловянные глаза?

Где-то море, свежесть винограда,
Вольности священная пора, —
А вокруг сверкание парада
И громоподобное «ура!».

Павловск. Петергоф. Ораниенбаум.
Крики чаек. Темно-бурый март.
Заскрипел медлительный шлагбаум,
Веером легла колода карт.

Славного поместья арендатор,
В синей мгле — воздушном молоке —
Рвет мороз плюмажный император
Вдоль Невы на сером рысаке.

Черкает страницу цензор истый,
Кружится мазурка до утра,
И во льдах Сибири декабристы
Под землей цитируют Marat.

2

Долго ночь копила нетерпенье...
Дождь царапал льдинками виски.
Черный норд, наперекор теченью,
Всё стругал рубанком гребешки.

Ухнул выстрел. Пробкою притерло
К небу взморья бревна и гробы,
И Неве перехватило горло,
И, седая, встала на дыбы.

Крутой непогодой он выгнан из дому...
Он грудь открывает простору ветров,
Он рад этой ночи и буйству такому,
Ныряющим яликам, выстрелам, грому,
Дыханию взморья и скрипу мостов.

В прерывистом, бурном дыханье норд-оста
Шагает он в дождь, не покрыв головы,
Простой человек невысокого роста,
А мост под ногою трещит, как береста,
И роет быками стремнину Невы.

Разорваны в клочья бегущие тучи
О шпиль Петропавловки, руку Петра,
Нева ледяная всё круче и круче
Со дна закипает, и доски, и сучья
В чужих подворотнях крутя до утра.

Мелькают при факелах мутные тени,
У пляшущих барок толпится народ,
Мелькнула рука в закипающей пене,
Скользящие пальцы хватают ступени,
И что-то кричит перекошенный рот.

Как спешил он, как он гнулся, чтобы
Перейти шатающийся мост!
А на взморье остров низколобый
Зарывался в пенистый норд-ост,
И шаги несли скорее к дому...
Крепко любишь в бешеной ночи
Свой чердак, тюфячную солому,
Черствый хлеб и огонек свечи!

3

Нет! Не для армейских анекдотов,
Не для свеч и виста вчетвером
К памяти моей идет Федотов
В архалуке, с длинным чубуком.

Медленный, плешивый и сутулый,
В хоре живописцев и вельмож
Отставной поручик смуглоскулый, —
Разве он к высоким музам вхож?

Пусть о нем по карточным салонам
В круге дамских плеч и знатоков
Уж рокочет низким баритоном
Барски-снисходительный Брюллов.

Пусть стучится слава. Он в халате
Бреет перед зеркалом виски.
У него — досадно и некстати —
Грудь щемит от кашля и тоски.

Раб знамен, султанов, конных множеств,
Он ушел, отравленный уже,
К пыльной Академии Художеств,
К тюфяку на пятом этаже —

Не затем, чтоб там, в кошачьем мраке,
На Васильевском, в сырой дыре,
Дожидаться, как всплывет Исакий
В деревянных ребрах на заре!

Сны его на майский луг похожи,
А глаза всю жизнь обречены
Видеть только бороды да рожи,
Ордена, графины и блины.

Жизнь его — мучительная ссора,
Давняя обида, и к тому ж
Длится вечным «Сватовством майора»
Посреди салопниц и чинуш.

А другой, восторгом пламенея,
Из страны, где самый воздух синь,
Шлет домой «Последний день Помпеи»
И портреты чопорных княгинь.

Нет! Уж как ни притворяйся кротким,
Отыскав последний четвертак,
Сам с утра пошлешь за квартой водки,
Бросишь кисть и рухнешь на тюфяк!

4

Нева! Нева! Вдоль скользкого гранита
Приподнимаясь, падая, звеня,
Хватай, как пес, чугунные копыта
И колотись в туманном свете дня!

Один! Один! Не понятый друзьями,
Отдавший жизнь за пошлый анекдот,
«Плешивый шут», задавленный долгами,
Не краску — желчь из тюбика он жмет.

Куда бежать? Шпицрутены, парады,
Вихры корнетов и чепцы старух
Здесь заслонили лучший сон Эллады
И суетой отяжелили слух.

Разгул реки переграждают шлюзы,
Сердца певцов встречает пистолет,
И лгут академические музы,
А у него и друга даже нет!

Измученная каменной постелью,
В его груди колотится Нева,
И он скользит, закутанный шинелью,
А ветер рвет и комкает слова:

«Неужель, как нищий на соломе,
И моя мечта обречена
Задыхаться в сумасшедшем доме
От бессилья, злобы и вина,

Чтоб потом, мотаясь по сугробам,
Уносила мерзлая доска
Крик ворон над одиноким гробом,
Брань возниц и кашель денщика?

Петербург мой! Город лебединый!
Верю я, когда-нибудь и ты
Возведешь бессмертные Афины
Посреди болот и нищеты,

И осядет песней в человеке
Эта муть неволи и обид,
Как наутро возвращает реки
В берегá остуженный гранит!»

5

Морозной пылью в солнечном музее
Янтарная густеет тишина.
Она разбудит даже в ротозее,
Среди дриад, вельмож, пейзажей, флотов,
Суровый век, в котором жил Федотов,
Нахмурившийся в раме у окна.

Широкий ямб торопит нетерпенье,
Эпическую поступь наших лет.
У нас простор для дум и вдохновенья,
Но как забыть, что был и черств и горек
Хлеб прошлого! Кроши его, историк,
И замеси на вымысле, поэт!

Декабрь 1926 — январь 1927

80. РОЗИНА

Долго в жилах музыка бродила,
Поднимая темное вино...
Но, скажи мне, где всё это было,
Где всё это было, так давно?

Свет погас, и стали вы Розиной...
Дом в Севилье. Полная луна.
Звон гитары — рокот соловьиный —
Градом бьет в полотнище окна.

Жизни, счастья пылкая возможность!
Разве сердца удержать полет
В силах тщетная предосторожность,
Стариковской ревности расчет?

Доктор Бартоло в камзоле красном,
Иезуит в сутане, клевета,
Хитрая интрига — всё напрасно
Там, где сцена светом залита!

Опекун раздулся, точно слива,
Съехал набок докторский парик,
И уже влюбленный Альмавива
Вам к руке за нотами приник.

Вздохи скрипок, увертюра мая.
Как и полагалось пьесам встарь,
Фигаро встает, приподнимая
Разноцветный колдовской фонарь,

И гремит финал сквозь сумрак синий...
Снова снег. Ночных каналов дрожь.

В легком сердце болтовню Россини
По пустынным улицам несешь.

Льется, тает холодок счастливый,
Звезды и ясны, и далеки.
И стучат, стучат речитативы
В тронутые инеем виски.

Доброй ночи, милая Розина!
В мутном круге ширится луна.
Дом молчит. И в зареве камина
Сам Россини смотрит из окна.

24 октября 1927

81. В ЭРМИТАЖЕ

Ты снова видишь Фландрию,
Канал, одетый в камень,
В сыром сентябрьском воздухе,
Огонь над очагом,
Сухие плиты дворика
С тюльпанными горшками,
Чепцы старух, склоненные
Над грядкой под окном.

Стоят в каналах лебеди,
Струятся глыбы моста,
Цветенье синих луковиц,
Пивной янтарный хмель,
И вторит шуму мельницы
Почтительно и просто
В коровьих колокольчиках
Болотная свирель.

Кончают вешать золото
Усталые менялы,
Крестьяне у гостиницы
Ведут вечерний пляс,
И в зреющие овощи,
В зеленые каналы
Ложится солнце, плоское,
Как вычищенный таз.

Река берет в извилины
Готические башни.
Домой плетется пьяница,
Судья надел колпак.
Фонарь ночного сторожа
Уходит в день вчерашний,
И слушают прохожие
Бессонницу собак.

Союз перины с библией!
Опара воскресенья!
Считают здесь внимательно
И любят не спеша,
А нищий в дверь дубовую
Колотит в исступлении,
Едва хлебнула дерзости
Продрогшая душа.

Уж, видно, невтерпеж ему
Бродягою усталым
В дожде и одиночестве
Скитаться день-деньской,
Что он, матрос Вест-Индии,
Над выцветшим каналом
Хлестнул купцов из ратуши
Трехвосткой площадной!

Осень — зима 1927

82

Вот сердце уже осторожно
С клюкою по камню идет,
Еще забываться возможно,
Но счастья замедлен полет.

Я пью его жадно, а солод
Уже остается на дне,
И ночью безжалостный холод
Всё чаще бежит по спине.

А то, что любил я когда-то, —
Весь милый, развеянный прах, —

Как пепел земного заката
В моих остывает руках.

Напрасной и страстною силой
Пронизаны наши сердца.
О песня! Как женщине милой,
Я верен тебе до конца!

Зима 1927

83. СТАРЫЙ ТИФЛИС

Тифлис отмечен весельем необычайным.

А. С. Грибоедов

Коль другой у ней в примете
Иль дороги разошлись,
Не грусти, пока на свете
Виноградный есть Тифлис.

В этот город незнакомый
Приезжаешь, как в родной,
В этом городе все дома
Поздней осенью сквозной.

На крутой горе Давида
В Ботаническом саду
Шашлыком коптят обиду,
Кахетинским льют беду.

Опираясь на перила,
Задыхаясь, как «муша»,
Воздух розовый и милый
Тянет допьяна душа.

Под платанами в киосках
Груши, персики, халва, —
Как нарзан в колючих блестках,
Ходит кругом голова.

Тоньше нет и нет прелестней
Стройной спутницы, пока
Такт отстукивает в песне
Деревяшка каблучка.

А в духанах льется пена,
Розы сыплются из рук,
Заплетаются колена
Переулков и пьянчуг.

И тебе на Авлабаре
Заблудиться не беда.
Вон в окне стрекочет тари,
Руку поднял тамада.

И, в малиновом стакане
Кончик уса обмочив,
Гости грянули заране
Свой приветственный мотив:

«Заходи сюда, прохожий!
Есть барашек! Есть вино!
Видишь, месяц краснорожий
Тоже лезет к нам в окно?

Пой и пей напропалую,
Коль зовет тебя Кавказ.
Пей за Грузию живую
В винограде женских глаз!

Если ты умел трудиться
На полях страны своей,
Песня на сердце ложится,
И теснее круг друзей!»

1927

84. АРАГВА

Целый день в лесистой щели,
У чинары под крылом,
Точит камешки Арагва
Перекатным кипятком,
И дрожит мой тонкостенный,
Глиной вымазанный дом.

Целый день ты бьешь, Арагва,
В сизых скалах снежный путь,
Точишь узкое ущелье,

Хочешь камни захлестнуть,
Катишь бойко год от году
Льдисто-пенистую круть.

Ты рождалась в пене снежной
У заоблачного льда,
Ты медведицей тяжелой
С кручи прыгала сюда,
Раздирая грудь о щебень,
Не смолкая никогда.

Был и я снегами молод,
Чист, как лед, и скор, как змей,
Разбивал и я о камень
Толщь зеленых хрусталей,
О, кипящая Арагва, —
Образ юности моей!

Будь же верной мне отныне
Сталью светлого клинка,
Донеси кипящим сердце,
Неуемное пока,
До каспийского, сухого,
Нефтеносного песка,

Чтобы там, в степи, теряя
Льдистой молодости пыл,
Размывая плоский берег,
Осаждая тучный ил,
Помнить снежный лоб Казбека
И узор его светил!

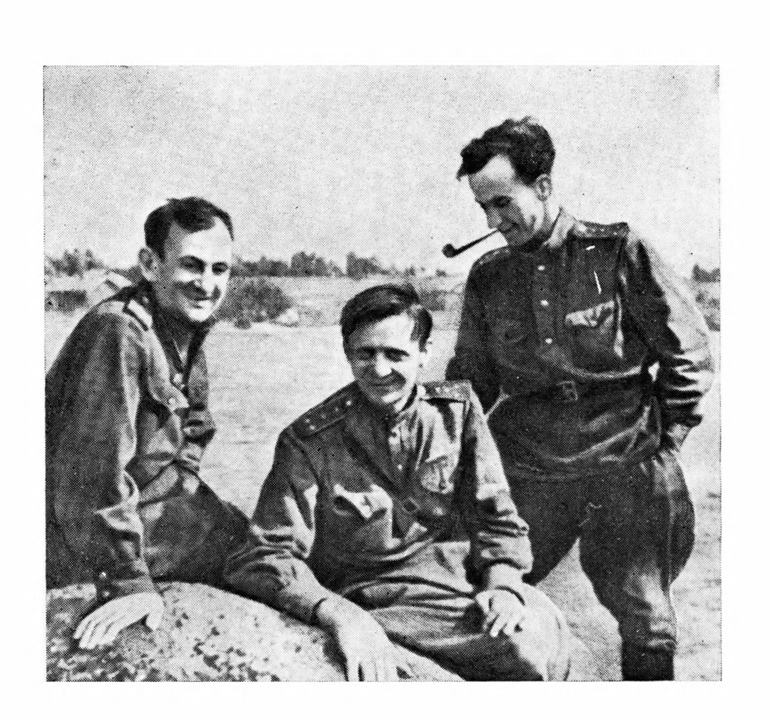
1927
Грузия

85. ЗИМА

Воскресенье пахло снегом
И оттаявшею елкой.
Строго встал на косогоре
Желтый Павловский дворец.

Хорошо скрипели лыжи,
Круто падал холм пушистый,

Сразу дрогнувшее сердце
Захлестнуло холодком.

Льдистой пылью режет щеки,
Справа мостик, слева прорубь.
Снежный камень Камерона
Выскользнул из синевы.

Поворот и встречный берег.
Я перевожу дыханье.
«Сольвейг!» Тает это имя
Льдинкою на языке.

«Сольвейг, Сольвейг!» В карий омут
Опрокинуты созвездья.
По сосне скользнула белка,
Где-то ухнул паровоз.

Воскресенье пахло снегом,
Низкой комнатой и печью.
Не оно ль по половицам
В мягких валенках прошло?

Я люблю в углу прихожей
Просыхающие лыжи,
Шорох всыпанного чая,
Пар, летящий в потолок.

Я люблю на спинке кресла
Мягко вскинутые руки,
Уголек в зрачке янтарном,
Отсвет скользкого чулка.

Бьют часы. Синеют стекла.
Кот вытягивает спину.
Из руки скользнула книга,
В печке гаснет уголек.

Наклоняясь низко, Сольвейг
Говорит: «Спокойной ночи!»
На дворе мороз. В окошко
Смотрит русская луна.

1927

86. ИРИНА

Звездою ты входишь в глухое жилье,
Ирина — любимое имя мое!

О, карее солнце под взлетом ресниц!
Так звали монахинь и русских цариц,

Так, верно, когда-нибудь в строгом раю
Окликнут архангелы душу мою.

Я знаю, что в имени светлом твоем
Есть сходство с высоким лиловым цветком,

С богинею радуг и брызг дождевых
И шорохом сада на склонах ночных.

Ирина, Ирина! Сливая струи,
Поют, прерываясь, два медленных «И»,

И входит, рапирой пронзив забытье,
Мне в сердце высокое имя твое!

1927

87

Какие-то улицы, встречные пары,
    Фонтанка, нахмуренный мост.
Я слышу, как волны торопят удары,
    Как дышит над взморьем норд-ост.

Трамваи проходят. И звону и стуку
    Ответствует криком душа.
Рука еще чувствует узкую руку,
    Колеса спешат и спешат.

Трамваи проходят. «Прощайте!» Улыбка.
    Зеленый вдали огонек.
Опять я один, и, как старая скрипка,
    Ложится душа под смычок.

Опять я дышать и тревогой и маем
    В ночное иду забытье.
Довольно! Довольно! С последним трамваем
    Уехало сердце твое...

1927

88. О МУЗЕ И О СЕБЕ

На исходе зимних первопутных дней
Поселилась муза в комнате моей.

Разогнув под лампой пропыленный том,
Я ее дыханье слышу за плечом.

И ложатся тихо, как сухой огонь,
Узенькие пальцы на мою ладонь.

Обернусь — всё пусто. Кресло и стена.
Ватой заложила уши тишина.

И идут, как сердце, в черном ремешке
Часовые стрелки на моей руке.

Только заструится песенный ковыль —
Слышу, кто-то ходит, вытирает пыль,

О фарфор колечком звякнув невзначай,
В голубую чашку наливает чай.

Смотрит, как пишу я, и, вздохнув слегка,
Трогает губами уголок виска.

Кто ты, я не знаю, — муза иль жена,
От тебя такая в доме тишина.

Ты всегда со мною — днем или во сне,
Если что забуду, ты подскажешь мне,

Если что замечу иль скажу не так,
Ты от всех незримо подаешь мне знак.

Ничего я в жизни грустью не корю,
Весело и просто с миром говорю.

Потому и стрелка на руке моей
Как клубок мотает пряжу светлых дней.

Потому и путь мой вольной песней лег,
Потому и голос на заре высок.

1927

89. УТРО

В этом городе, иссиня-сером,
Сквозь лениво протянутый дым,
Громыхая тяжелым размером,
По мостам, переулкам и скверам,
Островам и проспектам седым,

В свежий день, за мечтой своей следом,
Как вожатый с рукой на руле,
Ты несешься трамвайным разбегом,
Молодое, хрустящее снегом,
По упругой, по звонкой земле!

Здравствуй, утро! Раскрыты ворота,
Заскрипела лебедка в порту,
У казармы равняется рота,
Просыпается в цехе работа,
И пошел самолет в высоту.

Огибая асфальт полукругом,
Искры сея, победно звеня,
Утро, утро, в разбеге упругом
Будь мне братом, товарищем, другом
На пороге работы и дня!

⟨1928⟩

90. ТОПОЛЬ

«Отчего на склоне
Голубых ночей
Ты поднялся, тополь,
Гордый и ничей?

Отчего, встречая
Солнце и дожди,
Ты качаешь ветер
На своей груди?»

Но, склоняясь тенью
В лунный водоем,
Ставит листья тополь
По ветру ребром.

Голова седая
И девичий стан,
Отвечает тополь
Гостю хвойных стран:

«Здесь простора много,
Здесь лазурь и свет.
Горная дорога —
Жребий твой, поэт.

И сродни нам море,
Черное, как ночь,
Да седая чайка,
Горькой пены дочь!»

⟨*1928*⟩

91

Дворик наш затянут виноградом,
Нам свечи не надо зажигать.
Полумесяц, врезанный над садом,
Крест окна ломает о кровать.

Пахнет морем, дынею и тмином.
О, как жадно хочется вздохнуть!
Золотым, упругим мандарином
При луне твоя сверкает грудь.

А волна идет, идет всё шире.
Вот он, грохот рухнувшего дня!
В целом мире, слышишь, в целом мире
Нет ни звезд, ни ветра, ни меня!

Только ты. Но жадно и ревниво,
Покоряясь темной воле дна,
Уж скользит по крутизне отлива
Морю возвращенная волна.

И, на волю медленно всплывая,
Отшумевшей пеною дыша,
На гребне качается такая
Смутная и легкая душа.

Спи же крепко в шуме непогоды!
Ты во сне услышишь, как, гудя,
В дальний рейс уходят пароходы
За косыми струнами дождя.

Дворик наш затянут виноградом,
Ночь струится в пении цикад,
И луна лежит со мною рядом,
И в окне деревья говорят.

‹1928›

92. КРЫМСКИЙ СКОРЫЙ

Был поезд как поезд. Колес перебор
Отстукивал — то ли чечетку,
То ль просто хорея с гекзаметром спор,
Веселый, чугунный, стремительный вздор,
Прыскучую зайчью походку.

А в окнах бежали — ни ель, ни ольха,
Скупые кремнистые дали,
Поля и деревни пестрей петуха
Врывались цезурой в разрядку стиха
И с дымом назад отлетали.

Вот мост подвернулся — плетеный сарай,
Крест-накрест бегущие ноги,
Река опрокинула облачный край,
Нагорных песков рассыпной каравай
Да будку у самой дороги.

И снова ракиты, и снова пруды,
Заката косые заплаты.
За Харьковом сдвинулись ближе сады,
И в складках оврага багрянцем слюды
Сверкнули вишневые хаты.

Пахнуло полынью. Теплеет луна.
Овраги уходят из вида.
Я целую ночь простою у окна,
Покуда не станет на юге видна
В далеких предгорьях Таврида.

Горбатые степи, зеленый Сиваш,
Зарей захлебнувшийся тополь,
На станциях гравий, и воздух не наш,
И горы — подобье повернутых чаш, —
И сонный, в садах, Симферополь!

Стрекочут колеса, летят под откос
Обрывки лилового дыма,
В прохладе тоннеля завыл паровоз,
И память узнала сквозь заросли роз
Скуластые пажити Крыма.

⟨1928⟩

93. ПАМЯТЬ

Смятенная память —
Ночной ледоход,
Высокое пламя
Пробило твой лед,
И в полдень покоя,
Торжеств и знамен
Я слышу иное
За строем колонн.

Ты помнишь, товарищ,
Октябрь в петле,
Разгулы пожарищ
На голой земле,
Голодную злобу,
И песенный бред,
И первую пробу
Горячих побед?

Легенды отныне
Уложатся в ямб
Каналом пустыни,
Устоями дамб,
Окопом закрытым,
Полетом к мечте
И четким петитом
На гладком листе.

Матросские ленты,
Винтовки в руках
Прославят легенды
В далеких веках,
Но, грозы пилою
И плугом сменя,
Войдем мы зарею
В пылание дня.

Друзья дорогие,
Вы правы во всем, —
Минуты стальные
Мы в ямбы берем,
Но в песне недожит
Обветренный бред,
И песне поможет
Воскреснуть поэт!

Между 1925 и 1928

94

Если не пил ты в детстве студеной воды
Из разбитого девой кувшина,
Если ты не искал золотистой звезды
Над орлами в дыму Наварина, —
Ты не знаешь, как эти прекрасны сады
С полумесяцем в чаще жасмина.

Здесь смущенная Леда раскинутых крыл
Не отводит от жадного лона,
Здесь Катюшу Бакунину Пушкин любил
Повстречать на прогулке у клена
И над озером первые строфы сложил
Про шумящие славой знамена.

Лебедей здесь когда-то кормили с руки,
Дней лицейских беспечная пряжа
Здесь рвалась от порывов орлиной тоски
В мертвом царстве команд и плюмажа,
А лукавый барокко бежал в завитки
На округлых плечах «Эрмитажа».

О, святилище муз! По аллеям к пруду,
Погруженному в сумрак столетий,
Вновь я пушкинским парком, как в детстве, иду
Над водой с отраженьем «Мечети».
И гостят, как бывало, в Лицейском саду
Светлогрудые птички и дети.

Зарастает ромашкою мой городок,
Прогоняют по улице стадо.
На бегущий в сирень паровозный свисток
У прудов отвечает дриада.
Но по-прежнему парк золотист и широк
И живая в нем дышит прохлада.

Здесь сандалии муз оставляют следы
Для перстов недостойного сына,
Здесь навеки меня отразили пруды,
И горчит на морозе рябина —
Оттого, что я выпил когда-то воды
Из разбитого девой кувшина.

Между 1925 и 1928

95

В этой комнате проснемся мы с тобой,
В этой комнате, от солнца золотой.

Половицы в этой комнате скрипят,
Окна низкие выходят прямо в сад,

И сквозь белые на ветках лепестки
Тянет свежестью от утренней реки.

Слышишь, тополем пахнуло и росой?
Пробеги скорее по саду босой,

В эту яблоню всё сердце окуни!
Осыпаются под ветром наши дни,

Тают дымкою в затонах камыша,
И сама ты, словно песня, хороша.

1 мая 1928

96

Целовались мы и любили,
Смотрели, как дышит Нева,
И на лестнице говорили
Незабываемые слова.

Как свечи горели недели
От встречи и до письма,
И таяли и горели —
Пока не пришла зима.

1928

97. ОКТЯБРЬСКАЯ ПОГОДА

Мне не спится. На Неве смятенье,
Медь волны и рваная заря.
Мне не спится — это наводненье,
Это кашель пушек, вой завода
И такая, как тогда, погода —
Двадцать пятый вечер октября.

Знаю — завтра толпы и знамена,
Ровный марш, взметающий сердца,
В песне — за колонною колонна...
Гордый день! И, глядя в очи году,
Я хочу октябрьскую погоду
Провести сквозь песню до конца!

Было так: Нева, как зверь, стонала,
Серые ломая гребешки,
Колыхались баржи у причала,
И царапал стынущие щеки
Острый дождь, ложась, как плащ широкий,
Над гранитным логовом реки.

Пулеметы пели. Клювоносый
Рвал орел живую плоть страны,
В бой пошли балтийские матросы
Черным ливнем на мосту Дворцовом,
И была в их облике суровом
Соль и горечь штормовой волны.

Во дворце дрожали адвокаты
И штыки точили юнкера,
Но висел над ними час расплаты.
И сквозь дождь октябрьской непогоды
Завывали черные заводы
У застав, на Выборгской — пора!

Так об Октябре узнают дети.
Мы расскажем каждому из них,
Что на новом рубеже столетий
Не было тревожнее напева,
Что в поэме пламени и гнева
Этот стих был самый лучший стих!

1928

98. В ПУТЬ!

Ничего нет на свете прекрасней дороги!
Не жалей ни о чем, что легло позади.
Разве жизнь хороша без ветров и тревоги?
Разве песенной воле не тесно в груди?

За лиловый клочок паровозного дыма,
За гудок парохода на хвойной реке,
За разливы лугов, проносящихся мимо,
Всё отдать я готов беспокойной тоске.

От качанья, от визга, от пляски вагона
Поднимается песенный грохот — и вот
Жизнь летит с озаренного месяцем склона
На косматый, развернутый ветром восход.

За разломом степей открываются горы,
В золотую пшеницу врезается путь,
Отлетают платформы, и с грохотом скорый
Рвет тугое пространство о дымную грудь,

Вьются горы и реки в привычном узоре,
Но по-новому дышат под небом густым
И кубанские степи, и Черное море,
И суровый Кавказ, и обрывистый Крым.

О, дорога, дорога! Я знаю заране,
Что, как только потянет теплом по весне,
Всё отдам я за солнце, за ветер скитаний,
За высокую дружбу к родной стороне!

1928

99

...По сухим дорогам Крыма
В кипарисах и луне...
Сколько дней, скользнувших мимо,
Унеслось неудержимо,
Воскресая лишь во сне!

А когда-то набегало
Море пеною у ног,
Жизнь моя перебирала
Без конца и без начала
В пальцах льющийся песок.

Это снилось или было
За туманом давних лет?
Иль всё дальше уносила
Неподвластная нам сила
То, чему возврата нет?

Если память и остынет
И померкнет за чертой,
Всё же сердца не покинет
Бег волны на берег синий
И немолчный гул морской.

1928

100. КОКТЕБЕЛЬСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Я камешком лежу в ладонях Коктебеля.
И вот она плывет, горячая неделя,

С полынным запахом в окошке на закат,
С ворчанием волны и трескотней цикад...

Здесь, в этом воздухе, пылающем и чистом,
Совсем я звонким стал и жарко-золотистым

Горячим камешком, счастливым навсегда,
Соленым, как земля, и горьким, как вода.

Вот утро... Всё в луче, лазурью пропыленном,
Оно к моим зрачкам подкралось полусонным,

И, распахнув окно, сквозь жаркий полумрак
Впускаю в сердце я огонь и Карадаг.

Летучих паутин отбрасывая нити,
Вновь, голый, как Гоген в коричневом Таити,

По лестнице бегу на раскаленный двор,
На берег, где шумит взлохмаченный простор

И с пеной на гребне, обрушив нетерпенье,
В тяжелых пригоршнях ворочает каменья.

Там, с ветром сочетав стремительный разбег,
Я телом брошенным разбрызгиваю снег,

Плечом взрезаю синь, безумствую на воле
В прозрачной, ледяной, зеленоватой соли,

Ловлю дыханье волн и, слушая прибой,
Качаюсь на спине медузой голубой.

Потом на берегу, песком наполнив руки,
Я долго предаюсь пленительной науке:

Считаю камешки — их тяжесть, форму, цвет,
Как четки мудрости, жемчужины примет.

У ног моих шуршит разорванная влага,
Струится в воздухе громада Карадага,

И дымчатый янтарь расплавленного дня
Брожением вина вливается в меня.

В закатной «Мастерской», где в окнах мыс и море,
Пишу, брожу мечтой в лазурном кругозоре

Иль, с гордой рифмою оставя праздный спор,
Как в тишину пещер, вступаю в разговор,

Исполненный огня, и горечи, и меда,
С сребристым мудрецом в повязке Гезиода,

В словах которого, порхающих как моль,
Сверкает всех веков отстоянная соль.

Он водит кисточкой по вкрадчивой бумаге,
Он колет мысль мою концом масонской шпаги

И клонит над столом изваянный свой лик
Средь масок, словарей, сухих цветов и книг...

Но поздно... Спит залив в размывчатой короне,
Забытая свеча тоскует на балконе,

Светила мудрецов, согласный правя хор,
Свой невод завели над головами гор,

И горестным стихом, как чаша пировая,
Мне «море Черное шумит, не умолкая».

Хозяин проводить выходит на порог,
И дышит нам в лицо полынь ночных дорог.

Вновь лестница, чердак... Здесь,
встречен лунным светом,
На миг мальчишески я мню себя поэтом,

Спешу опять раскрыть заветную тетрадь,
Ликую, и пою, и не могу дышать...

А ночь идет в окне, а ветер, синь и черен,
Несет по бархату разлет огнистых зерен,

И пляшут бабочки, и клонится свеча,
И рухнувший прибой я слышу у плеча.

1928

101. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Мерным грохотом и звоном
И качаньем невпопад
За последним перегоном
Ты встаешь в окне вагонном,
Просыпаясь, Ленинград.

Друг, я ждал тебя немало...
В нетерпенье — видишь сам —
Перед аркою вокзала
Сразу сердце застучало
По сцепленьям и мостам.

Брат мой гулкий, брат туманный,
Полный мужества всегда,
Город воли неустанной,
По гудкам встающий рано
Для великих дел труда.

Как Нева, что тратит пену
На устоях мостовых,
Как заря — зари на смену, —
Я отныне знаю цену
Слов неспешных и скупых.

Друг твоим садам и водам,
Я живу, тебя храня.
Шаг за шагом, год за годом,
Сквозь раздумья к строгим одам
Вел ты бережно меня.

Возвращаясь издалёка,
Я опять увидеть рад,
Что в судьбе твоей высокой
Вслед ампиру и барокко
Вырос юный Ленинград,

Что вливает в гром завода
И Нева свой бурный стих,
Что людей твоих порода
И суровая погода —
Счастье лучших дней моих!

⟨1929⟩

102. ВИНО

Есть в Имеретии вино —
Не всем понравится оно.

Зайди в какой-нибудь духан,
Проси полней налить стакан —

Тебе хозяин принесет
Вино, чеснок и синий лед.

И вот — от первого глотка —
Сама опустится рука,

Вдохнешь ты давнюю полынь
И ветра солнечную синь.

Увидишь ласточек, и дом,
И сизый тополь над окном,

Себя увидишь в речке дней —
Но лучше, радостней, вольней —

Как будто в вещую тетрадь
Еще не начал ты писать.

И снегом первого листа
Душа раскрыта и пуста.

Глоток второй — и невпопад
В саду деревья зашумят,

Сгоревших дней ползучий дым
Вдруг встанет дубом молодым,

Раскинет ветви и, гудя,
Обрушит олово дождя.

Тут ты очнешься — и потом
Ударишь в доски кулаком,

И, распахнувши в ночь окно,
Допьешь проклятое вино!

1 июня 1929
Грузия

103. NATURE MORTE

Фаянсовых небес неуловимый скат,
Кольцо лиловых гор и золото пустыни...
На синей скатерти шафранный ломтик дыни
Прозрачен и душист, как вянущий закат.

В окне — горячий день, волны глухой каданс,
Литая бронза груш, где осень не иссякла,
Залив, натянутый, как крепкий лук Геракла,
На кресле — плед, очки, тетрадь, «Mercure de Françe».

Налево — полка книг: народы и века,
На гладком ватмане разбрызганная призма,
И, словно лебеди эпохи символизма,
В наклонном зеркале лепные облака...

Я пью из чаши гор полуденный отстой,
Я тихо взор веду вдоль тающих окраин,
А рядом сих пустынь апостол и хозяин
Склонился к посоху седою головой.

Повязкой эллинской охвачен львиный лоб,
Но в буйной седине — вся сила Запорожья,
Все ветры Скифии, вся молодость Стрибожья —
Не Пан, не Гезиод — мятежный протопоп.

Из русской совести, отстоянной как хмель,
Из знойного песка в полынном кругозоре,
Из скифских пажитей и эллинского моря
Он изваял страну и назвал: Коктебель.

Осень 1929

104. МУЗЫКА В ПАВЛОВСКЕ

(Девятисотые годы)

Оранжерейная ли роза
В окне кареты и лакей,
Или одышка паровоза
Над влажным гравием аллей,

Густое, свежее пыланье
Дубов и окон на закат,
Или игла воспоминанья,
Пруды и стылый листопад?

Не знаю... Шипром и сиренью
По сердцу холод пробежал,
И я вхожу воскресшей тенью
В старинный Павловский вокзал.

Вновь гимназист, смущен и кроток,
Иду смущенно по рядам
Средь генеральш, актрис, кокоток
И институтских классных дам,

У входа фраки и мундиры,
Билеты рвут кондуктора,
Палаш волочат кирасиры,
Вербеной веют веера.

Духов доносится дыханье,
Летит позвякиванье шпор,
И музыка по расписанью
Ведет негромкий разговор.

Как передышка от парадов,
Как заглушенный вальсом страх,
Тупое скрещиванье взглядов
И рядом с Бахом — Оффенбах.

Лицеем занят левый сектор,
Правей гусары, «свет», а там
Средь бальных платьев мой директор,
Меланхоличен, сух и прям.

Он на поклон роняет веки
И, на шнурке качнув лорнет,
Следит за облаком на треке
Под романтический септет.

Аплодисменты. Разговора
Неспешный гул. Сдвиганье мест.
И вновь три такта дирижера,
Насторожившийся оркестр.

Все ждут. Запела окарина,
Гудят смычки. Удар упал,
И в медном грохоте лавина
Со сводов рушится на зал.

В дожде, в сверкающей лазури,
В мельканье дьявольском локтей,
В прорывах грома, в свисте бури
Весь блеск, весь ужас этих дней!

О, флейты Шуберта! С откоса
Сквозь трубы и виолончель
Летите в мельничьи колеса,
Где лунно плещется форель,

Взрывайте, веселы и живы,
Мир зла, обмана и измен,
Стучите, как речитативы
Под кастаньетами Кармен!

В надрывном голосе фагота
И в струнном бешенстве смычков
Предчувствие водоворота,
Размыва, оползня веков.

И нет плотины, нет спасенья
От музыки. Останови,
Когда ты можешь, наводненье
И грохот гибели в крови!

Уже летают паутинки,
И осень века вплетена
В мигрень Шопена, голос Глинки,
В татарщину Бородина.

Уже летит по ветру роза
И ниже клонятся весы,
А дымный отклик паровоза
Вступает в Баховы басы.

1929

105. КОГДА РОЖДАЛСЯ ДНЕПРОГЭС

Там, где рвался сизый ситец
О гранит и известняк,
Где сквозь пену Ненасытец
Высил каменный костяк,

Где отроги Прикарпатья
На клыки, как дикий вепрь,
В тесно сжатые объятья,
Принимали мутный Днепр, —

Степь раздвинула утесы,
Неба высушила синь,
И разрезала откосы
Рельс текучая полынь.

Седоусый и чубатый,
Прорываясь сквозь века,
Батько Дніпр, казак заклятый,
Шпорой пробует бока.

Вздыбив серую кобылу,
Нагибаясь к стременам,
В лук крутой сгибает силу,
Пляшет саблей по камням.

Но, и фыркая и роя
Закипающий сугроб,
Конь в бетоны Днепростроя
Упирает черный лоб.

А тугое половодье
Пухнет злобою, пока
Ищет сослепу поводья
Ослабевшая рука.

Не гордись былым корытом,
Запорожец, дід Дніпро,
Не дивись, что динамитом
Рвем мы дряхлое нутро!

Чуя узкую могилу,
Понесешь ты, рад не рад,
Всех веков седую силу
На Днепровский комбинат.

В разозленном пенном смехе
В провода вольешь сполна
Ветер сабельной потехи,
Вольный топот табуна,

Чтоб, как чуб твой — сизый иней,
Как стрелы сверкнувший луч,
Стал советский алюминий
Легок, звонок и летуч.

Чтоб, как свист в набеге ратном,
Храп коней и скрип седла,
На полу в рельсопрокатном
Полоса, шипя, ползла;

Чтобы вздыбленные воды
На отливе крутизны
Поднимали пароходы
От Херсона до Десны.

Чтоб в лугах по Заднепровью,
Вспарывая целину,
Ты поил своею кровью
Всю червонную страну.

1929

106

Овраги, поля и березы,
И вёдро, и дождик опять, —
Пускай это льется как слезы,
Которых не хочешь унять,

Всего себя выплакать надо,
Чтоб после увидеть ясней
Росистую молодость сада
И розовый месяц над ней!

1920-е годы

107

Нет, не напрасно я в звездном лесу
Радостно легкое сердце несу.

Переплывая извечный поток,
Знаю я: мир полногласный широк.

Буду я камнем у моря молчать,
Розовым озером небо качать.

Руки раскинув на лунном пути,
Буду торжественным дубом расти.

Солнечной ласточкой резать лазурь,
Прыгать дельфином — товарищем бурь.

Время настанет — войду в хоровод
Скал и деревьев, равнины и вод,

Вечной останусь над морем звездой,
Птицей, растением, зверем, водой.

И человеческий голос во мне
Чьей-то по-братски ответит струне.

1920-е годы

108. «ICH GROLLE NICHT...»[1]

«Ich grolle nicht...» Глубокий вздох органа,
Стрельчатый строй раскатов и пилястр.
«Ich grolle nicht...» Пылающий, как рана,
Сквозистый диск и увяданье астр.

---

[1] «Я не сержусь» — слова Гейне, музыка Шумана.

«Ich grolle nicht. . .» Ответный рокот хора
И бледный лоб, склоненный под фатой. . .
Как хорошо, что я в углу собора
Стою один, с колоннами слитой!

Былых обид проходит призрак мимо.
Я не хочу, чтоб ты была грустна.
Мне легче жить в пыли лучей и дыма,
Пока плывет органная волна.

Виновна ль ты, что всё твое сиянье,
Лазурный камень сердца твоего
Я создал сам, как в вихре мирозданья
Легендой создан мир из ничего?

Зовет меня простор зеленоглазый,
И если нам с тобой не по пути,
Прощай, прощай! Малиновки и вязы
Еще живут — и есть куда идти!

Цветет жасмин, струясь в вечернем Рейне,
Цвети и ты обманом снов своих,
А мне орган — брат Шумана и Гейне —
Широк, как мир, гремит: «Ich grolle nicht. . .»

1920-е годы

109

Как в сумеречный день дыханье пены зыбкой,
Воображение безжалостно дразня,
С досадной воркотней иль ласковой улыбкой
Всегда ты ускользаешь от меня.

Скрываясь за пустой или небрежной фразой,
Какую-то печаль безжалостно тая,
Не веришь ни словам, ни песне, ни рассказу, —
Со мной — и без меня, моя — и не моя.

И только в комнате с раздернутою шторой,
Среди таинственно рассыпанных огней,
Вдвоем, лицом к лицу, мы скрещиваем взоры, —
Враги или друзья? — так, что нельзя тесней.

Конец 1920-х годов

110

Как странно встречаются души...
Проходят, друг друга задев,
А сердце тревожит и душит
Какой-то забытый напев.

Давно уже чем-то знакомый,
Воскрес он из прожитых лет,
Как память далекого дома,
Как юного сердца привет.

И хочется верить и слушать
Мелодию эту... Но нет —
Встречаясь, расходятся души,
Чтоб кануть в холодный рассвет.

Конец 1920-х годов

111. К ЮНОСТИ

Блуждая, томился я много,
Вверялся недоброй судьбе,
И вот полевая дорога
Ведет мою память к тебе.

Письмо за письмом разбирая —
Старинную повесть души, —
Я вижу тебя, молодая,
В сосновой озерной глуши.

Но вместе с полями родными,
Где в солнце сверкают дожди,
Простое веселое имя
Навеки осталось в груди.

Ложатся мне на́ сердце росы,
Плечо задевают кусты,
Как будто в упругие косы
Ты те же вплетаешь цветы,

Как будто в горячую руку
Мне грустные пальцы легли
И снова поет нам разлуку
Кузнечик в вечерней пыли.

Всё те же и берег отлогий,
И зноем налитая рожь,
Да только вдоль старой дороги
Былых васильков не найдешь...

Апрель 1930

112

Восточный Крым. Очарованье
Твоих холмов, равнины, скал
Я не вместил еще в названье,
А то, что было, потерял.

Не «Киммерийские пустыни»
И не «Италия» (она
Дымится далью светло-синей
В холстах Сильвестра Щедрина), —

Ты солнцем выбеленный дворик
И моря гулкий очерет.
Воспоминаньем воздух горек
Или полынью — кто поймет?

Но розовые черепицы,
Известка стен и плющ сухой —
Всё это на сердце ложится
Дыханьем осени сквозной.

Восточный Крым! Полынные холмы,
Дыхание лазурного залива
И гребень гор... к вам памятью счастливой
Я ухожу от тающей зимы.

Закрыв глаза, я вижу, как живет
Широкое дыхание прибоя,
Степных стрижей сверкающий полет
И синий день, струящийся от зноя.

Сентябрь 1930
Коктебель

113. TERRA ANTIQUA[1]

В синеве кремнистых складок,
В пыльных тропках чабана,
Там, где свежих лоз порядок,
Черепиц и мальв цветенье
Протянула вдоль селенья
Виноградная страна,

Где развернуты на створе
Осыпь охры, синь сурьмы —
Встань, вдохни всей грудью море,
И, как Товия когда-то,
Поведет тебя вожатый
На закатные холмы!

В легком шорохе сандалий,
С длинным посохом в руке,
Он раздвинет эти дали —
Очерет холмов полынных,
Выгиб скал и гул пустынных
Пенных гребней на песке.

И в округлостях шафранных,
В мирном грохоте зыбей,
Как во сне, сквозь синь тумана
Ты узнаешь взор, и волос,
И глухой, как море, голос
Древней Матери твоей!

Сентябрь 1930
Коктебель

114. САД ПОЭТА

Сады прекрасные, под сумрак ваш священный
Вхожу с поникшей головой...

А. С. Пушкин

В побегах мраморного хмеля
Бродя мечтою наугад,
Любил я в синий час апреля
Почтить цитатой из Корнеля
Иль Озерова этот сад.

---

[1] Древняя земля (лат.). — *Ред.*

Моя душа вошла до срока
В чертеж руин, каскадов, лип,
И патетический барокко
Неумолимо и жестоко
Ей придал женственный изгиб.

И стих мой в праздности лукавой
Уже ценил игру волют,
Лучи колонн, доспехи славы,
Растрелли умные забавы
На пышном празднестве минут.

Мне нравилась фасада живость,
Лепных узоров пестрота
И нимф и гениев игривость,
Пока сквозь душную красивость
Не просквозила Красота.

С тех пор люблю я скупость линий,
Колонны сдержанный полет,
В просвете статуй воздух синий,
На ручке вазы — первый иней,
У ног Перетты — первый лед.

Люблю не сумрак полусонный,
А предосенний лип наряд,
И эти пушкинские клены,
И строгость бронзы оснеженной,
И дум неспешный листопад.

Ноябрь 1930

115

На пустом берегу, где прибой неустанно грохочет,
Я послание сердца доверил бутылке простой,
Чтоб она уплывала в далекие синие ночи,
Поднимаясь на гребень и вновь опадая с волной.

Будет плыть она долго в созвездиях стран небывалых,
Будут чайки садиться на скользкую темень стекла,
Будет плавиться полдень, сверкая на волнах усталых,
И Плеяды глядеться в ночные ее зеркала.

Но настанет пора — наклоняясь со шлюпки тяжелой,
Чьи-то руки поймают посланницу дальних широт,
И пахнут на припеке ладонью растертые смолы,
А чуть дрогнувший голос заветные буквы прочтет.

Свежий ветер разгладит листок мой, закатом согретый,
Дымный уголь потонет над морем в лиловой золе,
И расскажет потомкам воскресшее слово поэта
О любви и о солнце на старой планете — Земле!

1930

116. КЕРЧЬ

Запрыгало рваной корзиной,
Ударило грохотом в дом,
Всё небо, как парус холстинный,
Вспороло сверкнувшим ножом.

Расплющило капли, к конторе
Приклеило мокрую сеть,
А гладкое скользкое море
Уже начинает кипеть.

Уж бродят сосущие смерчи
Меж небом и рваной водой,
Уж низкие мазанки Керчи
Сверкнули зеленой слюдой.

А парус рыбачьей бригады
Ложится под острым углом
И режет курчавое стадо
Тупым деревянным ножом.

1931

117. СЪЕЗД СЕЛЬСОВЕТОВ В ГОРНОЙ АРМЕНИИ

Армянский зной — он розов и тяжел —
Рябит в лесу бегущею корзинкой.
Вьюки качая, замшевый осел
Натер лопатки пишущей машинкой.

Идут верхами: Жора — секретарь,
Два комсомольца, новый председатель
И беспартийный доктор — их приятель.
А под копытами кизил и гарь.

Клуб высоко. Нелегкий перевал.
Но честно служит конь. Вот глиняное зданье.
Выносят стол. «Товарищи, вниманье!»
А тар гремит «Интернационал».

И делегаты, ждавшие с утра
В расплесканной тени сухих акаций,
Поджавши ноги, вкруг стола садятся.
И деловая двинулась жара.

Уже учитель пишет протокол,
Графин с водой разломан солнцем резко,
И оглашается повестка
Под лепет рек и завыванье пчел.

Идут, скрипят колхозные дела
Арбой надежной — медленно, но споро.
Порою разгораются до спора,
Порой, как конь, мусолят удила.

Но каждый камень на крутом пути
Расшатан, поднят цепкими руками,
Чтоб шла легко дорога под возами,
Чтоб общий груз ладнее довезти.

Облит слепящей жестью горизонт,
Дымятся горы — добрая погода!
Счет трудодней и тракторный ремонт,
Покос в горах и заготовка меда...

На этот сад настороженных глаз,
Рук голосующих и слов гортанных,
Записок, брошенных на стол, и странных,
Но братских лиц — горячий сходит час.

Армянский говор непонятен мне,
А подхватило и меня теченье
Дел, пахнущих землей, и страстных дум кипенье
В рождающейся, как поток, стране.

1931

118. МОЙ РОД

Род мой темен, и навеки
Канул он в ночную синь.
Справа — тихвинские реки,
Слева — тульская полынь.

Не храню я родословий
В кабинетной тишине.
Иноземной терпкой крови
Нет ни капельки во мне.

И от предков мне осталась
Только память той земли,
Где ведут косую жалость
По-над лесом журавли.

Всех даров земных чудесней
Пал в мой род — за чьи вины? —
Уголек цыганской песни
С материнской стороны.

Кто б он ни был — горбоносый
Парень с медною серьгой,
Расплетавший русы косы
В звездах полночи ржаной, —

От него мне нет покоя,
И по сердцу наобум
Бродит племя кочевое
Черногривых дней и дум.

1932

119. МОИ САДЫ

Мой первый сад, где в голубом апреле
Взыскательным мечтателем я рос,
Расставлен был по прихоти Растрелли
Среди руин, каскадов и стрекоз.

Чертеж забав и формула привычек,
Рассудка друг, он научил меня
Иронии кукушьих перекличек
И сдержанности мысли и огня.

Но русская курчавая природа
В моей крови бродила неспроста.
Меня влекли всё больше год от года —
Закат в лесах и розовая Мста.

На челноке пересекая устье
Родной реки, блуждал я наугад,
И цвел со мною в тульском захолустье
Неповторимый яблоневый сад.

Полна вся жизнь неугасимой жажды,
И мил мне шумный лиственный народ.
Свои сады встречал я не однажды,
Но каждый сад был все-таки не тот.

Одни, как сон, мелькали ненадолго
В окне кают средь тополевой тьмы,
Когда меня несла чуть слышно Волга
На огоньки холмистой Костромы.

Другими был обманно я утешен,
И с той поры во сне и наяву
Ни финских хвой, ни харьковских черешен,
Ни ялтинских платанов не зову.

Лишь раз, в степи, измучен белым зноем,
Пустив на волю потного коня,
Я был охвачен сладостным покоем,
Под рокот вод, шумевших вкруг меня.

На грудь снегов по каменистым скатам
Шел этот сад, задумчив и суров,
Переплетен прохладой и закатом
И пересыпан громом соловьев.

Луна, плеща, купалась по арыкам,
Пел Саади угрюмый карагач.
Проснулся я — песок, холмы и в диком
Зеленом небе тонкий птичий плач.

Опять они, ребяческие бредни,
Призыв ветвистых братьев и сестер!
Каким же будет сад мой, сад последний,
Простой мечты отрада и простор?

Над русской ли срединною рекою
Средь камышей в болотистой луне
Отдам я жизнь вечернему покою,
Который здесь напрасно снился мне,

Или в кудрях насупленной чинары
Ко мне дойдут — и скоро, может быть, —
И ветра вздох, и волн ночных удары,
И голос тех, кого нельзя забыть?

Но всё равно — и радостней и шире,
На звездный зов, в скрещенье всех дорог,
В живом, зеленом, вечно юном мире
Я поднимусь — раскидист и высок!

1932

120. ИМЯ

Что вашего имени проще?
Прислушаюсь только — а в нем:
И Волга, и легкие рощи,
И в черной смородине дом.

Как детства зеленая давность,
Как песни некошеный луг —
Московский ваш говор и плавность
Черемухой пахнущих рук.

Но разве зрачки виноваты,
Что в их золотящейся тьме
Такие бывают закаты,
Как в Кинешме иль Костроме?

И разве не вышиты брови
Хвоинкой на снежной парче,
Чтоб петь мне о древней любови —
С татарской стрелою в плече?

О, песня, кляня и ревнуя,
Нам не в чем друг друга судить!
Другую под солнцем целуя,
Не мог я тебе изменить.

Подымем высокую жалость
Костром в вечереющей мгле,
Споем, как давно не певалось,
На милой, на грешной земле!

Хочу под дождями косыми,
В березах родного пути,
Я легкое русское имя
Последним произнести.

Между 1929 и 1932

121. СЕВЕРНАЯ ДОРОГА

Я люблю железные дороги,
Семафоры, будки и мосты...
Льдинкой тает месяц тонкорогий,
Чуть дымятся синие кусты,
Грудь щемит от песенной тревоги,
От лесной смолистой духоты.

Мчится поезд, искры рассыпая,
Оставляя версты по пути.
Лунная, звенящая, шальная
(В памяти иной мне не найти)
Юность, юность! Даже и такая,
Легкая, бездумная, — лети!

Городок, рассыпанный над балкой
(Память укололо, как иглой!),
Продает на станции фиалки,
Пахнет тесом, гарью и смолой,
Дым по кирпичам водокачалки
Пробежал волнистой полосой.

Вновь я ваш, товарные вагоны,
Злых костров косматое тепло,
Долгие ночные перегоны,
Мутное рассветное стекло,
Брови елок и сырой вороны
Против ветра тяжкое крыло!

Между 1929 и 1932

Опущу я по туману
Повода,
Укорять тебя не стану
Никогда.
Над собою взять победу
Нелегко, —
Если хочешь, я уеду
Далеко.
Нас разлука не встревожит
И во сне.
И не вспомнишь ты, быть может,
Обо мне.
Проживешь светло и строго
Весь свой путь.
Мне же вольная дорога
Ляжет в грудь.
Я пойду широкой рожью
В тот простор,
Где река легла к подножью
Синих гор.
Я в ручьях на косогоре
Смою боль
И вдохну всей грудью море —
Синь и соль!

1932

123. ПРЕДГОРЬЕ

Ничего я не прошу у неба,
Ни о чем не думаю, пока
Жизнь моя черствее корки хлеба
И синей кобылья молока.

Каждый день, пуская вороного,
Я считаю звезды у костра,
Каждый день горчит мне душу снова
Тот же ветер, что гулял вчера.

Горных пастбищ пестрое убранство
Розовеет в медленной пыли.

Вот оно — овечье постоянство,
Грудь и скулы матери-земли.

Всё отдать, всё выветрить, остаться,
Как ковыль, летучим и сухим,
Над чужой кибиткою качаться
Или плыть, как бесприютный дым...

В кочевой неудержимой смене
Что осталось от веков и стран?
Облака, да голубые тени,
Да холмов верблюжий караван...

1932
Казахстан

124. НОЧЛЕГ НА ГЕОЛБАЗЕ В ТАЛАССКОМ АЛАТАУ

Встречают нас собаки
За ближним поворотом,
Невидимая ветка
Хлестнула по лицу,
Зевнули с долгим скрипом
Тяжелые ворота,
И бричка подкатила
К намокшему крыльцу.

Пока над самоваром
Распарят нам галеты
И яблок пропеченных
Дадут сковороду,
Смотрю на полушубки,
На ружья и планшеты,
На мокрые платаны
В разбуженном саду.

«Ну, как дела на базе?»
— «Вот письма. Завтра в горы!
И надо торопиться.
Подъем к шести часам!
Кончайте чай, ребята!
Оставьте разговоры,
Задания и карты
Я приготовлю сам».

Еще чуть слышно ноет
Разбитое колено,
На сеновале шепот —
Девичий сонный вздор,
А я, как в память детства,
Проваливаюсь в сено,
И чертят небо звезды,
Летящие во двор.

Сегодня утром в горы,
Чуть зорька тьму разгонит,
За розовою медью,
За голубым свинцом!
Сегодня утром в горы!..
Оседланные кони
Храпят, звеня подковой,
И сотрясают дом.

Во сне моем ущелья
Сдвигаются, как тени,
Шурфами, как иголкой,
Истыкана руда.
Сегодня утром в горы,
В пласты месторождений,
Где струями с откоса
Изогнута вода.

От лекций и зачетов,
От книжного азарта —
К палатке в горных склонах
С подножною грозой,
Чтоб расступились горы,
Чтоб обновлялась карта,
Чтоб все раскрыл нам тайны
В веках палеозой!

1932

125. ПИАЛА

Ах, какая у меня пиала!
Всем красавица бокастая взяла.

На груди у ней — прохожий, дивись! —
Две фаянсовые розы сплелись,

И горячие ласкают струи
Растопыренные пальцы мои.

Мой зеленый чай прозрачен, как мед,
В нем стоячая чаинка плывет.

А на донышке — камыш и луна,
Чтобы радость выпивалась до дна.

Если в пиалу мою налить вино,
Станет розовым, как небо, оно.

Если горного ручья зачерпнуть —
Будет весело усы окунуть.

Если пенного плеснуть кумыса —
Заплетется вокруг сердца коса,

А коль девушку захочешь забыть —
Отодвинь ее, не надо пить!

Потому что на фаянсе дна
Захохочет над тобой она,

И придется от сухой тоски
Пиалу мою разбить в куски!

1932
Чимкент

126. НОЧЛЕГ

Теплой солью с луговин подуло..,
Гаснет солнце. Нет конца пути.
Напои коня, луна аула,
И в траву за юртою пусти!
Твоего халата полыханье
Я не мог объехать у огня.
Не таись и не беги заране,
Рукавом закрывшись, от меня.

Плов в котле вздувается устало,
Пламя лижет медные бока.

Сколько звезд! Сквозит, как покрывало,
В темной сини млечная река.
Две лепешки, поданных на блюде,
Щедрой горстью брошенный творог —
Добрым знаком мне при встрече будет,
Чтоб забыть я этого не мог.

Шерсть у псов — взлохмаченный репейник.
В полумраке, мягком, как баран,
На груди сверкнула нитка денег,
Просквозил в летучем ситце стан.
Я сухой чабрец перетираю,
Я гляжусь в глаза, чья глубь темна,
Словно я прильнул губами к краю
Пиалы, где не находишь дна...

Утро в небе расплетет узоры,
Горсть золы ты бросишь на огонь,
А меня в синеющие горы
Понесет упругой рысью конь.
И, рукою бровь прикрыв, с порога
Ты увидишь на рассвете дня,
Как пылит полынная дорога,
Словно бубен горестно звеня.

1932

127. ЫЛДЫЗ [1]

Струится степь. Широко и нескоро
    Дымит стекло.
Скрипит, скрипит, раскачивая горы,
    Мое седло.
Едва пылит — дорога не дорога,
    А сушь и лень.
Шагай, Ылдыз, шагай, еще немного,
    И канет день.
Со всех сторон острей запахнет мятой,
    Сверкнет звезда.
Смотри — сады, поля клокастой ваты,
    Вода, вода!
Тебе — арык и свежий ворох сена,
    Луна и тьма,

[1] Ылдыз — звезда (тюрк.). Здесь — имя коня.

Мне — пиала, где шапкой вздулась пена,
    Кумыс, кошма.
Обоим нам — платок лиловый звездный
    И дым костра.
Бери в галоп, пока еще не поздно,
    Скачи, пора!
Но ты храпишь, мотая головою,
    Не веришь мне,
И я гляжу — над снеговой грядою
    Сады в огне.
Мне в уши бьют то яростней, то тише
    Снега, ручьи.
Сады, сады... Один другого выше...
    Откуда? Чьи?
Но что со мной? Иль я теряю силы
    И стремена?
Плывет вся степь. Опять поворотила
    Нам путь она.
Скачи, Ылдыз, скачи на дым аула!
    Ты не предашь.
Вот кизяком от юрты потянуло.
    Там отдых наш.
Там дым костра, кумыс с лепешкой хлеба,
    Туда, туда!
А путь далек. И звезды вышли в небо.
    Но где ж вода?
Вода идет! Здесь, в веке небывалом,
    В песках сухих,
Она уже струится по каналам
    Из недр земных.
Вода идет! Она не только снится,
    Она близка,
И сможет степь живой воды напиться
    На все века!

1932
Казахстан

128

Словно ветер на степном просторе
Иль рожок, звенящий за горой,
Как сквозь сон, в дни радости и горя,
До тебя доходит голос мой.

Подожди, помедли хоть мгновенье,
Памятью былого не кляни.
Ведь недаром снежное цветенье
Осыпали молодые дни!

Пусть душа и плачет, и смеется —
Нам другой на свете не найти.
Всё проходит. Сердце остается.
Милый друг, счастливого пути!

Ноябрь 1933

129

Мне снилось... Сказать не умею,
Что снилось мне в душной ночи:
Я видел всё ту же аллею,
Где гнезда качают грачи.

Я слышал, как темные липы
Немолчный вели разговор,
Мне чудились иволги всхлипы
И тлеющий в поле костер.

И дом свой я видел, где в окнах
Дрожа, оплывала свеча.
Березы серебряный локон,
Качаясь, касался плеча.

С полей сквозь туманы седые
К нам скошенным сеном несло,
Созвездия — очи живые —
В речное гляделись стекло.

Подробно бы мог рассказать я,
Какой ты в тот вечер была:
Твое шелестевшее платье
Луна ослепительно жгла.

А мы не могли надышаться
Прохладой в ночной тишине,
И было тебе девятнадцать,
Да столько же, верно, и мне.

1933

130

Из пустыни, где катит буруны Балхаш,
Из предгорий, где тополем дышит Чимкент,
Для тебя, северянка, моя Карашаш,
Засушил я пахучие травы легенд.

Нам язык для сравнений и радости дан,
И восточным я щелкать хочу соловьем.
Если сердце мое — огнекрылый тюльпан,
Золотистой пчелой ты качаешься в нем!

1934

131

Снова подушка моя горяча,
Рад бы заснуть, да не спится.
Душная лунная эта парча
На плечи тяжко ложится.

Душит меня, разрывает мне грудь
Пиршество мрака и света.
Руки хочу я к тебе протянуть,
«Где ты?» — сказать без ответа.

Мне и луна без тебя не светла,
Ночи не слышно дыханья.
Тонкой иглой ты мне в сердце вошла
В горестный миг расставанья.

В уши немолчно цикады стучат,
Все кипарисы на страже,
Узкой тропинкой спускаюсь я в сад,
Лунной окутанный пряжей.

Вкрадчиво гравий хрустит под ногой,
Песню заводят сирены,
И на песке расстилает прибой
Рваное кружево пены...

В северной, скрытой туманом стране,
Под равнодушной луною,
Спишь ты, глубоко вздыхая во сне,
В доме над темной рекою.

В комнате тихо, и город твой спит
В отблеске мутном и алом.
Вправлены темные воды в гранит,
Блещет игла над каналом.

И беспокойная слышит душа
В полном ветрами просторе,
Как обступает, широко дыша,
Дом твой растущее море.

Как оно дышит в глубинах стекла,
В комнате, полной покоя,
Как набегает, сребристо-светла,
Легкая пена прибоя.

1936
Новый Афон

132. ТЮТЧЕВ НА ПРОГУЛКЕ

Скрипучий голос, старчески глухой,
Тугие складки клетчатого пледа,
Очки и взгляд, где горьких дум отстой
Приправлен острословьем домоседа.

Прозрачная костлявая рука
Легла на набалдашнике тяжелом,
А седина, подобие венка,
Сквозит уже ненужным ореолом.

Но кто же он? Философ? Дипломат?
Сенека петербургского салона?
Иль камергер, что в царскосельский сад
Спустился по ступенькам Камерона?

Подернут рябью озера изгиб,
Кружится лист, прохладен воздух синий,
Среди подагрой искривленных лип
Покорно стынут голые богини.

В сырой отяжелевшей тишине
На озере, уже в туман одетом,
«Мечети» призрак, словно в полусне,
Струится одиноким минаретом.

Нет, всё не то! Славянство и Босфор.
Писать царям стихи и наставленья,
Когда в ветвях распахнутый простор,
А из Европы слышен запах тленья!

Менять язык, друзей и города,
Всю жизнь спешить, чтоб сердце задыхалось,
Шутить, блистать и чувствовать всегда,
Что ночь растет, что шевелится хаос.

О, за один усталый женский взгляд,
Измученный вседневной клеветою
И все-таки сияющий, он рад
Отдать всю жизнь — наперекор покою.

Чтоб только не томиться этим сном,
Который мы, не ведая названья,
В ночном бреду сомнительно зовем
«Возвышенной стыдливостью страданья».

Непрочен мир! Всем надоевший гость,
Он у огня сидеть уже не вправе.
Пора домой. И старческая трость
Вонзается в сырой, холодный гравий.

Скрипят шаги, бессвязна листьев речь.
Подагра подбирается к коленям,
И серый плед, спускающийся с плеч,
Метет листы по каменным ступеням.

⟨1938⟩

133. ПУШКИН АЛЕКСАНДР

(1817)

Сбивая тростью лопухи,
Скользя мальчишеской походкой,
Слагал он легкие стихи
Строфою звонкой и короткой.

Луна сверкала на траве,
В аллеях пятна разливая,
А пунш гусарский в голове
Шумел, гудел, не умолкая.

Как он махнул через забор!
И пес отпрыгнул, не залаяв.
Конечно, Юрьев был остёр
И улыбнулся Чаадаев.

Вольнолюбивые мечты,
Куплеты бурного Парижа...
А всё ж заветные листы
Здесь на груди и к сердцу ближе.

В помарках рукопись была,
Срывался голос, неуверен.
«Твоя прелестница мила, —
Подняв стакан, сказал Каверин. —

Она напоминает мне
Сильфиду школы театральной.
Не по ее ль, друзья, вине
Мы, как в балладе, все печальны?

Как ловко стал ты рифмовать!
Людмила — славная девчонка.
Но пить — так пить!» Пошла пылать
В ночи синеющая жженка.

Плясали, пели, снова пили,
Звенели рюмки здесь и там.
«Их важно чашники носили
И низко кланялись гостям».

. . . .

Он шел в деревьях напрямик,
Потом вдоль озера с колонной,
Где вслед за мостиком возник
Чертог, луной осеребренный.

Он шел без мысли, наугад,
И вдруг — вздохнуть не стало силы:
Ведь это здесь волшебный сад,
Приют тоскующей Людмилы!

Беседка, озеро, луна,
И мимо, в серебристой дымке,
Слегка задев кусты, она
Скользнула в шапке-невидимке.

Листвы насмешлив разговор,
Лукаво озеро смеется,
И, запыхавшись, Черномор
В кустах за пленницей крадется...

Луна то выйдет, то зайдет...
Но что же он? Домой скорее!
Запомнить, записать! И вот
Через дорогу тень Лицея.

В четвертом этаже окно
Чуть отливает синевою.
В ночи затеплится оно,
Погаснет только пред зарею.

⟨*1939*⟩

134. МАРТ

Бывает так — еще дыханьем стужи
Закатных туч лицо обожжено,
А в золотой, задетой ветром луже
И дым дрожит, и плавится окно.

Еще хрустят разбитые морозы,
А над чертой коричневой земли
Чуть лиловеют легкие березы
И вольный строй ломают журавли.

И дышишь ты, весь мир в себя вбирая,
И ввысь расти, как дерево, готов,
И хочешь петь, и песнь твоя такая,
Что ей уж нет привычных берегов!

⟨*1939*⟩

135

Знал я лунные заливы,
Грудью пил лазурь и соль,
Но от пальм страны счастливой
Равнодушной, горделивой,
Ты уйти сейчас позволь!

Дай бродить мне снова около
Камышей и черных вод,
Там, где небо так намокло,
Где в погашенные стекла
Ровным дождиком сечет.

Пусть рябит лесное озеро,
Ходит по ветру сосна, —
Мне как будто в сердце бросила
Льдинку ранняя весна.

Хвойный ветер, ветер севера,
Столько снов принес с пути,
И травы милее клевера
Мне на свете не найти.

‹1939›

136

Мне сегодня снилось море.
Я проснулся на заре.
Лампа чахла в коридоре,
Дождик прыгал во дворе.

Билась сослепу погода
В помутневшее стекло,
И далекий зов отхода
С парохода донесло.

Как он звал меня протяжно,
Сотрясая ветхий дом,
В рейс обычный, каботажный,
Сердце роющим гудком!

Он кричал хрипящей птицей,
Выл на сотню голосов
О горячей черепице
Черноморских городов,

О лебедках, взлетах груза,
Шумной жизни портовой,
Снежных брызгах и арбуза
Вольной пляске за кормой.

И сквозь медленную опаль
Белых бабочек в окне
Крутоспинный Севастополь —
Краб на солнце — шел ко мне.

Ноздреватый серый камень,
Весь в дыханье горьких трав,
Он прилег, между клешнями
Бухты синие зажав.

И сквозь улицы и склоны
По ступенькам солнце шло,
Надломив в волне зеленой
Загорелое весло!

⟨1939⟩

137. СЛОВА

(Лермонтов в Предкавказье)

Слова, которых нет нездешней,
Привел мне солнечный досуг,
Слова на букву «ч»: черешни,
Чекмень, чинара и чубук.

Над полосою смятой верстки
Уже задумалось перо.
Вот сад. Вот домик в Пятигорске,
Ручей, чинары серебро.

Полынной сушью день утешен,
Закат разбрызган, как вино,
И блюдце бронзовых черешен
Поставил кто-то на окно.

Хозяин ждет. С улыбкой дерзкой
(Иль детской?) смотрит в дым и свет,
И на чекмень станицы терской
Похож сюртук без эполет.

Шумит Подкумок осторожно.
А сердца пленного тоска
Уже прокралась в чуть тревожный
Кизильный запах чубука...

В тот сад серебряно-зеленый
Я вглядываюсь сквозь туман.
(У памяти свои законы,
Свой вдохновительный кальян.)

Мне слов ручей извечно сладок,
Струится камешками дно,
И, лишь нарушив их порядок,
Нам видеть новое дано.

1939

138

Я в этой книге жил когда-то...
На ней доныне след живой
Неторопливого заката
Души, очищенной грозой.

Да, проходил я не напрасно
В дожде и солнце рощ родных,
И звал прекрасное — прекрасным,
И не боялся слов простых.

А на людскую память право
У этих строк хотя бы в том,
Что я сложил их не лукаво —
Достойным русским языком.

1939

139

Дай упиться мне разбегом
Колокольчиков тугих,
Дай умыться чистым снегом
Из прохладных рук твоих!

Словно льдинка, речи хрупки,
Ледяным дышу огнем.
Елка в снежном полушубке
Нас задела рукавом.

Снежной пылью вьется воздух.
Чиркнул полоз о кремень...
Догоняй, пока не поздно,
Свой морозный, звонкий день!

1930-е годы

140. ПОЛНОЛУНИЕ

Мне не спится под луной морозной...
Ты скажи, куда мне сердце деть?
Ведь в такую ночь еще не поздно
На десяток лет помолодеть.

Как сейчас, я вижу этот сонный,
В шубе утонувший городок —
Со звездой, дрожащей и зеленой,
Со снежком, крутящимся у ног.

Сумерки клубились, чуть синея
Меж деревьев черных, и одно
В деревянном доме у Лицея
Чуть светилось желтое окно.

Тихо пели дружные полозья,
Парк бежал навстречу, запад гас
И с ветвей свисающие гроздья
Острой пылью осыпали нас.

А сквозь сумрак, сквозь поземок колкий
В парке за решеткой у пруда
Проходили сумрачные елки
И дрожала зябкая звезда.

Это было снежное начало
Многих сердцу памятных недель,
Нас с тобой кружила и качала
Пушкинская легкая метель.

Всё, что загадали, то и сбылось...
Не померкнет пламя той зимы,
И в глазах у дочки отразилась
Та звезда, которой жили мы.

1940

141. ПАМЯТНИК СУВОРОВУ

Среди балтийских солнечных просторов,
Пред широко распахнутой Невой,
Как бог войны, встал бронзовый Суворов
Виденьем русской славы боевой.

В его руке стремительная шпага,
Военный плащ клубится за плечом,
Пернатый шлем откинут, и отвага
Зажгла зрачки немеркнущим огнем.

Бежит трамвай по Кировскому мосту,
Кричат авто, прохожие спешат,
А он глядит на шпиль победный, острый,
На деловой военный Ленинград.

Держа в рядах уставное равненье,
Походный отчеканивая шаг,
С утра на фронт проходит пополненье
Пред гением стремительных атак.

И он, генералиссимус победы,
Приветствуя неведомую рать,
Как будто говорит: «Недаром деды
Учили нас науке побеждать».

Несокрушима воинская сила
Того, кто предан родине своей.
Она брала твердыни Измаила,
Рубила в клочья прусских усачей.

В Италии летела с гор лавиной,
Пред Фридрихом вставала в полный рост,
Полки средь туч вела тропой орлиной
В туман и снег на узкий Чертов мост.

Нам ведом враг, и наглый и лукавый,
Не в первый раз встречаемся мы с ним,
Под знаменем великой русской славы
Родной народ в боях непобедим.

Он прям и смел в грозе военных споров
И равного ему на свете нет.
«Богатыри!» — так говорит Суворов,
Наш прадед в деле славы и побед.

Август 1941

142. ВИНТОВКА

Пятизарядная, в руках моих
Она мне служит точно, без отказа.
Подругу берегу я пуще глаза
В горячих перестрелках боевых.

Когда так резко щелкает затвор,
В канал ствола патроны досылая,
Я чувствую, как ненависть святая
Предельно вдруг мой обостряет взор.

Кусок свинца, опережая гром
И молнию, несет врагу отмщенье,
Всё ускоряя грозное движенье
По линиям, нарезанным винтом.

Кусок свинца, он отлит для того,
Чтоб, тонким свистом разрезая воздух,
Пробить огнем и смертью вражьи гнезда
По выбору прицела моего.

Подруга трехлинейная моя,
Защитница свободы, враг насилья,
С тобою словно обретают крылья
Моей страны любимой сыновья.

В твоем огне — победы торжество,
И мне твоя надежно служит сила.
Тебя в бою мне Родина вручила
В священной жажде гнева своего.

1941

143. ПАРТИЗАНЫ

Над речкой редеют туманы,
Свежа предрассветная тишь.
Бесшумно плывут партизаны,
Веслом раздвигая камыш.

Нахмурены строгие лица,
Вздымается грудь тяжело.
За ними на взгорье дымится
Сожженное немцем село.

Один из них молвил: «От школы
Остались кирпич да зола,
Погибли и сад мой, и пчелы,
И домик, где дочка росла.

Ее увели, молодую,
Убили у старой сосны.
В тот вечер подругу былую —
Винтовку я снял со стены».

Другой отвечает: «Товарищ,
За этот клубящийся дым,
За трупы, за пепел пожарищ,
За землю свою — отомстим!»

А третий, не выронив слова,
Склоняется к темной воде,
И крупные слезы сурово
Бегут по его бороде.

Вот мост уже близко. Без шума
Привязан к устоям челнок
Туда, где взбегает угрюмо
Волна на холодный песок.

Там бьют по настилу копыта
И вражеский движется взвод,
А здесь по шнуру к динамиту
Зеленая искра ползет.

Всё ближе и ближе. Мгновенье —
И грянул громовый удар.
Вставай же до неба, отмщенье,
Народного гнева пожар!

1941

144. ГНЕВ НАРОДА

Враг, разбивший лоб о наши стены,
Отступая, в ярости своей
Истязает раненых и пленных,
Не щадит ни женщин, ни детей.

По его следам дымятся села...
Зарево, встающее костром,
Говорит о ненависти голой
В страхе и отчаянье тупом.

Так разрушить могут только звери.
Пышет злобою такой лишь тот,
Кто в свое спасенье уж не верит
И расплаты ежечасно ждет.

Гнусная фашистская порода,
С каждым днем сильнее слышишь ты
Страшный гнев советского народа,
Сильного сознаньем правоты.

Кровь за кровь! Вернем, что было взято.
Днем и ночью будем бить сплеча.
Вот она, великая расплата:
Меч поднявший — гибнет от меча.

Не уйдет от пули ни единый.
Дочиста «арийцев» истребим.
Снежные советские равнины
Саваном их скроют ледяным.

Заметет их кости злая вьюга,
И подымет, как придет весна,
Новый хлеб — от севера до юга —
Вольная советская страна.

Февраль 1942

145

Ко мне пришло письмо по почте полевой
В заснеженный блиндаж с далекого Урала.
Уже немало дней ношу его с собой
И помню наизусть всё то, что ты сказала.

Так ясно вижу я: ты пишешь, за окном
Синеют сумерки, потрескивает печка,
А дочка на письме косой рисует дом
И рядом с ним, в саду, смешного человечка...

Но тут зенитки бьют, о темень высоты,
Как спички, чиркают ракеты боевые.
Быть может, завтра бой (и рядом будешь ты)
За землю прадедов, за песни, нам родные.

Могу ли я забыть, здесь на груди храня
Десяток строк твоих в истрепанном конверте,
Что в трудные те дни учила ты меня,
Как Родину любить и не бояться смерти!

Весна 1942

146. БЕЛАЯ НОЧЬ

Волховский фронт

(1942)

Средь облаков над Ладогой просторной,
Как дым болот,
Как давний сон, чугунный и узорный,
Он вновь встает, —
Рождается таинственно и ново,
Пронзен зарей,
Из облаков, из дыма рокового
Он, город мой.
Всё те же в нем и улицы, и парки,
И строй колонн,
Но между них рассеян свет неяркий,
Ни явь, ни сон.

Его лицо обожжено блокады
Сухим огнем,
И отблеск дней, когда рвались снаряды,
Лежит на нем.

. . . .

Всё возвратится: Островов прохлада,
Колонны, львы,
Знамена шествий, майский шелк парада
И синь Невы.
И мы пройдем в такой же вечер кроткий
Вдоль тех оград
Взглянуть на шпиль, на кружево решетки,
На Летний сад.
И вновь заря уронит отблеск алый,
Совсем вот так,
В седой гранит, в белесые каналы,
В прозрачный мрак.
О город мой! Сквозь все тревоги боя,
Сквозь жар мечты,
Отлитым в бронзе с профилем героя
Мне снишься ты.
Я счастлив тем, что в грозовые годы
Я был с тобой,
Что мог отдать заре твоей свободы
Весь голос мой.
Я счастлив тем, что в пламени суровом,
В дыму блокад
Сам защищал и пулею и словом
Мой Ленинград.

Июнь 1942

147

Торопливым женским почерком
Вкось исчерчены листы,
Но о том, что между строчками,
Знаем только я да ты.

Сколько вместе было хожено
Бездорожьем кочевым,
Всё в конверт лиловый вложено,
Чтобы вспомнить нам двоим.

В громе боя, под снарядами,
В злой болотной тишине
День и ночь должны быть рядом мы,
Чтоб дышалось легче мне.

Сентябрь 1942

148. СИНИЦА

Она ко мне влетает спозаранку
И на снегу по сизому перу
Я узнаю пернатую смуглянку,
Лесных ветвей веселую сестру.

Одним глазком поглядывая в небо,
Другим — на мой бревенчатый порог,
Она клюет, нахохлясь, ломтик хлеба,
Наколотый на сломанный сучок.

Потом бочком подскакивает близко,
Шуршит сухой хвоей на шалаше,
И от ее чириканья и писка
Так празднично становится душе.

Кто может знать, чему синицы рады,
Что болтовней им наполняет грудь?
Ни первый лед, ни грохот канонады,
Ни дым костра не могут их спугнуть.

Отстала ль ты, замерзнув на привале,
Иль, может быть, милей морской волны
Тебе дождем затянутые дали,
Сосна и мох болотной стороны?

То к крошкам хлеба легкая привычка,
Иль манит к дому сосен воркотня?
Не всё ль равно! Беспечный друг мой, птичка,
Сама дрожа, согрела ты меня!

Октябрь 1942

149

В суровый год мы сами стали строже,
Как темный лес, притихший от дождя,
И, как ни странно, кажется, моложе,
Всё потеряв и сызнова найдя.

Средь сероглазых, крепкоплечих, ловких,
С душой как Волга в половодный час,
Мы подружились с говором винтовки,
Запомнив милой Родины наказ.

Нас девушки не песней провожали,
А долгим взглядом, от тоски сухим,
Нас жены крепко к сердцу прижимали,
И мы им обещали: отстоим!

Да, отстоим родимые березы,
Сады и песни дедовской страны,
Чтоб этот снег, впитавший кровь и слезы,
Сгорел в лучах невиданной весны.

Как отдыха душа бы ни хотела,
Как жаждой ни томились бы сердца,
Суровое, мужское наше дело
Мы доведем — и с честью — до конца!

Октябрь 1942

150. КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ГАЗЕТА

Газета, каждой буквою родная
Для смелого советского бойца,
Красноармейская и боевая,
Будь с нами в наступленье до конца!

Вселяя в нас уверенность героя,
Твоя всегда горячая строка
Нужна нам, как обойма в шуме боя,
Как сталь неотразимого штыка.

Ты нам была подругой на походе,
Товарищем в огне ночных атак.

Ты речь вела о доблестном народе,
Чье мужество сломить не в силах враг.

Рожденное в боях поры суровой,
Ведя огонь прицельный по врагам,
Твое правдивое простое слово
Крепить победу помогало нам.

Когда за всё сочтемся мы с врагами
И новый хлеб подымем на полях,
В дни торжества ты также будешь с нами,
Подруга, закаленная в боях.

1942

151. ПАЛАТКА

Поздней осенью в чаще несладко,
Дни короче, а сумрак мутней.
Одиноко сереет палатка
Под навесом набухших ветвей.

Уж проносятся листья-скитальцы
В злую изморозь, в хмурую рань,
И дождей посиневшие пальцы
Барабанят о мокрую ткань.

Но на лавке под старой шинелью
Мне тепло, и табачным дымком
Улетает и тает под елью
То, что смутным подсказано сном.

Что мне снилось? Леса и дороги,
Да туманом затопленный бор,
Долгий стон журавлиной тревоги
Над дымящейся гладью озер.

Выхожу — и над гарью равнины,
Над разливами хвойных седин
Треугольником лег журавлиный
Высоко проплывающий клин.

Неустанное крепнет гуденье —
Краснозвездные птицы летят...
А внизу расстилает цветенье,
Как победный костер, листопад.

1942

152

Эти дни славой Родины стали,
Путь победный прошли до конца.
В беспощадном огне испытаний
Закаляется воля бойца.

Не она ль расплавляет металлы,
Дуб сжигает — до горстки золы,
Рвет на части гранитные скалы,
Вяжет рельсы в тугие узлы?

На дыбы подымается поле
И бетон обращается в прах,
Если воля, солдатская воля,
С каждым часом всё крепче в боях.

1942 — 1943

153

Всё выше солнце. Полдень серебрится,
Лес провалился до колен в снега.
Я вижу их — обветренные лица
Суровых истребителей врага.

Остер их глаз, а губы плотно сжаты,
Шинель осыпал колкий снежный прах.
У каждого родные автоматы,
Без промаха разящие в боях.

Что зорче их приметливого взгляда,
Что тверже их натруженной руки!
За ними — честь и сердце Ленинграда,
Зажатого в смертельные тиски...

Был зол мороз и глубоки сугробы,
Но ширился и рвался на простор
Высокой мести и священной злобы
В снегах блокады поднятый костер.

Был ясен день, снега сверкали чисто,
Гудели самолеты в вышине,
И солнце белкой, рыжей и пушистой,
Раскинув хвост, качалось на сосне.

1942 — 1943

154

Стучался враг в ворота к Ленинграду
И, поднимая озлобленный вой,
Затягивал голодную блокаду
Вкруг города злорадною петлей.
Но город жил, трудясь, борясь, и гордо
Глядел своей опасности в лицо.
Он говорил настойчиво и твердо:
«Мы разорвем проклятое кольцо!»

Он фронту отдал помыслы и силы,
Бессонный труд томительных ночей,
Покой и солнце прежней жизни милой
И мужество любимых сыновей.
Они сражались, не жалея жизни,
С отвагою советского бойца
И поклялись перед лицом Отчизны:
«Мы вырвем вас из вражьего кольца!»

В густых лесах, на льдинах переправы,
У невских волн и ладожских болот
Положен ими твердою заставой
Несокрушимой доблести оплот.
Они мотали немцев встречным боем,
На выбор пулей били до конца,
И каждый день пред наступавшим строем
Трещали звенья черного кольца.

Ждет город вас, терпя страданья, муки,
И верит твердо — доблесть победит.

И с вами мы соединили руки,
Нас уж ничто вовек не разлучит.
Настанет день. Заря освобожденья
Повеет свежим ветром нам в лицо.
Бойцы, герои, ленинское племя,
Прорвете вы блокадное кольцо!

⟨1943⟩

155

Колеса вздыбленной трехтонки,
Запутанные провода,
И тут же, в брошенной воронке,
Как небо синяя вода.

Здесь, в предосенней позолоте,
В лесу, просвеченном насквозь,
За шагом шаг ползти пехоте
В огонь и грохот довелось.

Но бой ушел. Далёко где-то
Рокочут дымные леса
И — ветра свежего примета —
Горит заката полоса.

⟨1943⟩

156. ЗА КРУГЛЫМ СТОЛОМ

Когда мы сойдемся за круглым столом,
Который для дружества тесен,
И светлую пену полнее нальем
Под гул восклицаний и песен,
Когда мы над пиршеством сдвинем хрусталь
И тонкому звону бокала
Рокочущим вздохом ответит рояль,
Что время разлук миновало, —
В сиянии елки, сверканье огней
И блестках вина золотого
Я встану и вновь попрошу у друзей
Простого заздравного слова.
Когда так победно сверкает струя
И празднует жизнь новоселье,

Я так им скажу: «Дорогие друзья!
Тревожу я ваше веселье.
Двенадцать ударов. Рождается год.
Беспечны и смех наш и пенье,
А в памяти гостем нежданным встает
Жестокое это виденье.
Я вижу, как катится каменный дым
К глазницам разбитого дзота,
Я слышу — сливается с сердцем моим
Холодная дробь пулемета.
«Вперед!» — я кричу и с бойцами бегу,
И вдруг — нестерпимо и резко —
Я вижу его на измятом снегу
В разрыве внезапного блеска.
Царапая пальцами скошенный рот
И снег раздирая локтями,
Он хочет подняться, он с нами ползет
Туда, в этот грохот и пламя.
И вот уже сзади, на склоне крутом,
Он стынет в снегу рыжеватом —
Оставшийся парень с обычным лицом,
С зажатым в руке автоматом...
Как много их было — рязанских, псковских,
Суровых в последнем покое!
Помянем их молча и выпьем за них,
За русское сердце простое!
Бесславный конец уготован врагу, —
И с нами на празднестве чести
Все те, перед кем мы в безмерном долгу,
Садятся по дружеству вместе.
За них до краев и вино налито,
Чтоб жизнь, продолжаясь, сияла.
Так чокнемся молча и выпьем за то,
Чтоб время разлук миновало!»

Январь 1943

157

Мне снились березы, дорога большая.
Там, где-то на Каме, в глухом городке,
Тебя над остывшею чашкою чая
Я видел с письмом, позабытым в руке.

Метель надо мною кружилась, стонала,
Катился орудий разбуженный гром,
А мне всё казалось, что в грохот вокзала
Спеша, задыхаясь, мы рядом идем.

Я видел себя на площадке вагона
В суровой шинели (ремни вперехлест),
Я слышал твой голос, почти заглушенный
Растущим безжалостным стуком колес.

И я просыпался. В холодные щели
Врывалась поземка. От взрывов дрожа,
Всё так же роняли угрюмые ели
Морозную пыль на окно блиндажа.

Ворчал, закипая в печурке чугунной,
Над розовым пламенем мой котелок,
И вновь погружался я в сумрак безлунный,
И снова от вьюги уйти я не мог.

Но утро настало. И, слушая длинный
Уже утихающей бури рассказ,
Всё так же лечу я равниной пустынной
Над пылью снегов, разделяющей нас.

Конверт твой у сердца в моем полушубке...
И что это — пальцев любимых огонь
Иль только тепло чуть дымящейся трубки
Привычно согревшей сухую ладонь?

Январь 1943

158

Весь день метель кружилась на раздолье,
След заметая легким рукавом,
Шатался лес, и мутно было в поле...
Но месяц встал над дремлющим селом.

Широкий двор перерезают тени,
Блестит окна холодная слюда...
На мягкие, пушистые ступени
Глядит зеленоватая звезда.

А там, средь туч, в бегущие туманы
Высокий месяц правит свой челнок,
И кажется — украдкою Светлана
Скользит к воротам бросить башмачок.

Заветный час и тайны и гаданья...
Как хрупок воздух, заковавший даль!
Одно неосторожное дыханье —
И зазвенит он, рухнув, как хрусталь.

Что загадать? Какой поверить тайне?
Как воскресить забытое давно?
В такую ночь тревожней и печальней
Здесь на полу начерчено окно.

В такую ночь мне на сердце ложится
Колючей пылью легкий звездный свет.
В такую ночь и ей давно не спится...
Мой дальний друг... разлуки словно нет!

Февраль 1943

159. МОГИЛА БОЙЦА

День угасал, неторопливый, серый,
Дорога шла неведомо куда,
И вдруг, под елкой, столбик из фанеры —
Простая деревянная звезда.

А дальше лес и молчаливой речки
Охваченный кустами поворот.
Я наклонился к маленькой дощечке:
«Боец Петров» и чуть пониже — год.

Сухой венок из побуревших елок,
Сплетенный чьей-то дружеской рукой,
Осыпал на песок ковер иголок,
Медлительно скользящих под ногой.

А тишь такая, точно не бывало
Ни взрывов орудийных, ни ракет.
Откуда он? Из Вологды, с Урала,
Рязанец, белорус? Ответа нет.

Но в стертых буквах имени простого
Встает лицо, скуластое слегка,
И серый взгляд, светящийся сурово,
Как русская равнинная река.

Я вижу избы, взгорья ветровые,
И, уходя к неведомой судьбе,
Родная, непреклонная Россия,
Я низко-низко кланяюсь тебе.

28 февраля 1943

160. РОДНАЯ ПЕСНЯ

В годину лихих испытаний,
Великих утрат и невзгод
Мне легче, как только затянет
Любимую песню народ.

Живое наследье столетий,
Она родилась не из книг.
Сложил ее лучший на свете,
Правдивый и смелый язык.

Когда запевают про Волгу,
Про гордый конец Ермака,
Дорога не кажется долгой
И всякая тяжесть легка.

В солдатской обветренной доле
Поем мы — и сердца не жаль! —
Про ласточку в синем раздолье,
Про девичье горе-печаль,

Про месяц в решетке острожной,
Про топот полночных копыт
И тот колокольчик дорожный,
Что вновь под дугою звенит.

Ее чудотворная сила
Всегда нам о самом родном —
О русской душе — говорила
Свободным своим языком.

Март 1943

И я служу народу моему...
Быть может, той единственной строкою,
Которую твердит, готовясь к бою,
Артиллерист в грохочущем дыму:
«И я служу народу моему!»

Когда в ночи, взрывая дождь и тьму,
Взвивается сигнальная ракета,
Чтоб взять на цель последнюю тюрьму, —
Строкою, славящей победу света,
И я служу народу моему.

И в час, когда на солнечной поляне
Сойдемся мы при кликах ликований,
Я, как заздравный кубок, подниму
Строфу мою. — В годину испытаний
И я служил народу моему!

3 апреля 1943

162. ФРОНТОВОМУ ДРУГУ

В простой бревенчатой избушке,
В сугробах, в сумраке лесном
Недостает нам только кружки
Да Родионовны с чулком.

Вот так же волком вьюга злится,
Метет поземкой у ворот,
Да где-то за морем синица,
О нас не думая, живет.

Темно в окошке. Вдруг ракета —
Косого света полоса —
Прорежет высь, и дрогнут где-то
Тяжелым грохотом леса.

Снег отряхнув на полушубке,
Друзья к нам сходятся порой,
Чтоб у печурки сесть и трубки
Зажечь лучинкой круговой.

Мы помним дружбу фронтовую,
Избушку в пляшущем огне.
Вот почему я так пирую
Сейчас с тобой наедине.

А если снова расставанье
Сулит нам ладожская гать,
«Ну что ж! — скажу я. — На прощанье
Дай по-мужски тебя обнять!»

24 ноября 1943

163

Когда слова случайны и просты
И медленно беседы ткется пряжа,
Чужие, непривычные черты
Мне кажутся подобием пейзажа.

Есть лица, где проходят облака
Над сонною холмистою равниной,
Есть лица — как вечерняя река,
Где дремлет город с крепостью старинной.

В одни посмотришь — голубым дождем
Сверкает сад, сбегающий отлого,
В другие — тускло светит старый дом
И тянется осенняя дорога.

Но у тебя, не знаю почему,
Такой простор коричневого взгляда,
Что я гляжусь в него — и не пойму,
Откуда в нем и сумрак и прохлада.

Совсем простое русское лицо —
Уж кажется, чего на свете проще,
Но словно утром вышел на крыльцо
В росу и щебет соловьиной рощи.

Я узнаю и солнце, и дожди
В твоем лице — всю русскую погоду,
И, что бы ни случилось впереди,
Люблю его всё больше год от году.

Быть может, ты лишь тем и хороша,
Что лишь в тебе с веселой простотою
Живет моя вечерняя душа
И вижу только я тебя такою!

Осень 1943

164

Ты хочешь знать, как это было,
Как ты пришла ко мне во сне?
Судьба, должно быть, так судила
В глухой болотной стороне.

Так горестно, неутомимо
Тебя искал я в дни тревог!
Но ты скользила тенью дыма
Вдоль фронтовых моих дорог.

Порой касатки быстрый росчерк
По небу, полному огня,
Напомнит легкий, смелый очерк
Бровей, коснувшихся меня.

То в глуби озера лесного
Ты улыбнешься, как восход,
То горько сказанное слово
На сердце льдинкой упадет.

Но в этот раз всё было проще,
Не так, как виделось уже.
Был язычок коптилки тощей
В сыром и темном блиндаже.

Запела дверь. Хочу привстать я —
И вижу: луч висит сквозной.
А в том луче, в знакомом платье,
Ты — как тогда, перед войной.

Да, это ты! Твое дыханье,
Твои шаги... И, так легка,
Мне на плечо в ночном сиянье
Легла горячая рука...

Но тут проснулся я, не веря,
Не понимая, где я сам.
Шла ночь. Из чуть прикрытой двери
Тянуло стужей по ногам.

Сверкала ель. Луна сжигала
Снега безжалостным огнем.
И в том молчанье ясно стало,
Что вновь друг друга мы найдем.

12 декабря 1943

165. РОМАШКА

Зачем в зеленом мире этом
Я дерзко мнил себя поэтом?
Быть может, лучше было б мне
На медом пахнущих откосах
Простой ромашкой в тяжких росах
В родной качаться стороне?
Мой век не так уж был бы долог,
Но я бы счастье пил до дна.
Заря бы свой сдвигала полог,
Всходила желтая луна.
Вокруг клубились бы туманы,
Тянуло сыростью с озер,
И тихо вечер долгожданный
На мой спускался б косогор.
Сорвав цветок рукой несмелой,
Вся погружаясь в забытье,
Тогда бы девушка глядела
На сердце светлое мое
И, вдоль дорожки осыпая
Кружащиеся лепестки,
Лишь мне вверяла — молодая —
Слова тревоги и тоски.
Там, где слеза и жжет и губит
Надежду в сердце молодом,
Я б отвечал ей только: «Любит!» —
Последним белым лепестком.

1943

166. ПЛЕННОЕ МОРЕ

На песок, от зари лиловатый,
За грядою взбегает гряда...
Море Крыма, под солнцем заката
Где тебя я увижу, когда?

Опаленный ветрами и солью,
Будто вновь на твоем берегу,
Я гляжусь в тебя с тайною болью
И насытить глаза не могу.

В неуклонном и страстном стремленье
Ты валы свои катишь в тоске,
Чтобы сбросить навеки плененье,
Не оставив следов на песке.

Вечно юное, вечно живое,
В широте торжества своего
Никогда ты не знаешь покоя
И как будто не хочешь его.

И на гравий, скрипучий и вязкий,
Под холодным шафранным лучом
Всё выносишь пробитые каски
Да мундиры с нашитым орлом.

Так, широким прибоем смывая
Даже память о гибельных днях,
Снова вечность твоя голубая
На крутых закипает камнях.

1943

167

Снова дружба фронтовая
К нам приходит на порог.
Это — кружка круговая,
Это — общий котелок.

Это — тихая беседа
На привале у костра,
Где прочтешь письмо соседа,
Вспомнишь бой, что был вчера,

Это — в час осенней хмури —
Голубой табачный дым.
Так давай, дружок, закурим.
Обо всем поговорим!

Как мне грусть твоя знакома!
Плачет небо, стонет лес,
И давно письма из дома
Не приносит ППС.

Знаю, звезды молодые,
Чуть туманясь, как слеза,
Смотрят в ночь, как костромские
С поволокою глаза...

Полно, друг, себя тревожить,
Не к лицу всё это нам.
Закури, — авось поможет,
Путь не малый, знаешь сам.

Близок полдень долгожданный,
Славой кончится поход.
Нас сквозь грозы и туманы
К дому Родина зовет.

1943

168. БАЯНИСТ

Он на левом колене баян разломил,
Словно буря, прошел по ладам,
И вздохнули мехи, словно сдержанных сил
Не хотели показывать нам.
Но, белесые пряди на лоб уронив,
Натянув свой наплечный ремень,
Выводил он из хаоса звуков мотив,
Всем родной, как смеющийся день.
Поднимались и крепли в кругу голоса,
Купол неба стал сразу высок,
Как серебряный голубь, над ними взвился,
Трепыхая крылом, тенорок.
Голубая Ока подошла к туляку,
В Сырдарью загляделся узбек,

Белка прыгнула вдруг на пушистом суку,
Осыпая, как облако, снег.
Тучки низко бежали, и вечер был мглист,
Орудийный подкатывал гром,
Но всё громче и жарче играл баянист
В притаившемся мраке лесном.
Снег, притихший сначала, сильнее пошел,
Ровным пухом ложась на баян.
Оправляя ушанку, сказал: «Хорошо!» —
Улыбаясь в усы, капитан.
И, бойцов оглядев, чуть склонился вперед
(Сердце белкой метнулось в груди):
«Два часа отдохнуть! Ноль пятнадцать — поход.
Третий взвод и баян — впереди!»

1943

169. СТАРЫЙ ПОРТРЕТ

Я не хочу жалеть о том, что было...
Суров был век. И в нем покоя нет.
Но если бы судьба мне сохранила
Хоть этот старый, выцветший портрет!

Его я с детства помню над буфетом,
Хранящим всё домашнее тепло.
Его глаза каким-то страстным светом
Глядели в мир сквозь пыльное стекло.

Коронкой косы. Бархатка на шее.
Чуть блещет обручальное кольцо.
Мне ничего на свете нет милее,
Чем это полудетское лицо.

Такие не боятся злой расплаты
За сердца жар. Ей мало жизнь дала,
Но в сумерках годов восьмидесятых
Она себя, не меркнув, пронесла.

У старой тетки, в душной белошвейной,
С иглой в руках, безмолвно день за днем
Она томилась скукой бессемейной,
Как серый чижик в клетке над окном.

Когда уныло пели мастерицы
Про суженых, про тройку, про луну,
Она вставала молча и с ресницы
Слезу роняла, подойдя к окну.

О, век мечты, родившейся в неволе,
Тяжелый век мучений и утрат!
Ей и самой учить бы в сельской школе
Светловолосых, как ячмень, ребят!

Чтоб ночь была... И земская больница...
Чтоб не жалеть ни рук своих, ни сна
И этим хоть немного расплатиться
За боль твою, родимая страна.

Любви она не знала. Были дети.
Был муж-добряк. Чиновной жизни гам.
Над книгами в холодном кабинете
Она сидеть привыкла по ночам.

И годы шли в тревоге неустанной,
Сгорало сердце в честности прямой.
Всё было в жизни: Ясная Поляна,
Где с ней в саду беседовал Толстой,

Угроза ссылки, снег равнины спящей,
Соблазны сердца, камни на пути...
И все-таки свой огонек дрожащий
Ей удалось сквозь ветер пронести.

Но от свечи осталось уж немного,
Растаял воск, и не хватило сил.
Длинна, трудна осенняя дорога
И многих доводила до могил.

Минула жизнь. От старости пощады
Нет никому. Без света и тепла,
Под взрывы бомб, в глухую ночь блокады
Она меня мучительно ждала...

Тот слабый зов, вошедший в грудь иглою,
Мне не забыть, должно быть, никогда...
Мы были с ней разлучены войною.
Но где я был в те, мирные, года?

Нет ни ее, ни старого портрета,
Ни даже дома. Стужа дышит злей.
Но узнаю я тот же отблеск света
В зрачках крылатых дочери моей.

И тех же звезд огонь необычайный,
Которым в мир моя глядела мать,
Когда-нибудь неугасимой тайной
Она захочет дальше передать.

1943

170. ЦВЕТОК ТАДЖИКИСТАНА

Две бортами сдвинутых трехтонки,
Плащ-палаток зыбкая волна,
А за ними струнный рокот — тонкий,
Как преддверье сказочного сна.

На снегу весеннем полукругом,
В полушубках, в шапках до бровей,
С автоматом — неразлучным другом —
Сотня ожидающих парней.

Вот выходят Азии слепящей
Гости в тюбетейках и парче,
С тонкой флейтой и домброй звенящей,
С длинною трубою на плече.

И в струистом облаке халата,
Как джейран, уже летит она...
Из шелков руки ее крылатой
Всходит бубен — черная луна.

Пальцами слегка перебирая,
Косы вихрем отпустив вразлет,
Кружится на месте — золотая —
И ладонью в тонкий бубен бьет.

То сверкнет в полете, как стрекозы,
То растет, как стебель, не дыша,
И как будто рассыпает розы
Шелком шелестящая душа.

Кто тебя в трясины и болота
Бросил, неожиданный цветок?
Кто очарованием полета,
Как костер, в снегах тебя зажег?

Многие припомнят на привале
Иль в снегах, ползя в ночной дозор,
Этот угольком в болотной дали
Черный разгорающийся взор.

Даже мне, как вешних гроз похмелье,
В шалаше, на вереске сыром,
Будут сниться косы, ожерелье
И бровей сверкающий излом...

Там, в груди, уже не гаснет рана,
И забыть никак я не могу
Золотой тюльпан Таджикистана,
Выросший на мартовском снегу.

1943

171. КАРЕЛЬСКАЯ БЕРЕЗА

Стоит она здесь, на излуке,
Над рябью забытых озер,
И тянет корявые руки
В колеблемый зноем простор.

В скрипучей старушечьей доле,
Надвинув зеленый платок,
Вздыхает и слушает поле,
Шуршащее рожью у ног.

К ней ластятся травы погоста,
Бегут перепелки в жару,
Ее золотая береста
Дрожит сединой на ветру.

И жадно узлистое тело,
Склонясь к придорожной пыли,
Корнями из кочки замшелой
Пьет терпкую горечь земли.

Скупые болотные слезы
Стекают к ее рубежу,
Чтоб сердце карельской березы
Труднее давалось ножу.

Чтоб было тяжелым и звонким
И, знойную сухость храня,
Зимой разрасталось в избенке
Трескучей травою огня.

Как мастер, в суке долговязом
Я выпилю нужный кусок,
Прикину прищуренным глазом,
Где слой поубористей лег.

В упрямой и точной затее
Мечту прозревая свою,
Я выбрал кусок потруднее,
Строптивый в неравном бою.

И каждый резьбы закоулок
Строгаю и глажу стократ —
Для крепких домашних шкатулок
И хрупкой забавы ребят.

Прости, что кромсаю и рушу,
Что сталью решаю я спор, —
Твою деревянную душу
Я все-таки выпью в узор.

Мне жребий завидный подарен:
Стать светом — потемкам назло,
И как я тебе благодарен,
Что трудно мое ремесло!

(1944)

172

Сердце, неуемный бубенец,
Полно заливаться под дугою,
Покорись со мною наконец
Светлому осеннему покою.

В путь с тобой мы вышли налегке
(Я напрасной не искал печали),
И меня в родном березняке
Соловьи да звезды провожали.

Было время музыки и книг,
Встреч, разлук, бессонных разговоров,
А теперь понятней мне язык
Тишины и голубых просторов.

Высоко над пламенем рябин,
На заре, прозрачной и нескорой,
Журавли ведут свой легкий клин
В дальний путь, на теплые озера.

И отныне в слове у меня
Есть какой-то привкус — легкий, дикий —
Кострового дымного огня
И морозом тронутой брусники.

Тем и жизнь была мне хороша,
Что, томясь, как птица, синей далью,
Русская жила во мне душа
Радостью и песенной печалью.

⟨1926⟩, 1943 — 1944

173. СЕРДЦЕ СВЯЗИСТА

Где били снаряды по соснам и елкам,
Где жаркая схватка велась,
В приладожских топях фашистским осколком
Была перерезана связь.

Трещат пулеметы, работают чисто,
Клубится над дзотами дым,
Но дышит отвагою сердце связиста,
Ползет он по кочкам сырым.

А пули жужжат, как назойливый овод,
И рядом обрушился гром,
Теряя сознанье, разорванный провод
Сплести не успел он узлом.

Снаряды ложатся к его изголовью,
И огненный катится вал.
Откинутый навзничь, забрызганный кровью,
Концы он надежно зажал.

В нем гордо солдатская доблесть горела,
Был смел он в решительный час.
К бойцам чрез его бездыханное тело
Дошел об атаке приказ.

Бегут от штыков голубые мундиры,
Ложатся во рвах без конца.
Налажена связь. И слова командира
Летят через сердце бойца.

1943—1944

174. РУССКАЯ МУЗА

Как мало надо нам, как узок мир порою!
Трещат в печи дрова, жестка моя кровать.
Вот я закрыл глаза. За этою чертою
Мне больше, кажется, уж нечего желать.

Усталость до краев мне наливает тело.
Еще томит озноб, — туман лесных дорог, —
Но бережно в ногах шинель меня согрела,
И тихая луна выходит на порог.

Уже глухая ночь, а мне еще не спится.
Вот в голубом луче скользнула чья-то тень,
Неслышно подошла и на постель садится.
Где видел я ее? Она светла, как день.

Тянусь, хочу спросить, но, обессилен сонью,
Невольно падаю в глухое забытье,
Она горячий лоб мне трогает ладонью,
Я слышу над собой дыхание ее.

И тихо ей тогда я думы поверяю,
И жадно слушаю крылатые слова.
Уже бледнеет ночь, луна ложится с краю,
Прохладным забытьем хмелеет голова...

О, будь всегда со мной! И под дождем похода,
И в тусклом огоньке сырого блиндажа,
Ты в грохоте боев и в мирных сменах года —
Как облако, проста и, как рассвет, свежа!

Ведь если есть еще мне близкое на свете,
Что должен я в пути, как старый клад, беречь,
То это голос твой, простые руки эти
И Родины моей взыскательная речь.

1943 — 1944

175

Мир мой — широко раскрытая книга,
Пестрая бабочка стран и морей,
Всё, что я видел, узнал и ушами
Взял из эфира, как влагу трава.

В темную глубь уходящий корнями,
Ветви раскинувший в пламени дня,
Неугасимой сжигаемый жаждой,
Пил я и радость и горе земли.

Сколько блуждал я в глухом бездорожье,
Сколько раз падал и снова вставал,
Неутомимо, как древле Иаков,
Сколько с собою боролся в ночи!

Но, раздираемый смутной тревогой,
Выпивший терпкую чашу до дна,
Я никогда повторять не устану
Гордого имени: «Я человек!»

1943 — 1944

176. ВОЛХОВСКАЯ ЗИМА

Мороз идет в дубленом полушубке
И валенках, топча скрипучий прах.
От уголька зубами сжатой трубки
Слоистый дым запутался в усах,

Колючий иней стряхивают птицы,
То треснет сук, то мины провизжат.
В тисках надежных держат рукавицы
Весь сизый от мороза автомат.

Рукой от вьюги заслонив подбровье,
Мороз глядит за Волхов, в злой туман,
Где тучи, перепачканные кровью,
Всей грудью придавили вражий стан.

Сквозь лапы елок, сквозь снега густые
Вновь русичи вступают в жаркий бой.
Там Новгород: там с площади Софии
Их колокол сзывает вечевой.

В глухих болотах им везде дороги,
И деды так медведей поднимать
Учили их, чтоб тут же, у берлоги,
Рогатину всадить по рукоять!

Январь 1944

177. ГОСПОДИН ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

В глухих лесах, в Приладожье студеном,
Где древняя раскинулась земля,
Сиял он гордо золотом червленым
Над Волховом встающего кремля.

К нему сходились, словно сестры, реки
Сквозь темные болота и леса,
Товар заморский «из варягов в греки»
Несли в ладьях тугие паруса.

Как богатырь в урочище пустынном,
Стоял он твердо — родины оплот,
И этот город в песнях «Господином
Великим Новгородом» звал народ.

Над башнями, над белою Софией
В годину бед, сквозь вражьих стрел дожди,
Здесь вечевое сердце всей России
Набатом пело в каменной груди.

. . . .
Оно молчит, у свастики в неволе,
Спит город — без единого огня.
Но издалёка в мутном вьюжном поле
Какой-то гул доходит до меня.

То колокола пленное гуденье
Там, в теплой глубине родной земли.
Он нас зовет, он молит о спасенье,
Торопит нас, чтоб мы скорей пришли.

И час настал. В развалинах и дыме
Враг опрокинут танковой волной.
Возносит вновь над стенами крутыми
София купол, черный и сквозной.

Она пробита вражеским снарядом,
Ободран золотой ее шелом,
Но на снегу, со звонницею рядом,
Все полегли, кто встал на нас с мечом.

Гремит орудий слава вечевая,
И медное, как колокол-старик,
Над нами солнце, тучи разрывая,
Раскачивает гневный свой язык.

Январь 1944

178. САЛЮТ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Такого дня не видел Ленинград!
Нет, радости подобной не бывало. . .
Казалось, что всё небо грохотало,
Приветствуя великое начало
Весны, уже не знающей преград.

Гремел неумолкаемо салют
Из боевых, прославленных орудий,
Смеялись, пели, обнимались люди,
Свободы воздух жадно пили груди
В огнях незабываемых минут.

А залпы грохотали, и порой
Казалось, что великий гул прибоя,

Девятый вал, не знающий покоя,
Дыханием неслыханного боя
Проходит над ликующей Невой.

Там где-то шла победных войск гряда,
Сплошной лавиной, скорость набирая,
Круша, топча врагов родного края,
И далеко светила ей родная,
Непобедимо алая звезда.

А здесь Нева сверкала средь огней,
Была разъята ночь мечами света,
Льдяную высь преображая в лето,
Цвели, сплетались, сыпались ракеты
И вновь взмывали веером лучей.

Великий Город, доблестный боец,
Сквозь стужу, мрак и пламень Обороны,
Родной Москвой на стойкость вдохновленный,
Недрогнувший, несдавший, непреклонный,
Вздохнул ты полной грудью наконец!

Май 1945

179. ПУЛКОВСКИЕ ВЫСОТЫ

Есть правдивая повесть о том,
Что в веках догоревшие звезды
Всё еще из пустыни морозной
Нам немеркнущим светят лучом.

Мы их видим, хотя их и нет,
Но в пространстве, лучами пронзенном,
По простым, неизменным законам
К нам доходит мерцающий свет.

Знаю я, что, подобно звезде,
Будут живы и подвиги чести,
Что о них негасимые вести
Мы услышим всегда и везде.

Знаю — в сотый и тысячный год,
Проходя у застав Ленинграда,
Отвести благодарного взгляда
Ты не сможешь от этих высот.

Из весенней земли, как живой,
Там, где тучи клубились когда-то,
Встанет он в полушубке солдата —
Жизнь твою отстоявший герой!

1945

180

Ты говорила гневные слова,
Тебя душила горестная дума
И выхода искала. Ты права.
Молчание бесплодно и угрюмо.

Пусть вырвется тяжелый, горький дым
И, комнату души освобождая,
Растает над простором голубым,
Как туча, свежим ливнем налитая.

Подыскивать упреки, обвинять
И чувствовать себя безмерно правой —
Не значит ли отрадою лукавой
Сильней и глубже раны растравлять?

Достойнее, хоть в поздний час прозрев,
Сказать: «Мне не к лицу вся эта малость!
Пусть хоть слезами, но прольется гнев,
Пусть он сгорит, чтоб пепла не осталось!»

1945 — 1946

181. ЛЮБОВЬ

Не отдавай в забаву суесловью
Шесть этих букв, хотя к ним мир привык.
Они — огонь. «Любовь» рифмует с «Кровью»
Приметливый и мудрый наш язык.

«Любовь» и «Кровь». Покуда сердце бьется
И гонит в теле крови теплоту,
Ты словно пьешь из вечного колодца,
Преобразив в действительность мечту.

От тусклых дней в их неустанной смене,
Когда порою сердцу всё мертво,
В нежданный мир чудесных превращений
Тебя любви уводит торжество.

Вот женщина, в которой столько света,
Друг в непогоду, спутница в борьбе, —
И сразу сердце подсказало: эта,
Да, только эта — луч в твоей судьбе!

Пускай она мечты твоей созданье,
Одно воображение твое —
С ней вечности горячее дыханье
Уже легло в земное бытие.

Как зов, дошедший из глубин столетий,
Как вспышка света за порогом тьмы,
И наш огонь возьмут в наследство дети,
Чтобы войти в бессмертье, как и мы.

Январь 1946

182. АЛЕКСАНДР БЛОК

Шел всё выше он тро́пами Данта,
Опаленными темным огнем,
Но великая честность таланта
Свет зари положила на нем.

В путь далекий его провожали
Через радуги огненный мост
Гамаюн — птица гордой печали —
И предвестник грозы — Алконост.

И, как песни слова огневые,
Перед ним в грозовой тишине
Встал сверкающий образ России,
Прискакавшей на алом коне.

Как же сердцем за нею не рваться
К воле, к счастью неистовых вьюг?
И за вами он вышел, Двенадцать,
Как поэт, современник и друг.

Страстной правдой горевшее слово
Он от пламени сердца зажег,
И народ не забудет простого,
Благородного имени — Блок.

7 августа 1946
25 лет со дня смерти А. Блока

183—188. *СТРОИТЕЛИ*

1

ВАРФОЛОМЕЙ РАСТРЕЛЛИ

Он, русский сердцем, родом итальянец,
Плетя свои гирлянды и венцы,
В морозных зорях видел роз румянец
И на снегу выращивал дворцы.

Он верил, что их пышное цветенье
Убережет российская зима.
Они росли — чудесное сплетенье
Живой мечты и трезвого ума.

Их тонкие, как кружево, фасады,
Узор гирлянд и завитки волют
Порвали в клочья злобные снаряды,
Сожгли дотла, как лишь фашисты жгут.

Но красота вовек неистребима,
И там, где смерти сузилось кольцо,
Из кирпичей, из черных клубов дыма
Встает ее прекрасное лицо.

В провалы стен заглядывают елки,
Заносит снег пустыню анфилад,
А камни статуй и зеркал осколки
Всё так же о бессмертье говорят!

1945

2

АДРИАН ЗАХАРОВ

Преодолев ветров злодейство
И вьюг крутящуюся мглу,
Над городом Адмиралтейство
Зажгло бессмертную иглу.

Чтоб в громе пушечных ударов
В Неву входили корабли,
Поставил Адриан Захаров
Маяк отеческой земли.

И этой шпаги острый пламень,
Прорвав сырой туман болот,
Фасада вытянутый камень
Приподнял в дерзостный полет.

В года блокады, смерти, стужи
Она, закутана чехлом,
Для нас хранила ясность ту же,
Сверкая в воздухе морском.

Была в ней нашей воли твердость,
Стремленье ввысь, в лазурь и свет,
И несклоняемая гордость —
Предвестье будущих побед.

1945

3

АНДРЕЙ ВОРОНИХИН

Крепостной мечтатель на чужбине,
Отрицатель италийских нег,
Лишь о снежной думал он пустыне,
Зоркий мастер, русский человек.

И над дельтой невских вод холодных,
Там, где вьюги севера поют,
Словно храм в дорических колоннах,
Свой поставил Горный институт.

Этот строгий обнаженный портик
Каменных, взнесенных к небу струн
Стережет, трезубец словно кортик
В невской тине высящий, Нептун.

И цветет суровая громада,
Стужею зажатая в тиски,
Как новорожденная Эллада
Над простором северной реки.

В грозный год, в тяжелый лед вмерзая,
Из орудий в снеговой пыли
Били здесь врага не уставая
Балтики советской корабли.

И дивилась в мутных вьюгах марта,
За раскатом слушая раскат,
Мужеством прославленная Спарта,
Как стоит, не дрогнув, Ленинград.

1945

4

КАРЛО РОССИ

Рим строгостью его отметил величавой.
Он, взвесив замысел, в расчеты погружен,
На невских берегах поставил портик славы
И выровнял ряды торжественных колонн.

Любил он простоту и линий постоянство,
Безжалостной служил и точной красоте,
Родному городу дал пышное убранство,
Был славой вознесен и умер в нищете.

Но жив его мечтой одушевленный камень.
Что римский Колизей! Он превзойден в веках,
И Арки, созданной рабочими руками,
Уже неудержим стремительный размах.

Под ней проносим мы победные знамена
Иных строителей, освободивших труд,
Дворцы свободных дум и счастья стадионы
По планам их мечты в честь Родины встают.

(1945)

5

ВАСИЛИЙ СТАСОВ

Простор Невы, белеющие ночи,
Чугун решеток, шпили и мосты
Василий Стасов, зоркий русский зодчий,
Считал заветом строгой красоты.

На поле Марсовом, осеребренном
Луною, затопившей Летний сад,
Он в легком строе вытянул колонны
Шеренгой войск, пришедших на парад.

Не соблазняясь пышностью узора,
Следя за тем, чтоб мысль была светла,
В тяжелой глыбе русского собора
Он сочетал с Элладой купола.

И, тот же скромный замысел лелея,
Суровым вдохновением горя,
Громаду царскосельского Лицея
Поставил, как корабль, на якоря.

В стране морских просторов и норд-оста
Он не расстался с гордой красотой.
Чтоб строить так торжественно и просто,
Быть надо зодчим с русскою мечтой!

5 сентября 1948

6

ДЕВУШКИ ЛЕНИНГРАДА

Над дымкою садов светло-зеленых,
Над улицей, струящей смутный гам,
В закапанных простых комбинезонах
Они легко восходят по лесам.

И там, на высоте шестиэтажной,
Где жгут лицо июльские лучи,
Качаясь в люльке весело и важно,
Фасады красят, ставят кирпичи.

И молодеют трещины, морщины,
Из пепла юный город восстает
В воскресшем блеске, в строгости старинной
И новой славе у приморских вод.

О юные обветренные лица,
Веснушки и проворная рука!
В легендах будут солнцем золотиться
Ваш легкий волос, взор из-под платка,

И новая возникнет Илиада —
Высоких песен нерушимый строй —
О светлой молодости Ленинграда,
От смерти отстоявшей город свой.

1946

189. ПАМЯТНИК ЮНОШЕ ПУШКИНУ

Распахнув сюртук свой, на рассвете
Он вдыхал все запахи земли.
А вокруг играли наши дети,
Липы торжествующе цвели.

Бабочки весенние порхали
Над его курчавой головой.
Светлая задумчивость печали
Шла к нему — и был он как живой.

Вот таким с собою унесли мы,
Чтоб хранить во фронтовой семье,
Образ светлый и неповторимый —
Юношу на бронзовой скамье.

И когда в дыму врага, в неволе,
Задыхался мирный городок,
Ни один боец без горькой боли
Вспомнить об оставшемся не мог.

Вот они, годов военных были:
Словно клад бесценный, в глубь земли
Руки друга памятник зарыли
И от поруганья сберегли.

Мы копали бережно, не скоро,
Только грудь дышала горячо.
Вот он! Под лопатою сапера
Показалось смуглое плечо.

Голова с веселыми кудрями,
Светлый лоб — и по сердцам людским,
Словно солнце, пробежало пламя:
Пушкин встал — и жив и невредим!

1946

190

Баловень лицейской легкой славы,
Спутник Батюшкова и Шолье,
Арапчонок смуглый и курчавый,
Он присел на бронзовой скамье.

И в тени пятнистой и неяркой,
Взглядом провожая облака,
Под листвой дряхлеющего парка
Молодым остался на века.

Январь 1947

191

Целый день я сегодня бродил по знакомым местам,
Удивляясь тому, что их вижу как будто впервые.
Чуть вздыхала Нева, поднимаясь к горбатым мостам,
Вдоль проспектов цепочкой бежали огни золотые.

Летний сад за решеткой качался в сырой полумгле,
Чуть касалось щеки дуновенье просторного оста,
И разбрызгивал лужи трамвай, отражая в стекле
Клочья розовых туч да иглу за громадою моста.

В этот вечер откуда-то хлынула в город весна,
Рассекая всё небо полоской зеленой и красной,
И сверкала на Невском, шумела толпой сторона,
Та, которая прежде была «при обстреле опасной».

Февраль 1948

192

Когда-то в Греции прекрасной
Равно и к смертным и к богам
Она слетала бурей страстной,
Катилась пеной к берегам.

И в буйном празднестве победы
Всегда меняла грозный лик.
Так белый лебедь к лону Леды
Крылом трепещущим приник.

Так Зевс на сонную Данаю
Сходил сверкающим дождем,
Бык уносил к чужому краю
Европу на хребте крутом.

Так, разгораясь и бледнея,
Скользя во тьму и забытье,
В палящем облаке Психея
Не знала, кто берет ее.

Бессмертье это? Вдохновенье?
Земная страсть? Не всё ль равно!
И нет тому обозначенья,
Что вихрем счастья рождено.

1950

193. ПСИХЕЯ

Вся жизнь твоя прошла под подозреньем,
Душа моя,
И ты была лишь легким сновиденьем,
Душа моя.

Мир отрицал твое существованье,
Мир — но не я.
Я шел к тебе на тайное свиданье,
Душа моя.

Наш век суров. Он любит то, что зримо,
Ткань бытия,
А ты была, как дым, неуловима,
Душа моя.

И лишь во сне, над этой жизнью рея,
Себя тая,
Цветка касалась бабочка-Психея,
Душа моя.

Друг друга мы порой не узнавали,
Но знаю я,
Что ты со мной — и в счастье и в печали,
Душа моя!

1950

194. ЖЕРЕБЕНОК

Заря румянилась спросонок,
Журчала речка по песку,
А там, на взгорье, жеребенок
Прислушивался к ветерку.

Большеголовый, тонконогий
И напряженный, как струна,
Стоял он около дороги,
Весь теплый, розовый от сна.

Широко ноздри раздувая,
Расставив кончики ушей,
Смотрел он, как заря сырая
Касалась сонных камышей.

А мир, росистый и зеленый,
Дышал всей грудью в тишине. . .
Спасибо, друг мой несмышленый,
Вернул ты молодость и мне!

Август 1955

195. ЛЕСНОЕ ОЗЕРО

Есть глухие лесные озера,
Где такая стоит тишина,
Что до них добегает не скоро
Предзакатного ветра волна.

К ним спускается ветер со склонов,
Лес, еще не окутанный сном,
В тишину неподвижных затонов
Опрокинут зеленым венцом.

И не сможешь ты век наглядеться
На сплетенье зеленых стеблей,
Где кувшинок холодное сердце
Раскрывается, снега белей.

Здесь, веслом раздвигая несмятый,
Осторожно шуршащий камыш,
Ты закат, отпылавший когда-то
И забытый тобой, воскресишь.

Здесь, под тихое лодки скольженье
Оставляющей розовый след,
И свое ты найдешь отраженье
За туманом растаявших лет.

Тишиною весь мир наполняя,
Сквозь лесной расходящийся дым
Снова встанет луна молодая —
Чаша, полная медом густым.

И лучом беспощадного взора
Проскользнет в те глубины души,
Где такие же стынут озера
И безмолвно стоят камыши...

Всё живет, всё бессмертно, что было,
И нельзя ничего потерять,
Если счастье хоть раз отразила
Предзакатного озера гладь!

1955

196. ИВОЛГА

Иволга, иволга, милая птица,
Ранняя гостья березовых рощ,
Всё-то тебе на ветвях не сидится,
Если на зорьке листва шевелится
И притихает сверкающий дождь.

Вот ты вспорхнула с промокшей осинки,
Яркие капли в траву уронив,
Перелетела до ближней вершинки
И в голосистом лесном поединке
Снова выводишь нехитрый мотив.

Свежая нота отрывисто, звонко
Зелень сквозную пронзила опять,
Перекликаясь с дудой пастушонка,
Там, где за рощей полоскою тонкой
Чуть розовеет озерная гладь.

Где ты? Мелькнет желтоватая грудка,
Сизый, стремительный отсвет пера —
И раздается лесная побудка,
Словно с тобою, встряхнувшийся чутко,
Лес просыпается в эти утра.

Мокрые ветки плечом раздвигая,
Утру навстречу мне век бы идти...
Иволга, иволга, гостья лесная,
Пой мне подольше, всю грудь наполняя
Радостью, свежестью, счастьем пути!

1955

197. ДЕНИС ДАВЫДОВ

Герой двенадцатого года,
Непобедимый партизан,
В горячих схватках в честь народа
Покрыл он славой доломан.

Гусарской саблею сверкая,
Строфу свою рубя сплеча,
Он знал, что муза, «дева рая»,
Куда как сердцем горяча!

За словом он в карман не лазил,
Вельмож Олимпа звал на ты,
Кутил, не вовремя проказил,
Служил заветам красоты

И обойденным генералом,
В Москве, в отставке, свой халат
Предпочитал придворным балам
И пестрой радуге наград.

К неуспокоенным сединам
Внушив насмешливый почет,
Остался он Беллоны сыном
И среди старческих невзгод.

Лихой гусар, любил он струнность
Строфы с горчинкой табака,
И, волей муз, такая юность
Ему досталась на века.

1955

198. НА БЕРЕГУ

Когда в пуху лозинник тощий,
Когда еще прозрачен май,
К березовой причалив роще,
Мы на костре согрели чай.
В густой траве дымятся кружки,
Трещит и прыгает огонь,
И робко бабочки-подружки
Садятся на твою ладонь.
Встает луна, дрожа и тая
В струистой синеве костра,
Скользнула рыба, прорезая
Гладь омута концом пера.
Могу ли счастьем не дышать я,
Когда спускается к реке
Твое белеющее платье,
Как облако, в березняке!

1918, ⟨1956⟩

199

Целый вечер слушаем мы Глинку,
Сумерки струятся над камином.
Раскуси смолистую хвоинку —
И вокруг запахнет мандарином.

А на елке догорают свечи...
Наши встречи на любовь похожи.
В стародавнем парке эти встречи
Были и томительней и строже.

Зачерпнул я с лунного сугроба
Горстку легкой свежести морозной,
И, смеясь, мы наклонились оба
К нашей тайне, тающей и звездной.

Стали дни медлительней и строже,
И не знать нам больше лунной пыли.
Юным снам нет отклика... Но всё же
Как неповторимо мы любили!

Поздно... Догорающие свечи
Тянутся слоистыми шелками.
Всё сгорает, даже сны и встречи...
Хорошо, что мы сгораем сами.

1922, ⟨1956⟩

200

Сын Мстислава, княжич Мономаха,
Всеволод, в крещенье Гавриил,
Туров бил, в бою не ведал страха
И на Чудь с товарами ходил.

Бился князь с ливонскими волками,
И за каждую родную пядь
Меч его — отточенное пламя —
В грудь врага входил по рукоять.

А когда под пенье литургии
Мертвого в ладье его несли,
Слышал он не колокол Софии —
Звон кольчуг и ратный гул земли.

Не молитвой жил он, а любовью
К луговинам и лесам родным,
И горячий, освященный кровью
Меч в гробницу положили с ним.

Вот я Всеволодом назван тоже.
Дай мне быть, пока светла свеча,
Хоть немного на него похожим —
Никому не отдавать меча!

Под грозой решительного боя
За родные сердцу рубежи
Дай мне сталь и мужество героя,
В грудь любовь и ненависть вложи.

1922, ⟨1956⟩

201

Вижу я: у городской заставы,
Где холстом разостланы поля,
По реке едва струятся главы
Словно сахар белого кремля.

Спят плоты у желтого суглинка,
Сизый дым ложится за костром,
Небо — точно глиняная кринка
С розовым топленым молоком.

И иду я по крутым полянам,
Где восходит месяц молодой,
Вдоль реки, подернутой туманом,
По траве росистой и густой.

Жизнь моя, от васильков и кашки,
Как река, ты вышла на простор!
Больше мальчик в ситцевой рубашке
Не подбросит вереска в костер.

Но живет в душе его вечерней,
От костра затянутой дымком,
Тот же месяц — золото по черни,
Тот же в вишнях утонувший дом.

⟨1926⟩, ⟨1956⟩

202. РАССТАВАНЬЕ С ЮНОСТЬЮ

Ну что ж! Простимся. Так и быть.
Минута на пути.
Я не умел тебя любить,
Веселая, — прости!

Пора быть суше и умней...
Я терпелив и скуп
И той, кто всех подруг нежней,
Не дам ни рук, ни губ.

За что ж мы чокнемся с тобой?
За прошлые года?
Раскрой рояль, вздохни и пой,
Как пела мне тогда.

Я в жарких пальцах скрыл лицо,
Я волю дал слезам
И слышу — катится кольцо,
Звеня, к твоим ногам.

Припомним всё! Семнадцать лет.
Нева. Сирень. И Блок.
В кудрях у яблонь лунный свет,
Со взморья ветерок.

Любовь, экзамены, апрель
И наш последний бал,
Где в вальсе плыл, кружа метель,
Белоколонный зал.

Припомним дюны, дачный бор,
Сквозистый Летний сад,
Университетский коридор,
Куда упал закат.

Здесь юность кончилась, и вот
Ударила война.
Мир вовлечен в водоворот,
Вскипающий до дна.

В грозе и буре рухнул век,
Насилья ночь кляня.
Родился новый человек
Из пепла и огня.

Ты в эти дни была сестрой
В косынке до бровей,
Ты наклонялась надо мной,
Быть может, всех родней.

А в Октябре на братский зов,
Накинув мой бушлат,
Ты шла с отрядом моряков
В голодный Петроград.

И там, у Зимнего дворца,
Сквозь пушек торжество,
Я не видал еще лица
Прекрасней твоего.

Я отдаю рукам твоим
Штурвал простого дня.
Простимся, милая! С другим
Не позабудь меня.

Во имя правды до конца
На вечные века
Вошли, как жизнь, как свет, в сердца
Слова с броневика.

В судьбу вплелась отныне нить
Сурового пути.
Мне не тебя, а жизнь любить!
Ты, легкая, прости.

Весна 1927, ⟨1956⟩

203. НЕКРАСОВ

Зеленая лампа чадит до рассвета,
Шуршит корректура, а дым от сигар
Над редкой бородкой, над плешью поэта
Струит сладковатый неспешный угар.

Что жизнь? Не глоток ли холодного чая,
Простуженный день петербургской весны,
Сигара, и карты, и ласка простая
Над той же страницей склоненной жены?

Без сна и без отдыха, сумрачный пленник
Цензуры, редакций, медвежьих охот,
Он видит сейчас, развернув «Современник»,
Что двинулся где-то в полях ледоход.

Перо задержалось на рифме к «свободе»,
И слышит он, руки на стол уронив,
Что вот оно, близко, растет половодье
На вольном просторе разбуженных нив...

Иссохшим в подушках под бременем муки —
Таким ты России его передашь,
Крамской нарисует прозрачные руки
И плотно прижатый к губам карандаш.

А слава пошлет похоронные ленты,
Венки катафалка, нежданный покой
Да песню, которую хором студенты
Подхватят над Волгой в глуши костромской.

И с этою песней пойдут поколенья
По мерзлым этапам, под звон кандалов
В якутскую вьюгу, в снега поселений,
В остроги российских глухих городов.

И вырастет гневная песня в проклятье
Надменному трону, родной нищете,
И песню услышат далекие братья
В великой и страстной ее простоте.

⟨1928⟩ — ⟨1956⟩

204. КРЫМ

Спускайся тропинкой, а если устал ты,
Присядь и послушай дыхание смол.
Вон блюдце долины, вон домики Ялты
И буквою Г нарисованный мол!

Всё ближе и ближе в саду санаторий
Сквозит (как я в сердце его берегу!).
Смеется, и плещет, и возится море,
И пенит крутую лазурь на бегу.

Как дышит оно и привольно и смело,
Какой на закате горит синевой!
Бросай же скорей загорелое тело
В упругую влагу, в слепительный зной!

На запад, где солнце вишневое тонет,
Плыви и плыви, а начнешь уставать —
На спину ложись, чтоб могло на ладони
Вечернее море тебя покачать.

Здесь розы, и скалы, и звонкая влага,
Здесь небо прозрачно, как пушкинский стих,
Здесь вышел напиться медведь Аю-Дага
И дремлет, качаясь на волнах тугих.

Недаром в метелях и тающем марте
Любил ты, тревогой скитаний томим,
Искать благодарно на выцветшей карте
Как гроздь винограда повиснувший Крым.

1928, ⟨1956⟩

205. ГОРОД У МОРЯ

На закате мы вышли к стене Карантина,
Где оранжевый холм обнажен и высок,
Где звенит под ногой благородная глина
И горячей полынью горчит ветерок.

Легкой тростью слегка отогнув подорожник,
Отшвырнув черепицу и ржавую кость,
В тонких пальцах сломал светлоглазый художник
Скорлупу из Милета, сухую насквозь.

И, седого наследства хозяин счастливый,
Показал мне, кремнистый овраг обходя,
Золотую эмаль оттоманской поливы,
Генуэзский кирпич и обломок гвоздя.

Но не только разбойников древних монеты
Сохранила веков огненосная сушь, —
Есть музей небольшой, южным солнцем согретый
И осыпанный листьями розовых груш.

Здесь, покуда у двери привратник сердитый
Разбирал принесенные дочкой ключи,
Я смотрел, как ломались о дряхлые плиты
В виноградном навесе косые лучи.

Старый вяз простирал над стеною объятья,
Розовеющий запад был свеж и высок,
И у девочки в желтом разодранном платье
Тихо полз по плечу золотистый жучок...

Здесь, над этой холмистою русской землею,
Побывавшей у многих владычеств в плену,
Всё незыблемо мирной полно тишиною,
И волна, набегая, торопит волну.

Где далекие греки, османы и Сфорца,
Где Боспорские царства и свастики крест?
Дышит юной отвагой лицо черноморца —
Скромный памятник этих прославленных мест.

На холме, средь полыни и дикой ромашки,
Вылит в бронзе, стоит он, зажав автомат,
И на грудь в обожженной боями тельняшке
Вечным отсветом славы ложится закат.

1928, ⟨1956⟩

206. НОРД

Пыльное облако разодрав,
Лишь на одно мгновенье
Выглянут горы — и снова мгла,
Мутной жары круженье.

Гнутся акации в дугу.
Камешки вдоль станицы
С воем царапают на бегу
Ставни и черепицы.

Поднятый на дыбы прибой
Рушится в берег твердо.
Дуют в упор ему, в пыльный зной,
Сизые щеки норда.

На берегу ни души сейчас:
Водоросли да сети.
Под занесенный песком баркас
В страхе забились дети.

А на просторе, где тяжело
Кружится скользкий кратер,
Мутно-зеленой волны стекло
Рвет пограничный катер.

Стонет штурвал в стальной руке,
Каждый отсек задраен,
В облитом ветром дождевике
Вахты стоит хозяин.

Плющатся капли на висках,
Ветер ножами режет,
В окоченевших давно ушах —
Грохот, и скрип, и скрежет.

Но не мутнеет, насторожен
Острый хрусталик взгляда,
Щупает каждый камень он,
Каждую ветку сада.

В призмах бинокля, дрожа, скользят
За кипятком прибоя
Щебень залива, дома и сад,
Мыса лицо тупое.

В грохоте тяжком, у черных скал,
На грозовом просторе
Поднят уже штормовой сигнал,
Дышит и ходит море...

1932, ⟨1956⟩

207. ТУРКСИБ

Преодолев мильоны лет разлуки
И пыль пространств, на склоне горных глыб,
Степь и леса друг другу дали руки, —
И родился в пожатье их Турксиб.

Как серый холст разматывая склоны,
Обрывы, ширь и супеси накал,
Уже стучат кирпичные вагоны
В суставах рельс, над быстрой рябью шпал.

Здесь срезав склон, там простучав в туннеле,
Полынным зноем, мятою дыша,
В предгорьях, где по скатам сходят ели,
Струится путь к обрывам Иртыша.

За лес и хлеб, за черный уголь топок
Восток несет под гребешки машин
Меха пустынь — пушисто-снежный хлопок,
Свинец и медь просверленных глубин.

С сибирскими лесами дружат степи
И нити рек в горячем Джетысу, —
И нет прочней товарищеской крепи,
Ведущей вдаль стальную полосу!

От рельс неторопливого изгиба
К синеющим предгорьям, на восход,
Через пески крутой моток Турксиба,
Как нитку счастья, протянул народ.

1932, ⟨1956⟩

208. ПАРК В ГОРОДЕ ПУШКИНА

(Элегия)

Я помню голубой холодноватый воздух,
Росистую траву и перелесок звёзды,
Дыханье зелени, чуть пахнущей землей,
И тяжкую сирень, омытую грозой.
Я снова вижу парк — и чинный, и сквозистый,
Каскады на прудах и ясень серебристый,
У белой пристани купающий листы,
Где черным лебедем изогнуты мосты.

В мальчишеские дни я с удочкою длинной
Стерег здесь карасей среди ленивой тины,
Дыханье затаив над чутким поплавком,
Пока за озером прокатывался гром,

И туча сизая — большой грозы начало —
Вдруг каплю тяжкую мне на руку роняла,
А молчаливый дождь, нетороплив и синь,
Окутывал тела героев и богинь...

Но знал над городом я и другие грозы...
Гудели в воздухе военные стрекозы,
У Пулковской горы надменный генерал
Бинокль свой наводил на Витебский вокзал
И, огненным кольцом расставив батареи,
Удачу торопил — о, только бы скорее! —
Но, рассыпая цепь среди ботвы сырой,
Мы город Ленина хранили за собой.

Под вражеский сапог отдать мы не хотели
Свободы молодой, а вместе с ней Растрелли,
И бронзовых богов средь золотых аллей,
Куда сквозь листопад еще глядит Лицей,
И тихую скамью, овеянную славой,
Где, на руку склонясь, и смуглый и курчавый,
Слегка задумался, о чем не зная сам,
Тот, чья улыбка — жизнь и кто так близок нам.

Теперь они мои — и клен, к воде склоненный,
И легкая, как сон, Эллада Камерона,
И берег озера, где дряхлых лип верхи
Бормочут в полусне лицейские стихи,
И «Дева с урною», чья скорбь струится вечно,
И комсомольский кросс, и счастья ветер встречный,
И бронза славных дел, и наш воздушный флот,
Что зорко Балтику отсюда стережет.

О парк мой, я сродни твоей листве и птицам...
Всё та же тень ветвей проходит по страницам,
Всё тот же вкрадчивый озерный ветерок
Дыханьем свежести моих коснулся щек,
И сквозь навес листвы, где полдня бродят блестки,
Я узнаю себя в неловком том подростке
На лодке, что скользит покинутым веслом
По глади озера с колонной и орлом.

Как часто для забот, для шума городского
Я забывал тебя и возвращался снова
Уже через года, чтоб в солнечной тиши
Еще раз вслушаться в дыхание души,

Холодным опытом уже отяжеленной,
А ты целил меня беседою зеленой,
Со мною радуясь, волнуясь и скорбя, —
И в каждом тополе я узнавал себя.

Когда настанет день, туманный и осенний,
Тебя, старинный друг, ничто мне не заменит.
Уже в последний раз — зачем, не знаю сам, —
Сквозь моросящий дождь приду к твоим прудам,
Холодным и пустым, где отраженный ясень
Всё так же будет горд, задумчив и прекрасен.
Прямой наследник твой, вдыхая горький дым,
Я передам тебя и юным и иным,
Идущим вслед за мной в веселости беспечной,
Чтоб ты шумел для них и возрождался вечно.

⟨1938⟩, ⟨1956⟩

209

Он пушкинской сложен строфою,
Он крепко закован в гранит,
И часто балтийской пургою
Дыханье его леденит.

Холодным скрещением линий
И рощей ампирных колонн
Застыл бы он полночью синей,
В пустынной Неве отражен.

Но было закатов пыланье,
Воспетое Блоком, ему
Дано, как боев обещанье,
Как день, что прорвется сквозь тьму.

Нам в дымные, душные годы
Тревогой гудков заревых
Пророчески пели заводы,
И жадно мы слушали их.

⟨1939⟩, ⟨1956⟩

210. АБАЙ КУНАНБАЕВ

1

Солнце над сонною степью склоняло лицо золотое. . .
Пахло полынью, кошмою и пеной парного удоя.

Возле кибиток, столпившихся, словно курчавое стадо,
Из синеватых предгорий лениво струилась прохлада,

Пыль от ползущей отары на запад плыла, розовея,
В путах бродили верблюды, качая мохнатые шеи,

И в крутобоком котле над огнем, полыхающим рьяно,
Так и плясало пшено, перемешано с жиром барана.

Дети сбегались домой, молодежь заводила беседы,
Пела домбра о батырах, старинные славя победы.

Шла с молодым кумысом по рукам пиала круговая,
В сборе была вся семья, одного не хватало — Абая.

Старцы ворчали: «Заря свой халат распахнула багряно —
Он же не склонит лица над священною вязью Корана,

Ласточек в небе следя, растирая ладонями травы,
Бродит один над холмами и что-то бормочет лукаво,

Родоначальник, судья в долгих спорах аула родного,
Как золотую монету, роняет лишь нехотя слово.

Горе! — все видели люди — то мягок, то вспыльчив как порох,
В Семипалатинске с ссыльными тратит он ночь в разговорах,

Слева читает направо, глядит через стекла на небо
И бешбармак забывает для русского черного хлеба!»

2

На полынной горбизне кургана,
Где тюльпаны алые горят,
Без конца глядит Абай в туманный,
Желтой шерстью вышитый закат.

Меркнет пастбищ пестрое убранство,
Дремлют юрты в солнечной пыли...
«Вот оно, овечье постоянство,
Грудь и скулы матери-земли!

О народ мой! Долго ли скитаться
По предгорьям, по степям сухим,
Ковылем на всех ветрах качаться,
Таять, плыть, как бесприютный дым?

Почему в неудержимой смене
Бесконечных лет, в жару, в туман,
Мы ведем наследье поколений —
Горем нагруженный караван?

Нет! Пути я не хочу такого.
Пусть, народ, молчат твои уста,
За тебя я поднимаю слово —
Пиалу, что правдой налита!»

3

«Неволи сумрачный огонь,
Разлитый в диком поле,
Ложится на мою ладонь,
Как горсть земли и соли.

Растерта и раскалена
Колючими ветрами,
Она сейчас похожа на
Коричневое пламя.

В ней поколений перегной,
Холмов остывших россыпь,
Преданий степи кочевой
Рассыпанные косы.

И жжет мне ноздри злой простор,
Песков сыпучих груды.
Идут, идут по ребрам гор
Мои мечты-верблюды.

Пусть им шагать еще века,
Вдыхать всей грудью роздых,
В ночном песке студить бока
И пить в колодце звезды,

Они дойдут до тех времен,
Когда народ великий,
Будя пустыни душный сон,
В пески пошлет арыки,

Когда народным кетменем,
Без хана и без бая,
Мы сами грудь скалы пробьем,
Путь жизни открывая.

Я слышу, как шумит листва,
Как там, в просторах мира,
Уже рождаются слова
Великого батыра,

Как, разорвав веков пласты,
Плечом раздвинув недра,
Народ встает из темноты,
Вдыхая солнце щедро...

Мой стих — от сухости земной,
Но есть в нем воздух синий,
Рожденный степью золотой
Из солнца и полыни.

Приблизь к губам, дыханьем тронь,
Развей в родном раздолье
Растертый каменный огонь,
Щепоть земли и соли.

Он разлетится по сердцам
В предгорья и равнины,
И склонят слух к моим словам
Грядущих дней акыны!»

⟨1941⟩, ⟨1956⟩

211. ВЕТЕР

Сгибаются деревья
Под ношею серых туч
Над избами Заручевья,
Где гаснет янтарный луч.

Клубятся они — и ни с места.
А листья далёко летят,
И яблоня-невеста
Осыпала легкий наряд.

Лишь сосны скрипят угрюмо,
Нахмурясь щетиной хвой.
От их органного шума
Сегодня я сам не свой.

И, если бы не было дома,
Где милых мне глаз тепло,
Меня б самого как солому
По ветру сейчас несло.

И в посвисте заунывном,
Которым гудит земля,
Я рухнул бы тяжким ливнем
На стынущие поля!

Июль 1956

212

Посмотри, на озере ночном
Протянулась лунная дорожка,
Вся пронизанная серебром. . .
Постоим и помолчим немножко!

Оба мы немалый путь прошли,
Заплатили сердцу сединою,
Но луна и запахи земли
Те же, что и давнею весною.

Если хочешь, счастьем назови
То, чему на свете нет названья.
Мир согрет дыханием любви
В вечной смене встреч и расставанья.

И жалеть нам надо в поздний час
Не о том, что годы уносили
Всё, что было дорого для нас,
А о том, что мало мы любили.

Потому что на тропе земной
Есть и у души предназначенье:
Каждой долгожданною весной
Расцветать и осыпать цветенье...

Июль 1956

213. МЕЧТА

Чтоб душа была свободной
От любых забот и дел,
Дар доступный, всем угодный,
Нам мечта дана в удел.

Нет на свете большей власти
И свободы большей нет,
Чем на твой вопрос о счастье
Предугаданный ответ.

Разве время и пространство,
Побежденные мечтой,
Не свидетель постоянства
Тех, кто борется с судьбой?

Я ценю к мечте пристрастье,
Как игру лучей во мгле,
Но мое простое счастье
Тут же, рядом, на земле.

И, пока со мною небо,
Смех детей, любимый взгляд,
Свежесть трав и запах хлеба —
Несказанно я богат.

А мечта — удел поэта,
И «судьбой» ты не зови
То, что создал сам из света,
Дружбы, мира и любви.

1956

214

Не торопи стихов. Им строгий дан черед
На чернозем души порой рассыпать зерна.
Из них едва ль одно спокойно прорастет,
Но ты лелей росток ревниво и упорно.

Смотри, как жадно он слепую тянет нить,
Как, бледный, хочет жить, как солнца ищет в небе
И просит у тебя всю душу перелить
В его колеблемый весенним ветром стебель!

Отдай ему сполна дыхание свое
И кровь горячую пролей в его суставы,
Чтоб мог он восходить всё выше в бытие,
Прорезав пласт земли и раздвигая травы.

И не погибнет мысль, взращенная тобой,
Но, почку разорвав напором силы страстной,
На молодом стебле раскинет венчик свой —
Пускай на краткий миг, но все-таки прекрасный!

1956

215—218. *БАЛТИКА*

1

БЕЛОЙ НОЧЬЮ

Смотри, какая радость глазу!
Там, где разлита тишина,
Подобно бледному топазу,
Стоит над городом луна.

Она, как драгоценный камень,
Повисший в синеве высот,
Переливается и пламень
В заливе кружевом плетет.

Вздымает лодки у купален
Неторопливая гряда,
И островерхий врезан Таллин
В белесый сумрак навсегда.

1952

2

РЫБАКИ

На рассвете бежали клокастые, рваные тучи,
Ветер выл неустанно, восток разгорался, угрюм,
И царапали крышу озябшие голые сучья.
Я проснулся... Всё тот же глухой, несмолкаемый шум.

Он, казалось, весь мир наполнял на холодном просторе.
То вздыхала земля, словно что-то ей снилось в бреду.
А за дюнами тяжко ворочалось мутное море,
И огромные сосны скрипели, почуяв беду.

Где-то там, расходясь, рассыпаются белые гривы,
Налегая на весла, безмолвно гребут рыбаки,
Но, взлетая на гребень, они уже видят счастливый
Огонек за туманом над устьем родимой реки.

Балтика
Август 1955

3

ТАЛЛИН

Домов оранжевая черепица,
Надменный шпиль над валом крепостным...
Проходишь узкой улицей, — и мнится,
Что этот город — сказка братьев Гримм.

У мшистой башни — «Толстой Маргариты»,
Под каменною аркою ворот,
Я слушаю, как отвечают плиты
Моим шагам, покуда полночь бьет.

Но стоит только, переулком старым
Свернув, в балтийский окунуться бриз,
Из-за угла слепительные фары,
Скользнув вдоль камня, выхватят карниз.

И, синь средневекового тумана
Прорвав, в настороженной тишине
Хрусталь колоратурного сопрано
Рассыплется на радиоволне.

Я рад, что утром солнце мне смеется
И что шаги по плитам так легки,
Что здесь поют «Варяга» краснофлотцы,
Испытанные морем земляки.

Что голуби здесь сизы и белесы,
Что светят васильками у межи
Мне взгляды девушек, светловолосых
И гибких, словно стебли спелой ржи.

Что для Эстонии голубоглазой,
Моих республик молодой сестры,
Так празднично над серым морем вязы
Зажгли свои победные костры!

5 августа 1946

ГОЛУБИ ТАЛЛИНА

Люблю готические стрелы
Над чешуею черепиц,
Полет стрижей и камень белый
Заросших розами гробниц.

Люблю прибитые подковы
Над сводом башенных ворот
И улочек средневековых
За поворотом поворот.

Но мне милее свежей ранью,
Когда и воздух голубей,
Прислушиваться к воркованью
Бродящих рядом голубей.

Их воркотня у старых зданий,
В толпе, на камне стертых плит
О жизни вечном прорастанье
Над дряхлым прахом говорит,

Пахнул от взморья ветер резкий,
И, утверждая с песней связь,
В широкошумном крыльев плеске
В лазурь вся стая поднялась.

Серебряная, молодая,
Пьяна балтийской синевой,
Она плывет, в просторах тая,
Как лучший сон, как праздник мой.

⟨1957⟩

219. СТАРОЕ ЗНАМЯ

Оно опять проходит перед нами,
В октябрьском закаленное бою...
Я старое, прославленное знамя
Встречаю, словно молодость свою.

Широкое, как правда жизни новой,
Оно в суровой простоте своей
Еще не носит бахромы тяжелой
И оплетенных золотом кистей.

Простой кумач неугасимым цветом
Пылает, как века ему пылать!
И наискось на нем:
«Вся власть Советам!» —
Написано широко, через «ять».

С тех дней, когда мы штурмовали Зимний
И рвали звенья вражьего кольца,
Оно живет и в нашем светлом гимне,
И в правде, окрыляющей сердца.

Июнь 1957

220

Жарко рябины взметнулся костер,
Гроздья качнула синица.
Снова в лицо рябоватых озер
Осень спросонок глядится.

Сумерки бродят за каждой сосной
В шорохах позднего гула.
Запахом гари и прели грибной
С темных лощин потянуло...

Всё же мне по сердцу эта пора:
Холод опушек бодрящий,
Пряди тумана и стук топора
В тронутой инеем чаще.

Сердцем мне хочется выше лететь,
Крик подхватить журавлиный.
Горько и ярко над рощей гореть
Кистью огнистой рябины.

Осень! Заветных свершений пора!
Будет под выпавшим снегом
В листьях оврага и пепле костра
Место грядущим побегам!

Пусть уж никто и не вспомнит весной
Эти туманные прели —
Старые листья легли в перегной,
Чтоб молодые шумели...

Сентябрь 1957

221

Есть города — на пенсии у Славы.
Овеянные шелестом знамен,
Они стоят, надменно величавы,
Погружены в Историю, как в сон.

Он не таков. Его лицо морское
В грядущее всегда обращено,
И гордое дыханье непокоя —
Завет стихий — сроднилось с ним давно.

Быть может, ветры Балтики суровой
Взрастили в нем, закованном в гранит,
Огонь мечты о солнце жизни новой
И веру в то, что Правда победит.

О, город мой! От невского простора,
От трудовых окраин и застав
Здесь занялась полярная Аврора,
Цвета зари по снегу распластав.

И тот, кто у Финляндского вокзала
Приветствовал ее с броневика,
В тебя, мой город камня и металла,
Вошел дыханьем жизни на века!

Октябрь 1957

222

Заветное дело жизни
    Отныне завершено,
И я возвратил отчизне,
    Что было душе дано.

Вручен был мне век достойный.
    Должно быть, я был рожден,
Чтоб знать и голод, и войны,
    И доблестный шум знамен.

Поэтом я был, солдатом
    И просто одним из тех,
Кто знал, расщепляя атом,
    Что сила в нем — мир для всех!

Я видел в смятенном веке,
    Как люди моей земли
Поэму о Человеке
    В эфире звездой зажгли.

И счастлив был тем, что шире
    Горел над землей восток,
Что многое видеть в мире
    Своими глазами мог.

1957

223. ЗЕЛЕНАЯ ГРУЗИЯ

Задвинута зелеными горами,
Кипящею Арагвой вспоена,
Горя, струясь, как многоцветный камень,
На дне времен покоилась она.

Суровый ветр полям ее не страшен,
Звенит ячмень и зреет виноград,
А у пяты плющом одетых башен
Поет пастух и пестует ягнят.

Скрипит арба и пенится беседа,
Клоками снега падает руно,
И в погребах, как песня в сердце деда,
Дрожит и бродит терпкое вино.

Здесь земледел, и мирен, и упорен,
Оставя внуку праздничный кинжал,
Бросает горсть простых пшеничных зерен
И чтит серпа бесхитростный закал.

А цвет легенд, как яблоня в апреле,
Для женских рук, для пестрого ковра,
Его собрал Акакий Церетели,
Чтоб уронить с горячего пера.

Но в памяти магическом кристалле
Осенние те розы отцвели.
Мне хочется, чтоб гуще зарастали
Орешником промоины земли,

Чтоб в ожерелье букового леса,
Где грела Мцыри барсова нора,
Дрожали генераторы ЗАГЭСа
И клокотала пленная Кура.

Чтоб виноградную строфу поэта,
Повиснувшую гроздью над окном,
Печатала районная газета
И вслух читал, как песню, агроном.

Я вижу день, когда княжна Тамара,
Гася ладонью струны старины,
Вплетет свой голос над столицей старой
В гортанный клекот радиозурны.

Так жизнь цветет. Так Терек, разрывая
Гранитный кряж, строптивее коня.
Так Грузия, ресницы поднимая,
С бетонов строек смотрит на меня.

⟨1927⟩, ⟨1958⟩

224. РУССКАЯ ПРИРОДА

Ты у моей стояла колыбели,
Твои я песни слышал в полусне,
Ты ласточек дарила мне в апреле,
Сквозь дождик солнцем улыбалась мне.

Когда порою изменяли силы
И обжигала сердце горечь слез,
Со мною, как сестра, ты говорила
Неторопливым шелестом берез.

Не ты ль под бурями беды наносной
Меня учила (помнишь те года?)
Врастать в родную землю, словно сосны,
Стоять и не сгибаться никогда?

В тебе величье моего народа,
Его души бескрайные поля,
Задумчивая русская природа,
Достойная красавица моя!

Гляжусь в твое лицо — и всё былое,
Всё будущее вижу наяву,
Тебя в нежданной буре и в покое,
Как сердце материнское, зову,

И знаю — в этой колосистой шири,
В лесных просторах и разливах рек —
Источник сил и всё, что в этом мире
Еще свершит мой вдохновенный век!

Июль 1958

225. ПЕРЕЛЕСКИ

Поедем в пушкинские парки,
К едва проснувшимся прудам,
Туда, где бродит свет неяркий
По непросохшим берегам.

Поедем в гости к перелескам,
К весенней зелени сквозной,
К лепным Растрелли арабескам,
Чуть тронутым голубизной!

Жгут листья в липовой аллее,
И седоватый терпкий дым,
Между деревьями синея,
Плывет над лугом молодым.

Вся эта горечь увяданья,
Сливаясь с запахом весны,
Зовет на светлое свиданье
Давно растаявшие сны.

Им не раскрыться в свежем блеске,
Как много лет тому назад,
Но голубеют перелески
Вдоль тех же парковых оград.

И у подножья гордых статуй,
Что смотрят в сонный водоем,
Мы травянистый, горьковатый,
Сырой и свежий запах пьем!

1958

226. ЯРОСЛАВСКИЕ ОКНА

Видно, и тогда, в неволе древней,
В негасимой жажде красоты
Наши ярославские деревни
Расшивали избы, как холсты.

Но ворот резные полотенца,
Хитрые кокошники окна —
Только ли задорные коленца
Плясок, что любила старина?

Плотничья досужая затея —
Тоньше голубиного пера —
Только ли забава грамотея,
Острый ум пилы и топора?

Нет, свое затейливое слово,
Загодя смекнув, наверняка
Резала из дерева сухого
Мастера веселого рука.

Сколько было смелого уменья,
Как приметлив был и точен взор,
Чтоб одной игрой воображенья
Ткать неповторяемый узор!

Брал он щедро от родной природы
Всё, что трудовой приносит год:
Облаков летучие разводы,
Елочек и сосен хоровод,

Поля колосистые просторы,
Радуги излуку над селом
И окна морозные узоры,
Вышитые тонким серебром.

И наличники резьбы узорной,
Столбики точеного крыльца —
Весть о том, как страстно и упорно
Исходили песнею сердца.

Песнею, вовеки неустанной,
Прадедами сложенной не зря,
Песнею резной и деревянной,
Радостной, как ранняя заря.

1958

227—229. *ПО ВОЛГЕ*

1

По Волге бегут теплоходы,
Как праздник, горя белизной,
И пенного следа разводы
Сливаются с серой волной.

Буксиры с зарею туманной
Привычным трудом заняты.
За ними змеей деревянной
Ползут, извиваясь, плоты.

В их облике мало героики,
Но как их пути далеки —
Куда-то на шумные стройки
В низовьях великой реки!

А здесь под зарею белесой
Откосов легла полоса,
Скользят ярославские плесы,
Идут костромские леса.

Хорошая нынче погода!
Я, парус слегка наклоня,
Взрезаю волну теплохода,
Подхвачен сиянием дня.

И дыбом стеклянные горы
Встают у меня на пути.
Просторы, просторы, просторы...
От них никуда не уйти!

2

В ШЛЮЗАХ

Я этот сонный мир церквушек безымянных,
Лоскутных, узких нив, погостов деревянных,
Знакомых с детства мне, уже не узнаю —
Так изменилось всё в глухом моем краю.

Там, где лесной ручей бежал, горласт и боек,
Белеют корпуса рабочих новостроек,
Несут в колхозы ток тугие провода,
А воду подперла бетонная гряда.

Пока, журча, река лилась в утробу шлюза,
Вздымая на плечах баржу с мешками груза,
Смотрел я, как в простом, в горошинах, платке
Старуха берегом шла с посошком в руке.

Губами шевеля тревожно и несмело,
Казалось, что-то нам она сказать хотела —
Упрек или привет, — не мог я разобрать...
Дул ветер. Серебром ходила Волги гладь.

И вдруг могучее гуденье теплохода
Весь берег потрясло. Раскинув крылья входа,
Заслон раздвинулся, открыв широкий путь,
И приняла река нас на тугую грудь.

Какая сразу ширь! За маяком на створе
Новорожденное вскипало пеной море,
А чайки белые, едва задев волну,
Зигзагом молнии взмывали в вышину.

3

ОСЕННИЕ ДАЛИ

Здесь солнцем по земле раскиданы лучинки
　　　　Сквозь сосен частокол.
И колют сердце мне смолистые хвоинки,
　　　　Как сотни звонких пчел.

Дрожит и дышит бор, переплетенный с тенью,
　　　　В ушах немолчный звон.
И лег я на траву, весь обессилен ленью,
　　　　В цветы — со всех сторон.

Уж доверху полна опенками кошелка,
　　　　А там сквозь сеть ветвей
Струистым оловом проблескивает Волга —
　　　　То тише, то живей.

И, шорохам вершин широким вздохом вторя,
　　　　Прохладный ветерок
Дыханием лугов и Рыбинского моря
　　　　Моих коснулся щек.

Заволжской стороны багряные просторы,
　　　　Осенние леса...
Там, в поймах, в островах, расшитая в узоры,
　　　　Заката полоса.

Так вот откуда ты брала родную силу,
          О русская душа,
Вот что тебя в грозу на подвиг вдохновило
          И чем ты хороша!

Привольной осени обилье золотое,
          Рожденное трудом,
Мне словно матери лицо, всегда живое,
          И милый сердцу дом.

К какой бы ни неслись звезде или планете
          Ракеты-корабли,
Я знаю: для меня нет ничего на свете
          Родней моей земли.

И пусть галактика струит свои морозы —
          Я унесу с собой
И легкий шелест рощ, и желтый лист березы
          Над Волгой голубой.

1959

230

Я начал день свой пушкинским стихом,
Сверкнувшим мне с развернутой страницы,
И до сих пор он в памяти струится,
Как отраженье клена над прудом.

О чем шумит бессонных листьев речь?
Как разгадать их тайное значенье?
И вот уже игла воображенья
Легко успела сердце мне обжечь.

Еще не знаю, поведет куда
Невнятная, нежданная тревога,
Но мнится мне — взыскательно и строго
Там, в высоте, прорезалась звезда.

Меня с ней тонкий луч соединит,
Как с сердцем друга вещая беседа,
И этот луч стрелою Кифареда
Разбудит отозвавшийся зенит,

Волненье сердца, голоса земли
Войдут под звездный купол мирозданья,
Как радуга блаженства и страданья,
Как жизнь и свет в космической пыли!

Январь 1960

231

В этот миг ты сам поймешь
То, что жизнь прошла.
Как свой стол, ты приберешь
Мысли и дела.

Что же вспыхнет пред тобой
В этот день из дней?
Может, снова станут в строй
Лица всех друзей?

Может, вновь услышишь речь
Отшумевших лет —
Чтоб хоть что-нибудь сберечь
Там, где света нет?

Сердце холод обоймет
Крепко, не спеша.
В сверхкосмический полет
Ринется душа.

И, увидев с корабля
Точку средь светил,
Скажешь: «Вот она, Земля,
Где я прежде жил!»

Апрель 1960

232. ПОЭЗИЯ

Не в виденьях, не в туманах,
Не в разливе облаков,
Не в безвестных дальних странах,
Зовах смутных и нежданных,
Легком шелесте шелков,

И не там, в заснувшем доме,
В свете лунной полосы,
Где всё строже, незнакомей
В полусне, в полуистоме
Тихо тикают часы, —

Нет, она в живом волненье,
В светлой поступи труда,
В неустанном нетерпенье
Жить, творить и, к звеньям звенья
Прибавляя, длить года.

В том, что я, свой век кончая,
С полной света высоты
Всё дышу прохладой мая,
Всё ищу, не уставая,
Века нового черты.

20 мая 1960

233

Нет, мне не говори, что трудно умирать,
Что легче было бы и вовсе не родиться, —
Ведь у моей души «особенная стать»,
И всё, чем я дышал, в моих делах продлится.

Нет, жизнь была не сном на милой мне земле.
Хоть не легко порой свой жребий мог нести я,
Я видел в злых годах, в передрассветной мгле
Прекрасный облик твой, грядущая Россия.

Я различал тогда и Девы вечный лик,
Что светом на доске писала кисть Рублева,
И юность той зари, чей огненный язык,
Взвиваясь, вырвался из плена ледяного.

И в тех простых словах, что были мне даны,
Как мог, я воплотил заветное желанье:
Быть не изгоем, нет! — а сыном той страны,
Которая зажгла Полярное Сиянье.

Не только именем я русский, я душой
С судьбою Родины сплетен нерасторжимо,
И мил мне гул времен над самой головой,
Что для иных прошел неуловимей дыма.

Я был свидетелем неугасимых лет,
Наследником надежд, участником свершений,
И пусть оставлю я хотя бы малый след
Для памяти за мной идущих поколений!

Май 1960

234

Жизнь проходит... Но, хотя и поздно,
Я хотел бы в ней запечатлеть
Всё, что нежно, радостно и грозно
Здесь, в груди, не уставало петь.

Что порой мне сердце разрывало
Иль на крыльях поднимало ввысь,
Чтоб слова, как в юности бывало,
Чьей-нибудь струне отозвались.

От добра, от зла ли эта сила,
Кто мне скажет? Только ей одной
Отдал я всё то, чем жизнь томила
И манила с каждою весной.

Может быть, мое предназначенье
Было в том, что всюду слышал я
Ритма неустанное биенье,
Молодое сердце бытия.

Июнь 1960

235

Овеянные пушкинскою славой,
Таинственно притихшие сады,
Как я люблю ваш вечер величавый
И в листьях клена стылые пруды!

В осенней стуже, тишиной объятой,
Гляжу я сквозь узор нагих ветвей
На зябнущие плечи белых статуй,
Мерцающие в сумраке аллей.

Когда-то густолиственную арку
Я вижу облетевшей и сквозной,
И словно вздох проносится по парку
Далекой замирающей струной.

Уж больше на чугунную ограду
Не сядет голубая стрекоза,
Не скатится к умолкшему каскаду
Журчащих вод литая бирюза.

Всё тихо здесь, в преддверии Аида,
В настороженной строгой тишине...
Но не туман ползущий, не обида
Сырых продрогших листьев внятны мне.

Пускай ветра в вершинах бродят дико
И снег идет, — в весеннем далеке
Из недр земных вернется Эвридика
С живыми перелесками в руке.

И парк проснется вновь в блаженной лени,
Дыша прохладным шелестом листвы,
Узор дрожащий ляжет на ступени
Просветами апрельской синевы.

И, слыша пробужденных вод журчанье,
Под своды лип столетних, не спеша,
Сюда уж не тропой воспоминанья,
А в блеске дня — пройдет моя душа.

Июнь 1960

236. СТАРЫЕ КНИЖНИКИ

Помню, как в студенческие годы
На Литейном забирался я
Под глухие каменные своды
Рыться в грудах книжного старья.

Всё здесь есть: листочки мадригалов,
Знатных литографии персон,
Связки молью траченных журналов,
Памятных с некрасовских времен.

Описанья знаменитых зданий,
Ярмарочный песенный товар,
Томики стихов — первоизданий
С маркой типографии Плюшар.

Пьесы, избежавшие цензуры,
Корректуры «Искры» и «Звезды»,
Ленина женевские брошюры,
Первые марксистские труды...

Летчики, ученые, артисты
Рылись в этих грудах не спеша,
И несли им книги букинисты
Так, как будто в каждой есть душа.

Чтобы всех обрадовать находкой,
Ворошили с ними пыльный прах
Старички с козлиною бородкой,
В старомодных узеньких очках.

Как не заблудиться в книжной груде!
Но, любя родных легенд язык,
Эти многознающие люди
Как свои бродили в мире книг.

Давние проглядывая списки,
К ним, осенний отряхнув туман,
Заходили Горький, и Десницкий,
И Смирнов-Сокольский, и Демьян.

Оценив их верную услугу,
Сколько книголюбов — и не зря! —
Пожимали руку им как другу,
За редчайший том благодаря.

. . . .

Где они, все эти могикане,
В памяти хранившие своей
Столько дат, событий и названий,
Отгоревших и живых идей?

Может быть, родной землей хранимый,
Не один из них навек уснул..
Добрым словом Алексей Максимыч
Стариков когда-то помянул.

И, воспоминанием согреты,
Как живые в памяти встают
Те, кто так любил свой невоспетый,
Радость людям приносящий труд.

Июнь 1960

237. СОСНЫ РАЙНИСА

Колючие травы, сыпучие дюны
И сосны в закатной туманной пыли,
Высокие сосны, тугие, как струны
На гуслях рапсодов латышской земли.

За ними взбегает Янтарное море
На сглаженный ветром ребристый песок,
И горькая пена в усталом узоре,
Слабея и тая, ложится у ног.

Склоняясь в крылатке над тростью тяжелой,
С помятою черною шляпой в руке,
Стоит он, вдыхая вечерние смолы
На темном, остывшем от зноя песке.

Оставили след свой суровые годы
В морщинах, в короткой его седине,
Но те же глаза сквозь туман непогоды
Глядят, разгораясь в холодном огне.

Быть может, и радость приходит всё реже,
И медлит в полете раздумчивый стих,
Но он не сдается — ведь сосны всё те же
И та же могучая поступь у них!

Пусть яростно ветры над ними несутся,
Пусть давит им плечи дождливая муть,
Их можно сломать, но они не согнутся,
Со скрипом, со стоном, но выпрямят грудь.

И, в дюны впиваясь пятой узловатой,
Как мачты тугие, гудя в высоте,
Несут они берег — свой парус косматый —
К бессонному солнцу и вечной мечте.

Июль 1960

238. ДЕРЕВЬЯ

В земном пути, меняющем кочевья,
Жилища, встречи, лица и края,
Беседу с вами я веду, деревья,
Ни в чем не изменившие друзья.

И как мне было с вами не сродниться,
Приветившими родину мою,
Когда живые образы и лица
Я в ваших очертаньях узнаю!

Вот старый дуб — листва из звонкой меди,
Могучий стан в извилинах коры,
Он весь гудит, рокочет о победе,
Как некогда на струнах гусляры.

Вот сосны. Прямоствольны и упруги,
Колючие — ветрам не разорвать,
Стоят в своей чешуйчатой кольчуге,
Спокойные, как Игорева рать.

И елки, неподвижны и суровы,
Роняя низко рукава ветвей,
Ждут, пригорюнясь, — матери и вдовы,
Молчальницы в платочках до бровей.

А рядом боязливая осина
И вовсе простодушная ольха
Глядят поверх кустов, как из-за тына,
На тропку, что тениста и глуха.

Но всех милей мне девушка-береза,
Пришедшая из сказок и былин,
Снегурочка, любимица мороза,
Аленушка пригорков и равнин.

Ей любы наши зори, сенокосы,
Ромашки в росах, звонкие стрижи,
Зеленые она качает косы
Над волнами бегущей с ветром ржи.

И с нею сам я становлюсь моложе,
Позабывая беды и года.
Она ведь чем-то на тебя похожа...
Ну что ж! Мы были молоды тогда.

1960

239

О русской природе, о милой природе
С зарей в материнских глазах,
О тающем снеге и ясной погоде,
О яблонях в наших садах!

О шумной пшенице, о вольных просторах,
О солнце сквозистых берез,
О ласковых реках, о девичьих взорах,
О песнях, щемящих до слез!

О гроздьях рябины, о шорохах бора,
О ландышах ранней весной,
О том, как твои голубые озера
Прозрачны и в холод и в зной!

О том, как живою водою поила,
И радость и горе деля,
Нам сердце твоя неизбывная сила,
Простая родная земля!

О том, как в дорогу на долгие годы
Ты нам колобок испекла,
О том, как сквозь ветры, закаты, восходы
Ты верною тропкой вела!

Ты вся расцветаешь, как русская сказка,
Как песня, ты плещешь крылом,
И вечно живет материнская ласка
В задумчивом взоре твоем!

Декабрь 1960

240. ГОНЧАРЫ

По ладожским сонным каналам,
Из тихвинских чащ и болот
Они приплывали, бывало,
В наш город, лишь лето придет.

Пройдется заря спозаранку
По стеклам громад городских, —
Они уже входят в Фонтанку
На веслах тяжелых своих.

Их день трудовой некороток
В плавучем и зыбком гнезде,
У ржавых чугунных решеток,
У каменных спусков к воде.

Торгуясь еще по старинке,
Хозяйки берут не спеша
Какие-то плошки и крынки
Из бережных рук торгаша.

И, щелкнув по боку крутому,
Звенящему гулко в ответ,
Им кутает плотно в солому
Покупку старательный дед.

К чему бы такая посуда,
Давно уж отжившая век,
Из глины рожденное чудо,
Приплывшее с северных рек?

Давно уж расстались мы с нею,
Но радость ребяческих дней
Мне эллинских амфор стройнее
И тонких фарфоров милей.

Здесь в каменном знойном июле,
Забытой прохладой лесной
Мне веет от этих свистулек,
От чашек с нехитрой каймой.

Мешали ту замесь упруго,
В избушке трудясь до утра,
Умельцы гончарного круга
И глиняных дел мастера.

Не зная расчетов науки,
Храня вековую мечту,
Из глины мужицкие руки
Умели лепить красоту!

Март 1961

241

Раздвинул Киев крутые склоны,
И запах свежий, немного пряный,
Течет бульваром в тени зеленой —
Цветут каштаны, цветут каштаны...

В час этой светлой весенней встречи,
Раскинув щедро свои жупаны,
На стройных ветках расставив свечи,
Цветут каштаны, цветут каштаны...

Где дым пожарищ, где след Батыев,
Недавних бедствий огонь и раны?
Всей грудью дышит воскресший Киев,
Цветут каштаны, цветут каштаны...

Он словно не был раздавлен горем —
Живут в нем песни и смех гортанный.
Над этим пышным курчавым взгорьем
Цветут каштаны, цветут каштаны...

Лететь бы чайкой к днепровской дали,
Раскинуть крылья в простор нежданный,
Чтоб вечно юным меня встречали,
Зеленый Киев, твои каштаны!

Май 1961

242. ПЛОТИЧКА

Живет моя отрада...
Русская песня

Живет моя отрада
В озерной глубине,
И все ее повадки
Известны только мне.

Под листьями кувшинок
Она скользит во тьму.
В ее подводный терем
Нет хода никому.

Плотичка-невеличка,
Сестричка камышей,
Тебе ль копаться в тине
Среди простых ершей?

Смотри, как резко вьется
На леске червячок!
Что в нем крючок запрятан,
Тебе и невдомек.

Бери его смелее,
Тащи его на дно,
Туда, где в зыбких рощах
Прохладно и темно.

Но нет! Не тут-то было,
А пятиться не след.
Неведомая сила
Влечет на белый свет.

Сгибая прутик тонкий
Чуть-чуть не пополам,
Ты плавным полукругом
Летишь к моим ногам.

Но что с тобой мне делать,
Серебряной, живой?
Плыви себе на волю,
Плотичка, бог с тобой!

Плыви, поверив чуду,
В подводный тихий сад,
А я и так добуду
Ершей и окунят.

Была бы только заводь
С навесом из ветвей,
Была бы только лодка
Вдоль кромки камышей!

Июнь 1961

243

В память горькой разлуки я в море бросаю монету
И слежу, как она, колыхаясь, уходит из глаз...
Словно древние греки, я верю в простую примету,
В то, что мне возвращаться сюда доведется не раз.

Я хочу, чтобы здесь, в этом воздухе мглисто-тяжелом,
В чистой пене прибоя и в зное шуршащих камней
Не была она только последним и стертым оболом —
Данью старцу Харону за странствие в область теней.

Нет, я душу бросаю в извечное это движенье,
Острой солью дышу я и брызг не стираю с лица.
Волны бьются о берег, проходят, встают поколенья,
А дыханию Жизни и нет и не будет конца!

Ноябрь 1961
Крым

244

Неужели за чертою
Отшумевших дел и дней
Расстаемся мы с тобою,
Давней юности хорей?

Неужель не может сердце,
Размеряя свой разбег,
Вновь в твое включиться скерцо
Сквозь летящий мокрый снег?

Ты звенел, забот не зная,
Как малиновка весной,
Ты шумел, не умолкая,
Набегающей волной.

Ты любил меня, как друга,
И с тобою в те года
В синий край, к предгорьям Юга
Уносили поезда.

Спутник милый и беспечный,
Мы, как братья, сердцу в лад,
По земле, живой и вечной,
Шли куда глаза глядят.

Только вел ты неуклонно
Через заросли забот
В мир росистый и зеленый,
В разгоравшийся восход.

И сейчас, средь темных сосен,
К мокрым стеклам подойдя,
Мне тебя приносит осень
Мерным шелестом дождя.

Отдаю тебя идущим
Той же солнечной тропой,
Вместе с птицами поющим,
Гордо спорящим с судьбой.

Отдаю тебя всем юным,
Полным солнца голосам,
Шумам ветра, птичьим струнам —
Всем, кому был верен сам.

Пусть, сменяя поколенья
На дорогах бытия,
Дарит их сердца волненьем
Поступь легкая твоя!

1961

245. НОВЫЙ ПОРТ

...Все флаги в гости будут к нам.

А. Пушкин

Здесь когда-то грачи на березах горланили звонко,
Грязноватою пеной бежала на берег волна
И в Галерную гавань ползла дребезжащая конка
По Большому проспекту вдоль серых лачуг в три окна.

Огороды. Заборы. Шаги по мосткам деревянным.
Хриплый говор гармошки в воскресные пьяные дни.
Низкорослый кустарник, затянутый влажным туманом,
И слепою цепочкой бегущие в сумрак огни...

Как всё это былое теперь сочетать с настоящим?
Даже собственной памяти верить уже не могу.

И скольжу я сквозь время в «Победе» асфальтом
шуршащим
В ту страну, где мальчишкой когда-то бродил на лугу.

Уж не этот, волною и ветром обглоданный, остов,
Не пустынная отмель, где робкий взбегает прибой, —
Белой грудью строений встречает Васильевский остров
Ветры вольного взморья и в дымке Кронштадт голубой.

На прибрежной ладони гремит, не смолкая, работа,
Блещут молнии сварки, сверкая, грохочет металл,
Краны выгнули шею, лебедки трещат с поворота,
Пылью даль застилая, растет неустанный аврал.

В взбудораженном грунте улягутся скоро громады
Плотно отлитых кубов, зажатых в монтажном гнезде,
И в просторы залива, шагая, пойдут эстакады —
Целый город причалов по пояс в прозрачной воде.

И, гудком басовитым привет берегам посылая,
Флаги наций торговых, пришельцы далеких широт,
Здесь увидят, что значит надежная дружба морская
У ворот Ленинграда, открытых для мира ворот!

Вижу — смуглый мальчонка (таким был и сам я
когда-то)
Деревянный кораблик пускает, по-штурмански горд,
И на солнечной отмели палочкой чертят ребята
Уходящий от берега, ветром овеянный порт.

И певучая радость сжимает мне сердце заране,
Словно вижу я с ними с клочка пробужденной земли,
Как растут, приближаясь в рассветном балтийском
тумане,
К этим мирным причалам далеких морей корабли!

1961

246. НОВГОРОДСКАЯ СОФИЯ

Восход сквозь тучи ветровые
Разлился алой полосой,
И Новгородская София
Встает в туманах над рекой.

Еще Детинца тусклы ризы,
А даль сквозиста и пуста.
София — голубь мутно-сизый —
В лазурных лужах пролита.

Я знаю: храма белый камень
В струистой солнечной пыли,
Когда-то созданный рабами,
Свободно вырос из земли.

И не парчою ветхой славы —
Он утром солнечным покрыт,
Он, словно шлем, надвинул главы
И стены выставил, как щит.

Он весь — тугая соразмерность,
Соотношение высот,
Асимметрия, тяжесть, верность
И сводов медленный полет.

Пчелиный разум Новограда
Лепил апсиды и притвор.
Но что мне гулкая прохлада?
Скорей на солнечный простор!

Еще и холодно и рано
Здесь, на Софийской стороне,
Но Волхов блещет из тумана
И гонит «зайчиков» в окне.

Как быстро сохнет пламень серый
На крутолобой мостовой,
Как, вторя птицам, пионеры,
Под барабан ровняют строй!

Как над заречными лугами,
Над звонницами старины
Слепит глаза крутое пламя
Широкой северной весны!

2 мая 1939, ⟨1962⟩

247

Пора неясных обещаний,
Пора невыплаканных слез,
Пора всего, о чем заране
Мы и не думаем всерьез.

О, юного самообмана
Невозвратимая пора,
Ты сходишь тенями с экрана,
Когда кончается игра.

И все-таки с какою страстью,
Припоминая твой мираж,
Себя я вижу ближе к счастью,
Как будто мир, как прежде, наш.

Привет, печальное наследство,
Спасительная слепота,
Когда нам веет запах детства,
Неуловимый, как мечта!

На дне шкатулок память прячет
Давно увядшие цветы...
Да и могло ли быть иначе
В преддверье полной темноты?

Февраль 1962

248. ВОЛОГОДСКИЕ КРУЖЕВА

Городок занесен порошею,
Солнце словно костром зажгли.
Под пушистой сыпучей ношею
Гнутся сосенки до земли.

Воробьи на антеннах весело
Расшумелись, усевшись в ряд,
И к крылечку береза свесила
Снежный девичий свой наряд.

Мастерица над станом клонится
И, коклюшками шевеля,
Где за ниткою нитка гонится,
Песню ткет про тебя, земля.

Пальцы легкие и проворные
Заплетают, вспорхнув едва,
Как мороз по стеклу, узорные
Вологодские кружева.

И чего-то в них не рассказано,
Не подмечено в добрый час!
Здесь судьба узелком завязана
Для приметливых карих глаз.

Там дорожки, что с милым хожены,
Все в ромашках весенних рощ,
И следы, что лисой проложены,
И косой серебристый дождь.

А стежки, то прямы, то скошены,
Разрослись, как в озерах цвель, —
То ли ягоды, то ль горошины,
То ль обвивший крылечко хмель.

Слово к слову, как в песне, ставится —
С петлей петелька вширь и вкось,
Чтобы шла полоса-красавица
Как задумано, как сбылось.

Расцветайте светло и молодо,
Несказанной мечты слова...
Вот какие умеет Вологда
Плесть затейные кружева!

Апрель 1962

249. ЛЕДОХОД

Необычные дни! На Неве ни единой морщины,
У подножия крепости змейкой струится игла,
И плывут, и плывут неустанно скользящие льдины,
Словно сахар крошась и сверкая изломом стекла.

Их уступы мостов раздвигают зигзагами трещин,
Обдирают бока им гранитных ступенек углы,
А Нева на ладони несет их, как хрупкие вещи,
Мимо каменных спусков и гордой петровской скалы.

Это Ладоги гости идут через город парадом.
Неуклонно и ровно несет их ко взморью Нева,
И я вижу, как двое к воде наклонившихся рядом
Что-то шепчут друг другу, а ветер относит слова.

Еще свежести зимней последняя песня не спета,
Не сданы все зачеты, не взят бесплацкартный билет,
А в душе у них бродит, волнуясь колосьями, лето,
Пахнет липовым цветом и ширится волжский рассвет.

Ледоход! Ледоход! На последней, на тающей льдине
Уплывает в просторы балтийской прохладной весны
Всё, что гаснет в туманах, чего уже нет и в помине,
Что рассеялось где-то, как смутно мелькнувшие сны.

Я люблю неизменно встречать эти дни ледохода,
Что дыханьем своим леденят постаревший гранит, —
Тихо, тихо скользят льдины этого, прошлого года,
Льдины будущих весен, — а город всё так же стоит.

И не грустно глядеть мне на тихое это скольженье...
Всё проходит на свете и тает, как ладожский лед,
И сменяют друг друга одно за другим поколенья,
Но стремление Жизни всё то же — вперед и вперед.

Май 1962

250

Надо так, чтобы сразу запела строка,
Как хороший горнист перед фронтом полка

Или в тающем небе призыв журавлей
Над кувшинками рек, над разливом полей.

...Звездной полночью возле раскинутых юрт
Слушать я полюбил, как казахи поют.

Высоко, высоко, распрямляя свой рост,
Поднимается первая нота до звезд.

И плывет, и клубится туманом с реки,
Чтоб потом, как тюльпан, развернуть лепестки.

Если будет та первая нота верна,
Все слова, словно жемчуг, нанижет она,

Чтобы горечь, и нежность, и дух чебреца
Отозвались струне, обжигая сердца!

Май 1962

251

Друзья мои! С высоких книжных полок
Приходите ко мне вы по ночам,
И разговор наш — краток или долог —
Всегда бывает нужен мне и вам.

Как много вас! Здесь все века и страны,
Раздумий ваших и тревог цветы,
Скитальцы в бесконечном, капитаны,
Поэты и алхимики мечты.

Через века ко мне дошел ваш голос,
Рассеявшийся некогда, как дым,
И то, что в вас страдало и боролось,
Вдруг стало чудодейственно моим.

Что мне теперь надменные пределы
Времен, границ, чужого языка, —
Я вижу мир, нерасторжимо целый
И утвержденный мыслью на века.

Всё лучшее, чем может он гордиться
И чем мечта всегда была жива,
Вложили вы в заветные страницы
И ставшие бессмертными слова.

О, если б мог вот так же передать я
И свой, пусть малый, опыт бытия
Вам, дальние неведомые братья,
Грядущие, безвестные друзья!

25 июня 1962
Зеленогорск

252. ВСАДНИК

(Фреска)

Темноликий и огневолосый,
Весь в лучах уходящего дня,
Прорываясь сквозь сумрак белесый,
Над обрывом он вздыбил коня.

И глаза его в сумрачном блеске,
Разгораясь, как темный алмаз,
С полустертой столетьями фрески
Неотступно летели на нас...

Живописца в монашеской келье,
Видно, мучили странные сны,
Если он не ушел от похмелья
Забродившей в душе старины.

И, должно быть, каноны святые
Нарушая, он вспомнил о том,
Как рубился с ордою Батыя
На таком же коне боевом.

И тогда, словно гул издалече,
Захлестнув заповедный придел,
В нарастающем грохоте сечи
Донеслось к нему пение стрел.

И возник перед ним, как виденье,
Этот всадник на голой стене,
Уносящийся вихрем в сраженье
Со стрелою, застрявшей в броне.

Он схватил свои кисти в восторге,
Чтоб навеки тот миг удержать,
Словно некогда сам, как Георгий,
Вел на недругов русскую рать.

В полумраке пустого собора,
Про еду забывая и сон,
Он писал то, что встало для взора
Из клубящейся дали времен.

Он писал — не для тьмы и покоя,
Не для нимбов и ангельских крыл, —
Он в отважное сердце героя
Неуемную страсть перелил.

И летит его всадник крылатый,
Всех архангелов краше стократ,
Принимая на светлые латы
Бурной жизни победный закат.

Август 1962
Зеленогорск

253

Над рощей влажная заря
Едва приметно розовела,
Последней лаской даря
Поля, пустые до предела.

А там, в холодной вышине,
Крылами тяжкими махая,
К далекой солнечной стране
Плыла курлычущая стая.

Мгновенье счастья и тоски
Нарушить словом мы не смели,
И пальцы тоненькой руки
В моих ладонях холодели...

Прошло — не знаю, сколько лет, —
И вдруг, неведомо откуда,
Вновь потянулся длинный след
Зари, мерцающей как чудо.

Воскресли поле, и закат,
И низкий луг, и прядь тумана,
И журавли опять летят
Неудержимо, неустанно.

О время, мудрый чародей,
Твоя негаснущая сила
Пластинку памяти моей
Неторопливо проявила.

И стал богаче я стократ
Того, что в юности беспечной
Растратил слепо, наугад
В потоке жизни быстротечной.

Ноябрь 1962

254

Сквозь ветер походкой твердой
Шагает под скрип ботфорт,
Как призрак с кошачьей мордой,
Огромный усатый Петр.

Идет по доске щербатой,
Короткий чубук паля,
Туда, где скелет фрегата
Приподнят на стапеля.

Под сваями бродит хмуро
Взлохмаченная Нева,
Своею мохнатой шкурой
Накрывшая Острова.

А норд его треуголку
Срывает ко всем чертям...
Я слышу: «Не будет толку,
Пока не примусь я сам!

Трудиться им неохота,
Заели их лень и гнусь.
А мне легко ль из болота
Тащить кондовую Русь?»

И, скинув камзол суконный,
Он яростно дотемна
Вгоняет топор саженный
В упругую плоть бревна.

Летят, завиваясь, стружки,
Всё глубже уходит бут.
С похмелья, с ночной пирушки
Куда как хозяин лют!

Здесь плотничьи пел он песни,
Тесал крутобокий струг.
И выстроит он — хоть тресни! —
Бревенчатый Петербург.

Пусть внуки идут по следу, —
Он сваи кувалдой бьет.
На страх, на погибель шведу
Российский да встанет флот!

1962

255—256. *ИЗ ЦИКЛА «РУССКАЯ ИГРУШКА»*

1

ДЕРЕВЯННЫЙ МЕДВЕДЬ

Закинувший морду сторожко —
Медведь у меня на окне
С растянутой в лапах гармошкой
Уселся на низеньком пне.

Родная в нем есть неуклюжесть
И ловкость движений притом,
Когда, хлопотливо натужась,
Он жмет на басовый излом.

А узкая умная морда,
Сверкая брусничками глаз,
Глядит добродушно и гордо
В мохнатой улыбке на нас.

Кто, липовый плотный обрубок
Зажав в самодельных тисках,
Дубленый строгал полушубок
И лапы в смазных сапогах?

Кто этот неведомый резчик,
Умелец мечты и ножа,
Вложивший в безмолвные вещи
Ту радость, что вечно свежа?

Отменная эта работа —
Художество тех деревень,
Где с долгого солнцеворота
Не меркнет и за полночь день.

Старательно, неторопливо
Рождался медведь под ножом,
И есть в нем та русская сила,
Что в Севере дышит моем.

Умелец, никем не воспетый,
Прими безответный привет!
Я знаю, за Вологдой где-то
Есть братски мне близкий поэт.

1 янеаря 1963

2

ВАНЬКА-ВСТАНЬКА

Ванька-встанька — игрушка простая,
Ты в умелой и точной руке,
Грудой стружек легко обрастая,
На токарном кружилась станке.

Обточили тебя, обкатали,
Налили прямо в пятки свинец —
И стоит без тревог и печали,
Подбоченясь, лихой молодец!

Кустари в подмосковном посаде,
Над заветной работой склонясь,
Клали кисточкой, радости ради,
По кафтану затейную вязь.

Приукрасили розаном щеки,
Хитрой точкой наметили взгляд,
Чтобы жил ты немалые сроки,
Забавляя не только ребят.

Чтоб в рубахе цветастых узоров —
Любо-дорого, кровь с молоком! —
Свой казал неуступчивый норов,
Ни пред кем не склонялся челом.

Чья бы сила тебя ни сгибала,
Ни давила к земле тяжело, —
Ты встаешь, как ни в чем не бывало,
Всем напастям и горю назло.

И пронес ты чрез столькие годы —
Нет, столетия! — стойкость свою.
Я закал нашей русской породы,
Ванька-встанька, в тебе узнаю!

1963

257. ПЕРСЕЙ

Покрыты жесткою коростой
Коричневатой темноты,
Лишь смутный облик жизни пестрой
Хранили старые холсты.

Но в слое треснувшей олифы,
В подтеках масел и белил
Давно померкнувшие мифы
Вновь кто-то к жизни возвратил.

Он тьму смывал неутомимо,
Тончайшей кистью трогал сны
Души былой, чтоб краски зримо
Прошли сквозь копоть старины.

И вот в безмолвии музея,
В кругу пытливых юных глаз
Глядит из рамы, розовея,
Воскресшей доблести рассказ.

Вскипают волны разъяренно,
А всадник в вихре огневом
К земле прижатого дракона
Пронзает блещущим копьем.

И уж бежит, ликуя, дева,
Пещерную покинув тьму,
В порыве радости и гнева
Навстречу счастью своему...

Когда умбриец кистью страстной
Живописал мечты полет,
Он знал, что чудо не напрасно
Векам грядущим отдает.

Так пусть из сумерек забвенья,
Встав на скалистой высоте,
Всегда несет освобожденье
Персей плененной Красоте!

Февраль 1963

258

В жизни много привычек, примет и обличий,
То счастливых, то грустных, которых не счесть,
Но люблю я всех больше старинный обычай:
Перед дальней дорогою молча присесть.

Есть в нем древняя память какой-то тревоги,
Беспокойство за близких, собравшихся в путь,
В дни, когда были трудными наши дороги
И теснило суровым предчувствием грудь.

Уж не верим мы больше коварству природы,
Музой странствий считать отвыкаем мечту.
Нам сродни поезда, нас несут теплоходы,
Поднимают в простор быстролетные «ТУ».

Сжато наше пространство, спрессовано время,
Нет для нас ни предчувствий, ни долгих дорог...
Но уж так повелось и завещано всеми —
Расставаясь, свести прожитого итог.

И, должно быть, таится какая-то прелесть
В том, что, тихую эту минуту храня,
Те, кто близки тебе, пред разлукой расселись,
Как далекие предки в кружок у огня.

Можно вовсе не верить ни снам, ни приметам,
Если души у нас на особую стать, —
Всё ж, пред тем как лететь к отдаленным планетам,
Разве плохо с друзьями присесть, помолчать?..

(1964)

259

Татьяна верила преданьям
Простонародной старины...

А. Пушкин

Тряхнула б ты, Память, кошелкою,
Чтоб сердцу хоть этим помочь,
Сияй новогоднею елкою
В ту давнюю звездную ночь!

Тебе бы мороза московского,
Ковровые сани, луну,
Светланой, совсем из Жуковского,
Прильнуть, ожидая, к окну.

Задумчивость клонит ли голову,
Луна ль загляделась в лицо?
Растопим над ложкою олово,
Пшеницей засыплем кольцо.

Свечи отраженье померкло ли,
Колышутся ль тени опять?
Позволь мне хоть в тающем зеркале
Свой жребий сейчас отгадать.

Окно заметает порошею,
Антоновкой пахнет мороз.
В родне ты с погодой хорошею
И кружевом русских берез.

А снег налетает и стелется,
Колышется в зеркале лед,
И смутному сердцу метелица
Заветные песни поет.

Декабрь 1928, 1964

260

Ну что ж! О чем бы ни грустил
Ты в сумеречный час,
Пусть прилетевший Азраил
С тебя не сводит глаз.

Не торопясь, он перечтет
Угасшие дела:
И те, где ждал тебя почет,
И те, что скрыла мгла.
И взвесит он, как на весах,
Твое добро и зло,
Всё, что парило в небесах,
Что прахом поросло.
Что стало копотью души,
Что проросло цветком
И что, рожденное в тиши,
Ты расточал потом...
И скажет, подводя итог:
«Ну, что же, ты готов?»
А я отвечу:
«Ты бы мог
Не тратить жалких слов.
О грозный вестник! Нет и нет!
Пусть не осталось сил,
Я не хочу покинуть свет,
Который так любил!
Еще не всё я досмотрел
И переслушал в нем,
Не перешел еще предел
Ни сердцем, ни умом,
Не надышался до конца
Я почками берез,
Густой сиренью у крыльца
В раскате майских гроз.
Не отдал Родине всего,
Чем был обязан ей, —
А солнце века моего
Встает из тьмы ночей!
Вернись в легенды древних лет,
Посланник темных сил,
Пересекая путь ракет,
Ты крылья опалил.
Тебя отвергнул разум мой —
Частица бытия.
Где б ни был я, всегда со мной
Земля — Звезда моя!»

Январь 1964

261

Не всем дано мечтою прорастать
И облакам, ловя их очертанья,
На лебединую их глядя стать,
Давать какой-то облик и названья.

Ты их поймать задумал в невода
Своих стихов, — напрасные усилья!
Они ушли спокойно, как вода,
И развернули солнечные крылья.

У них свои стремленья и пути,
Свои неизъяснимые пристрастья...
И все-таки как хочется найти
И в них неуловимый призрак счастья!

Сентябрь 1964

262

Я вглядываюсь в неизбежное —
Пока еще со стороны...
Оно совсем как поле снежное,
Всегда укутанное в сны.

И всё ж под снегом разгорается
Жизнь предугаданным ростком,
Существованье продолжается,
Но только в облике ином.

Не всё ль равно — ручьем бушующим
Иль робкой стрелкою травы
Жить в этом мире торжествующем,
Купаясь в волнах синевы!

1964

263

И как бы ни был мир расколот
Меж нашим сердцем и умом,
Он непрерывен, вечно молод
В единстве истинном своем.

И то, что мы зовем прекрасным, —
Лишь отраженье тех лучей,
Что сами дарим мы всечасно
Ему от щедрости своей.

Январь 1965

264

Смотри, как розовеют облака,
Просвечивая дымкой голубою.
Спит озеро. Метелки тростника,
Глядясь в него, любуются собою.

К восходу повернул я свой челнок, —
Там крылья распахнет сейчас жар-птица,
И узкий багровеющий зрачок,
Как уголек на пепле, разгорится.

Вот лег и луч. Толчется мошкара,
Затрепетали листики осины.
И как он свеж в росистые утра,
В соседней роще рокот соловьиный!

Май 1965

265

Было когда-то... И всё позабыто...
Боги скучали по нашей земле,
И выходила из волн Афродита
В чуть розоватой предутренней мгле.

Легкая билась волна о колена,
Белый кружился над ней голубок,
Тихо стекала жемчужная пена
С чресел богини на гладкий песок.

Юноша смуглый глядел изумленно,
Сбилось у ног его стадо овец.
Шла она легкой походкой со склона
К людям в долину, срывая чебрец.

Травы дышали в сверкающих росах,
Таял, синея, туман вдалеке...
И прикоснулся пастушеский посох
К узкому следу на влажном песке.

Май 1965

266

Куда же мне деться от этого сердца,
От этой кукушки, стучащей в груди?
Всё хочет она и не может распеться,
И вновь замолкает, пророча дожди.

Сменяются, тают и солнце, и ночи,
Река неуклонно ко взморью идет,
А бедная птица всё так же хлопочет
И мне до рассвета уснуть не дает.

Чуть я позабудусь — мне снится опушка
Березовой рощи в вечернем огне...
О чем ты хлопочешь, кукушка, кукушка,
И сколько годов нагадаешь ты мне?

Лето 1965

267. КАМЕШКИ КОКТЕБЕЛЯ

Осколки обточенной лавы,
Лазурному морю сродни,
Вы были мучительно правы,
Напомнив мне давние дни.

Я снова вас вижу на пляже,
Сквозистые, с жилкой внутри,
Где есть и морские пейзажи,
И бледные перья зари.

Прозрачный глазок халцедона,
Агат, аметист голубой,
На берег волною зеленой
Вас море выносит с собой.

В шафране закатного зноя
Среди лиловатых холмов
Иду я вдоль кромки прибоя
На свой ежедневный улов.

В тени опрокинутой лодки,
Лишь полдень на убыль пойдет,
Я вас разбираю, как четки,
Как зерна удач и невзгод.

Милы мне и яркость, и млечность,
Я сам отыскал вас в песке
И, каплей застывшую, вечность
В своей согреваю руке.

Лето 1965

268

Я верю солнцу, рощам и туманам, —
А чтобы все понять меня могли,
Не сравниваю небо с барабаном
И лес — с небритою щекой земли.

Мне кажется ненужною забавой
Плетенье кружев из случайных слов,
Я не прельщен их дерзостью лукавой,
В сеть не возьму сомнительный улов.

Стихи всегда — нежданное дыханье,
Подаренное миром в должный час,
И кто же может угадать заране,
Как отзовется этот голос в нас?

Стихи живут и в буре, и в покое,
Растут, как зори, дышат, как трава.
И только в этом суть. А остальное,
Как Гамлет говорил: «Слова, слова, слова...»

Сентябрь 1965

269. ЗОДЧЕСТВО

Я не хочу крошить по мелочам
Священный хлеб отеческих преданий.
Еще в пути он пригодится нам,
Достоин он сыновней нашей дани.
Отцы ведь были не глупее нас,
И то, что в тьме неволи им мечталось,
Наследством нашим стало в добрый час,
Чтоб их заря всё дальше разгоралась.

Когда я с изумлением смотрю
На эти древнерусские соборы,
Я вижу с них, подобно звонарю,
Родных лесов и пажитей просторы.
Не чад кадил, не слепоту сердец,
Взалкавших недоступного им рая,
А творчества слепительный венец,
Вознесшегося, время попирая.

Великий Новгород и древний Псков —
Нас от врага спасавшие твердыни —
Вот что в искусстве старых мастеров
Пленяет нас и радует поныне.
Был точен глаз их, воля их крепка,
Был красоты полет в дерзаньях отчих,
Они умели строить на века.
Благословим же труд безвестных зодчих!

В родном искусстве и на их дрожжах
Восходит нас питающее тесто,
И попирать былое, словно прах,
Родства не помня, было бы нечестно.
А эти крепости — монастыри,
Служившие защитою народу,
Со дна веков горят, как янтари,
На радость человеческому роду.

Октябрь 1965

Немолчное море... века и века
Оно о скалу разбивает бока.

И, тяжкие волны обрушив в песок,
Волочится пеной у каменных ног.

И так же веками недвижна, нема
Земля, потому что упряма сама.

Молчанье и грохот. Набег и отпор.
Веками идет нескончаемый спор.

Живет Человек у скалы в шалаше,
И землю, и море вместил он в душе.

Покой и движенье извечно равны.
В нем тело — от камня, душа — от волны.

1965

271. ДОН-КИХОТ

Добрый Санчо, нет тебя на свете,
Да и я давно уж только тень,
Только книга с полки в кабинете,
Вымысел ламанчских деревень.

В кирпичах лежат мои палаты,
Заросли кустами бузины,
На чердак заброшен шлем помятый,
Сломан меч, и книги сожжены.

Виноградников засохли корни,
Герб мой — посмеяние вельмож,
Росинант — добыча живодерни, —
Косточек и тех не соберешь...

Всё же, Санчо, наши беды, муки
Не прошли, не сгинули во тьме, —
Ведь о нас мечтатель однорукий
День и ночь писал в своей тюрьме.

Знал он, что мы станем достояньем
Всех, в ком живы честные сердца,
Обошедшим целый мир преданьем,
Сказкой, не имеющей конца.

Нас уж нет. Но есть еще на свете
Мельницы, разбойники и львы,
Деспоты, расставившие сети,
Бредни сарацинской головы.

Есть леса насилья и обмана,
Чащи ядовитого репья...
Жаль, что я сражен был слишком рано
И в бою не доломал копья!

Всё ж мы, Санчо, жили не напрасно,
Совершали подвиги не зря.
Над землей, сто тысяч лет несчастной,
Свежая прорежется заря.

Пусть гиены воют, злятся кобры, —
Сгинет нечисть, новый день придет!
Это говорит Алонзо Добрый,
Спутник твой, безумец Дон-Кихот.

1965

272

Опять стихи со мной. Неровными рядами
Они бегут, бегут, теснясь строка к строке,
Но то, что в тишине накоплено годами,
Со мною говорит на смутном языке.

Мне слов недостает в привычном их отборе.
Как влить в их тесноту отстой тревог и дум?
Вокруг меня поет широкой жизни море,
И жадно ловит слух неудержимый шум.

Быть может, он таит и страстное страданье
И радость бытия, как ветер, как листва,
Но этот вечный ритм вошел в мое дыханье
И вынесет на свет мне нужные слова.

1965

273

Вот как это было
В тех угасших днях...
Молодая сила
Свой брала размах.

И летели сани,
По снегу скользя,
Словно пели сами
Песню про себя.

А морозный месяц,
Круглый, как кольцо,
Тишиной завесясь,
Мне глядел в лицо.

Лес летел навстречу
В шапках снеговых,
Сыпал мне на плечи
Пыль снегов седых.

Правда? .. Или снилось? ..
Разве что поймешь!
Только сердце билось
И бросало в дрожь.

Вот и доскакали,
Да и то не впрок.
Лошади ль устали?
Дремлет ли седок?

Нет того уж бега,
Сани чуть ползут...
Скоро ль до ночлега
Кони довезут?

Январь 1966

274

Жажда жить во мне неутомима —
Всё бы видеть, всюду побывать,
Чтоб ничто не проходило мимо,
Как реки стремительная гладь.

До чего ж земля моя богата!
Только жизнь обидно коротка,
И всё то, что прожито когда-то,
Увлекает времени река.

Да, «река времен в своем стремленьи»...
Но ведь море тоже где-то есть,
И во тьме бездонного забвенья
Звезд, зажженных разумом, не счесть!

Пусть летит и кружится планета, —
Разве где положен ей предел,
Разве не продлится эстафета
Поколений, замыслов и дел?

В этом мире, бесконечно старом,
Вечное скользит веретено,
И ничто не пропадает даром
Из того, что мыслью зажжено.

Январь 1966

275

Не знаешь ты, в ком отзовется
Твоя заветная строка,
Кто ей приветно улыбнется,
Кто только взглянет свысока.

А кто по книге равнодушно
Скользнет, не думая о том,
Как было радостно иль душно
Словам рождаться под пером.

Но ты, неведомый приятель
Иль даже друг — кого порой
Коснусь я кстати иль некстати
Своей нежданною строкой,

Прерви привычных дел теченье,
Пока порыв твой не угас, —
Ведь в это самое мгновенье
Судьба соединила нас.

Мы на конце единой нити,
Мы на одной звучим волне
Для всех раздумий и открытий,
Понятных лишь тебе и мне.

Январь 1966

276. ЗВЕЗДА

...Да, расточая сердца пыл,
В скитаньях жизнь свою губя,
Из всех я звезд одну любил...
Одну тебя, одну тебя.

И в час, когда не стало сил,
О всем утраченном скорбя,
Сесть к изголовью попросил
Одну тебя, одну тебя.

Я тенью стал, я всё забыл,
Земное небо разлюбя,
Но я зову среди светил
Одну тебя, одну тебя.

Февраль 1966

277

Памяти Анны Ахматовой

Всё выше к свету по долине лилий,
К деревьям, что подобны облакам,
Ее повел почтительно Вергилий
В Элизиум, открытый славе храм.

Создатель Гамлета, склонясь в поклоне,
Сказал ей:
«Леди, в тот далекий час
Пред саркофагом Юлии в Вероне
С Ромео рядом я увидел вас».

Она стояла, вглядываясь в лица,
В сердца поэтов всех веков и стран,
И горбоносый профиль флорентийца
Прорезался сквозь тающий туман.

«Прошли вы все земные испытанья,
Когда ваш город был бедой одет,
Вы гордо отстранили хлеб изгнанья,
Врагу в лицо сказали гордо — нет!»

Она стояла, опустив ресницы,
В привычном одиночестве своем,
Над ней неведомые пели птицы,
Дышал лазурью мирный водоем.

Казалось всё таинственно и странно.
Ужели ей и это суждено?
И кто-то вдруг плеча коснулся:
«Анна,
Как я вам рад, как вас я ждал давно!

Здесь всё друзья. Тропой кремнистой, узкой
Вы шли всё выше, оставляя мглу.
Позвольте вас приветствовать по-русски,
Мы земляки по Царскому Селу!»

Губами старомодно и учтиво
Ее руки слегка коснулся он, —
И перед ней родные реки, нивы,
Леса, озера пронеслись как сон.

Запели звезд ликующие скрипки,
Сгорела горечь прошлого дотла,
И в озареньи пушкинской улыбки
Она в свое бессмертие вошла.

8 марта 1966

278

Нам снятся до сих пор нездешние закаты,
Созвездья дальних стран, легенды детских лет,
И вновь уносят нас крылатые фрегаты
К цветущим островам, каких на карте нет,

Встают леса мечты в причудливом убранстве,
Давно забытые доходят голоса,
Плывут обрывки снов, и ветер дальних странствий
Соленой свежестью нам полнит паруса.

И всё мне кажется во тьме моей каюты,
Что стрелка компаса надежно держит путь,
Что медлит маятник отсчитывать минуты,
Которых уж никто не может мне вернуть.

Как будто в некий час проснусь я на рассвете
И с палубы крутой увижу там, вдали,
Сияющий залив, единственный на свете,
Куда не пристают земные корабли...

Пусть в жизни было всё томительней и проще,
Но почему сейчас сквозь тающий туман
Сияет снег вершин и пальмовые рощи
На берег сходятся, чтоб слушать океан?

Как будто нам дано единственное средство
Найти, собрать себя на грани темноты
Лишь тем, что можем мы на миг вернуться
в детство
На белом корабле несбывшейся Мечты.

Март 1966

279

Немало уж лет миновало над звездным простором земли,
И сердце немного устало, и ноги в дорожной пыли.

Изрезала плечи котомка, ремни поистерлись у ней,
И песни поются негромко, и солнце садится мутней.

Но всё же в вечернем тумане отстать я от жизни
не мог, —
Так вечно река не устанет, так тянется к небу росток.

Мне дорого всё, что на свете ликующей жаждой полно:
И ветер, и роща, и дети, и настежь с зарею окно.

Березы и берег отлогий, серебряный отблеск озер,
Избушка у самой дороги и в соснах крутой косогор...

Хотел бы я в вас затеряться, как песня в весеннем лесу,
Мне с вами вовек не расстаться, я память о вас унесу.

Быть может, когда и приснится на стылой дороге планет,
Что иволга, русская птица, мне шлет издалека привет,

Что к Волге на светлые плесы, ликуя, спускается день,
Что так же рождаются весны и так же бушует сирень.

Апрель 1966

280

Рад я был с тобою породниться.
Ты ведь и легка-то, словно птица,

И крыло-то у тебя с полнеба,
И клюешь ты от родного хлеба.

То шумишь ты листьями широко
В свежести березового сока,

То к реке ведешь тропою росной,
То жарою дышишь сенокосной.

Знаю, у берез зеленый локон,
Знаю, в омутах гуляет окунь.

Тучка затуманилась лилово,
Виснет пряжею дождя грибного,

А потом, совсем как царь-девица,
Радугой над рощей разгорится...

Это всё я вижу не впервые,
Потому что родился в России,

Потому что песенное слово
Мне на слух, на ощупь вечно ново.

Так вот и живу, пока живется,
И пою, пока еще поется.

Апрель 1966

281. СТЕПНАЯ ВЕСНА

Ко мне приходят, как сон нежданный,
Необозримых степей просторы.
Куда ни глянешь, цветут тюльпаны,
А там, далёко, синеют горы...

Весна дыханьем своим согрела
Холмы и склоны крутых предгорий,
Скуластой степи большое тело
Привольно дышит в цветном уборе.

А репродуктор поет на крыше
Стихи Абая из песни старой;
К раздолью пастбищ всё выше, выше
Неторопливо ползут отары.

Конец зимовкам в пастушьем стане.
К цветам высоким, к душистым травам!
В лугах джейляу прохладой тянет
С вершин зубчатых и снежноглавых.

Стоят по пояс ромашки-звезды,
Густые ели восходят строем.
На сочных травах нагорный воздух —
Медвяных травах — давно настоян.

Проходят овцы. По мягким склонам
Кошмы весенней свежи узоры.
А там, высоко, над зноем сонным,
Синеют горы, синеют горы...

Май 1966

282

Светом бывает тьма разбужена
В непрекращающемся поединке.
Тысячелетья растет жемчужина
В мякоти раковины — от песчинки.

Там, в глубине, где морские слизни
Плотно ребристые сжали створки,
Эта песчинка — прообраз жизни —
Ищет в потемках дороги зоркой.

И не по прихоти иль своеволью,
А оттого, что мученье длится,
Всё, что дано нам любовью, болью,
В радость нежданную обратится.

А проще сказать — пусть зреет слово
Неторопливо и полноценно, —
Тогда и старое будет ново
Правды крупицею неизменной.

Если жемчужины нет без боли,
Если и радость — венец страданья,
Что бы ты делал без вечной соли,
Горестной спутницы существованья?

Май 1966

283

Разрыв-трава, разрыв-трава
Растет по влажным скатам.
В ней сила тайная жива
В обличье небогатом.

Трава свиданий и разлук,
И горести, и страсти!
Освобожденье от мук
В ее волшебной власти.

Она любые цепи рвет,
Выводит из темницы,
И тем, кто в жаркий бой идет,
Наверно, пригодится.

А в горький час, когда тоска
Доходит до предела,
Довольно только стебелька,
Чтоб душу взять из тела.

Где мне найти разрыв-траву —
Хоть малую лишь малость?
Но ни во сне, ни наяву
Она мне не встречалась.

И лишь в последний, поздний срок
Нам встретиться придется:
Она свой вздует огонек,
А сердце. . . разорвется.

Июнь 1966

284

Иногда от случайного слова,
От всего, что тебе невдомек,
От вороны, от неба сырого
Начинается этот клубок.

Узелками запутана пряжа,
Перехлестами сбита в пути,
Перетянута туго, и даже,
Как ни бейся, концов не найти.

Но в какое-то чудо-мгновенье,
Долгожданный найдя поворот,
Начинает меж пальцев скольженье
Нитка, сразу пошедшая в ход.

И становится ясно — «ворона»
Неспроста появилась сперва,
Что за нею пойдут неуклонно
Эстафетою мысли — слова.

И поднимется берег отлого,
Зашумит раскачавшийся бор,
Побежит, изгибаясь, дорога
В телеграфных столбах на простор.

Остановится в поле прохожий,
Улыбнется лугам и лесам —
На тебя чем-то странно похожий,
А быть может, и вправду ты сам.

Загудят телеграфные струны
Над холодным разливом полей,
Над когда-то веселой и юной,
Ускользающей жизнью твоей.

Ты не знаешь, какие там вести
По натянутым струнам летят,
Но, покуда с землею ты вместе,
Им откликнуться будешь ты рад.

И людские приветы, тревоги,
Уходящие в чье-то жилье,
Вновь захочешь на склоне дороги
Пропустить через сердце свое.

Июль 1966

285

В родной поэзии совсем не старовер,
Я издавна люблю старинные иконы,
Их красок радостных возвышенный пример
И русской красоты полет запечатленный.

Мне ведома веков заветная псалтырь,
Я жажду утолять привык родною речью,
Где ямбов пушкинских стремительная ширь
Вмещает бег коня и мудрость человечью.

В соседстве дальних слов я нахожу родство,
Мне нравится сближать их смысл и расстоянья,
Всего пленительней для нёба моего
Раскаты твердых «р» и гласных придыханья.

Звени, греми и пой, волшебная струя!
Такого языка на свете не бывало.
В нем тихий шелест ржи, и рокот соловья,
И налетевших гроз блескучее начало.

Язык Державина и лермонтовских струн,
Ты — половодье рек, разлившихся широко,
Просторный гул лесов и птицы Гамаюн
Глухое пение в виолончели Блока.

Дай бог нам прадедов наследие сберечь,
Не притупить свой слух там, где ему всё ново,
И, выплавив строку, дождаться светлых встреч
С прозреньем Пушкина и красками Рублева.

В неповторимые, большие времена
Народной доблести, труда и вдохновенья
Дай бог нам русский стих поднять на рамена,
Чтоб длилась жизнь его, и сила, и движенье!

1966

286

Стареют книги... Нет, не переплет,
Не тронутые плесенью страницы,
А то, что там, за буквами, живет
И никому уж больше не приснится.

Остановило время свой полет,
Иссохла старых сказок медуница,
И до конца никто уж не поймет,
Что озаряло наших предков лица.

Но мы должны спускаться в этот мир,
Как водолазы в сумрак Атлантиды, —
Былых веков надежды и обиды

Не только стертый начисто пунктир:
Века в своей развернутой поэме
Из тьмы выходят к Свету, к вечной теме.

Апрель 1967

287. У ЛУКОМОРЬЯ

На зеленых склонах Лукоморья,
Буйно ветви опустив вразлет,
Как сплетенье радости и горя,
Вековое дерево растет.

Если путник в тень его приляжет,
Неизбывным зноем истомлен,
Многое листвой оно расскажет,
Погружая память в мирный сон.

Вспыхнут самоцветные каменья,
Распахнет свой полог полутьма,
И, как златоверхие виденья,
Выплывут сады и терема.

Ветерок повеет, свеж и мирен,
А с тенистой ветки на краю
Трелью разольется птица Сирин,
Издавна гостящая в раю.

Но едва прорежется зарница,
Распуская радугою хвост,
Новая в листву присядет птица,
Вестница тревоги — Алконост.

Ты услышишь свист и грохот боя
Там, где в кровь окрашена трава,
Где на стены, исступленно воя,
Саранчою лезет татарва.

Эй, вставай! Заржал твой конь в тревоге.
Ногу в стремя! Тут уж не до сна.
Расстилайся птицей, быстроногий!
Поспешай к заставе дотемна!

Коль стрела пробьет твою кольчугу,
Коль из рук ты выпустишь копье,
Не жалей! Полынь-траве, как другу,
Ты свое оставишь бытие.

И опять заплещет над тобою
Дерево разливом тонких струн,
Над твоею гордою судьбою
Будет виться птица Гамаюн!

Май 1967

288

Любил и я волшебный мир кулис
За несколько минут до представленья!
Над сценой ходят блоки вверх и вниз,
Развертывая замок и растенья,
И медленно спускают с высоты
Гладь озера и снежные хребты.

Немая сцена всё еще пуста,
Но в полутьме уже мелькают тени,
А рыцари Мальтийского креста
Восходят на дощатые ступени,
И, пестроцветной свитой окружен,
Воссел король на золоченый трон.

Идет минута строгой тишины.
Всё сверено, не может быть ошибки.
С колосников приспущен диск луны,
И слышно, как настраивают скрипки,
В последний раз кропят из лейки пол,
Ударил гонг — и занавес пошел.

В оркестре словно бурю пронесло,
Гремит, сверкает полонез начала.
В свои права вступает волшебство
Над тишиною зрительного зала,
И зыбкий круг — сегодня как вчера —
По сцене уж ведут прожектора.

А я из-за кулис слежу за ней,
Возникшей, словно лунное виденье,
Белее всех подружек-лебедей
В кольце волнообразного движенья,
Когда весь зал, дыханье затаив,
Летит ей вслед под струнный перелив.

Кружись, сверкай, волшебница, для нас
Преобразившая весь мир картонный
В полет мечты, в сиянье юных глаз,
В томленье скрипок и призыв валторны,
Чтоб это лебединое крыло
Дыханьем счастья по сердцам прошло!

Июль 1967

289

Вянут дни... Поспела земляника,
Жарко разметался сенокос.
В первый раз ты видишь, Эвридика,
Голубое озеро, кувшинки
И бежишь, босая, по тропинке
К буйной пене мельничных колес.

Там, на камне, обхватив колени,
Села и задумалась. Глаза
Широко раскрыв, глядишь, как тени
Бродят в роще с пегим жеребенком,
На плече, слепительном и тонком,
Синяя трепещет стрекоза.

Эвридика! Ты пришла на Север,
Я благословляю эти дни.
Погляди, как розовеет клевер,
Как струятся под водой каменья,
И оставь в песке напечатленье
Золотой девической ступни!

Ты пришла под ласковое небо
Из подземной мертвой темноты,
Из пещер безмолвного Эреба
В край берез и песен соловьиных,
Васильков и заводей глубинных
Рвать простые травы и цветы.

Не Орфей я, нет со мной кифары,
Я рыбак в убогом челноке,
Я живу в своей избушке старой
И, когда спускается прохлада,
Рано утром выгоняю стадо
С берестяной дудочкой в руке.

Знаю, ты боишься возвращенья
В царство мрака, где жила, скорбя, —
Этой дудочки нехитрым пеньем
И своей тревогой неустанной
Я к живым цветам, к заре румяной
Из Аида выведу тебя!

⟨1923⟩, август 1967

290

Что же мне делать с тобой?
Мы разочтемся едва ли. . .
В жизни, мне данной судьбой,
«Сердцем» тебя называли.

Если я шел непутем,
Не выбирая дороги,
Ты виновато во всем —
В радости, в горе, в тревоге.

Не механизм часовой —
Нервов сплетенье живое,
Ты неразлучно со мной
В вечном моем непокое.

Дружно свой путь мы прошли.
Жаль, остается так мало...
Каждому вздоху земли
Ты, торопясь, отвечало.

Близкой была и тебе
Поступь великого века
В неугасимой борьбе
За правоту Человека!

Август 1967

291

Я видел бедного Орфея...
Дыша отстоем душных смол,
Он в стеблях мяты и шалфея
Босые ноги исколол.

Он смотрит горестно и дико
На степь, сожженную дотла,
Зовет он: «Где ты, Эвридика?»
А Эвридика умерла...

И к ней, растаявшей, плывущей,
Как облако, в безвестный путь,
Он, на земле еще живущий,
Не смеет руки протянуть.

Что скрыто там, за дымной гранью,
Где всё уныло и темно?
Иль было светлое свиданье
Лишь на мгновенье им дано?

Редеет облако, редеет,
Роняя пряди на бегу...
Мне жалко бедного Орфея
На опустевшем берегу.

Октябрь 1967

292

Есть стихи лебединой породы,
Несгорающим зорям сродни.
Пусть над ними проносятся годы —
Снежной свежестью дышат они.

Чьи приносят их крылья, откуда?
Это тень иль виденье во сне?
Сколько раз белокрылое чудо
На рассвете мерещилось мне!

Но, как луч векового поверья,
Уходило оно от стрелы,
И, кружась, одинокие перья
Опускались на темя скалы.

Неуимчивый горе-охотник,
Что ж ты смотришь с тоскою им вслед?
Ты ведь знал — ничего нет бесплотней
В этом мире скользящих примет.

Что тут значат сноровка, терпенье
И привычно приметливый глаз:
Возникает нежданно виденье,
Да и то лишь единственный раз.

Но тоска недоступности птичьей
В неустанной тревоге охот
Всё же лучше обычной добычи,
Бездыханно упавшей с высот.

Ноябрь 1967

293

От былинного кораблика,
На котором плыл Садко,
До антоновского яблока
Чую слово глубоко.

И оно, с родного дерева
Вековой созревший плод,
Человечье или зверево,
Сразу за сердце берет.

Всё, что есть в народной памяти —
Войны, мор, заря побед, —
Из времен летучей замети
Слово вынесло на свет.

То, что прожито, изведано,
Отстоялось в глубине,
Что от дедов заповедано,
Возвращается ко мне.

Я иду тропою торною,
Где когда-то предки шли,
И лесною, и озерною
Целиной моей земли.

Расстилаются, что простыни,
Поздней осени снега,
Но живая речь на росстани
Мне всё так же дорога.

Помню всё, что было пройдено,
Что собрала навсегда
Из глубин заветных Родина
В золотые невода.

И средь звездного сияния,
Видя Землю вдалеке,
Говорю слова прощания
На родном мне языке.

Декабрь 1967

294. РЕКИ РУССКИЕ

Я дружу с вами, реки русские,
И безвестные, и былинные,
С камышами и трясогузками,
То коротенькие, то длинные.

Где в лесах, где полями сжатыми,
Где болотами, где опушками,
С буреломами, медвежатами,
Росной ягодой и кукушками,

Все вы льнете друг к другу сестрами —
К старшим младшие, как положено.
Сколько с вами лугами пестрыми
Вдоль по бережку было хожено,

Сколько розовых зорь здесь встречено
С поплавком над застывшим омутом,
Окуневых глубин примечено
В черном озере, ряской тронутом!

Расплетались вы струйкой каждою,
Оставляя в лугах разводины,
И раскинулись тонкой пряжею
На груди моей милой Родины.

Позатеряны те названия,
Что дошли к нам из темной давности,
Наших предков лесных скитания,
Песни, полные вашей плавности.

И береза — родное дерево —
Как вдова над струей склоняется...
Молчаливые реки Севера,
Вами жизнь моя начинается.

Апрель 1968

295

Зашлепал дождь. Но осторожно,
Как будто нехотя сперва,
И разобрать в нем было можно
Уже привычные слова:

«Не бойтесь! Я по листьям сада
Пройдусь неспешной чередой.
Я, как Шопенова баллада,
Еще отыскиваю строй.

Еще не время влиться гордо
В созвучий стройный перекат
И водопадами аккорда
Вдруг затопить весенний сад,

Чтобы шумело и хлестало,
Наотмашь било вширь и вкось,
А небо глухо грохотало
И в скачке бешеной неслось.

Я лишь предвестник, я лишь проба
Того, что катится за мной...
И все-таки глядите в оба —
Гроза идет не стороной.

Еще кой-где и небо чисто,
Но в фортепьянных голосах
Намеки верхнего регистра
Перекликаются в басах.

И тут уж больше не слукавишь,
Опережая близкий гром
И в переборе легких клавиш
Журча прозрачным ручейком.

Вот только получу подмогу —
И рухну, но уже всерьез,
Завесив тусклую дорогу
И космы гнущихся берез!»

Июль 1968

296. ЗЕЛЕНЫЙ КАБИНЕТ

Проснулся он. Свежо перед рассветом!
Опять, сухими ветками шурша,
Озерный ветер в сумраке прогретом
Уже пробрался в щели шалаша.

Росой сверкает низкая поляна...
Он вышел, смотрит, воротник подняв,
На клочья уходящего тумана
Среди кустов и прибережных трав.

На камень сел, с плеча пальто отбросил.
Какая над Разливом тишина!
Не слышно всплеска осторожных весел,
И к берегу не ластится волна.

А солнце поднимается над лесом.
День будет жарким, так же, как вчера.
Чудесно пахнет хвоей под навесом
Густых разлапых елок! Но — пора!

Как в Шушенском когда-то, елки эти
Молчат настороженно. А сейчас
Они с него в «зеленом кабинете»
Как будто и не сводят добрых глаз.

Здесь два пенька. Один из них чуть выше,
Рабочий стол! А в двух шагах шалаш.
Листва шуметь старается потише
И слушает, что шепчет карандаш.

День, разгораясь, поднимает пламя,
Прошелся ветер где-то в вышине
И вдруг упал, чуть шевельнув листками,
Придавленными камешком на пне.

Он пишет, и ложится к слову слово...
Поднялось солнце. Нарастает зной.
Всё близко. Всё созрело. Всё готово.
Разлив. Шалаш. Затишье пред грозой...

Сентябрь 1968

297

Я проснусь на сеновале,
Острой свежестью дыша.
Дремлет лодка на причале
В тихой чаще камыша.

Вижу, солнце не вставало,
Лес еще в тумане сна,
Но блаженно и устало
Розовеет тишина.

В этой ясности озерной
Пробудившегося дня
Так свежо и так просторно
Мир течет через меня.

И, ударивший отлого,
Луч пронзил лесную тьму...
Вот и всё. Не так уж много
Надо сердцу моему.

Апрель 1969

298

Если что вспоминать, я бы вспомнил лесные озера
И отстой тишины, погруженной в прохладный закат,
Одинокий челнок посреди золотого простора,
Опрокинутый лес и подводный струящийся сад.

Если что вспоминать, я увидел бы волжские плесы,
Ярославские избы, песчаного взгорья откос,
Радость солнечных пятен, блуждающих в роще белесой,
И зеленые косы склоненных над рожью берез.

Всё бы зоркая память по-дружески мне возвратила —
Ведь над нею бессилен и времени строгий полет.
Ты, быть может, подумаешь: всё отгорело, остыло, —
Нет, ничто не проходит, пока это сердце живет!

Май 1969

299

В дожде, асфальтом отраженный,
Струится Невский, как река,
Стремленьем воли неуклонной
К Игле, победно вознесенной
И зацепившей облака.

Течет, уверенный, небыстрый,
Храня привычные черты,
И на просторной ленте чистой
Троллейбусы роняют искры,
Плывут косынки и зонты.

И вдруг — на сумрачном экране
Воскресшей памяти моей
Всё тот же Невский. Он в тумане,
В ряду немых суровых зданий,
Пустынных окон и дверей.

Я в мерзлых рытвинах панели
Вдоль заколоченных витрин
Бреду, шатаясь, еле-еле,
Во фронтовой своей шинели,
В блокадном сумраке, один.

Вокруг всё ново, незнакомо,
И лишь в пустынной тишине
В пролете рухнувшего дома
Спокойно сердце метронома
Шаги отстукивает мне.

А город жив! Он не сдается,
И не бесстрастный метроном
На дне бетонного колодца —
Его живое сердце бьется
Под злобным вражеским огнем.

Еще я слышу свист проклятый
Почти над самой головой,
Но вновь ответные раскаты,
Сверкнув в клубах морозной ваты,
Гремят над скованной Невой.

Гремят... Но что со мной? Смещенье
Событий, памяти, времен?
Прорвалось солнце. День весенний
Смел эти сумрачные тени
И превратил былое в сон.

Нет, то не сон. Всё вправду было.
Живые! Помните о том,
Какая доблестная сила,
Какая воля победила,
Какою правдой мы живем!

Май 1969

300—301. *СТИХИ О ЛИТВЕ*

1

МАТЬ

Где легкие листья лепечут на взгорье,
Где взглядом зеленых холмов не обнять,
Стоит воплощеньем тревоги и горя
Застывшая в камне литовская Мать.

Закутана в серый платок домотканый,
Стоит она в зной и жестокий мороз
Над тихой травой высоты безымянной
Мадонной отмщенья и сдержанных слез.

Не счесть сыновей, что она схоронила,
Жестоких ночей, проведенных без сна...
Но есть в этом камне бессмертная сила
Сжигающей скорби, испитой до дна.

А рядом привольно пшеница струится,
Над розовым клевером пчелы гудят,
Но сжавшая губы не хочет смириться,
В века устремив укоряющий взгляд.

О матери мира! Вы с гневным укором
Глядите в лицо смертоносного зла,
Светильники жизни, вы каменным взором
Когда-нибудь войны сожжете дотла!

2 июля 1969

2

В ВИЛЬНЮСЕ

От круглой башни Гедимина,
Где дряхлых лип струится тень,
Кудрявой Вилии долина
Уходит в солнечную лень.

Нет в знойном городе прохлады,
Он тяжким полднем разогрет...
Прими меня в свои аркады,
Старинный университет!

На эти каменные плиты,
Где пробивается трава,
Ступали те, кто позабыты,
И те, чья мысль еще жива.

Астрономы и богословы,
Свой мозг пыля из года в год,
Схоластики средневековой
Здесь собирали горький мед.

Но есть и дворик невоспетый,
Всегда безмолвный, как музей,
Куда сходились филареты
В кружок испытанных друзей.

Там, чашу с пуншевым пыланьем
Вздымая выше головы,
Их вдохновлял стихов дерзаньем
Певец свободы и Литвы.

Из поколенья в поколенье
Завет грядущему храня,
Он пел... И давнее виденье
Уже преследует меня.

В тумане невской непогоды
Вновь перед бронзовым Петром
Стоят два первенца свободы,
Одним укрытые плащом.

Мицкевич! Знал ты, что всесильны
Слова о братстве всех племен
И в переулках старой Вильны
Хранил пророческий свой сон,

Как будто чувствовал заране,
Что, всем невзгодам вопреки,
Ты унесешь в свои скитанья
Пожатье пушкинской руки!

Июль 1969

302

Подари мне молчание, лес, подари!
То, что скажется мною, всё будет бледнее
Этих сосен, ушедших под купол зари,
И ветвей, где, нахохлясь, сидят снегири,
В хлопьях снега пушистою грудкой алея...
Подари мне молчание, лес, подари!

Всё ты высказать можешь, умея молчать
Там, где мне ни раздумий, ни слов не хватило.
Заискрилась сугробов колючая гладь.
Стали белые пчелы меж елок порхать,
Словно тайная музыка их закружила...
Всё ты высказать можешь, умея молчать.

. . . .

Кто сказал, что бессильны все наши слова
Перед этой безмолвною речью природы,
Что нельзя нам понять, как вздыхает трава,
Почему эта звездная заводь жива
И шумят, торжествуя, весенние воды?
Кто сказал, что бессильны все наши слова?

Как бы солнечный мир мог и мыслить и петь,
Если б не было в нем человечьего слова?
Струны есть у души, чтоб ответно звенеть,
И в ночи, где раскинута звездная сеть,
Брать достойную часть золотого улова.
Как без нас этот мир мог бы мыслить и петь?

Июль 1969

303. ЮНОСТЬ ТЕХ ДНЕЙ

Памяти Ларисы Рейснер —
спутницы университетских дней

От наших дружб, от книг университета,
Прогулок, встреч и вальсов под луной
Шагнула ты, не дописав сонета,
В прожектора, в ночной октябрьский бой.

Сгорали дни и хлопали, как ленты
Матросских бескозырок. В снежный прах,
В огонь боев, в великие легенды
Входила ты на алых парусах.

Что пыль веков перед прищуром глаза
У линз бинокля, перед языком
Ночных атак и точного приказа,
С сердцами говорящего, как гром!

В нем блеск и свет, в нем жизни утвержденье,
Огонь мечты, прозренье чертежа
И лучшее твое стихотворенье,
Сверкнувшее, как острие ножа.

А город мой, свидетель грозной славы,
Весь устремленный в светлые года,
Живет в тебе, как первенец державы,
Как зодчий нашей мысли и труда.

И если Революция когда-то
Предстанет нам как Юность, это ты,
Ты, женщина, союзница бушлата,
Возьмешь ее прекрасные черты!..

1933 — ⟨1970⟩

304. «АВРОРА»

В Японском море спутница «Варяга»,
«Корейца» броненосная сестра,
Не посрамив андреевского флага,
Она во вражьи била крейсера.

Казалось бы, покой ей уготован
На пенсии, за выслугою лет,
Казалось бы — пора отдать швартовы,
Уйти на слом, стереть свой пенный след.

Но, видно, прозвана была недаром
«Авророй» наша ранняя заря.
Ей суждено слепительным ударом
Нести по миру эхо Октября.

Навечно врезан профиль величавый
В наш ленинградский северный туман,
Стоит трехтрубным памятником славы
Великого восстанья ветеран.

И в яркий полдень, и сквозь дождик серый
К «Авроре» над просторами Невы
Приходят экскурсанты, пионеры,
Как к ней не раз еще придете вы.

Ее в морях водили наши деды,
Она открыла Первый день Земли.
И салютуют первенцу победы
Потомков боевые корабли.

⟨1970⟩

305

Летит апрельский снег
На крыши городские.
Его воздушный бег
Я вижу не впервые.

Порхающие сны,
Бесшумное скольженье...
Как будто с вышины
Осыпал сад цветенье.

Он тает на лету —
Последний снег весенний,
Являя красоту
Извечных повторений.

Такой он молодой,
И свежий, и мгновенный,
Спокойный вестник мой
Из холода вселенной.

Годов прожитых нет —
Одна весна живая...
Мой яблоневый цвет,
Лети, не уставая!

11 апреля 1970

306. ДЕРЖАВИН В ПЕТРОЗАВОДСКЕ

«Два льва крыльцо мне сторожат,
На тощих пуделей похожи.
У губернаторских палат
Стоять заморышам негоже.

Прыжок на кость в один присест?
Грызня собачья из-за снеди?
Нет, для присутственных сих мест
Пристойней были бы медведи!

Князьям олонецких чащоб,
Столь отдаленных от столицы,
Приличней было б, морща лоб,
Блюсти закон императрицы.

Они сумеют шкуру снять,
Сослать строптивца в колымаге,
Прихлопнуть лапою печать
На государственной бумаге.

А мне ты долг иной назначь —
От губернаторства подале.
Уж лучше буду петь Кивач,
Как я — бушующий в опале.

Не посрамлю и здесь пера,
Подняв в веках витийства пламя:
«Алмазна сыплется гора
С высот четыремя скалами.

Жемчугу бездна и сребра»
Ревет, гремит по скалам взрытым, —
Зане зрю много в ней добра
Порфироносцам и пиитам!»

Май 1970

307

Лежит земля в священной немоте,
Укутанная равнодушным снегом,
А звезды так же в мерзлой высоте
Сопутствуют ей молчаливым бегом.

Но где-то зреет в глубине зерно
И ждет, что в широте многоголосья
Воскреснувшей природы и оно
Родит широкошумные колосья.

Извечный круг — от смерти в бытие,
И снова в тьму для светлого начала...
Продлись, существование мое,
Мне времени всегда недоставало!

Июль 1970

308

Пока живу, пока дышу,
Иного счастья не прошу.
Всё уходящее, живое
Теперь ценнее стало вдвое.

Не надышаться, говорят,
На перекрестках расставанья,
Но и последний этот взгляд
Мне дарит радость обладанья.

Август 1970

309

Да, старость надо принимать, как дар,
Как чашу, что наполнена до края,
И не дана нам молодость вторая,
Хотя и не остыл душевный жар.

Но если годы обостряют зренье,
Смывая близорукости туман,
Считай, что все соблазны повторенья —
Вновь найденный тобою талисман!

Август 1970

310. ПЯТЬ ЧУВСТВ

(Два голоса)

«Для чего дано мне зрение,
Если мир необозрим
И мгновенные видения
Исчезают, словно дым?

Для чего мне сверхвнимательный
И пытливо ждущий слух,
Если мир очаровательный
К нам порой бывает глух?

Для чего мне выбирающий
И придирчивый мой вкус,
Если мир, всё время тающий,
Не скрепляет наш союз?

Для чего мне осязание,
Если всё ж не побороть
Оболочку мироздания,
Существа живую плоть?

Для чего мне обоняние,
Если в запахах земных
Все привычные названия —
Лишь намек на сущность их?»

. . . .

«Всё ж без них, примет тех вкрадчивых,
Был бы пресен мир и пуст,
Вот зачем нам пять обманчивых
И порой коварных чувств.

Всё, что в мире есть чудесного,
Я пятеркой чувств пойму.
А шестое — неизвестное —
Мне и вовсе ни к чему!»

Январь 1971

311

Облака — пилигримы
Поднебесных пустынь,
Ваши легкие дымы,
Ветром взморья гонимы,
Расплываются в синь.

Петропавловской шпаги
Блеск в густой синеве,
Словно штрих на бумаге,
Продолжает зигзаги
В просветлевшей Неве.

Седину Ленинграда
Озарила весна,
Вазу Летнего сада
Овевает прохлада
Пробужденного сна.

Город с сердцем героя,
С небывалой судьбой,
Поднимаясь и строя,
Отдыхай после боя,
Награжден тишиной.

Стой, соратник державы,
Давший ей бытие.
Ловит шпиль величавый
Отблеск чести и славы
На свое острие!

Март 1971

312. В ЛЕТНЕМ САДУ

Вечерняя реет прохлада
Над сумраком строгих аллей,
Над Вазою Летнего сада,
Порфирной подругой моей.

И мрамор жеманниц барокко
В капризном притворстве стыда
Завидует ей, одиноко
Застывшей над гладью пруда.

На позы причудливых статуй
И гордые их имена,
На эти туники и латы
Глядит равнодушно она.

К чему ей пустая манерность
Условных и пышных красот,
Когда она вся — соразмерность
И линий певучий полет?

Чужда и печали, и гнева,
В одежде простой наготы
Хранит эта стройная дева
Бессмертного вкуса черты.

В лучах запоздалых заката,
Скользнувших по глянцу бедра,
Она благородней всех статуй
В сквозном парадизе Петра.

И нету ей лучшей награды,
Чем чистого камня чело,
Которое пламя блокады
Дыханьем своим обожгло!

Май 1971

313

Широко заря разлилась в поднебесье,
Стемнело в бору вековом,
И плещет над озером русская песня
С подбитым стрелою крылом.

Она вспоминает годины лихие,
Зловещие дымы степей,
Жестокие битвы, набеги Батыя,
Курганы своих сыновей.

И плачет она, и рыдает вдовицей,
И стелет туманом печаль.
Сроднилась с бессмертною песнею-птицей
Веков стародавняя жаль.

Но есть в этой жали великие силы,
Заветная мудрость земли, —
Туманы, окутав родные могилы,
Ей крыльев сломить не могли.

Она неизбывной надеждою дышит,
В небесном паря серебре,
Над тучами горя взмывает всё выше
И грудь подставляет заре.

И время, и все лихолетья, невзгоды
Пронзает победный полет.
В груди эта птица особой породы
Народное сердце несет.

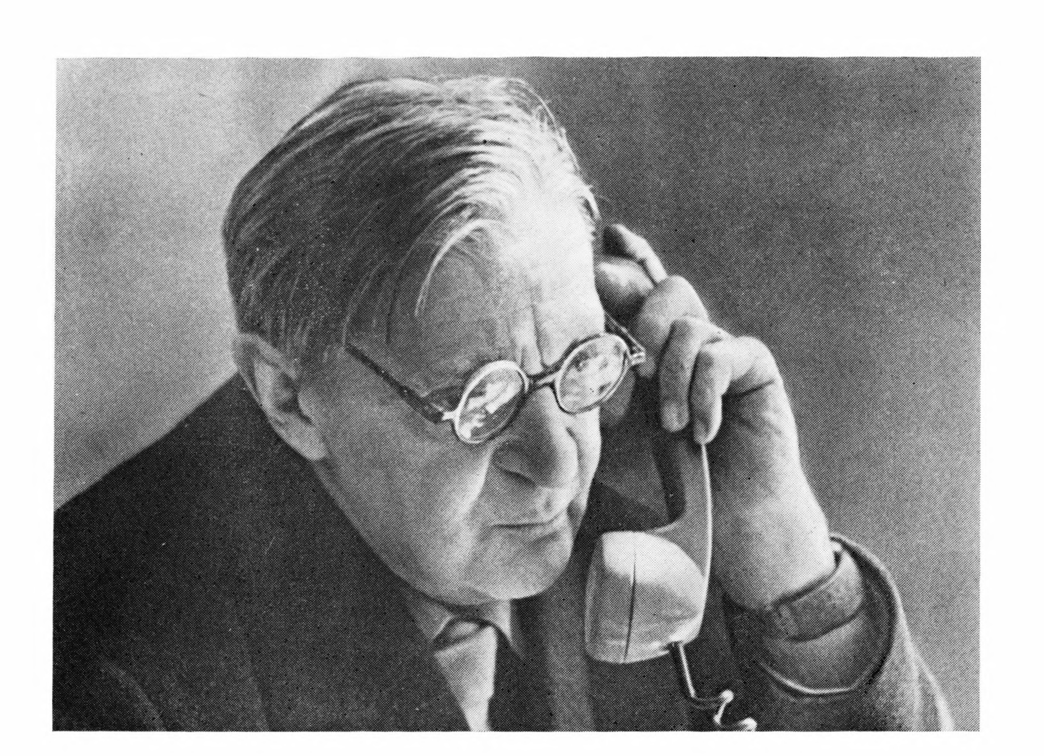
Август 1971

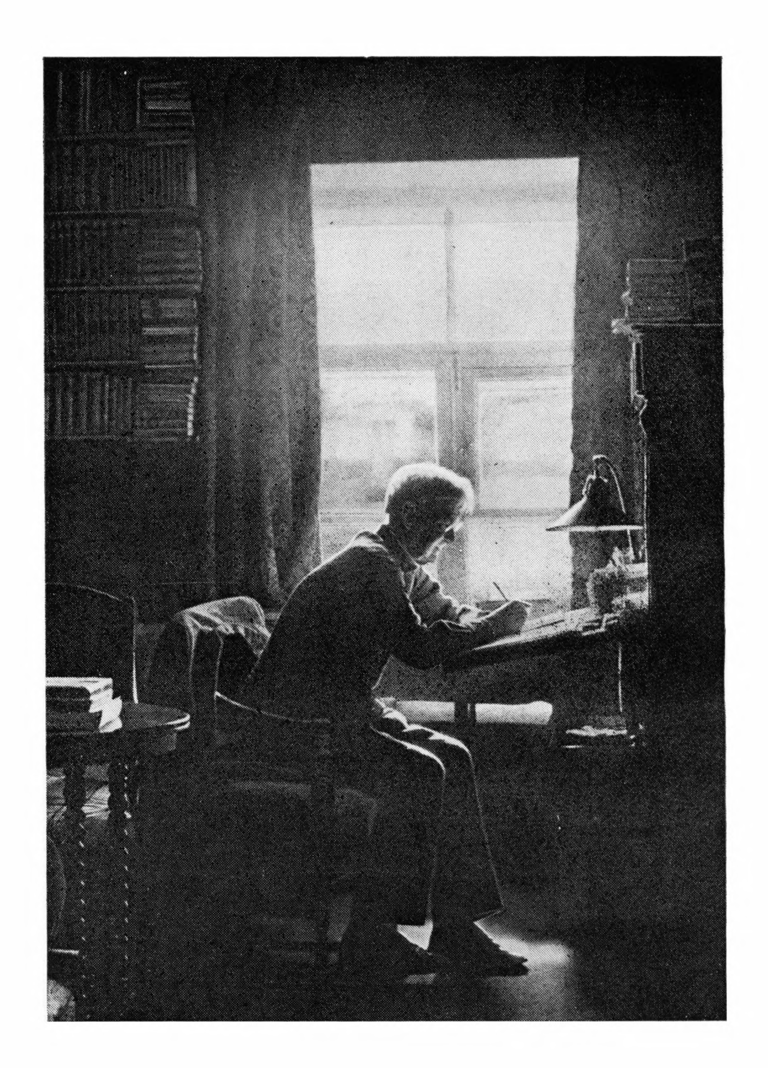
314. «НОВАЯ ГОЛЛАНДИЯ»

Есть Арка — такой не бывало:
Она никуда не ведет.
Над темной дремотой канала
Поставил ее Деламот.

Мрачны эти бурые своды,
И камень от старости сер.
Не пенят свинцовые воды
Тяжелые весла галер.

Наследница воли Петровой,
Стоит сиротою она
И всё же «Голландией Новой»
В честь давних времен названа,

Свидетель блужданий бессонных
В безмолвии ночи сквозной,
Она — достоянье влюбленных,
Сюда приходящих весной.

Стоят они здесь у решетки
Под майской листвою в тиши...
В канале ни всплеска, ни лодки,
И на мостовой ни души.

Ничто не мешает беседе
В забытом углу городском,
Одни тополя им соседи
Да старый притихнувший дом.

Заря догорает неярко
В медлительной тяжести вод,
И строго старинная Арка
Их тайну в ночи бережет.

Сентябрь 1971

315. КОЛЬЦО

Где ладожский ветер с разбега
Бьет колкою стужей в лицо,
Вразлет вырастает из снега
Бетонное это кольцо.

Разорвано посередине
Рывком героических рук,
Оно повествует отныне
О том, что в метельной пустыне
Жизнь вышла за вражеский круг.

Дорогою жизни отсюда
Сквозь стужу, туманы и мрак
Прошло ленинградское чудо
Под градом воздушных атак.

Ломалось и рушилось небо,
Дробя ледяные поля,
Но где б в обороне ты не был,
Ты знал — эшелонами хлеба
Шлет помощь Большая земля.

Во тьме огибая воронки,
Поспеть торопясь до утра,
Вели грузовые трехтонки
Рискованных дел мастера.

Осколками их осыпало,
Свинцом их стегало вразлет,
Свистело вокруг, грохотало,
Под взрывами слева и справа
Пружинило ладожский лед.

Вздымались и сыпались горы
Тяжелой и черной воды,
Но смело врезали шоферы
Зигзагом крутые следы.

А сколько ревнителей чести,
Героев блокадной семьи
(Должно быть, не сто и не двести),
Скользнуло с машиною вместе
В разверстую пасть полыньи!

. . . .

Цветет ленинградское лето,
Овеяно мирной листвой,
Пронизано иглами света
Над Ладогой, вечно живой.

Помедли в суровом молчанье
У кромки вздыхающих вод,
Прислушайся к откликам дальним
Пред этим кольцом триумфальным
Распахнутых к Жизни ворот!

Ноябрь 1971

316

На Стрелке острова, где белые колонны
Возносит над Невой российский Парфенон,
Остановись на миг, мечтатель вдохновенный,
Белесым сумраком, как тайной, окружен,

Перед тобой столпов Ростральных очертанья —
Наследье прошлого, пришедшее в наш век, —
И у подножья их два светлых изваянья,
Два строгих символа могучих русских рек.

Сидит с простым веслом старик седобородый,
Склонилась женщина над якорем морским.
То — Волхов и Нева, в трагические годы
Сдружившие судьбу под небом грозовым.

И если ты пройдешь под рощею Томона,
Стараясь не будить покой гранитных плит,
Ты можешь услыхать во мгле осеребренной,
Как Волхов каменный с Невою говорит.

«Сестра, ты помнишь ли годину испытаний,
Металла свист и вой в Приладожье родном?
Ты за грядой лесов мне виделась в тумане,
В кольце, в петле врага, окованная льдом.

К тебе на выручку шли доблестные люди
От снежной Ладоги, от торфяных зыбей...»
— «О, да! Я слышала гром волховских орудий,
Им вторил город мой с промерзших кораблей!

Но всё теперь как сон. Смотри, вдоль Биржи
старой
Шуршат троллейбусы, широкий ветерок
Доносит струнный вздох студенческой гитары,
А на тюльпаны клумб горячий полдень лег.

Речные божества, мы разве только тени,
Былого статуи немые — я и ты?
Пусть юность новая положит на колени
Нам в память грозных лет весенние цветы!»

1971

317

От пестроты цветов и лугового зноя
Тропа меня ведет в спокойствие лесное,
В тень, недоступную туманам и ветрам,
В темночешуйчатый, многоколонный храм,

Где сквозь вершинный шум, плывущий неустанно,
Ко мне доносится дыхание органа.

На всех путях меня всегда сопровождал
Природы сумрачной торжественный хорал.
Два мира здесь со мной: внизу — покой, забвенье,
А там, над головой, — тревога и движенье,
Здесь — тесный полумрак, а там — простор и свет...
Мой лес, душа моя, в чем тайна, дай ответ!

Июнь 1972

318

Лежала, сумраком полна,
В лесу слепая тишина,
Еще лишенные души,
Молчали елок шалаши,
А от земли струился зной,
Смолистый, душный и хмельной.
Надолго ль? Ветер налетит,
Лес, пробудясь, заговорит,
И побежит, шурша, смеясь,
Его листвы живая вязь...
В лесу без ветра жизни нет.
Он и душа его и свет.

Июль 1972

319

Прислушайся к песне старинной,
Где слиты и радость, и грусть.
В дороге, и трудной, и длинной,
Ей душу оставила Русь.

Прислушайся к памяти давней,
Где в самых глубинах, на дне,
Всё так же поет Ярославна
В Путивле на древней стене.

Летит ее песня зегзицей
В степную безвестную даль,
Живой зажигая зарницей
Извечной разлуки печаль.

И мнится — я сам в чистом поле,
Стрелой половецкой пронзен,
Лежу в безысходной неволе
И слышу ту песню сквозь сон.

И кровь моя тихо струится,
Один я — зови не зови!
Откликнись, откликнись, зегзица,
На горестный голос любви!

Живая, извечно живая,
Знакомая сердцу до слез,
Лети с журавлиною стаей
Над Родиной светлых берез,

Над древней, над свежею новью
Лети в нескончаемый путь,
Прильни к моему изголовью
Иль дождиком брызни на грудь.

Отдай мне певучие руки —
Напиться добра и тепла.
Не будет с тобою разлуки,
Куда бы судьба ни вела!

Июль 1972

320

Всю ночь шуршало и шумело,
Шептало, в темень уходя,
Текло, срывалось, шелестело
И что-то мне сказать хотело
Под шум дождя, под шум дождя.

И мнилось мне, что кто-то, строго
Дням отшумевшим счет ведя,
Стоит у темного порога
Неотвратимо, как тревога,
Под шум дождя, под шум дождя.

Рассвет туманно разгорался,
И умоляя, и стыдя,
А я понять его старался,
Я засыпал и просыпался
Под шум дождя, под шум дождя.

Август 1972

321

Это было... Когда это было?
Не увидишь, не вспомнишь потом...
За окошком околица стыла,
Мутный снег завивался столбом.

И, подернуты пеплом пушистым,
Рдели угли в притихшей печи,
Рассыпая последние искры
У моей одинокой свечи.

Расставания час или встречи?
Кто поверить бы этому мог...
Для чего же ты кутала плечи
В оренбургский пуховый платок,

Для чего без единого слова
На огонь ты глядела сквозь сон,
Большеглазою фрескою Пскова,
Темным ликом угасших времен?

И горел неотступно, как совесть,
Твой широко распахнутый взор,
И была недочитанной повесть
Прошлой жизни — судьбе не в укор.

Безысходная женская жалость,
Безнадежность понять и помочь...
Вот и всё, что от пепла осталось
В эту ночь, в эту вьюжную ночь!

Октябрь 1972

Вижу себя уже издали —
Как эти дни далеки! —
Где-то у маленькой пристани
Северной русской реки.

Вот у обрыва песчаного
Заводь с названием Лось.
Словно родиться мне заново
В этих краях довелось.

Сколько дорог ни исхожено,
То, что на долю дано,
Камешком гладким положено
В светлую отмель на дно.

Неумолимо течение
Где-то проходит над ним,
А водяные растения
Стелют зеленый свой дым.

Вот и туман, застилающий
Рощ и лугов окоем,
Вот и закат, догорающий
В сердце вечернем моем...

Трав духовитых дыхание,
Берег, стрекозы и зной,
Даже в минуты прощания
Вы остаетесь со мной.

Нет вам ни срока, ни времени,
Памяти добрые сны, —
На́век от русского племени
Вы мне в наследство даны!

1972

323. ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК

Я пью, друзья, до дна. Я пью из хрусталя,
Седого столько лет от встреч, разлук, свиданий,
Приятельских пиров и гордых восклицаний...
Я пью, прощальный тост с содружеством деля.

Вино Грядущего отныне бродит в нас.
Пылай, старинный прах, вставай костром высоко!
Я, сверстник Октября и современник Блока,
В твое лицо взглянуть хочу в последний раз.

Тебя ль, о век отцов, корить за то, что ты
Порою был жесток, порою прост и пылок,
Что шелестом бумаг и лязганьем бутылок
Ты ограждал себя от грозной пустоты?

Ты мил мне юностью, не ведающей зла,
И я любил твои наивные пристрастья:
Охоты и балы, запретной встречи счастье,
Горячку и озноб зеленого стола.

Какой-то тайный смысл неоспоримо есть
В девичьих дневниках, в скитании без цели,
В бессоннице стихов, в мальчишеской дуэли,
В сухом, как взвод курка, и четком слове *честь*.

Мне грустно, что теперь не надо похищать
На тройке бешеной невест голубоглазых,
Что в рудники Читы, в картежный полк Кавказа
Нам больше не пришлет благословенья мать.

Что не умеем мы поверить до конца,
Как Герцен некогда, огню высокой клятвы,
Что, ратуя со злом, не собираем жатвы
Раздумий дедовских, не носим их кольца.

Что слишком горек нам гусарской трубки дым,
Что уж не любим мы чувствительных прогулок
И писем юности на дне своих шкатулок,
Как и заветных слов, уж больше не храним.

Жил этот странный век, надеждами дыша...
Но есть всему черед, времен круговращенье,
И холод поздних лет нам обостряет зренье,
И, словно старый сад, растет у нас душа.

Мой день глядит в зарю. Мне прошлого не жаль,
Но поднял я бокал за право человека
Любить отцовский дом, закатный гребень века
И вместе с ним разбить заздравный свой хрусталь!

1932 (?) — ⟨1973⟩

324

Ты пришел откуда?
Как тебе я рад,
Вереск Робин Гуда,
Верный друг баллад!

На груди болота,
Прячась под кусты,
В память Вальтер Скотта
Розовеешь ты.

Вот бы жарким летом,
Расстегнув камзол,
Сесть мне с баронетом
За дубовый стол!

Пусть жужжит с опушки
Залетевший шмель,
А в тяжелой кружке
Золотится эль...

Я вернулся в детство,
В мир заветных книг,
И беру в наследство
Там, где брать привык.

Стану ли жалеть я,
Что вот в этот час
Полтора столетья
Разделяют нас?

Времени не стало
Для моей мечты.
Всё она сказала.
Что же скажешь ты?

1 июня 1973

325

Ну как же я тебя найду?
Ведь мир не так уж прост.
Найди единую звезду
Средь миллиона звезд!

Для взора все они равны,
Но есть средь них одна,
Ровесница моей весны,
Прозрачная до дна.

Что свет чужой, чужая тьма,
Когда к ней нет пути...
Вот если бы она сама
Могла меня найти!

Пускай подаст мне тайный знак,
Поможет отгадать.
Тогда б я мог сквозь этот мрак
Ее сестрой назвать.

Среди бесчисленных светил
Мы, путь свершая свой,
Вошли б в круженье вечных сил
Звездой, двойной звездой!

Июнь 1973

326

Бывает так, — слабеет тело
И тают годы, словно дым,
А сердце... нет, не постарело,
Осталось тем же, молодым.

Непостижимая загадка!
Ну что ж! Охотно признаю
Все нарушения порядка
В извечно слаженном строю.

Июль 1973

327

То ли пчелы гудели невнятно,
То ль вздыхал вечереющий сад...
Вновь я вижу, как легкие пятна
По раскрытой странице скользят.

Нет того догоревшего лета,
Нет и сердца со мной твоего,
Но старинная молодость Фета
Продолжает свое колдовство.

Значит, можно мне в юность вернуться
И, закону времен вопреки,
Замирая от счастья коснуться
Загорелой и милой руки.

Не пойму — то ли это мне снится,
То ли было и впрямь наяву? . .
А во всем виновата страница,
Где с тобой до сих пор я живу.

Непонятна поэзии сила:
Мимолетностью, словом одним
Воскрешать то, что жизнь погасила,
Чтобы сердце осталось живым.

Июль 1973

328

Всё глубже в Поэзию я ухожу.
Не в ту, что понятна снаружи,
А в ту, где, пройдя роковую межу,
Стихов нет ни «лучше», ни «хуже».

Где смело встает ослепляющий свет,
Пронзивший глухие преграды,
Где даже намека единого нет
На призрак хулы иль награды.

Нужны там, должно быть, иные слова,
Без их начертаний и звука,
И каждая мысль, зарождаясь едва,
Стрелою срывается с лука.

Виденья и тайны хранит глубина
Высокого стройного лада.
Обманчивость слова ему не нужна,
И хитрых покровов не надо. . .

Ноябрь 1973

329

Я знаю — все пройдены дни и пути,
Не так далеко до предела,
И тенью, едва уронив мне: прости! —
Душа отделилась от тела.

А тело еще неразумно живет,
Бредет, опираясь на посох,
Страдает одышкой. Она же в полет
В небесных уносится росах.

Глядит равнодушно с пустой высоты,
Пресыщена жизнью до края,
Твои же надежды, волненья, мечты,
Как листья, вокруг осыпая.

Всё ценное жадно она собрала,
Уходит свободно и смело...
А тело? Что тело! Пустая зола,
Где всё без остатка сгорело.

Плыви же, ищи незакатного дня
В своем горделивом полете!
Но чем бы ты стала, душа, без меня,
Тобою оставленной плоти?

Всё, чем ты богата теперь и горда,
Свои распуская ветрила,
Сквозь радость и горе земного труда
Лишь ею накоплено было...

Ноябрь 1973

330. ГОРОД ПУШКИНА

Нет, не мог он остаться в былом!
Неподвластный обычным законам,
Бывший некогда Царским Селом,
Стал он царственных муз пантеоном.

Видел город сквозь грохот и тьму
Над собой раскаленное небо,
Вражьей злобой прошло по нему
Беспощадное пламя Эреба.

Но над пеплом есть праведный суд,
И ничто не уходит в забвенье.
Музы, в свой возвращаясь приют,
За собою ведут поколенья.

Сколько струн, незабвенных имен
Слышно осенью в воздухе мглистом,
Где склоняются липы сквозь сон
Над бессмертным своим лицеистом!

К белым статуям, в сумрак аллей,
Как в Элизиум древних видений,
Вновь на берег эпохи своей
Возвращаются легкие тени.

На любимой скамье у пруда
Смотрит Анненский в сад опушенный,
Где дрожит одиноко звезда
Над дворцом и Кагульской колонной.

А старинных элегий печаль
Лечит статуй осенние раны,
И бросает Ахматова шаль
На продрогшие плечи Дианы.

Юность Пушкина, юность твоя
Повторяют свирели напевы,
И кастальская льется струя
Из кувшина у бронзовой Девы.

Декабрь 1973

331

Я отвыкаю от вещей,
С которыми всю жизнь был связан,
Всечасной власти мелочей
Повиноваться не обязан.

И прохожу сквозь тесный строй
Обыкновений и привычек,
Всё то, что радует порой,
Обозначая без кавычек.

Владеет мною простота,
Живая правда без пристрастья...
Прости, старинная мечта,
Именовавшаяся «счастье»!

Декабрь 1973

332. СТРОКА

И у бессмертия есть приметы,
Верь же им — разуму вопреки.
Могут томиться мечтой поэты
Всю свою жизнь для одной строки.

Пусть остается лишь горстка праха,
Не говори, ее вороша:
«Кончила дело старуха Пряха,
Срезана нить, и ушла душа».

Нет, лишь душа недоступна тленью,
Плачет, смеется, тревогой жжет,
Неуловима, как дуновенье,
И тяжела, как созревший плод.

Жизнь не течет, как вода сквозь сито,
Может, и вправду твой миг настал:
Всё пережитое перелито
В сгусток единый, в живой металл.

Непобедимо заклятье словом!
Переживает года, века
И воскресает в обличье новом
Эта единственная строка!

Декабрь 1973

333

Дождался я этого мига...
Один я здесь, в лодке ночной.
Раскрытая звездная книга
Вверху и внизу подо мной.

К щеке прикоснулась лениво
Полночной прохлады струя,
И лунная скатерть залива
Как рыбья блестит чешуя.

Зачем и напрасно, и поздно
Мне этот привиделся сон,
Когда и широко и звездно
Весь мир подо мной отражен?

Неслышно колышется лодка,
А ночь бесконечно светла,
И падают мерно и четко
Последние капли с весла.

1973

334. ЦЫГАНКА

(Под гитару)

«Если б нас с тобой
Да судьба свела,
Ох, веселые пошли бы
На земле дела!» [1]

Только мне о том
Говорить не след —
Ведь не сбросишь с плеч
Столько трудных лет.

Но одно хочу
Я сказать тебе:
(Догорай костер,
Вперекор судьбе!)

Мне от губ твоих
Быть в огне дотла.
Что уж спорить тут,
Раз твоя взяла!

---

[1] Строфа Марины Цветаевой.

Не цыганка ты —
Русской крови хмель,
Светлый праздник мой
Средь страстных недель.

Может, ты права,
Может, я не прав.
Рви мои слова,
Жизнью жизнь поправ.

Сердцем сердцу я
Посылаю весть,
Пред тобой стою,
Весь стою, как есть.

Коль строптива ты,
Не ответишь мне,
Всё равно к тебе
Я приду во сне!

1973

335

У нас под снегом сфинксы, и закат
Как знамя рваное, и шпиль огнистый,
И полукругом врезанный Сенат,
Где у костров стояли декабристы.
Прожектором взрезая черноту
Подъемных кранов, якорей и тросов,
У нас под ветром взморья на мосту
Катил Октябрь бушлатный вал матросов.
О, сколько плещущих, взметенных рук,
И солнца майского, и на параде
Войска, и в Академии наук
Нетленные лицейские тетради!
Не говори: в кольце балтийской хмури
Конь на скале затянут в удила.
Мы посылали заревые бури
По всей стране звонить в колокола.
Прекрасный день! Россия как река,
Кипучий снег, шагнувший за плотины.

И есть у нас отныне на века
Отстой глубин, и голос лебединый,
Да верфь, оставленная кораблем,
Гранитный сад, незыблемый отныне.
Мы были первыми, и мы поем.
А город наш — как зарево на льдине!

Сентябрь 1923, ⟨1974⟩

336. ШОПЕН

Встала луна над Парижем, осеребрив черепицы.
Словно кто тронул рукою, он пробудился в ночи.
Как неотступно в разлуке бедная родина снится!
Сел у рояля в халате, тихо зажег две свечи.

К смутным виденьям вернуться память не сразу заставишь.
Луч, проскользнувший в окошко, на половицах простерт.
Легкие пальцы коснулись холодом тронутых клавиш —
И пробежал, замирая, скорбно вздохнувший аккорд.

«Что же мне снилось? Не в роще ль солнце запутало косы,
Озеро пересыпало серебряную чешую,
Пойманный тополем ветер качался над рожью белесой,
Села ползли по оврагам, и яблонь цвела, как в раю?

Шел я по давним дорогам, было мне двадцать — не больше,
Ласточки резали воздух, темный боярышник цвел,
Прямо в лицо мне глядела голубоглазая Польша,
И разноцветное солнце падало в гулкий костел.

На перекрестке тропинок встало в колосьях распятье.
Песня вдали замирала, тихо дымилась река.
Девушка — венчиком косы — в темно-сиреневом платье
Бросила мне на дорогу синий огонь василька.

Нет, это замок в Карпатах, дубовые срубы в камине,
Пяльцы девичьих светелок, отцовский закрученный ус,
Цоканье четок и речи, звонкая льдинка латыни,
Листья багряного сада, белого яблока хруст,

Лица поблекших портретов, сумрак гостиной овальной,
Рокот застенчивой арфы, дедовский пенистый мед,
Шум кринолинного шелка в отзвуках музыки бальной,
Свечи в тяжелых шандалах, шкуры — трофеи охот...

Всё это было когда-то... Теперь под дождем невеселым
В пущу уходят повстанцы, смерть косит жатву свою,
Пушки царя Николая бьют по соломенным селам,
Гибнут отважные братья в долгом неравном бою».

Душно в салонах Парижа. Давит бессилье покоя,
Чем же он мог бы отсюда скорбному краю помочь?
Гулкое сердце рояля подняло волны прибоя,
Катятся гневно аккорды в тихую лунную ночь.

Перед распятой отчизной он преклоняет колена.
Нет, не повергнута Польша! Нет, не сгинела она!
Павшим — священная память в траурном марше Шопена,
Верящим в вольность народа — слава на все времена!

1932, ⟨1974⟩

337

Нет, судьбой я не пленен иною,
Не напрасен этот смутный пыл.
Но за всё, что делалось со мною,
Я ценою сердца заплатил.

И отныне гроздью винограда,
Налитого горечью земли,
На груди неведомого сада
Я качаюсь в солнечной пыли.

Всё, чем жил я в гордости и споре,
Всё, чем мир был невозвратно нов,
Для меня теперь лишь грохот моря,
Да безлюдье гулких берегов.

Сколько нужно было зреть и гнуться,
Чтобы здесь, среди склоненных ив,
Из земли возникнув, к ней вернуться,
Круг существованья завершив!

1939 — ⟨1974⟩

338

Тебя не по пристрастью своему
Я сотворю — но как-нибудь иначе.
Как победитель, славу обниму,
Но, побежденный, всё же не заплачу.
Ну, хочешь — станешь утренней звездой,
Хотя в ночи ты ярче бы сияла,
Иль яблоневой веткою простой,
Иль колкою крупинкою кристалла?
Иль просто русским полевым цветком,
Ромашкой, что ли, нежнолепестковой,
Иль вербою, склоненной над прудом,
Гордящейся пушистою обновой?
И ничего в том сказочного нет —
Одни лишь образы природы русской.
Ведь только с ней я радостью согрет,
И хоть иду к тебе тропою узкой,
Зато она вся в травах и росе,
Напоена отстоем медуницы,
Когда встает заря во всей красе
Струистым оперением жар-птицы.

Январь 1974

339

Не так далеко до восхода,
Тумана развеялась прядь...
Какая на сердце погода,
Никак не могу я понять.

А снилась степная дорога,
Лиловые горы вдали
И легкого лунного рога
Осколок в небесной пыли.

И было немного тревожно
Идти — неизвестно куда,
Но конь мой ступал осторожно,
А рядом журчала вода...

И как непохоже всё это
На комнату с низким окном,

На крыши, на проблески света
В пейзаже моем городском!

Но всё же по-прежнему тянет
Ступить хоть во сне за порог,
В простор потонувших в тумане,
Зовущих всё дальше дорог.

Февраль 1974

340. РОДНЯ

Был деревенский дом с верандой,
С густой сиренью над крыльцом
И слабо пахнущий лавандой,
Хранимый теткой Александрой
Семейный плюшевый альбом.

Был стол с кипящим самоваром,
Ковра настенного узор
И после бани с легким паром,
Как подобало старым барам,
Неспешный чайный разговор.

Была еще библиотека
Птенцов Вольтерова гнезда,
Бюро с консолью, стол-калека...
Шли девятнадцатого века
Шестидесятые года.

Был юноша с лицом девичьим,
Шеллингианец и поэт,
Предпочитавший «суть» — «обличьям»,
Вчера окончивший с отличьем
Московский университет.

Он Герцена и Огарева
При свечке за полночь читал,
В дыханье сумрака ночного
Он слушал «Колокола» слово,
Его разгневанный металл.

Вдохнув со сверстниками вместе
Философический туман,
Уже извел листов он двести,
Чтоб доказать, что дело чести —
Освобождение крестьян.

Таким ли был мой предок дальний,
Скрипевший допоздна пером
Иль, распахнув окошко спальни,
Глядевший на рассвет печальный
Над нищим сгорбленным селом?

Случилось — и притом не кстати ль? —
Судьба капризна и слепа, —
Его единственный приятель,
Такой же, в сущности, мечтатель,
Был сыном сельского попа.

Враг пустословья, карт и водки,
Уездных сплетен сдувший сор,
Он был известным в околотке
Учителем в косоворотке,
Попавшим сразу под надзор.

Слыл запевалой голосистым,
Живым очкастым чудаком,
Неокончившим семинаристом,
А проще — ярым нигилистом,
Что и с Базаровым знаком.

Среди уездного зверинца,
В прекраснодушии мечты,
Сошлись — потомок якобинца
И ранний образ разночинца
Душой и мыслями на ты.

Так дополнял один другого
В догадках памяти моей,
И русское простое слово
В тревогах века рокового
Соединяло двух друзей.

В нем всё — и радость и тревога,
Любви и мужества оплот

И к Правде торная дорога,
Вместившей неисчетно много
В великом имени «народ».

В нем вся история России,
Мятежной, скованной страны,
Когда во времена лихие
Свободы ждали, как мессии,
Отчизны лучшие сыны.

И был для сердца путь единый,
Неотвратимый, как судьба,
Самоотверженный и длинный,
Сквозь все преграды и стремнины:
Одним — мечта, другим — борьба.

Но кто бы мог сказать заране,
Что не пройдет и сотни лет,
Как рухнет ночь и буря грянет,
А правнукам пора настанет
Переиначить белый свет?

О предках лишь воспоминанье
Хранится в летописи дней,
Но разве все их порыванья —
План неоконченного зданья —
Чем отдаленней, тем бледней?

По капле море собиралось,
И по крупинке соль росла,
А зорь пророческая алость
Неудержимо разгоралась,
Пока всё небо не зажгла.

Сквозь прошлого туман нередкий,
В просветах будущего дня
Вам — право доблестной разведки,
Мои неведомые предки,
Моя далекая родня!

Зима 1974

341

Пойдем со мной вдоль тихого канала
И этих спящих каменных громад
Туда, где белой ночью ты стояла,
Где львы висячий мостик сторожат.

Я здесь один, нас разделили годы —
Забвения сгустившаяся тьма,
Но так же смотрят в дремлющие воды
Давно нас пережившие дома.

Нет и меня, мы оба только тени,
И лишь теперь нам встретиться дано
Во мгле других извечных повторений,
На миг иль навсегда — не всё ль равно!

Май 1974

342. НЕСМЕЯНА

Тонкие березы Подмосковья,
Высоки, задумчивы, стройны,
Не спеша шумят у изголовья
Древнерусского средневековья
И совсем недавней старины.

Если встанешь утром рано-рано
И столкнешь челнок свой в камыши,
Ты увидишь, как в фате тумана
Скорбная царевна Несмеяна
Бродит по-над берегом в тиши.

На полях умолкнувших сражений,
В светлых рощах, в шелесте травы
Не туманы расстилают тени —
Воскрешает память поколений
Тех, кто пал на рубежах Москвы.

Здесь, где каждый кустик сердце ранит,
А трава что год, то зеленей,
Довелось ей, бледной Несмеяне,
Возвратиться из седых преданий
К скорби наших вдов и матерей.

Пусть давно отгрохотали грозы,
Нет и безымянной высоты, —
Видят подмосковные березы,
Как кладет она, роняя слезы,
К обелиску свежие цветы...

Август 1974

343

> Жги души, огнь бросай в сердца
> От смуглого лица!
>
> *Державин*

Вздыхающий рокот гитары,
Какой тебя ветер занес
С горячих предгорий Наварры
И ярмарок Франции старой
В трескучий московский мороз?

В кочевьях степи молдаванской
Сроднилась тугая струна
С гортанною песней цыганской
И нашей ямщицкой, рязанской,
Раздольной на все времена.

Та песня, дика и строптива,
В гитарный вплетясь перебор,
Цветастые юбки крутила
И в бубен раскатистый била,
Страстей поднимая костер.

У нас с ней особые счеты,
Старинные счеты притом,
И нет ей особой заботы
Ложиться на строгие ноты,
Греметь оркестровым дождем.

Иным наша память согрета,
И видятся нам сквозь туман
Опальная юность поэта,
Полынное, знойное лето,
Бессмертные строки «Цыган».

Сестра и свободе и счастью,
Вплетенная в струнный разбег,
Была она волей и страстью
В годах, обреченных ненастью,
В жестокий прадедовский век.

И жить этой песне на воле
Под звездным дырявым шатром,
Сгорать от восторга и боли
И сердце сжигать нам, доколе
На грешной земле мы живем!

Август 1974

344

Всё, что было предназначено,
Прошумело и сбылось,
Лишь слегка переиначено
И от всей души истрачено,
Опрозрачено насквозь.

Вижу все свои скитания,
И не только вкривь и вкось,
Но и то, что мне заранее
Волей юного дерзания
Встретить сердцем довелось.

И теперь, с холма отлогого
Уходя в немые сны
От волнений мира строгого,
Я хочу совсем немногого —
Беспредельной тишины.

Декабрь 1974

345

О вещах обыкновенных,
Всем привычных, говорю,
Вижу в красках переменных
Вечной юности зарю.

Никакие эмпиреи
Вдохновенью не нужны:
Мне в эфире холоднее,
Чем в снегах моей страны.

Я считаю всё земное,
Зарожденное в крови
И во всем всегда живое,
Достоянием любви.

Драгоценное наследство —
Русский ум, родную речь,
Предназначенные с детства,
Мне завещано беречь.

Да простятся прегрешенья
Всех моих путей-дорог.
В меру силы и уменья
Совершил я всё, что мог.

И хочу, чтоб в мире новом,
Не хваля и не кляня,
Помянули добрым словом,
Русским именем меня.

Декабрь 1974

346. ДРУГУ

Да, седеет твое поколенье
(А мое поседело совсем),
Но еще не сосчитаны звенья
Не решенных душой теорем.

Нам и вправду покой только снится,
И недаром врываются в сны
Павших сверстников бледные лица,
Опаленные ветром войны.

Грозный дар принесла нам эпоха —
Память бурею поднятых лет,
И верны до последнего вздоха
Мы остывшему пеплу побед.

1974

347

Еще одно несказанное слово,
Угаданное по движенью губ, —
И вот душа, как ласточка, готова
Лететь поверх пушистых крыш и труб.

Куда? К алмазной россыпи пространства,
Мерцающей на фоне синевы,
Иль к дальнему пунктиру постоянства
Земных огней над сумраком Невы?

Несказанное слово... Пар дыханья
От нежных губ под ветром ледяным...
Молчат морозом скованные зданья,
В сугробах ночи тает лунный дым.

Горячее руки прикосновенье,
Прощальный взгляд, молящий и немой...
Ужель всё это стало только тенью,
Давным-давно растаявшей зимой?

Январь 1975

348

Остаться одному на всей земле,
Где стынут опустевшие равнины,
Не покидать на звездном корабле
Забвенью обреченные руины,

Упасть на землю и обнять ее,
Своим теплом последним согревая,
И пусть уносит вновь в небытие
Угасший мир пустыня ледяная.

Февраль — март 1975

349

Я сроднился с последней тревогой,
Согласился впустить ее в дом...
Хорошо помолчать пред дорогой,
Вспомнить то, что забудешь потом,

Лента жизни не может быть целой,
Как обратно ее ни крути:
Неизбежны разрывы, пробелы
На ее долголетнем пути.

Но внезапным лучом озаренья
Память снова находит слова —
И смыкаются прежние звенья,
И высокая Правда жива.

Суждены тем минутам приметы
Несказанной живой простоты,
Пред которой немеют поэты,
Говорят облака и цветы...

Март 1975

350

О любви неразделенной
Сколько вздохов, сколько струн,
Пауз в трубке телефонной,
Пепла повести сожженной —
Для того, кто сердцем юн!

А пройдут года — иначе
Всё расставит жизнь сама.
Потерявший не заплачет,
Знает он, что это значит:
Ждать звонка или письма.

Память, письма разбирая,
Отгоревшие дотла,
Скажет, легкий вздох роняя:
Хорошо, что и такая
В жизни все-таки была!..

Март 1975

351

Всё доступно для зренья поэта,
Для приметливой думы его;
Из слияния мрака и света
Он словами творит волшебство.

Кто сказал — в примелькавшемся быте,
В пестрой смене его мелочей
Места нет для нежданных открытий,
Для иных, потаенных ключей?

Что слова — нерушимое зданье,
Связь предметов, понятий и дел,
Что привычное их сочетанье
Ставит новым дерзаньям предел?

Но затем и рождались поэты,
Чтоб родной открывал им язык
Самоцветного клада приметы
И глубинного смысла родник.

Всё, что стерто, становится новым,
Непривычным для слуха и глаз,
Там, где встретилось слово со словом
В самый первый, единственный раз!

Май 1975

352

Есть какая-то вещая сила,
Что, таясь изначально в крови,
Нас на подвиг любви вдохновила
И одно лишь сказала: живи!

С той поры, развернувшая крылья,
Начинает душа свой полет,
И пред нею напрасны усилья
Всех препятствий и тесных тенет.

Не об этой ли «тайной свободе»
Нам и Пушкин оставил завет,
Не она ль при любой непогоде
Зажигает спасительный свет?

Нерушимая связь с целым миром
Звуков, красок и плоти живой —
Дар бесценный отзывчивым лирам
И единый их истинный строй.

Июнь 1975

353

Пусть то будет как сон или бред
(При желании всё может статься),
Я хотел бы, прожив столько лет,
Сам с собою — в былом — повстречаться.

Увидать себя юным, таким,
Как и было, конечно, когда-то,
Безрассудно беспечным, слепым,
Расточающим жизнь без возврата.

Юным быть, но со взрослой душой,
Пережившей, узнавшей немало,
Чтобы всё, что случится со мной,
Она зрелостью чувства встречала.

На нелегкой дороге моей,
Сквозь предвестия близкой разлуки,
Я тогда понимал бы ясней
Эти запахи, краски и звуки...

Но боюсь, без былой слепоты,
Увлечений, утрат и ошибок
Суше стали бы пахнуть цветы,
Меньше было бы слез и улыбок.

Мир понятным бы стал и простым,
Назывался бы так, как зовется...
Нет! Уж лучше былое былым,
Невозвратным навек остается!

Июль 1975

354

Есть у души, как у природы русской,
Свои закаты и своя заря.
Она бывает и туманно-тусклой,
И яркой, словно солнце января.

В ней есть томленье медленного зноя
И горестных раздумий поздний лед.
Нет одного — покорного покоя
Там, за пределом облачных высот.

И никому не ведомы орбиты
Ее нежданных взлетов или сна.
Таинственны, загадочны и скрыты
От нас самих той книги письмена.

И может быть, в просторах мирозданья,
Где всё к расчетам точным сведено,
Она одна — свободное дыханье
И в вечность приоткрытое окно.

Август 1975

355

Конечно, в племени поэтов
У каждого своя судьба.
Формальных правил и декретов
Тесна ей торная тропа.

Одним — торжественные даты
С реестром памятных имен,
Индустриальных од раскаты,
Вседневной хроники разгон.

Другим — не формул начертанье
И не конспект прочтенных книг,
А жизни свежее дыханье
И светлых чувств ее родник.

Но рады мы добыче разной,
Попавшейся в тенета слов,
И мил нам россыпи алмазной
Трудами купленный улов.

Когда единственное слово
Отыщется, измучив нас, —
Всё в старом мире станет ново,
Как бы рожденным в первый раз.

А от словесного кокетства
И выдуманной шелухи
Одно надежное есть средство —
Душой внушенные стихи.

Лето 1975

356. ТАЛЛИН

(Средневековье)

С алебардою сутулится
Страж ночной в глухой тени.
Крепко город караулится:
Заперта цепями улица
И погашены огни.

Башни серые, щербатые
В шлемах красных черепиц
Смотрят в улицы покатые
На собор, где дремлют статуи
Возле рыцарских гробниц.

Час влюбленных, час безумия
Бургомистром запрещен,
И, спеленутый как мумия,
В блеклом свете полнолуния
Таллин спит и видит сон.

Тихо тянут невод времени
Стрелки башенных часов.
То и дело прячась в темени,
С сумкой, полной злого семени,
Вышел дьявол на улов.

И молчат дома пугливые,
Оградясь от князя тьмы.
На его посулы льстивые
Есть у них благочестивые
Протестантские псалмы.

Но зерно давно уж смолото...
Там, где мирно спят купцы,
Бродит в бочках горечь солода
И ручьем стекает золото
В крепко сбитые ларцы.

Город горд торговой славою.
Богатей, но жди беду.
Ведь недаром за заставою
Люди видели кровавую,
Огнехвостую звезду!

Что несет она? Спасение
Иль предвестье грозных бед?
Мор, чуму, землетрясение,
Новой ереси смятение
Или войн дымящий след?

. . . .

Всё прошло — и предсказания,
И все те, кто верил в них.
Кто бы думать мог заранее,
Что останутся лишь здания,
Сторожа веков седых?

От времен, от разорителей,
Люди милости не ждут.
Что ж осталось от строителей,
Побежденных, победителей?
Только Камень! Только Труд!

1975

357. ЛЕРМОНТОВ

Не в силах бабушка помочь,
Царь недоволен, власти правы.
И едет он в метель и ночь
За петербургские заставы.

Еще стучит ему в виски
Гусарский пунш. Шальной мазуркой
Мелькают версты, ямщики
И степь, разостланная буркой...

«Поручик, это вам не бал.
Извольте в цепь с четвертой ротой!» —
И поперхнулся генерал
Глотком наливки и остротой.

От блюдца с косточками слив,
От карт в чаду мутно-зеленом
Он встал, презрительно-учтив,
И застегнул сюртук с поклоном.

Покуда злоба весела
И кружит голову похмелье,
Скорей винтовку из чехла —
Ударить в гулкое ущелье!

Поет свинец. В горах туман.
Но карту бить вошло в привычку,
Как поутру под барабан
Вставать в ряды на перекличку.

Душа, как олово, мутна,
Из Петербурга — ни полслова,
И Варенька Лопухина
Выходит замуж за другого.

Кто знал «погибельный Кавказ»
(А это песня не для труса!) —
Тот не отводит жадных глаз
Со льдов двугорбого Эльбруса.

Как колокольчик под дугой,
И день и ночь в тоске тревожной,
Он только путник почтовой
По офицерской подорожной.

Но дышит жар заветных строк
Всё той же волей неуклонной,
И каждый стих его — клинок,
Огнем свободы закаленный.

И не во вражеский завал,
Не в горцев нищие селенья, —
Он стих как пулю бы вогнал
В тех, кто на страже угнетенья!

И не простит он ничего
Холопам власти, черни светской,
За то, что вольный стих его
Отравлен воздухом мертвецкой.

Нет! Будет мстить он, в палачей
Страны своей перчатку кинув,
А там пусть целит — и скорей! —
В него какой-нибудь Мартынов.

1925 — ⟨1976⟩

358. НАД КНИГОЙ

Снова в печке огонь шевелится,
Кот клубочком свернулся в тепле,
И от лампы зеленой ложится
Ровный круг на вечернем столе.

Вот и кончены наши заботы:
Спит задачник, закрыта тетрадь.
Руки тянутся к книге. Но что ты
Будешь, мальчик, сегодня читать?

Хочешь, в дальние синие страны,
В пенье вьюги, в тропический зной
Поведут нас с тобой капитаны,
На штурвал налегая резной?

Зорок взгляд их, надежны их руки,
И мечтают они лишь о том,
Чтоб пройти им во славу науки
Неизведанным прежде путем.

Сжаты льдом, без огня и компаса,
В полумраке арктических стран
Мы спасем чудака Гаттераса,
Перейдя ледяной океан.

По пещерам, подземным озерам,
Совершим в темноте и пыли,
Сталактитов пленяясь узором,
Путешествие к центру земли.

И без помощи карт и секстанта
С полустертой запиской в руке
Капитана, несчастного Гранта,
На безвестном найдем островке.

Ты увидишь леса Ориноко,
Города обезьян и слонят,
Шар воздушный, плывя невысоко,
Ляжет тенью на озеро Чад.

А в коралловых рифах, где рыщет
«Наутилус», скиталец морей,

Мы отыщем глухое кладбище
Затонувших в бою кораблей...

Что прекрасней таких приключений,
Веселее открытий, побед,
Мудрых странствий, счастливых крушений,
Перелетов меж звезд и планет!

И, прочитанный том закрывая,
Благодарно сходя с корабля,
Ты подумай, мой мальчик, какая,
Тайны полная, ждет нас земля!

Вел дорогой тебя неуклонной
Сквозь опасности, бури и мрак
Вдохновленный мечтою ученый,
Зоркий штурман, поэт и чудак.

⟨1928⟩ — ⟨1976⟩

359

Весенние скованы лужи
Хрустящею кромкою льда.
Под ней, неподвластная стуже,
Спросонок бормочет вода.

Ей надо наружу пробиться,
Скакать и бежать во всю прыть
И елок нахмуренных лица
В своей синеве отразить...

А я и не думал, что где-то,
В глубинах души, в полусне,
С извечным предчувствием света
Журчит моя мысль о весне.

Не могут нависшие годы
Под сводом ее удержать,
Не может на зовы природы
Она не ответить опять.

* * *

Покуда из туч на озерный разлив
Не вышла летучая мгла,
И в рощу [illegible] огонь
Не лёг огнеликий [illegible].

~~[illegible]~~ сказки [illegible]
Покуда ~~[illegible]~~
~~[illegible]~~ кукушки-гадалки,
Не ~~[illegible]~~ [illegible]
~~[illegible]~~ кукушки,
На [illegible]
[illegible] не
Торопились всадники [illegible] в зрачке,
Что медленно ~~[illegible]~~ [illegible] не [illegible].
И вдруг — ~~[illegible]~~ мужик — старичок
С словами [illegible] сходит.
Вскочив на [illegible] — и
Посмотрит ~~[illegible]~~ коня за узду:
— Куда-то? ~~[illegible]~~ Или вокруг и кругом?
Левей бери, а не то на беду
С конем так и втянешь в болото!
— Да кто ты такой? — Здешний я леший.
А если по-вашему — Леший,
~~[illegible]~~
[illegible] ~~[illegible]~~ пугать вас давно я отвык —
Не бойся ни черта, ни нечисти!
(Плохое [illegible] ~~[illegible]~~ [illegible]
С ~~[illegible]~~ Редкие [illegible],
Уходит все дальше на север зверье
Или [illegible] не [illegible].)

Пусть будет, как прежде бывало,
Чтоб в этой подземной ночи,
Где холодом темень сковало,
На свет прорывались ключи!

Январь 1976

360

Не ради богатства
Сгорала свеча,
Признавшая братство
Стиха и меча.

Для мира и боя
Точить острие —
Вот дело прямое,
Вот счастье ее.

Прими неизбежность
Законов земли,
И силу и нежность
В огне закали.

Пусть каждое слово —
То пламя, то лед —
Лишь с лука тугого
Уходит в полет!

Январь 1976

361

Встречайте свежесть ледохода,
Какую щедро каждый год
Нам дарит невская погода
У голубых морских ворот!

Пускай апрельская прохлада
Ласкает сумрачный гранит
И в оголенных ветках сада
Лазурь отмытая сквозит.

Еще и лед стыдливо тает,
Еще и почки ждут во сне,
Но что-то всё же прорастает
В твоей безмолвной глубине.

Пора потерь и обещаний
И равновесья смутных сил,
Когда ты чувствуешь заране,
Что стал не тем, чем прежде был.

Неповторимые мгновенья!
Расстаться с ними не спеши, —
Туман и тихих льдин скольженье
В родстве с погодою души.

Март 1976

362

Порою, заставляя долго ждать,
Там, где-то в глубине воображенья,
Еще не зная, как себя назвать,
Сквозь немоту пыталось явью стать
Уже неумолкающее пенье.

А я следил, дыханье затаив,
Как медленно с души стекала вялость,
Как поднимался, рос немой прилив,
И в смутно прояснявшийся мотив
Волнение мое преображалось.

Но землю разрывающий росток
Искал пробиться к свету дня земного,
Во тьме он оставаться уж не мог
И торопил свой неизбежный срок,
Чтоб воплотиться в сказанное слово.

Май 1976

363

Опять над лесом просветлело...
Как из распахнутых ворот
Прорвалось, хлынуло, запело
Сиянье облачных высот.

Как будто там, где нет тумана,
Где торжествует синева,
Жизнь затопила невозбранно
Туч кучевые острова.

Доверься вестнице покоя,
Так нужного тебе и мне,
И подчинившей всё земное
Простой своей голубизне!

Август 1976

364

Принимай меня, светлая келья,
Где и стены, и звуки чисты,
Где справляют со мной новоселье
Птичье пенье, заря и цветы!

Как отшельник, хочу я покоя,
Чтобы жизнь была светом полна,
По душе мне безлюдье такое
И вошедшая в грудь тишина.

Но едва перевел я дыханье,
Затворился в пустой тишине,
Вижу — даже на миг расставанье
С шумом жизни мучительно мне.

Нет, покоя уже мне не надо.
Для чего этот замкнутый круг?
Я хочу беспредельного взгляда,
Жажды сердца и крепости рук.

Август 1976

365

На засыпающий мой сад,
Уже бормочущий невнятно,
Пролился наконец закат,
Разбрызгав огненные пятна.

Тянуло свежестью с низин,
И, истомившийся от зноя,
Еще сильней запах жасмин,
Ловя дыхание ночное.
День тает в чистой тишине
Без сожалений и тревоги...
Вот так же бы растаять мне
На роковом для всех пороге!

Август 1976

366

Шиповник комедий Шекспира
Приснился мне в майском цвету:
С рапирой скрестилась рапира
На спущенном с замка мосту.

Здесь лес, притворившийся сказкой,
Заставит блуждать неспроста,
Здесь ум, укрываясь под маской,
Звенит бубенцами шута.

Жизнь кажется вся маскарадом,
Где, в медленном танце кружа,
Загадка с влюбленностью рядом
Лукавит в обличье пажа.

Здесь можно в лицо рассмеяться,
Роняя записку из рук,
Шутя, не на шутку влюбляться,
Вступив в зачарованный круг.

Здесь девушек водит отвага
И женственность может сама
Пронзить в диалоге, как шпага,
Кирасу мужского ума.

Не нужен здесь довод рассудка
Тому, чья догадка остра.
Не знаешь, где кончится шутка,
Где правды начнется игра.

И, залитый солнечным светом,
Здесь зритель, хотя бы на миг,
Становится тоже поэтом
В запутанной пряже интриг.

Август 1976

367

Любовь, любовь — загадочное слово,
Кто мог бы до конца тебя понять?
Всегда во всем старо ты или ново,
Томленье духа ты иль благодать?

Невозвратимая себя утрата
Или обогащенье без конца?
Горячий день, какому нет заката,
Иль ночь, опустошившая сердца?

А может быть, ты лишь напоминанье
О том, что всех нас неизбежно ждет:
С природою, с беспамятством слиянье
И вечный мировой круговорот?

Август 1976

368

Есть странная мечта: себе построить дом
Из прожитых надежд, тревог и начинаний.
Пусть всё, что не сбылось, живет отныне в нем,
В таком вместительном из всех возможных зданий.

Не собираюсь там гостить на склоне дней.
Дверь будет на замке, окно закрыто ставней.
Лишь комната одна, что всех других скромней,
Останется беречь следы дороги давней.

Казалось бы, зачем и для чего хранить
Тот прах, которому не стать уже горящим,
Но разве никому не видимая нить
Не может связывать былое с настоящим?

И что-то шепчет мне: ты мир в себе растил,
Нельзя его терять, хоть сам ты — лишь мгновенье,
Пылинка малая бесчисленных светил,
Уже вошедшая в бессмертное круженье.

Август 1976

369

Я их пустил на волю. Пусть слова,
Как ласточки, купаются в полете,
Пусть манит их всё выше синева
В скольжении и легком повороте!

Их мир широк, и нет ему конца,
Они ныряют в счастье с головою,
А я гляжу со старого крыльца
С какой-то грустной радостью былою.

Завидую я юности их крыл,
Стремящейся к высотам ликованья,
Я ничего еще не позабыл
Из щедрой дани счастья и страданья.

Мне не узнать, чем кончится полет,
Но кто-нибудь, уже в иные годы,
Их ласточками снова назовет,
Предвестниками подлинной свободы.

Август 1976

370

Они и свеч не зажигали,
А в темной пропасти окна
На угасающей эмали
Всплывала ранняя луна.

Неразличимы были лица.
Она молчала у стола,
А он глядел на половицы,
Где между ними тень легла.

И было в этот мглистый вечер
С грядой осенних облаков
Для этой слишком поздней встречи
Уж никаких не нужно слов.

И не сближались больше руки,
Как в те далекие года,
И тень уже иной разлуки
Их разделяла навсегда...

Август 1976

371

Всё краснее и ярче рябина
На прохладной уже синеве,
О кузнечиках нет и помина,
Дольше стынет роса на траве.
Не один уж листок, золотея,
Опустился, кружась, у ворот,
Сиротеет сквозная аллея...
Собираются птицы в отлет.

Меркнет вечер томительно длинный,
В опустевший входя мезонин,
Ядовито горят георгины
Посреди отсыревших куртин.
Пожелтевшие лета страницы
Этим липам ничто не вернет.
Всё проходит на свете, а птицы...
Собираются птицы в отлет.

Жизнь была нестареющим садом,
Где румянились яблоки-дни,
И казалось — заветное рядом,
Только руку за ним протяни.
Но всему свой черед наступает.
Скоро холодом лужи скует.
Листья кружат, душа подмерзает...
Собираются птицы в отлет.

Август 1976

372

Не всегда оживают слова
В этих книгах старинной печати,
А была ведь когда-то жива
Свежей мысли и чувства листва,
Прорастая сквозь титла и яти.

Разбуди же угаснувший стих
В мерной поступи ямбов тяжелых,
Чтобы гул их победный не стих
И сказал о пиитах своих
В париках и расшитых камзолах.

Оживай, Восемнадцатый век,
Проповедник особой породы,
Укротивший Пегаса разбег,
Рассыпающий, как фейерверк,
Громогласно-фанфарные оды.

Ты любил поученья, псалмы,
Разум басен, трагедий котурны,
По линейке ровняя умы,
Ты в сугробах российской зимы
Не взрывался погодою бурной.

И хотя ты был выдуман весь,
Но в боренье с грамматикой узкой
Нес отечеству добрую весть,
Что у нас еще будет — и есть! —
Честь и слава Поэзии русской.

И, сменяя камзол на халат,
Остывая к чинам и наградам,
Из Фелицыных выйдя палат,
Ради пиршеств и сельских услад
Ты онежским гремел водопадом.

Август 1976

373

В нависанье узорных ветвей
И таинственном шорохе сада
Что-то есть от тревоги моей,
О которой и думать не надо.

А не то наплывет, как туман,
И земное погасит сознанье
Тяжкий сумрак летейских полян,
Где душе не хватает дыханья.

Там, в обители скорбных теней,
Не доступной ни стону, ни крику,
Не услышит она, как Орфей
Стоном лиры зовет Эвридику.

Возвратиться на солнечный свет
Ей нельзя уже в рощи и нивы,
И останется тенью ответ
На тоскующей лиры призывы.

Октябрь 1976

374. ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ

(Две тени)

Ахматовой учителем он был,
Он вел ее на строгие ступени
Под сводом лип и пушкинской сирени,
Где пруд колонну Славы отразил,
Заставил смело поглядеть в лицо
Всем искусам разлуки и тревоги
У страстных испытаний на пороге
И подарил старинное кольцо.
В него не камень вставлен, а печать
Из темных недр откопанного века
С двустишием неведомого грека:
«Цени слова, но дай им срок молчать».
Она подарок вещий приняла
С крупицею античной горькой соли
И в одиночестве неженской доли
Безропотно сожгла себя дотла.

1976

375. ИГЛА НАД НЕВОЙ

Не только, грозы разрывая раскаты,
Был луч ее ярок и жгуч,
Не только победно кораблик крылатый
Летел через полчища туч.

Не только как отблеск полярных сияний
И строгий завет прямоты, —
Она поднималась над скопищем зданий
Стремительным взлетом мечты.

Венчал рукотворное дело Петрово
Не только витийства пожар —
Из блеска и грома рожденное слово
Под рокот горластых фанфар, —

Была она шпагой сверкающей, узкой,
Как огненной мысли строка,
Была она мачтой Поэзии русской
И меркой ее — на века.

По ней выверяли суровое рвенье
Жестокого века гребцы,
Пред нею смыкали свои поколенья
Грядущей свободы певцы.

Открыты ей новых свершений просторы
В свободной отчизне Труда,
И, грому подобная, вспышка «Авроры»
Вошла в ее блеск навсегда.

Поэты России, склоните знамена
Пред этою, в славе былой,
Завещанной Пушкиным, ввысь устремленной
Свободы и мысли иглой!

1976

376

Незадачлив я стал на подарки,
Чем утешить тебя, не найду.
Хочешь жимолость в пушкинском парке
Иль вот эту над Волгой звезду?

Хочешь алый тюльпан Казахстана,
Коктебельский сквозной халцедон?
Дождь и радугу? Клочья тумана?
Иль ростовский над озером звон?

Всё отдам я — и небо, и сушу.
А не нужно, возьми уж тогда
Всю мою неуемную душу,
Поседевшую в эти года.

Я ее оставляю в наследство
Не по родственным явным правам,
А как самое верное средство
Быть вовек неразлучными нам.

Январь 1977

377. КАСТАЛЬСКИЙ КЛЮЧ

Кастальский ключ... Чудесное теченье,
Рожденное из самой глубины.
Но волшебства и тайн возникновенье,
По сумрачным преданьям старины,
Способно жить едва ль одно мгновенье,
Чтобы уйти в несбывшиеся сны.

И всё же, пробужденный хоть однажды,
Не может он умолкнуть навсегда.
Его судьба — томить нас зноем жажды
И зовом окрыленного труда,
Чтоб мог к нему прильнуть губами каждый,
Познавший правду и огня, и льда.

Январь 1977

378

Мы в космос пути открыли,
Порвав притяженья нить,
Пространство мы покорили, —
Вот время бы покорить!

Нам мало земного срока,
И хочется, чтобы он,
Растягиваясь широко,
Был к сущему устремлен.

Старинное изреченье
Любому из нас под стать:
«Остановись, мгновенье!» —
Чтоб дольше тобой дышать.

Январь 1977

379

Разбег его стихов подобием прибоя
С гривастой пеною на крутизне
Вновь моря доносил дыхание живое
В размерном грохоте, катящемся ко мне.
Был этот гордый стих не ветра порожденье,
А поднят из такой безмерной глубины,
Что наполняли слух блаженство и мученье,
Самой Поэзией завещанные сны.
Так только и могла рождаться та свобода,
Тот пламенный язык живого естества,
В котором заодно и сердце, и природа
Искусству отдают победные права!

Февраль 1977

380

Цветок нежданный жив одно мгновенье.
Теряя безвозвратно облик свой.
Но как прекрасно хрупкое виденье,
Слетевшее к нам с выси снеговой!
Снежинки! Не найти милей узора
Из лепестков и венчиков таких!
И что они растают слишком скоро,
Жалеть не надо... Остается стих.

Апрель 1977

381

...И сыплется меж пальцами песок,
Скользят, уходят легкие мгновенья...
Скажи, вздохнув: всему положен срок,
И берегись соблазна возвращенья.

Нам в жизни ничего не повторить,
Что встретишь на пути, всё будет внове,
Сменяется одна другою нить,
Растет узор на той же всё основе.

Ты ткешь ли розу иль чертополох —
Не выйти из привычного квадрата.
Вложи в свой труд запечатленный вздох
И не жалей, что нет ему возврата!

Июнь 1977

382

Родословное древо? Оно у меня
Просто-напросто деревом стало.
Я не знаю, какая былая родня
Мне в веках положила начало.

Знаю только, что дедов и прадедов речь,
Сохранив их живое дыханье,
Мне дана, как когда-то наследственный меч
Завещался сынам в достоянье.

Неисчетные предки в былое ушли,
Потонули во мгле баснословной,
В недрах времени, в пажитях русской земли,
В безымянной моей родословной.

Никакого герба не бывало в роду,
Да и что ему дать в самом деле?
Из бересты витую пастушью дуду
Иль шатер нашей северной ели?

А когда бы пришлось сочинить и девиз,
Я сказал бы — пусть это не ново:
«В этом сердце все русские реки сошлись
И созрело, как яблоко, слово».

Июль 1977

383. ПСИХЕЯ

Не в отвлеченном мире рея,
А на земле земным дыша,
Миф древней Греции — Психея —
Мы переводим как Душа.

Ну что ж! Условное званье,
Привычное нам с давних пор.
Оно в единое дыханье
Сплетает чувств нестройный хор.

В простом, коротком русском слове
Дух с плотью соединены.
А жизнь влила в биенье крови
Печаль и радость, явь и сны.

Июль 1977

384

На нас глядят два озера печали,
И в каждом по звезде отражено.
В эпоху Возрождения писали
Так лишь мадонн на фоне синей дали,
Земных или небесных — всё равно.

Вот почему извечный лик мадонны,
Лик женщины с младенцем на руках,
Сияньем материнства озаренный,
Стал обликом не фрески иль иконы,
А вечности, земной презревшей прах!

Июль 1977

385

«В чем счастье?» О, как выспренно и странно
Звучит вопрос. А наше бытие
Дает ответ: не общая нирвана,
А как и жизнь — у каждого свое.

Бесчисленною гаммой толкований,
Друг с другом вечно спорящих, оно
Не может быть по прихоти желаний
Лишь поровну на всех разделено.

Ему одно, тебе — совсем другое.
А иногда случается и так:
То, что готов оценивать ты вдвое,
Для твоего соседа лишь пустяк.

Нет истины печальней и банальней,
И спорить с нею как-то не к лицу.
Что было счастьем на дороге дальней,
Становится нам ясно лишь к концу.

Август 1977

386

Заблудились старые преданья
В ярком свете истин о былом,
Меркнут перед зеркалом Познанья
Тени их в тумане вековом.

Но ведь в их потемках что-то было —
Не бывает дыма без огня, —
И не всё бесследно погасило
Наступленье солнечного дня.

Не напрасно философский камень
Пращур нашей химии искал,
Хоть и не дался ему экзамен,
Новый в тигле не вскипел металл.

Не напрасно, распрямляя крылья,
Думал небо покорить Икар.

На нас глядело
~~[illegible]~~ озеро Печали,

1) Где целый мир бездонно отражен.
За ~~[illegible]~~ обиженные [illegible] теплом.
Теперь [illegible] и [illegible].
~~[illegible]~~

Меня не обижала в каждый раз,
2) В никем [illegible] неведомой воды,
Но от ~~[illegible]~~ и [illegible] края
Они что [illegible] не могли

Какие вы не [illegible] времени
3) Полету их в [illegible] мечте
~~[illegible]~~ [illegible]
Привычные ~~[illegible]~~ [illegible] черты,
~~[illegible]~~?

Они несли радость и страдания,
3 Тяжелый труд [illegible] и [illegible]
В ~~[illegible]~~ [illegible] общим [illegible],
За мрак ~~[illegible]~~ [illegible] победы и скорбей.

[illegible] и [illegible]
~~[illegible]~~ [illegible] хор,
~~[illegible]~~ [illegible] благодать,
Раскачивая [illegible] и [illegible],

Кто были эти праведники [illegible];
Какие [illegible] черты [illegible] в аду
Какие в [illegible] одни [illegible] и [illegible],
Что отразить [illegible] бездну? орду

Не мне забыть [illegible]

Не погасли древние усилья,
Не растрачен Прометеев дар.

Сослепу мечта тогда бродила
Перед строгой тайной естества.
Всё еще непознанная сила
Разум человеческий вела.

Эти первые века разведки
Даром для Науки не прошли.
Не глупей нас были наши предки
В темных мифах Матери-Земли.

И не диво ли, что о грядущем —
Не о прошлом — думали они.
Их прозреньям, лишь вперед зовущим,
Будем благодарны в наши дни!

Август 1977

387

У волн Атлантики, бегущих неустанно
К холмистым берегам, окутанным в туман,
На малом островке нашел в тени платана
Последний свой приют Рене Шатобриан.

А там, в Америке, в стране из книжки старой,
На сельском кладбище, где темный граб шумит,
Лежит поверх плиты, укрывшей прах Эдгара,
Осколок пламени, литой метеорит. [1]

Я вижу перья пальм у заводи зеленой
И гроздья островов с огромной высоты,
Куда друзья несли пирогу Стивенсона,
Скитальца всех морей, любовника мечты. [2]

А в северной весне, прозрачной и нескорой. . .
Мне хочется туда, в черемуху и дождь,

---

[1] На могилу Эдгара По друзьями положен безымянный камень — метеорит из естественнонаучного музея.

[2] Р. Л. Стивенсон похоронен на вершине погасшего вулкана острова Самоа, где он провел последние годы жизни.

В листву Тригорского, в поля, в Святые Горы,
Где белый памятник, и шум берез, и ночь...

Но есть еще страна. Перед лицом заката
Там жадно корни трав в степной шафран впились.
И скалы высятся, где вход в Аид когда-то
На сумрачной ладье дерзал искать Улисс.

Там блещет и бежит синеющая влага,
Вскипающей грядой весь берег окатив,
И, внемля шуму волн, встал профиль Карадага,
Как будто сам поэт глядится в свой залив.

И на его холме,[1] где мак роняет пламя,
Где режут синь стрижи и рушится прибой,
Не надышаться мне ни солнцем, ни ветрами,
Глаз не насытить мне свободной синевой!

Когда придет мой час, к земле хочу припасть я
И возвратить ей всё, что накопить я мог,
Чтоб вечно жить и жить — и в ветре, полном счастья,
И в грохоте волны, бегущей на песок.

1933, 1977

388

Юность, юность! Ты ушла до срока
Лебединою строфою Блока,

Облаком с серебряным отливом,
Месяцем турецким над заливом...

Были окна настежь, были зори,
Облака, похожие на море,

Липы были сквозь чугун узора,
Полукруг Казанского собора,

Мостик был, горбатый, низкорослый,
Где зарю разбрызгивали весла,

---

[1] Могила Максимилиана Волошина (1877—1932) в Коктебеле, Восточный Крым.

Город был из дымного стекла, —
И со мною в лодке ты была.

Сердце никогда не забывало
Ни иглы бессонной, ни канала,

Ни реки расчесанные косы,
Ни зари, холодной и белесой, —

И сейчас в раскрытое окно
Всё моей любви возвращено.

Проходя по улицам знакомым,
Каждому здесь радуюсь я дому,

Крепости с иглою вознесенной,
Невскому граниту и колоннам,

Площадям, покрытым славой вечной,
И садам, лепечущим беспечно.

Белые рабочие кварталы,
Ленин у Финляндского вокзала,

Кировский проспект и Острова,
Чайки над мостами и Нева —

Всё сроднилось с юными годами,
Всё живет, не расставаясь с нами. . .

Город мой, всегда живой с живыми,
Береги заслуженное имя,

Гордую незыблемую честь —
Говорить, что ты и был, и есть.

Что шумишь ты бодростью всечасной,
Что растешь ты вольно и прекрасно,

Что, лучом пронзая черноту,
Как линкор, стоишь ты на посту.

1935, 1977

389

Я думаю о том, что жадно было взято
От жизни и от книг,
О множестве вещей, любимых мной когда-то,
Вернувшихся на миг.

О лодке в камышах, о поплавке, стоящем
В разливе тишины,
Безмолвии озер и отблеске дрожащем
Всплывающей луны.

О крутизне дорог, и радости свиданий,
И горечи разлук,
О жажде всё познать, тщете именований,
Замкнувших тесный круг.

О том, что свершено по воле иль неволе
В борьбе Добра и Зла,
О том, что в полноте земных щедрот и соли
Душа моя прошла.

Да, было прожито ни много и ни мало,
А в полной мере сил,
Но мне в моем пути всегда недоставало
Того, что я любил.

1977

390—403. ⟨*НАДПИСИ НА КНИГАХ*⟩

1—2

НА КНИГЕ «ЗОЛОТОЕ ВЕРЕТЕНО»

1

В те дни я видел мир впервые.
Казалось — вечно в нем весна.
С беспечного веретена
Бежали нити золотые.

И вот я молодость былую
Молю всё чаще на пути:
«О, если б мог я в жизнь вплести
Нить — хоть одну, но золотую!»

Между 1923 и 1925

2

Вместе были мы на сенокосе,
Рожь цвела и пенилось вино.
А теперь, когда синеет осень,
В просини жужжит веретено.

Постучись в знакомую калитку,
Выходи со мной гулять во ржи
И на память золотую нитку
Узелком покрепче завяжи.

1922

3

НА КНИГЕ «БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА»

Семь звезд «Медведицы Большой»
Глядятся в прошлое ревниво,
И снова слышен голос мой,
Чуть повторяемый волной
У Коктебельского залива.

1928

4—5

НА КНИГЕ «ЗЕМНОЕ СЕРДЦЕ»

1

Когда-то в юности крылатой,
Которой сердцу не избыть,
Через восходы и закаты
С веретена бежала нить.

Прошли года, и на страницы
Ложится солнце в поздний час. . .
Коль есть в них золота крупицы,
Пускай сверкнут они для вас.

Здесь сердце билось и сгорело,
Стремя в грядущее полет.
Всё, что от книги, — потускнело,
Всё, что от жизни, — то живет!

1938

2

В грудь мою вложено «Сердце земное»,
Чтоб никогда мне не ведать покоя,
Чтобы огонь свой беречь и в золе,
Чтобы земное любить на земле!

1946

6

НА КНИГЕ «СОНЕТЫ» ПЕТРАРКИ

Я знаю — мало для подарка
Цветка забытых книжных стран,
Но так и быть — вот Вам Петрарка,
Одетый в выцветший сафьян.

Придет мой день — узнаю склоны
Холмов Сиены, щебет птиц,
И Вы получите канцоны
С тосканской розой меж страниц.

Пускай и дни, и стекла хмуры,
На синий зов иной страны
Певучей поступью Лауры
Пройдут сегодня Ваши сны.

1923

7

НА КНИГЕ Е. БОРАТЫНСКОГО

И. Н.

Войдя с Петрополем в таинственный союз,
Дыша закатами и царственным забвеньем,
Ты будешь счастлива и дружбой наших муз,
И лиры собственной «необщим выраженьем».

1923

8

НА КНИГЕ ПЬЕС РОСТАНА

Ростан был близок вам когда-то,
Ростан — пленительная ложь.
Я сам любил его, как брата,
Но тех пристрастий не вернешь.

На оперных подмостках мира
Средь газа, блесток и румян
Ему судьбой была рапира
Дана, как верный талисман.

Чтоб, бросив шутку, словно солнце,
И рифм нанизывая нить,
Он круче мог усы гасконца,
Ногою топнув, закрутить.

Конечно, он не Казанова
И Дон-Жуану не сродни.
Он просто так. . . любовник слова,
(Иль проще фразы), как они.

Но разве я стыжусь признаться,
Что пил с ним галльское вино,
Что сам любил в свои семнадцать
И «Romanesques» [1] и «Syrano» [2]?

Давайте в томике Ростана
Раскроем юность хоть на миг!
Что для мечты милей обмана
И что обманчивее книг?

Между 1923 и 1925

9

НА КНИГЕ «ТИХИЕ ПЕСНИ» ИН. АННЕНСКОГО

Когда томили нас Апухтин и «Лакмэ»,
Когда на скучный дождь мы выгнали поэму,
Ты первый перевел Стефана Маллармэ
И дерзостным «Никто» назвался Полифему.

Здесь Ледин выводок, здесь Царское Село —
Видений и котурн мучительная мета.
Я был твоим птенцом. Прими, прими поэта,
Последний Лоэнгрин, под снежное крыло!

1924

---

[1] «Романтики» (франц.). — *Ред.*
[2] «Сирано» (франц.). — *Ред.*

10—11
НА РОМАНЕ АНРИ ДЕ РЕНЬЕ «ШАЛОСТЬ»

1

Д. Усову

Примите, друг. В ночи забвенья,
Как лунный сон, как черный сад,
Тревожных строк моих цветенье
Сплеталось в дерзкий «Escapade».

И там, где в страсти и печали
Дрожала девичья свеча, —
Казалось мне, что Вы читали
Мой бедный труд из-за плеча.

1925

2

Ренье у нас теперь не в моде:
Он слишком тонок и остер,
Но поглядите на свободе
В его магический узор.

Друг, покоряясь мысли пленной,
То злясь, то плача, то любя,
Ужели в девочке надменной
Вы не узнаете себя?

1925

12
НА КНИГЕ А. АХМАТОВОЙ «БЕЛАЯ СТАЯ»

У Музы Царского Села
Походка птиц и речь простая,
От лебединого крыла
Ее блистательная «стая».

Стихи летят, летят на юг
Берущей сердце вереницей...
Не провожай их, старый друг, —
Всё возвращается сторицей.

Ты знал лазурные пути
И ослепительное небо;
Чего же больше! Всё прости
И большей мудрости не требуй!

20 января 1933

13

НА «ДНЕВНИКАХ» СТЕНДАЛЯ

Когда дневник есть зеркало души,
А не предлог для самолюбованья,
Его читают медленно, в тиши,
И верят в простодушные признанья.

Пускай сплетенье этих тонких фраз,
Анализ чувств и четкость наблюдений
То развлекут, то опечалят Вас, —
Не огорчайтесь — это только тени.

Тот век прошел, и проще мы живем,
Тоской прекрасной сердца не печаля.
Но Вы, быть может, вспомните о том,
Кто подарил Вам «Дневники» Стендаля!

29 декабря 1950

14

НА «ОДИССЕЕ» ГОМЕРА

Море немолчно шумит, разбиваясь об острые скалы.
Не отрываясь гляжу в полный ветрами простор.
Или не хочется мне слушать, как стонут сирены,
В горькой тоске разомкнуть руки твои, Калипсо?

Между 1946 и 1955

ПЕРЕВОДЫ

С ФРАНЦУЗСКОГО

ИЗ ПОЭЗИИ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Пьер де Ронсар

404

Когда старушкою, над прялкою склоненной,
При свете камелька взгрустнется вам порой,
Произнеся стихи, написанные мной,
Скажите: «И меня воспел Ронсар влюбленный!»

Они разбудят слух служанки полусонной,
И с именем моим ваш облик молодой,
Сиявший некогда бессмертною красой,
Почтит она тогда хвалою восхищенной.

Я буду спать в земле и — тень среди теней —
Спокойно отдыхать от пережитых дней.
А вы на склоне лет припомните сквозь слезы

И гордый свой отказ, и жар моей любви. . .
Послушайтесь меня: пока огонь в крови,
Пока вы молоды, срывайте жизни розы!

Оливье де Маньи

405

Блажен, кто вдалеке от городских забот
Проводит жизнь свою в наследственном именьи
И мирно трудится, не ведая сомнений
И не ища себе заманчивых щедрот.

Довольствуется он тем, что судьба пошлет,
В одном своем труде находит наслажденье

И, дому своему снискав благоволенье,
Уже превратностей опасливо не ждет.

Сажает он дубки, подвязывает лозы,
К цветущему лужку, где носятся стрекозы,
Отводит ручеек, бегущий под уклон,

А поздно вечером при свечке, пред камином
Садится ужинать с супругою и сыном,
Чтоб после отойти в спокойный, мирный сон.

Филипп Депорт

406

Здесь некогда упал дерзающий Икар,
Который высоте отдал души стремленье.
Здесь он крыло сломил в безудержном паденье,
Но в доблестных сердцах зажег ответный жар.

О, юной смелости завидный многим дар,
И в малом, и в большом достойный восхваленья,
Ты вместе с гибелью уносишь в поколенья
Бессмертие мечты, повергшей мир в пожар!

Неведомым путям отдав свое дерзанье,
Отважно ринувшись в пучину мирозданья,
Почти коснулся он рукой его венца

И, дерзко истощив своей отваги силу,
Низверженный с высот, обрел в волнах могилу...
Завиднейший удел! Прекрасней нет конца!

Катрин де Рош

407

О прялка, милый друг, клянусь и обещаю
Не изменять тебе, любить тебя всегда.
Пускай иных влекут моря и города,
В тебе я обрела любовь к родному краю.

Когда ты здесь со мной, тревоги я не знаю,
И, если взять перо случится иногда,
Тебя отставив прочь, без ложного стыда
Беседу с музами я смело начинаю.

О прялка, милый друг, не думай, что, любя
Твое жужжание, я предаю тебя,
Едва задумаюсь над тем, что сердцу мило, —

Пишу я о тебе, свой прославляя дом,
Где вдохновенное перо с веретеном
Во имя мирных дел давно я подружила.

Жан Берто

408

Пора, красавица, пора кончать томленье,
Что дарит мне твой взор уже почти пять лет!
Иль на мольбу мою достойный дай ответ,
Иль обреки меня на горшие мученья.

В твоих руках сейчас и смерть и возрожденье,
Ты знаешь, чем в тоске томится твой поэт...
Мое отчаянье, моей надежды свет
Должны же наконец увидеть разрешенье.

Коль сердце не пустой, бесчувственный алмаз,
Зачем же мучишь ты — уже который раз —
Влюбленного в тебя так долго и напрасно?

В его страданиях виновна только ты.
И если впрямь Амур был сыном Красоты,
Мучение — любить, несчастье — быть прекрасной!

ИЗ ПОЭЗИИ XVII—XVIII ВЕКОВ

Марк Сент-Аман

409

Наскучив хвастаться дуэльною отвагой,
Комедию скропать изволил фанфарон,
Надменно заострив перо своею шпагой.
Понятно, почему так тупо пишет он!

Жюль Менаж

410

С красавицей ее изображенье схоже:
Как ни проси ее, она безмолвна тоже.

Бюсси-Рабютен

411

Разлука любящих. . . О ней
Различное бывает мненье.
Кто думает — в ней гибнет увлеченье,
Другому кажется, что страсть тогда сильней.
Иное мненье у меня:
Разлука для любви — что ветер для огня.

Жан Грекур

412

Прославленных имен у Греции немало,
Дивиться каждый им готов.
Она семь мудрецов потомству завещала.
Судите, сколько же в ней было дураков!

Алексис Пирон

413. НА ПЛОХОГО РИФМОТВОРА

Какой-то рифмотвор, привыкший к наглой позе
И никогда не закрывавший рот,
Сказал мне, что писать он не намерен в прозе.
Прочти его стихи — и убедись, что врет!

Вольтер

414. ДИСТИХ
(НАПИСАННЫЙ НА СТАТУЕ АМУРА)

Вот кто твой властелин в сей жизни быстротечной:
Он был, он есть, он будет вечно!

415. ЕМУ ЖЕ

В покой и счастье погружен,
Я философии ценитель,
Но, хоть в свободу я влюблен,
Мне жаль тебя, мой повелитель!

416

Итак, былой министр смещен.
Остался в выгоде народ:
Что б ни затеял новый — он
Всё сделает наоборот.

417

Вы говорите, что я мертв, —
И вам я очень благодарен.
Не радостен и не печален,
С удобством я в гробу простерт.

Мне с королями уж не знаться,
Не страшен мне любой закон.
Лишь с той поры, как погребен,
Я начал жизнью наслаждаться.

418

Ты знаешь, почему Иеремия
Всю жизнь лил слезы огневые?
Пророк предчувствовал, что бойкий наш народ
Его творения переведет!

Дени Дидро

419. ЭПИТАФИЯ

Лежит здесь антиквар — он стал комочком грязи,
А мнит, что прах его теперь в этрусской вазе.

Эварист Парни

420. ЭПИТАФИЯ

Лежит здесь сомневавшийся во всем.
Он сомневался в мирозданье
И в собственном существованье,
Но скукой был он одержим притом.
Ему так надоели муки эти,
Что поспешил преставиться он днесь,
Чтобы на том увидеть свете,
Насколько прав он был, что сомневался здесь.

421

Тебя всегда я лишь хвалил,
А ты меня всегда хулил.
И надо ж быть греху такому:
Не верят ни тому и ни другому!

422. О БЕДНОСТИ

Давно нет новых у меня чулок,
Живот я должен стягивать потуже.
Все говорят, что «бедность не порок»,
А я скажу: она гораздо хуже!

423

Расхвасталась пчела: «Я выше всех летаю,
По красоте, уму соперниц я не знаю.
Всем будет смерть моя потерей роковой», —
Но гибели ее и не заметил рой.

424

«Ты хочешь обрести в несчастьях утешенье?
Без денег, вижу я, ты мечешься, скорбя».
— «А что же делать мне?» — «Запомни изреченье:
Дай что-нибудь тому, кто победней тебя!»

425

О свежести Филис так много говорят.
«Но сколько же ей лет?» — услышал я однажды
И тотчас отвечал: «Об этом знает каждый:
Ей восемнадцать днем, а ночью — пятьдесят».

426

Друзей у нас не сосчитать,
Но дыням все они подобны:
Их сотню надо перебрать,
Пока не сыщется съедобной.

427. ЭПИТАФИЯ

Лежит здесь Поль, чудак в особом роде:
Всю жизнь он оставался должником,
И возвратил он долг своим концом
Одной природе.

428

Таинственно сверкающий покров
Скрыл надо мною бездны ледяные...
Когда Земля есть лучший из миров,
Чего же стоят остальные?

Бернар де ля Моннуа

429. ПОХВАЛА НЕСРАВНЕННОМУ МЕССИРУ ЛА-ПАЛИСС

Месье Ла-Палисс простерт,
Пронзенный копьем чужим.
Увы! Если б не был мертв,
Он был бы еще живым!

Отважно он в бой скакал,
Красив и молод. Увы!
И шляпы он не снимал,
Не обнажив головы.

Был повар его мастак,
Готовя на много лиц,
Но сделать не мог никак
Яичницы без яиц.

Чтил рыцарь пиров закон —
Стаканами пил вино,
Когда ж его не пил он,
Не убывало оно.

В горах тот замок стоял,
Где этот жил нелюдим,
Когда он время терял,
То в город скакал за ним.

Он королю писал
На смертном одре своем.
Письма бы не прочитал
Король, не узнав о нем.

Не тратил он ничего,
Достаток его был мал.
Будь золото у него,
Он богачом бы стал.

И добрым он был всегда,
И предков он память чтил.
И в гнев впадал лишь тогда,
Когда сам рассержен был.

Он вдоволь ел и пивал,
Хоть пища была проста,
Но масленицу справлял
Всегда он раньше поста.

Вовек он лекарств не знал,
Душой и телом здоров,
Желудок освобождал
Без помощи докторов.

И все дивились при том,
Как был он в решеньях смел,
Он мог бы продать свой дом,
Когда бы его имел.

Любимый всем войском, он
Погиб, сраженный копьем,
Печальный день похорон
Последним его был днем.

Андре Шенье

430. ЮНАЯ ТАРЕНТИНКА

О чайки, длите плач! Вы, дочери морей,
Фетиде милые, рыдайте всё грустней!

Она жила, Мирто, Тарента цвет невинный,
Ладья ее несла к заливу Камарина;
Там флейты, и венки, и пение стиха
На брачный звали пир под кровлей жениха.
Уже ревнивый ключ, предвидя праздник скорый,
В кедровом ларчике хранил ее уборы:
Запястья, что должны украсить руки ей,
И тонкие духи для золотых кудрей.
Но в час, когда она к созвездьям взор стремила,
У мачты дикий ветр, полощущий ветрила,
Схватил ее; и вот — испугу отдана —
Она, скользя, кричит, уже в волнах она.

Уже в волнах она, цветок Тарента нежный;
Ей тело юное качает вал безбрежный.
Фетида, вся в слезах, в пещере скал крутых
Спешит ее укрыть от всех чудовищ злых;
Нерея дочери послушными руками
Вздымают девушку над бурными волнами
И к берегу несут, чтоб в саркофаге ей
Покоиться в стране зефира и зыбей,
А издали уже, будя простор пустынный,
Бегут к ней нимфы гор, холмов, ручьев, долины
И, ударяя в грудь и косы распустив,
Возносят горести исполненный призыв:
«Увы! Ты к жениху не подойдешь, краснея,
Тебя не облекут в одежды Гименея,
Предплечья твоего уж не замкнет браслет,
И на кудрях твоих повязки брачной нет!»

⟨1940⟩

431

Всё есть в моих стихах; внимай же им, прилежным;
Камилла, голос мой и гибким стал и нежным.
Ручьи, и соловьи, и грозди на холмах,
И музы, и весна — всё есть в моих стихах.
Здесь поцелуй любви средь легких строк вздыхает,
Ручей здесь под холмом смеется и сверкает,
Звеня свободною и чистою волной
И золотом горя и неба синевой.
А волны ветерка среди листвы дрожащей
Проходят по стихам, как бы вечерней чащей.
И роз и миртов в них есть тонкий аромат,
Тех роз, что в летний день дыханьем полнят сад,
И тех, что так легко семнадцатой весною
Коснулись щек твоих окраскою живою.

⟨1940⟩

432

И я бы мог любить. Ужель я жду напрасно!
Как ей коварной быть, когда она прекрасна?
Как сердцу моему, готовому любить,
Бежать от красоты, способной покорить?
Здесь всё вокруг меня вздыхает, любит, дышит, —
Ужель Венеры власть душа уж не услышит?
Не скажет: «я люблю!» Мне ль не узнать во сне,
Как с лаской милая склоняется ко мне;
И в час, когда плывут желанья, сновиденья
От солнечных лучей в истоме пробужденья,
Блуждая сонною, блаженною рукой,
Мне ль не услышать вдруг, что здесь она, со мной.

⟨1940⟩

ИЗ ПОЭЗИИ XIX—XX ВЕКОВ

Альфред де Виньи

433. СМЕРТЬ ВОЛКА

1

Под красною луной бежали тучи мимо,
Как на пожарище седые клубы дыма,
До горизонта лес шел черною стеной.
Шагали молча мы в траве, еще сырой,
В густом кустарнике и вересковой чаще,
Как вдруг под соснами с вершиною шумящей,
У камня круглого, который в мох одет,
Нам ясно виден стал когтистый волчий след.
Остановив шаги и задержав дыханье,
Мы обратились в слух. А на лесной поляне
Безмолвно было всё — лишь в сумраке глухом
Скрипучий флюгер пел заржавленным крылом.
То ветер верхом шел и, не касаясь пашен,
Крылами задевал верхушки старых башен.
Локтями опершись на ребра черных скал,
В лесу здесь каждый дуб, казалось нам, дремал.
И тихо было всё кругом. Старик лесничий
Спокойно, как велит охотничий обычай,
Чтоб разобрать следы, почти на землю лег.
Он, по лесу бродить привыкший без дорог,
Сказал уверенно, что здесь трусил сторонкой
С волчицей старый волк, а с ними два волчонка
И что следы когтей приметливо свежи.
Тогда мы вынули широкие ножи
И, пряча ружей блеск по правилам разведки,
Пошли, минуя пни и раздвигая ветки.
Вдруг что-то впереди остановило нас,
И я увидел сам горящих пару глаз
И четырех теней заметил очертанья,
В луне средь вереска плясавших на поляне, —
Как резвые щенки, что скачут на дворе,
Когда хозяин к их подходит конуре.
Но, увлеченные своей игрой счастливой,
Волчата прыгали, играли молчаливо,

Как бы не чувствуя, что в двух шагах от них
Таится человек, их враг в лесах густых.
На страже волк стоял. Волчица под сосною
Казалась статуей из мрамора живою,
Что в Риме некогда считалась божеством
И Рема с Ромулом вскормила молоком.
Волк рядом с нею лег среди полянки белой,
Вонзая сталь когтей в песок окоченелый.
Он будто понимал, что здесь со всех сторон
Отрезан путь ему и сам он окружен.
Когда же пес к нему рванулся, злобно лая,
За горло волк его схватил, не разжимая
Железных челюстей, хотя был тотчас он
Литыми пулями почти изрешечен.
Ножи ему бока, как клещи, разрывали,
Скрестившись в глубине, с холодным лязгом стали,
А волк, прижавший пса, давил его сильней,
Пока тот не издох в зажиме челюстей.
Ножи, по рукоять вонзенные, дрожали,
Был полон волчий взор презренья и печали,
Хлестала кровь ручьем на вытоптанный луг,
А ружья всё тесней свой замыкали круг.
С нас взгляда не сводя, презрительный и гордый,
Зализывая кровь, струящуюся с морды,
Зверь молча, исчерпав запас последних сил,
Закрыл глаза свои и навсегда застыл...

2

Облокотясь на сталь двустволки разряженной,
Не мог решиться я, печальный и смущенный,
Прикончить пулею скорее мать волчат,
Которая ждала, не опуская взгляд,
И только потому не защищала друга,
Что надо было ей спасать детей из круга
И, уведя в леса, как любящая мать,
Учить их дальше жить и стойко голодать,
И не вступать с людьми вовеки в договоры,
Чтоб рабства избежать, не превратиться в свору
Тех ненавистных псов, что гонят пред собой
Старинный волчий род из заросли родной.

3

Увы! — подумал я, — как жалок ты от века
Носящий гордое названье человека!
Как жить, как умирать средь горя и потерь,
Ни стона не издав, нас дикий учит зверь.
Ни слез, ни жалобы в минуту расставанья
Не стоит этот мир. Достойнее — молчанье!
Как понимаю, волк, я твой предсмертный взор!
Он в сердце мне вошел, он жив в нем до сих пор.
Он словно говорит: найди, коль можешь, силы
Быть полным мужества и стойким до могилы
И в твердости своей дойти до высоты,
Как я, которого жестоко гонишь ты.
Стонать, рыдать, молить — смешно и бесполезно.
Свой неизбежный путь ведя над темной бездной,
Иди, куда влечет тебя судьба твоя,
И, стона не издав, в свой час умри, как я!

⟨1956⟩

Виктор Гюго

434. НОЯБРЬ

Я сказал ему: «Ты знаешь, что роза в саду живет недолго и время цветения роз проходит быстро».

Саади

Когда, под шум ветров гуляя на просторе,
Дни осень затемнит и заморозит зори,
Когда ноябрь в туман оденет яркость дня,
Листва закружится в лесу, как хлопья снега, —
О муза, ищешь ты в душе моей ночлега,
Как зябкое дитя, что жмется у огня!

Пред сумрачной зимой шумящего Парижа
Востока меркнет луч, спускается всё ниже.
Мечта об Азии уходит, ты глядишь
С тоской на улицы поток неудержимый,
Туман в моем окне и на волокна дыма,
Что растекаются по скатам черных крыш.

Уже развеялись султанши и султаны,
Громады пирамид, галеры, капитаны,

И кровожадный тигр, и дремлющий верблюд,
И джиннов злобный рой, и в пляске баядеры,
Жирафы пестрые, в пустыне дромадеры,
Что на горбе своем арабов вскачь несут.

Да, белые слоны процессии священной,
Дома и купола в эмали драгоценной,
Имамы, колдуны, жрецы — как легкий сон,
Рассеялись, ушли. Где минареты, горы,
Сераля цветники и капища Гоморры,
Чей жаркий отсвет лег на черный Вавилон?

Вокруг зима, Париж. Не вторят песне сирой
Надменные цари, танцовщицы, эмиры,
И клефту вольному несносен город мой:
В нем Нилу воли нет, бенгальской зябко розе,
И пери холодно и грустно на морозе
В полях, где нет цикад и где не пышет зной.

С тоскующей душой, в Восток и свет влюбленной,
Приходишь, Муза, ты печальной, обнаженной
И говоришь: «О друг, ужель в душе твоей
Нет песни для меня? Так тягостно, так скучно
Глядеть на дождь в окне, струящийся беззвучно,
Мне, чье окно всегда сверкало от лучей!»

И греешь пальцы мне ты ласковым дыханьем.
Садимся рядом мы, окружены молчаньем,
И начинаю я тихонько вспоминать
О детских днях моих, об играх в школе тесной,
О клятвах юности, о девушке прелестной,
Которая сейчас уже жена и мать.

Я говорю о том, как там, в родном поместье,
Я слушал колокол, меня зовущий к мессе,
Как, дикий и живой, блуждать я всюду мог,
Как в десять лет порой, мечтатель одинокий,
Я вглядывался в лик луны зеленоокий —
В ночи раскрывшийся таинственный цветок.

Потом — как я ступал на шаткие качели,
Как ветви дерева страдальчески скрипели,
Как я взлетал, как мать смиряла мой азарт.
Я вижу вновь друзей, в те годы неразлучных,

Мадрид, его коллеж, часы уроков скучных
И пыл ребячьих драк за имя «Бонапарт»;

И своего отца, и девочку с косою,
Четырнадцати лет умершую с зарею...
Ты жадно слушаешь про юную любовь —
Про бабочку с крылом, так радостно горевшим,
И ставшую в руках комочком почерневшим,
Про легкий счастья сон, что не вернется вновь.

⟨1952⟩

435. РОЗА ИНФАНТЫ

Она совсем дитя. И с ней всегда дуэнья.
Вот с розою в руке стоит она в забвенье.
Не всё ли ей равно, куда глядеть? В ручей,
В бассейн, что осенен листвою тополей,
На всё, что перед ней... Там лебедь белокрылый,
А здесь под шум листвы ручей лепечет милый;
Сад полон свежести, сверкания и нег.
Такая хрупкая, она бела как снег.
Как в нимбе золотом, видны дворца ступени,
И парк с озерами, откуда пьют олени,
И пышный звездный хвост раскинувший павлин.
Невинность в ней свежа, как чистый лед вершин.
Она светла, как луч смеющегося солнца.
Трава у ног ее алмаза и червонца
Роняет искорки, обрызгана росой.
Фонтан с дельфинами алмазной бьет струей.
Она бежит к пруду; цветок всё время с нею;
Шелк Генуи шуршит; скользнув волной своею,
Капризный арабеск, обманывая взор,
По нитям пламенным туринский ткет узор.
И розы молодой раскрытая корона,
Покинувшая плен душистого бутона,
Свисая, тяготит изящный сгиб руки.
А если девочка, целуя лепестки
И морща носик свой сияющей улыбкой,
Наклонится к цветку, он, царственный и гибкий,
Всё личико ее стремится утопить
Так глубоко, что глаз не в силах отличить
Цветка от девочки средь лепестков широких,
Не зная, где бутон, где розовые щеки.

Над синевой зрачка — ресниц пушистый мех,
В ней всё — дыханье роз, очарованье, смех;
В ее глазах лазурь. Ее зовут Мария.
Взгляд — это молния, а имя — литания.
Но во дворце, в саду, играя и шутя,
Всегда грустит она, несчастное дитя.
Она присутствует, мечтой весны объята,
При мрачном пиршестве испанского заката, —
В великолепии багряных вечеров,
При шуме сумрачном невидимых ручьев,
Среди мерцанья звезд, в полях, где спят посевы, —
С осанкой молодой, но гордой королевы.
Придворные пред ней склоняют шляпы бант.
С короной герцогской подарят ей Брабант;
У ней во Фландрии, в Сардинии владенья;
Пять лет ей, но она уже полна презренья.
Все дети королей похожи. Некий знак
Уже лежит на них. Неверный детский шаг —
Начало власти. Ждет над розою в печали
Она, чтоб ей цветок империи сорвали.
Взор, царственный уже, привык твердить: «Мое!»
И ужас и восторг исходят от нее.
А если кто-нибудь, когда она смеется,
Не чуя гибели, руки ее коснется,
То прежде, чем он «да» иль «нет» произнесет,
Тень смерти на него отбросит эшафот.
Прелестное дитя, иной судьбы не зная,
Смеется и цветет, как роза молодая,
Та, что в ее руке среди цветов и звезд.

День гаснет. Птичий хор не покидает гнезд,
В склонившихся ветвях блуждает вечер синий,
Закат коснулся лба изваянной богини,
И в холоде ночном чуть дрогнула она.
Всё, что летало, спит. Прохлада, тишина;
Ни звука, ни огня; смежила ночь ресницы;
Спит солнце за горой; спят под листвою птицы.
Пока дитя, смеясь, склонилось над цветком,
В старинном здании, огромном и пустом,
Где митрой кажется зияющая арка,
Возникла чья-то тень; глядит под своды парка
И от окна к окну идет, внушая страх,
Покуда меркнет день на черных ступенях.

Устав ходить, стоит в темнеющем жилище
Тот мрачный человек, как камень на кладбище,
И, кажется, вокруг не видит ничего.
Из зала в зал влачит какой-то страх его.
Вот мрачный лоб прижат к сырым оконным стеклам,
Вот тень еще длинней ложится в свете блеклом,
Шаги звучат в тиши, как отзыв на пароль.
Кто это? Смерть сама? Иль, может быть, король?

Король! Судьба страны, покорной и дрожащей.
И если заглянуть во взор его горящий,
Когда он здесь стоит, чуть прислонясь к стене,
Увидишь в сумрачной, бездонной глубине
Не девочку в саду, не круглые фонтаны,
Где отражается, дрожа, закат багряный,
Не длинный ряд куртин с веселым гамом птиц, —
Нет! В глубине тех глаз под кружевом ресниц,
Задернутых слегка покровом из тумана,
В зрачках, чья темнота бездонней океана,
Ты ясно различишь среди морских зыбей
Неудержимый бег испанских кораблей,
В широких складках волн, где ночь зажгла лампаду, —
Непобедимую, грозу морей, Армаду, —
И там, в туманной мгле, где остров меловой,
Услышишь плеск ветрил и грохот боевой.

Вот те видения, которые проплыли
В холодном, злом мозгу владыки двух Кастилий,
Весь мир вокруг него окутывая в мрак.
Армада, сумрачный плавучий клин, рычаг,
Которым он весь мир поднять задумал вскоре,
Проходит в этот час темнеющее море,
И он следит за ней, несущей смерть и страх,
А скука в царственных чуть светится зрачках.
Филипп Второй — грозней на свете нет тирана;
И Каин Библии, и Эблис из Корана
Светлей душой, чем тот, кто в свой Эскуриал
От предков власть и смерть десницей твердой взял.
Филипп Второй, с мечом в руке своей железной,
Как мировое зло был вознесен над бездной.
Он жил. Ему никто не смел смотреть в глаза,
И воздух вкруг него был душен, как гроза.
Когда шли из дворца хотя бы даже слуги,
Все, кто б ни встретился, склонялись ниц в испуге.

Как пропасть ужаса, как дальних звезд чертог,
Им страшен был король — земной бесстрастный бог.
Он волей твердою, упрямою и злою
Неукротимую судьбу сдержал уздою.
Европа, Индия, Америка ему,
Как берег Африки, покорны одному,
И он боится лишь туманов Альбиона.
Молчание — уста, и ночь — душа. У трона
Подножье возвели Измена и Обман.
Покорен Зла ему всемирный океан.
Да, конной статуей, из злобы вылит черной,
Одетый вечно в тень, король земли покорной,
Он в траур по себе, должно быть, облачен.
Подобно сфинксу, взор вперил в безвестность он.
Он нем. К чему слова, туман суждений зыбких?
Кто слышал смех его? Беспечные улыбки
Оцепенелых уст уже не посетят,
Как не сойдет заря через решетку в ад.
Но иногда и он свой мозг усталый дразнит
Искусством палача, и — целый адский праздник! —
Костры тогда горят во мгле его зрачков.
С усмешкой сатаны он жжет еретиков.
Поправший правду, жизнь, покорный данник Рима,
Внушает ужас он, губя неотвратимо.
Он — дьявол, правящий эгидою Христа,
И то, что по ночам таит его мечта,
Подобно вкрадчивым движениям химеры.
Бургос, Эскуриал, Аранхуэс — пещеры,
Где не горит огонь, где обиход суров:
Ни празднеств, ни двора, ни песен, ни шутов.
Измена здесь — игра, а пир — костров пыланье.
Как занесенный меч — его ночей мечтанья
Для всех трепещущих окрестных королей.
Он давит целый мир одной тоской своей.
Лишь стоит захотеть — вселенную разрушит.
Его молитва — гром. Она и жжет и душит,
И целую грозу скрывает эта грудь.
О ком он думает, тому нельзя вздохнуть.
На всех концах земли его народ, в котором
Живет безумный страх, рожденный мертвым взором.

Карл был стервятником, Филипп же стал совой.

Он, сумрачной судьбы холодный часовой,
Закутан в черный плащ, с Златым Руном на шее,
Стоит; его зрачок то ярче, то слабее
Горит, как щелка в ад; и тонкие персты
Незримой никому работой заняты —
Жест приказания иль росчерк под указом?
И — верить ли глазам, — но тень улыбки сразу
Коснулась губ его, внушая темный страх.
Он видит, как вдали Армада на волнах
Растет и ширится в его воображенье.
На парусах тугих, полна повиновенья,
Она плывет пред ним, как если бы он сам
Сейчас ей делал смотр. И кажется волнам,
Что вновь они несут груз чудища-ковчега,
А ветер задержать не смеет их разбега.
Большие корабли, отметив интервал
В порядке шахматном — так хочет адмирал, —
В лесу снастей и мачт плывут сплошной решеткой.
Они — священный флот. Волна хранит их кротко,
Попутный бриз несет тугое полотно
И знает, что ему их счастье вручено.
Упругая волна вскипает ярким снегом
И вдоль бортов скользит бушующим разбегом.
Галера каждая бежит в волнах легко.
Ту вырастил Адур, а та с брегов Эско.
Два коннетабля там и сотня закаленных
Водителей судов. Кадикс дал галионы,
Германия — ряд барж, Неаполь — бригантин;
Дал Лиссабон людей — отважных львов пучин.
Что им далекий путь! Филипп с них глаз не сводит —
Не только видит их, но слышит. Флот проходит,
Бежит, летит в волнах. Призывно трубит рог,
По палубам стучит разбег матросских ног.
Опершись на пажа, встал капитан на мостик.
Бьют барабаны сбор, стучат по доскам трости,
Рассыпались свистки-сигналы. Грохот, вой,
Брань, пение молитв и трубный возглас: «В бой!»
То чайки бьют крылом? Растут громады башен?
Раскрылись паруса — их плеск широк и страшен.
Волна бурлит, и весь величественный флот
Свой продолжает бег, врезаясь в кипень вод.
А сумрачный король считает, полн отваги:
Четыреста — суда, почти сто тысяч — шпаги.

Оскаленный вампир, он всем внушает страх,
И даже Англия сейчас в его руках.
Ведь ей спасенья нет! Готов уж вспыхнуть порох,
Сноп молний держит он, грозу тая во взорах.
Кто б мог их погасить, решаясь на раздор?
Не тот ли он король, с которым страшен спор?
Не он ли Цезаря наследник? Тень Филиппа
От Ганга достает до склонов Позилиппо.
Не кончено ли всё, когда он скажет: «Нет»?
Не правит ли он сам квадригою побед?
И он ведет суда всевластным капитаном —
Армаду страшную — к туманным дальним странам,
Где море держит флот послушливым хребтом.
Не движет ли он сам, одним своим перстом,
Крылатых чудищ сих, идущих грозным строем?
Не он ли их король, тот смертный, что пред боем
Толкает корабли на грозные валы?

Когда-то Сифрезил, сын бея Абдаллы,
Такою надписью почтил фонтан в Каире:
«Бог правит в небесах, я правлю в этом мире».
А так как жизнь одна для всех веков и стран,
В любом властителе скрывается тиран.
То, что сказал султан, король таит в мечтанье.

Меж тем над мрамором, струй слушая плесканье,
Инфанта с розою, как нежный херувим,
Несет к губам цветок и клонится над ним.
Внезапный ветерок — одно из тех дыханий,
Что посылает ночь по дремлющей поляне, —
Зефир, которому покорны иногда
Деревья, тростники и сонная вода,
Средь миртовых кустов и свежих асфоделей
К ребенку долетел. Деревья зашумели,
И ветер, розу смяв, задором обуян,
Развеял лепестки на мраморный фонтан,
Оставив лишь шипы инфанте изумленной.
Она склоняется, глядит в бассейн смятенный
В недоумении. Что с ней? Откуда страх?
Но можно ли найти в спокойных небесах
Тот ветерок, пред кем бессильна королева?
Что делать? А бассейн весь почернел от гнева
И, ясный только что, закутался в туман.

Уже бежит волна. Он весь — как океан,
А роза бедная рассыпана в полете.
Сто лепестков ее плывут в водовороте
И тонут, закружась в порыве ветровом,
В кипенье малых волн, подобные во всем
Армаде, брошенной на грозных скал скопленья.
Тут, к девочке склонясь, прошамкала дуэнья:
«Великим королям покорен целый свет,
Но власти и у них над ураганом нет!»

⟨1956⟩

Альфред Мюссе

436. ЧИТАТЕЛЮ ДВУХ ТОМИКОВ МОИХ СТИХОВ

Вся юность — на этих страницах
Нечаянной книги моей!
И надо — готов согласиться —
Поправить бы многое в ней...

Но могут ли не измениться
И годы и чувства людей?
По прихоти вольной своей
Лети, перелетная птица!

Кто б ни был, читатель мой, ты,
Что можешь, возьми от мечты.
Прости, коль неловко мне пелось.

Том первый — ребенок живой,
И юноша — томик второй,
Но в нем лишь намеки на зрелость...

⟨1952⟩

437. ВИКТОРУ ГЮГО

Нам надо многое среди презренной прозы
Любить, чтоб ясною казалась суть вещей:
Конфеты, океан, азарт, лазурь лучей,
Красавиц, бег коней, и гордый лавр, и розы.

И надо мять цветы, росы стряхая слезы,
Рыдать порой самим и провожать друзей.
Ведь чем душа у нас становится старей,
Тем нам милее то, в чем нет румян и позы.

Из быстротечных благ, мелькающих вокруг,
Одно останется всегда — старинный друг.
Мы можем разойтись, — но если случай снова

Сведет нас — мы, смеясь, друг другу руки жмем
И вспоминаем то, что было в нас живого, —
И смерти нет в душе, и снова мы живем.

⟨1952⟩

Теофиль Готье

438. ПАСТЕЛЬ

Как я люблю манерность вашей позы
И ваш овальный выцветший портрет,
Красавицы, роняющие розы,
Которым больше девяноста лет!

Румянец января, шафран загара
Вас не коснутся больше никогда.
Запылены, в витрине антиквара
Вы пролежите долгие года.

Минуло время красоты и граций,
Маркизы Дюбарри и Помпадур.
Ваш прах в тени кладбищенских акаций
Оплакивает мраморный амур.

И на портретах, счастливы ошибкой,
Роняя безуханные цветы,
Зовете вы пленительной улыбкой
Своих былых любовников мечты.

⟨1923⟩

439. ТЮЛЬПАН

Цветок Голландии, я огненный тюльпан,
И так прекрасен я, что даст фламандский скряга
За пару луковиц весь блеск Архипелага,
Всю Яву, если свеж и горделив мой стан.

Надменный феодал иль рыцарь дальних стран,
Я облачен в шелка, в виссон, в одежды мага,
На лепестки мои, как дней старинных сага,
Зверей геральдики лег пламенный чекан.

Искусный садовод на изумленье миру
Дал мне багрянец зорь и царскую порфиру,
Чтоб был я радостью для изумленных глаз.

Великолепию такому нет названья,
Но почему творец не влил благоуханья
В бокал мой, в лучшую из всех китайских ваз?

⟨1923⟩

440. НОЧНЫЕ БРОДЯГИ

Покидают щели, норы,
Только полночь пропоет,
Шулера, бродяги, воры —
Весь ночной веселый сброд.

Притаившимся кварталом
Мчатся рыцари ножа.
Буржуа под одеялом
Шаг их слушают, дрожа.

Крик — кого-то бьют, наверно,
Звон — дуэль под фонарем,
А за ставнями таверны
Ругань, песни и содом.

Тишина. Проходит стража.
Четок шаг средь гулких плит.
В ночь ушли разбой и кража.
Честная заря горит.

⟨1923⟩

441. ЮНОМУ ДРУГУ

Когда у вас в семье знакомился я с вами
(Мне видится крыльцо и клен среди двора
Так ясно, точно всё случилось лишь вчера),
Вы были девочкой с веселыми глазами.

Я снова к вам пришел. У маминых колен
Капризничали вы, но был ваш взгляд нежнее,
Потом и детских игр беспечные затеи
В мечтательности снов нашли уютный плен.

Ах, много утекло невозвратимой прозы
В ту пропасть, что зовут газетный фельетон!
Вы стали девушкой. Раскрывшийся бутон
Нескромно выдает все тайны чайной розы.

Меня томят года и мутной скуки бред...
Как странно, что вчера сошлись мы у камина,
Вы — яблоня весной, цветущий куст жасмина,
Вы — молодость, и я — стареющий поэт!

⟨1923⟩

Пьер Жан Беранже

442. РОМАНЫ

*Софи, которая просила меня
сочинить занимательный роман.*

Вы ждете длинного романа,
Блестящей выдумки, интриг?
Но, дорогая, как ни странно,
Я не пишу подобных книг.
Вина в моем стакане мало,
Роман мой близится к концу,
И наслажденье, как бывало,
Мне петь, конечно, не к лицу.

Счастлив, кто сестринскую нежность
Нашел в любовнице своей, —
Он ею скрасит безнадежность
Таких уже неярких дней.

Ведь все «герои», «небылицы»,
Событий путаная нить
Не могут даже и страницы
В романе Дружбы заменить.

Как грустен вышедший из моды,
Софи, мой собственный роман. . .
Любовь еще в иные годы
Вам улыбнется сквозь туман,
Еще вы молоды, цветами
Не раз украситесь опять.
Дай бог подольше вам слезами
Страниц романа не пятнать!

⟨1929⟩

443. ЭПИТАФИЯ МОЕЙ МУЗЕ

(Тюрьма Сент-Пелажи)

Остановись и перечти, прохожий,
На камне эпитафию мою.
Я пела страсть, а здесь, на смертном ложе,
Любимую мной Францию пою.
Хоть не был стих мой никому обузой,
Тиран его боялся, как огня.
Звал Беранже меня своею музой.
Все грешники, молитесь за меня!

Он, с юных лет стремившийся к досугу,
От школьных муз не бравший молока,
Сам укротил строптивую подругу,
Чтоб с ней забыть неволю чердака.
Мечтателя, пришедшего в столицу,
Я часто согревала без огня.
Как много роз он вдел в свою петлицу!
Все грешники, молитесь за меня!

Я мужеству не раз его учила,
Столь нужному нам в странствии земном,
И там, где страсть всем головы кружила,
Он часто был моим учеником.

Не раз брала я дудку птицелова,
В его силки прелестницу маня,
И нужное подсказывала слово.
Все грешники, молитесь за меня!

Однажды змеем (слово, что похоже
На Маршанжи — он ползал двадцать лет!),
Однажды змеем, износившим кожу,
Ужален был за песни мой поэт.
Готов был суд лишить его на годы
В сыром подвале всех улыбок дня,
Но как могла бы жить я без свободы?
Все грешники, молитесь за меня!

Да, сам Дюпен защитою умелой
Не мог слепой Фемиды обуздать!
Змей Маршанжи, тупить не смея стрелы,
Их целиком был принужден глотать.
И вот в аду, душе моей открытом,
Могу я ждать не меньшего огня,
Сам сатана стал нынче иезуитом.
Все грешники, молитесь за меня!

⟨1929⟩

444. ТЕТКА ГРЕГУАР

В годы юности моей
Тетка Грегуар блистала.
В кабачок веселый к ней
Забегал и я, бывало.
Круглолица и полна,
Улыбалась всем она,
А иной брюнет, понятно,
Пил и ел у ней бесплатно.
Да, бывало, каждый мог
Завернуть к ней в кабачок!

Вспоминался ей подчас
Муж, что умер от удара.
Не знавал никто из нас
Простофилю Грегуара,
Но наследовать ему
Было лестно хоть кому.

Всякий здесь был сыт и пьян,
И лилось вино в стакан.
Да, бывало, каждый мог
Завернуть к ней в кабачок!

Помню в прошлом, как сквозь дым,
Смех грудной, кудрей извивы,
Вижу крестик, а под ним
Пышность прелестей стыдливых.
Про ее любовный пыл
Скажут те, кто с нею жил, —
Серебро — и не иначе —
Им она сдавала сдачи.
Да, бывало, каждый мог
Завернуть к ней в кабачок!

Было б пьяницам житье,
Но у жен своя сноровка, —
Сколько раз из-за нее
Начиналась потасовка!
Лишь из ревности такой
Разыграют жены бой,
Грегуарша очень кстати
Прячет муженьков в кровати.
Да, бывало, каждый мог
Завернуть к ней в кабачок!

А пришел и мой черед
Быть хозяином у стойки,
Что ни вечер, целый год
Я давал друзьям попойки.
Быть ревнивым я не смел,
Каждый вдоволь пил и ел,
А хозяйка всем, бывало, —
До служанок вплоть — снабжала.
Да, бывало, каждый мог
Завернуть к ней в кабачок!

Дням тем больше не цвести,
Нет удач под этой кровлей.
Грегуарша не в чести
У любви и у торговли.
Жаль и ручек мне таких,
И стаканов пуншевых.

Но пред лавкой сиротливой
Всякий вспомнит день счастливый.
Да, бывало, каждый мог
Завернуть к ней в кабачок!

⟨*1934*⟩

Огюст Барбье

445

Как грустно наблюдать повсюду корни зла,
На самый мрачный лад петь про его дела,
На небе розовом густые видеть тучи,
В смеющемся лице — тень скорби неминучей!
О, счастлив взысканный приветливой судьбой!
В искусстве для него всё дышит красотой.
Увы, я чувствую — когда моей бы музе
Шестнадцать было лет, я в радостном союзе
С весной ее живой, в сиянье новых дней,
Позабывать бы мог печаль души своей.
Рождались бы в душе чудесные виденья,
Я часто бы бродил лугами в дни цветенья,
По прихоти своей в безумном счастье пел
И хоть бы этим мог свой скрашивать удел!
Но слышу я в ответ рассудка строгий голос,
Который говорит: «Как сердце б ни боролось,
Знак на челе давно ты носишь роковой,
Ты мечен черною иль белой полосой,
И вопреки всему за грозовою тучей
Обязан ты идти, одолевая кручи,
Склоняя голову, не смея вдаль взглянуть,
Не ведая, кому и руку протянуть,
Пройдешь ты этот путь, назначенный судьбою. . .»
Покрыто надо мной всё небо пеленою,
Весь мир мне кажется больницей, где я сам,
Как бледный врач, бродя меж коек по рядам,
Откинув простыни, заразы грязь смываю,
На раны гнойные повязки налагаю.

⟨*1953*⟩

446. МИКЕЛАНДЖЕЛО

Как грустен облик твой и как сухи черты,
О Микеланджело, ваятель дивной силы!
Слеза твоих ресниц ни разу не смочила, —
Как непреклонный Дант, не знал улыбки ты.

Искусству отдавал ты жизнь и все мечты.
Свирепым молоком оно тебя вспоило,
Ты, путь тройной свершив, до старости унылой
Забвенья не нашел на лоне красоты.

Буонарроти! Знал одно ты в жизни счастье:
Из камня высекать виденья грозной страсти,
Могуществен, как бог, и страшен всем, как он.

Достигнув склона дней, спокойно-молчаливый,
Усталый старый лев с седеющею гривой,
Ты умер, скукою и славой упоен.

⟨1953⟩

447. ЧИМАРОЗА

Рожденный в той стране, где чист лазури цвет,
С нежнейшим именем, в котором лир звучанье,
Беспечной Музыки веселое дыханье,
Певец Неаполя, любил ты с юных лет.

О Чимароза! Где другой такой поэт,
Чье озаренное весельем дарованье
На лица, полные угрюмого молчанья,
Могло бы так легко отбросить счастья свет!

Но в упоении бездумного успеха,
В бубенчиках шута, под тонкой маской смеха,
Ты сердце нежное хранил в груди своей.

Прекрасен гений твой, мечты всегда живые!
Не поступился ты ничем для тирании
И пел свободе гимн, томясь среди цепей.

⟨1953⟩

448. ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ

Привет, Флоренции великий сын! Твой лик
С крутым высоким лбом, с волнистой бородою
Прекрасней для меня могущества владык,
И я, восторга полн, склоняюсь пред тобою!

Что честь, добытая кровавою войною,
Перед сокровищем души твоей, старик?
Что лавры тщетные и почести герою
Пред дивной порослью искусств и мудрых книг?

Почет, почет тебе! Твой животворный гений
Фантазии полет и мудрость рассуждений
Двойным могуществом в живом единстве слил.

Подобен солнцу ты, что на пути небесном,
Склоняясь, восходя, в могуществе чудесном
Живит поля земли и водит хор светил.

⟨1953⟩

Эжезип Моро

449. ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Не раз твердил я: к черту этот
Ничтожный мир и всё, что в нем!
Но если луч последний света
Погаснет на челе земном —
Во мне всё может измениться,
Я руки протяну с мольбой:
Кружись, как прежде мог кружиться,
Кружись подольше, шар земной!

В тот час земля б затрепетала,
Дворцы бы ваши потрясла,
О богачи, — и крох немало
Нам перепало б со стола.
Голодным есть где поживиться!
Я всем бы крикнул: пей и пой!
Кружись, как прежде мог кружиться,
Кружись подольше, шар земной!

От этого столпотворенья
(Над ним могу лишь хохотать!)
Забудет каждый, без сомненья,
Жену, купоны и кровать.
Хвастливый буржуа смутится!
Законы жги! Суды долой!
Кружись, как прежде мог кружиться,
Кружись подольше, шар земной!

Уж меркнет дряхлое в зените
Светило дня; земля стара.
Бродяги, в город поспешите,
Нам в жмурки поиграть пора.
Пусть, Роза, Лора, вам не спится,
Сегодня я игрок лихой.
Кружись, как прежде мог кружиться,
Кружись подольше, шар земной!

Спешу к дверям моей Аннеты,
Я пьян был ею без вина.
Пускай за все мои куплеты
Заплатит весело она.
Мне надо прозою проститься
С тем, что в стихах я пел порой.
Кружись, как прежде мог кружиться,
Кружись подольше, шар земной!

Домовладельцу Грегуару
Скажу, спеша кутить к друзьям:
«Должок получите вы старый —
Господь заплатит завтра вам.
Он мой отец. Не мог родиться
Я без него — клянусь душой».
Кружись, как прежде мог кружиться,
Кружись подольше, шар земной!

Так напевал я в полудреме,
От жизни горестной далек,
И вдруг услышал где-то в доме
Ко мне спешащий каблучок.
Апрель в цветах в окно стучится,
На стеклах отсвет голубой.
Кружись, как прежде мог кружиться,
Кружись подольше, шар земной!

⟨1937⟩

Эдуард Гренье

450. ГЛИЦИНИЯ

Люблю я цветенье глициний,
Чьи пряди, качаясь, висят,
Созвездий люблю светло-синих
Влекущий пчелу аромат.

Глициния сердцу знакома,
Всегда обвивает она
Крыльцо деревенского дома
И тайного смысла полна.

В ней прелесть старинной эмблемы
Того, что мы счастьем зовем.
Она ведь достойней, чем все мы,
На зло отвечает добром.

Когда ты сломаешь небрежно
Душистую ветку — в ответ
На месте излома свой нежный
Опять она выбросит цвет.

Двойной в ней завет для поэта:
Как эти простые цветы,
Обиды жестокого света
Встречай равнодушно и ты.

Бедой поразит ли нежданно
Тебя человек или рок —
Пускай из мучительной раны
Распустится песни цветок!

Анри Мюрже

451. РЕКВИЕМ ЛЮБВИ

Так были счастливы мы в комнате чердачной,
Когда стучал к нам дождь и ветра длился вой,
А в кресле у окна декабрьской ночью мрачной
В сиянье глаз твоих я уходил мечтой!

Легко трещал фитиль. На угольях вскипая,
Мурлыкал песенку ворчливый котелок,
И легких саламандр крутящаяся стая
Плясала в очаге под колдовской смычок.

Не дочитав роман, упавший на колени,
Ресницы опустив, дремала ты. А я —
Рука в твоей руке — мечтал о днях весенних,
И возле ног твоих была душа моя.

К нам приходящий друг уже с порога слышал
Дыхание любви и счастья без конца...
Здесь, в этой комнате, почти под самой крышей,
Гостеприимный кров нашли себе сердца.

Потом зима прошла. И, распахнувши окна,
Весенний ветерок нас разбудил с зарей,
И в поле, где туман клубит свои волокна,
Где дышат тополя, бежали мы с тобой.

То было в пятницу. На праздничной неделе
Погода, помнится, прекрасною была.
Среди крутых холмов, где вербы зеленели,
Мы пили океан сиянья и тепла.

И, утомленные весенним солнцем, скоро
В траве, уже густой, присели отдохнуть,
Вдыхая синеву свободного простора,
Следя, как облака плывут в далекий путь.

И вот, плечо к плечу, не проронив ни слова,
Когда лазурная сияла солнцем высь,
Уж я не знаю как, в порыве жизни новой
Мы губы сблизили и крепко обнялись.

Лиловый гиацинт, с фиалкою сплетенный,
Всей свежестью весны дышал нам в этот час,
И видели мы с ней: с лазурного балкона
С улыбкой сам господь глядел тогда на нас.

«Любите! — он шептал. — Чтоб сделать вам приятной
Тропу, где вы вдвоем идете средь полей,
Я рядом с ней постлал ковер травы и мяты.
Целуйтесь же еще! Я отвернусь... Скорей!

Любите! Ветерок, качающий пшеницу,
Шумящий над водой в каштанах молодых,
И звезды, и цветы, и пенье птиц родных
Для вас я в дни весны заставил возродиться.

Любите всей душой, пока пылает кровь,
И если по сердцу вам этих дней цветенье,
В знак благодарности ко мне, про восхваленья
И про псалмы забыв, — целуйтесь вновь и вновь!»

Леконт де Лиль

452. НЕИСТРЕБИМЫЙ АРОМАТ

Когда душой цветка, чья родина Восток,
Пропитан был хрусталь иль черепок из глины,
Ты можешь расплескать на жаждущий песок
Божественный отстой, разбить сосуд старинный.

Волной, бегущею в потоках и морях,
Попробуй смыть его — напрасное старанье!
Простые черепки и даже самый прах
Навеки сохранят свое благоуханье.

Вот так же из груди истерзанной моей
Ушло в сухой песок безрадостных степей
Всё лучшее, что ты зажгла в душе когда-то. . .

Я не кляну тебя, благословен мой рок!
Бессильны и Судьба, и времени поток
Над сердцем, где живет хоть капля аромата!

453. СЕРДЦЕ ГИАЛЬМАРА

Ночь. Ветер ледяной. Снег, обагренный кровью.
Не выпустив мечи, почили без могил
Здесь сотни храбрецов. Кружась, к их изголовью
Слетелись вороны со злобным плеском крыл.

Холодная луна всплывает из потемок.
Над грудой мертвых тел поднялся Гиальмар,
Оперся тяжело он на меча обломок,
И кровь его течет, струя горячий пар.

«Хо-ля! Ужель живым никто здесь не остался
Из этих полных сил, веселых молодцов,
Кто на заре еще пел песни и смеялся,
Горланил, словно дрозд среди густых кустов?

Все, все они мертвы... Мой шлем пробит. Кольчуга
Разрублена, и смят топор мой боевой...
Глаза мои в крови. А там, в тумане луга,
Подобный шуму волн мы слышим волчий вой.

О ворон-людоед! Прошу тебя по чести,
Вспори мне клювом грудь и сердце вырви прочь!
Ты завтра нас найдешь на том же самом месте —
Неси его туда, где ждет Ульмера дочь.

Там ярлы в Упсале сошлись на пир, и влага
Их сдвинутых ковшей стекает через край.
Они поют и пьют. Спеши, ночной бродяга,
Любовь мою найди и сердце ей отдай!

У башенных зубцов, в холодном лунном блеске,
Она стоит, бледна, с распущенной косой,
И в сумерках горят ее венца подвески,
А очи светятся, как звезды пред зарей.

О сумрачный посол, скажи ей, что люблю я,
Что я ей сердце шлю, что, тяжкое, в крови,
Оно не дрогнуло, конец свой близкий чуя, —
И пусть она вздохнет, услышав зов любви!

А я... я мертв уже. Кровь на песок холодный
Стекает... В тишине всё ближе вой волков...
Но, полный юных сил, отважный и свободный,
Я к солнцу восхожу, на пиршество богов!»

454. АНТИЧНЫЕ МЕДАЛИ

1

Во славу Музы время победив,
Художник режет камень вдохновенно,
И под его резцом живет залив,
Вскипает пена.

И, юною пленяя красотой,
Где берега теряются из вида,
Богиней волн и синевы морской
Встает Киприда.

Она плывет в сиянье наготы
По зыбкому лазурному безлюдью,
Встречая моря пенные хребты
Бессмертной грудью.

Нет лент в ее рассыпанных кудрях,
И гибкий стан ей не теснят покровы,
Сияет тело лилией в волнах
Темно-лиловых.

Смеясь, она всплывает на простор,
Где в ярких брызгах чередою длинной
Ныряют, очаровывая взор,
Пред ней дельфины.

2

Средь серых скал в ущелье горном
На неприступной высоте,
В глухой пещерной тесноте
Гефест вздувает пламя горна.

Кузнец прославленный, он бьет
По гулко-звонкой наковальне
И там, в норе высокой, дальней
Железо гибкое кует.

И множатся, пройдя сквозь пламя,
Изделия его руки:
Трезубцы, дротики, клинки
И стрелы с острыми концами.

Киприда смотрит. Ей смешны
Орудия уничтоженья, —
Сильнее их любви волненья
И ею вызванные сны!

Луи Буйе

455. МОРСКОЙ КАМЕШЕК

Я поднял камешек, и круглый, и блестящий,
Обитый наискось пурпурною каймой,
Обточенный волной, что с пеною кипящей
Из ларчика глубин ты мне швырнул, Прибой.

Столетия его катал ты по раздолью,
Столетия бросал сердито по камням,
Быть может, лишь затем, чтобы с морскою солью,
Как твой заветный дар, он лег к моим ногам.

Склонясь, я взял его, обрызганного пеной,
Дрожащею рукой, движением скупца, —
Сокровищниц твоих подарок драгоценный,
Залог твоей любви и дружбы до конца.

Теперь, когда в тоске порою сердце тонет,
Гляжу на камень я, что мне волною дан,
И кажется в тот миг, что на моей ладони
Грохочет, блещет весь огромный Океан.

456. ГНЕЗДО И ЧАСЫ

На башне есть часы с огромным циферблатом,
Под ними ласточка слепила домик свой.
Два голоса слились: железный бой с раскатом
(Глашатай времени) и писк птенцов живой.

В соседстве — гул времен над пропастью забвенья
И жизни бедный гимн, что сердцем вдохновлен, —
Таинственный дуэт, где всё полно значенья,
На башне, чьи часы роняют гулкий звон.

Певунья-ласточка, как смелости достало
Устроить гнездышко в карнизе над окном,
Где каждый миг тебя беда подстерегала,
Где сторож мог птенцов поймать своим силком!

Щебечешь солнцу ты влюбленные баллады,
О завтрашнем совсем не помышляешь дне,
И страшен только нам не знающий пощады
Глухой и мерный звон, плывущий в тишине.

Пой, милое гнездо! Люблю я щебетанье
Здесь, рядом с Временем, ютящихся птенцов
И легких крылышек минутное порханье
На лоне вечности, у башенных часов!

Сюлли-Прюдом

457. МОЛЬБА

О, если б знали вы, как жду я,
Как одинок я в тьме ночной,
Вы возле дома, где живу я,
Прошли б порой!

О, если б знали вы, что тайно
Томиться сердцу суждено,
Взглянули б вы, как бы случайно,
В мое окно!

О, если б знали вы, как бьются
Сердца в предчувствии друзей,
Вы, как сестра, могли б коснуться
Моих дверей!

О, если б знали вы, как страстно
Зову я вас в пути земном,
Вы сами бы с улыбкой ясной
Вошли в мой дом!

458. ГЛАЗА

Им всем когда-то ясный день светил —
Любимым, чистым, преданным надежде,
Зеленым, карим. . . Все во тьме могил!
А солнце поднимается, как прежде.

Не дни, а ночи им ласкают взгляд,
И ночи те еще нежнее света.
Созвездия бессмертно им горят. . .
Но глаз прозрачность сумраком одета.

Ужель навеки тьмой они полны,
Ужели жизнь для них проходит мимо?
О, нет! Они сейчас обращены
К тому, что на земле еще незримо.

Как озаривший небо метеор,
Уйдя от нас, всё чертит след в эфире,
Так каждый на земле погасший взор
Не умирает в этом звездном мире.

И все глаза, которым день светил,
Любимые, открытые надежде,
К иной земле, за гранью всех могил,
Обращены — и видят свет, как прежде.

459. БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

Архипелаг в ночи, семи светил узор,
Она из тьмы веков всходила, пламенея,
Еще до той поры, как древняя Халдея
Пытливых пастухов к ней обратила взор.

И столько глаз живых глядело с этих гор
На семь бесстрастных звезд, чей пламень, не слабея
Всё так же озарит, холодный отблеск сея,
Последний час Земли и льдов немой простор!

Враждуешь с верой ты, Медведица Большая,
Жестоко смотрят в ночь, среди миров сверкая,
Семь золотых гвоздей, прибивших полог тьмы.

Твое холодное и точное сиянье
От веры далеко. Ты мне несешь сознанье
Бесстрастной истины, смущающей умы.

Жозе Мария де Эредиа

460. АНТИЧНАЯ МЕДАЛЬ

Всё блещет пурпуром и золотом кистей
На Этне виноград, пьянивший Феокрита,
Но слава тех, кого он пел, давно забыта,
И что их красота поэтам наших дней!

Утратив тонкость лба и чистоту бровей,
Лилея Аретуз ложилась под копыта,
Смешав в своей крови, в чужих гаремах скрыта,
Надменность древних рас и дикий гнев степей.

Века идут. Всё прах. И умолкают музы.
Великий Агригент лишь тень, а Сиракузы
Покрыла саваном небесная эмаль.

Но серебро хранит упрямых душ посевы —
Сквозь темные века доходит к нам медаль
С бессмертным профилем сицилийской девы.

⟨1973⟩

Шарль Бодлер

461

Когда ты здесь скользишь печально и лениво
Под грохот медных труб сквозь ресторанный ад
Походкой плавною, всегда неторопливой,
Бросая на толпу скучающий свой взгляд,

Когда на бледный лоб от резких вспышек газа
Ложится мертвенный, чуть розоватый свет,
Сияньем ярких люстр вся залитая сразу,
Напоминаешь ты таинственный портрет.

Я говорю себе: «О, как прекрасно, смело
Во власти душных грез на всех глядит она,
И плоть ее сейчас нежна, как персик зрелый,
Плоть, таинства любви познавшая до дна.

Осенний ли ты плод — пахучий, сочный, пряный,
Иль ваза стройная кладбищенских аллей?
Тот запах, что влечет в тропические страны,
Или алькова шелк и пышность орхидей?

Не всё ль равно! Глаза без мысли потаенной —
Меланхоличные и лживые глаза,
Оправы без камней, пустые медальоны,
С бездонной слепотой, как эти небеса.

Но, даже если ты — мое воображенье,
Ты всё ж уводишь в мир, где властвует мечта.
Что низость мне твоя, надменность и презренье?
Ты маска, ты обман, и всё ж ты — Красота!»

462. ГОЛОС

Мне с детства помнятся шкафы библиотеки.
На разных языках романы, фаблио,
Трактатов римских пыль и в фолиантах греки. . .
А сам я ростом был тогда с ин-фолио.
Два голоса: один — настойчивый, лукавый —
Твердил: «Мир как пирог — душист и сладок он.
И я могу тебя насытить им на славу.
Твой будет аппетит всемерно утолен».
Другой: «Лети, лети, о пилигрим мечтаний,
Поверх возможного и трезвых дел земли!»
Он пел всей широтой морских ветров в тумане,
И было не понять, откуда звуки шли.
Они ласкали слух и страх внушали странный,
И я был рад ему. Я знаю, с этих пор
И началось всё то, что стало сердца раной,
Мне выпавшей судьбой. Стал различать мой взор
Сквозь сумрак бытия, встающего сурово,
Неведомых миров манящие огни
И, жертва своего предвиденья живого,
Влачил я змей с собой, кусавших мне ступни.
Теперь я как пророк, отшельник в темной келье,
Пустыни и моря я полюбил давно,
Смеюсь в дни траура, и плачу в дни веселья,
И сладким нахожу горчайшее вино.

Действительность порой мне кажется обманом,
Взор к небу обратив, я оступаюсь в ров.
А голос шепчет мне: «Стремись к безвестным странам.
Безумцы во сто крат богаче мудрецов!»

463. ФЛАКОН

Бывают запахи, всё существо которых
Проходит сквозь стекло, как чрез любые поры.
Когда ты повернешь чуть звякнувший замок
У древнего ларца, чья родина Восток,

Иль в доме брошенном шкаф распахнешь
старинный,
Где запах Времени остался пыльный, чинный,
И позабытый там найдешь пустой флакон,
Пахнувший на тебя душой былых времен, —

Из гусениц тогда, сухих и запыленных,
Подобно бабочкам окрасок похоронных
Взлетают призраки минувшего, они
Порхают возле роз, как и в былые дни.

Но их летучий рой приносит нам смятенье.
Глаза смыкаются, и головокруженье,
Душою овладев, толкает в пропасть, в мрак
И низменных страстей, и пагубных клоак.

Из этой пропасти, где ждет нас ночь глухая,
Подобно Лазарю, свой саван разрывая,
К нам старая любовь встает во тьме ночной,
Как тень иссохшая, как призрак гробовой.

Когда из жизни я уйду, забыт друзьями,
Пусть, как флакон, меня оставят в пыльном хламе,
Как высохший флакон с мутнеющим стеклом,
Где виден трещины змеящийся излом.

Твоим я гробом стал, чудесная отрава,
Хранителем чумы, таящейся лукаво.
Яд, посланный с небес, тот ангельский ликер,
Что гложет жизнь мою и сердце с этих пор!

464. МАЛАБАРСКАЯ ДЕВУШКА

Точеным станом ты и бедер крутизною
Всех белых девушек затмила бы собою.
Ты тела смуглотой сводила б всех с ума,
А бархат глаз твоих смуглей, чем ты сама.
Живешь ты в тропиках, где пламенны закаты,
Где трубку подавать хозяину должна ты,
Водою свежею кувшины наполнять
И, сон его храня, москитов отгонять.
Едва с рассветом дня зашелестят платаны,
Несешь с базара ты гранаты и бананы,
День целый в суете, босая, налегке,
Мурлычешь песенки на странном языке,
А вечер подойдет, устав в работе ловкой,
Ты тело вытянешь блаженно. Над циновкой
Сны безмятежные — колибри пестрый рой —
Веселые, как ты, закружат над тобой.

Зачем во Францию влекут тебя мечтанья,
Туда, где тесно жить, где властвуют страданья,
Зачем, доверив жизнь изменчивой волне,
Пускаться в дальний путь, чтоб жить в чужой
стране?
Тебе ль, в легчайшие едва одетой ткани,
От холода дрожать здесь в городском тумане,
Забыв, что где-то есть лазурь и яркий свет?
Зачем свой легкий стан затягивать в корсет,
Питаться в кабаках похлебкою банальной
И торговать своей красой необычайной,
А после, погрузясь в наш уличный содом,
О пальмах вспоминать на острове родном?

Шарль Кро

465. СМЫЧОК

Кос ее золотистых волна
Так была и пышна, и длинна,
Что до пят ниспадала она.

Чистый голос ее был нежнее,
Чем у духа небес или феи,
А глаза — изумруда светлее.

Он с соперником встречи не ждал
В час, когда средь обрывистых скал
На коне с нею в ночь ускакал, —

Ведь она отвергала надменно
Всех, пред нею склонявших колена,
Для него, для любовного плена.

А любовь так ей сердце зажгла,
Что она отвести не могла
Взор с его молодого чела.

И сказала ему, умирая:
«Вот коса для смычка — золотая. . .
Пусть игру твою слышит другая».

И, слабея, склонилась у ног.
Он любви ее нежный залог —
Прядь косы — натянул на смычок.

Словно нищий, судьбой обделенный,
Взял он скрипку, созданье Кремоны,
Стал бродить с ней в стране отдаленной.

И, внимая той скрипке, народ
Думал — горькую песню невзгод
Та, что мертвою стала, поет.

Был с ним добрым король. Только струны
Королеве понравились юной.
Он умчал ее полночью лунной.

Для нее он играл всё, что мог,
Но, когда заносил он смычок,
В струнах слышался горький упрек.

Чуя голос, печальный и строгий,
Смерть взяла беглецов с полдороги,
Вспоминая о давнем залоге,

И косой, золотистее льна,
Той косой, что пышна и длинна,
С этих пор и владеет одна.

466. АСТРОНОМИЧЕСКИЙ СОНЕТ

Под вечер, проводив последний луч заката,
Мечтательно и мы пойдем, рука с рукой,
Взглянуть на ясных звезд рассыпавшийся рой,
Твоих соперниц-звезд, столь милых мне
когда-то,

И на пустом холме, сбегающем покато,
Присядем отдохнуть, а ветерок ночной
К нам тихо донесет душистых трав настой,
Венеры лик взойдет торжественно и свято.

И, от любви устав, поднимем мы глаза
Туда, где искрится дрожащая слеза,
Одетая в лучи, в небесное сиянье.

Быть может, в этот миг влюбленные и там,
Из рощ таинственных, свой посылают нам
Мерцающий привет сквозь холод мирозданья.

Анна де Ноай

467. ПРИНОШЕНИЕ

Для вас, о юноши, мой каждый стих рождался,
Для сердцем молодых,
И, как на яблоке, с тех пор на нем остался
След от зубов моих.

И рук моих тепло еще хранят страницы,
И горечь той слезы,
Что уронила я при отсвете зарницы
Смолкающей грозы.

В тени, которую отбрасывает лира,
Оставила я взгляд
И сердце, жадное ко всем соблазнам мира,
И боли всех утрат.

Я солнца на лице вам отдаю сиянье
Из тысячи лучей,
И сердце слабое, таящее желанье
Иных, счастливых дней.

Вам отдаю я всё, что пережито мною:
Нежнее шелка сны
И волосы мои, что спорят с тьмой ночною
В сиянии луны.

К вам в сумрачном плаще, смиренной, босоногой
Идет судьба моя —
Одна из тех, кто брел кремнистою дорогой
В пустыне бытия.

Я оставляю вам цветенье роз, азалий,
Сад моего дворца,
Рожденного мечтой, и тайну той печали,
Которой нет конца.

Поль Верлен

468

Дней прошлых мудрецы — мы не умнее их —
Считали, что они среди светил ночных
Способны прочитать, кому какой дан жребий, —
У каждой ведь души своя звезда есть в небе.
(Высмеивали их, не думая о том,
Что неуместен смех над тайной тайн в былом,
Вещавшей о пути то благостном, то бурном.)
Всем, кто был обречен родиться под Сатурном,
Планетой роковой, носительницей бед,
О чем нам говорят преданья давних лет,
Своя назначена невзгод и счастья доля.
Они ж, рабы мечты, себя во всем неволя,
Рассудка доводов послушать не хотят,
Течет в их венах кровь, коварная, как яд
Иль лавы сумрачной подспудное пыланье,
Что рушит, подточив, их тщетные мечтанья.
Сатурна пасынки, они обречены
Страдать и умирать, не ведая вины,
А жизнь их средь светил безмолвия ночного
Заране решена по воле рока злого.

469. СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ БЕСЕДА

Осеннею порой среди аллей пустых
Две тени шли в мечтах о временах былых.

Глаза у них мертвы и губы онемели,
И тихий разговор был слышен еле-еле.

Осеннею порой среди аллей пустых
Две тени говорят о радостях былых.

«Ты помнишь наших душ минувшее пыланье?»
— «Но стоит ли будить о том воспоминанья?»

«Коль назовут меня, ты вздрогнешь ли в ответ?
Навек остался жить в твоих мечтах я?» — «Нет».

«Как были хороши те дни, когда тревожно
И радостно уста сближали мы!» — «Возможно».

«О, времена надежд и выси голубой!»
— «Надежд для нас уж нет, а в небе — мрак
ночной. . .»

Так шли они вдвоем в мечтах, подобных бреду,
И только ночь одна их слушала беседу.

Артюр Рембо

470. ОЩУЩЕНИЕ

В июньских сумерках я побреду босой,
В колосьях путаясь, созревшими хлебами.
Мечтатель и босяк, обрызганный росой,
Я ветру дам играть своими волосами.

Ни слова я в себе, ни мысли не найду,
И лишь любовь в груди взойдет неудержимо.
Куда глаза глядят, бродягой я пойду
Сквозь весь цветущий мир, как с женщиной
любимой.

471. МОЕ БРОДЯЖНИЧЕСТВО

В дырявом пиджаке, в карман засунув руки,
Как часто я шагал дорогою ночной,
При свете ярких звезд, о муза, спутник твой,
Себе любовные изобретая муки.

Единственных штанов протер я ветхий зад,
Как Мальчик-с-Пальчик брел, созвучья подбирая.
Была харчевней мне Медведица Большая,
Где звезды, юбками шурша, дразнили взгляд.

Я долго им внимал на камне придорожном,
Сентябрьская роса ложилась осторожно
На лоб мой свежестью крепчайшего вина.

В тиши теней ночных свершался поединок,
И, лирою прижав к груди полуботинок,
Резинки я щипал, тугие, как струна.

472. РОМАН

1

Не до серьезности, коль вам семнадцать лет!
Прекраснейший закат. Прочь пиво, лимонады,
Крикливое кафе и люстры резкий свет, —
Скорей в аллею лип, в дыхание прохлады!

О, этот запах лип в июльской тишине!
Ресниц коснулась ночь легко и молчаливо,
А грохот города чуть слышен в стороне,
И с ароматом лоз смешался запах пива.

2

Вот неба синего темнеющий клочок,
Сухого дерева очерченный ветвями,
Пронизан плохонькой звездою, чей глазок
Едва-едва дрожит и тает там, над нами.

Июль. Семнадцать лет. Теряешься в мечтах.
Ночь в голову твою шампанским ударяет,
Идешь ты как в бреду, и на твоих губах
Бесплотный поцелуй, как бабочка, порхает.

3

Ты робинзонствуешь, мечтой о море пьян,
И вдруг у фонаря, которым ветер машет,
Проходит девушка — какой прелестный стан! —
В тени воротничков ужасного папаши.

Но, так как для нее ты слишком простоват,
Простукав каблучком по эспланаде длинной,
Она через плечо бросает быстрый взгляд —
И на губах твоих смолкают каватины.

4

И ты уже влюблен, до августа влюблен,
Свои стихи, себя обрек на посмеянье.
Друзья покинули тебя, ты стал смешон...
Вдруг от нее самой получено посланье.

И ты спешишь в кафе, под яркий люстры свет,
Ты пива требуешь, ты цедишь лимонады...
Не до серьезности, коль вам семнадцать лет
И там, в аллеях лип, — дыхание прохлады.

Жан Мореас

473. МОЛОДАЯ ДЕВУШКА ГОВОРИТ...

Укроп сказал: «Он так влюблен!
На милость сердца сдался он,
И как его не полюбить?»
— «Укроп, укроп, не надо льстить!»
Господи, спаси мою душу!

Сказал шиповник: «Почему
Ты доверяешься ему?
Он может грубо оттолкнуть».
— «Шиповник, сердца не вернуть...»
Господи, спаси мою душу!

Шалфей сказал: «А милый твой
Целует губы у другой».
— «Шалфей, шалфей, не знаешь ты,
Как я храню его цветы...»
Господи, спаси мою душу!

1932

474—482. *Из семи книг «Стансов»*

1

Не говори, что жизнь нам радует сердца.
Одним глупцам нужна подобной мысли малость.
Совсем не говори: в ней горе без конца —
Плохое мужество и ранняя усталость!

Нет, смейся, как весной деревья у ручья,
Плачь, как морской прибой, как низкой тучи слезы,
Вкуси все радости, всё горе бытия —
И молви: мир богат, но он лишь тень от грезы.

2

В дни юности моей, возвышенная лира,
Как ручеек средь трав, не умолкала ты...
Теперь же, вестница неистового мира,
Тугой струною в кровь терзаешь мне персты.

Есть тишина озер, пронизанных лучами, —
В них птицы кружатся, и облака стоят,
Но бурные ручьи, стесненные камнями
На дне глухих пещер, прекрасней во сто крат!

3

Гирлянды облаков синеющей пустыни,
Над желтой ширью нив, где колосится рожь,
Когда плывете вы в однообразной сини,
Лишь стаей парусов порой вас назовешь!

Снижаясь на луга, полны непостоянства,
Вы дышите грозой в отливах синевы,
И я лечу вам вслед, о лебеди пространства,
Минутный, как и вы, безвестный, как и вы.

4

И прелесть летних дней, и майских роз цветенье
Уже души моей не веселят теперь.
Ты, Осень нежная, прощай! Без сожаленья,
Лишь постучит Зима, я ей открою дверь.

В дряхлеющем лесу топор и гроз порывы
Ломают дерева — им не подняться вновь.
Так и судьбой, чей суд зовем мы справедливым,
Повержены и честь, и слава, и любовь.

5

Летите прочь, мечты, созданья горькой силы,
И гнева, и тоски,
Виденья памяти, что холодом могилы
Сдавили мне виски!

О, нежный мох тропы, скользящих вод журчанье,
Пещеры, голоса,
О, пенье птиц, ветров, ночных огней блужданье
И дикие леса!

Все насекомые, зверье, вся зелень года
В волненьях вековых!
Не отвергай меня, великая Природа,
Я здесь, у ног твоих...

6

Заря, которая восходит над столицей,
Пророчит ясный день и тает над рекой.
Как я люблю следить за гордой вереницей
Деревьев города, обиженных судьбой!

Считая каждый миг и каждую ошибку
И не ища наград в обманчивой борьбе,
Я слышу на губах забытую улыбку.
Так легче мне идти к начертанной судьбе.

7

У старой мельницы осеннею порою,
Когда усеет пруд опавшая листва,
А ветер будет выть над черною дырою,
Где онемевшие застыли жернова,

Я сяду на порог покинутого дома,
С плющом, взбегающим на дряхлое крыльцо, —
Пусть отражает гладь немого водоема
И солнца тусклый лик, и бледное лицо!

8

О вечере морском я думаю в тоске,
О пенной волн гряде, взбегающей, белея,
О лодке с парусом, о крабах на песке,
О косах нереид, о Главке, о Протее.

О путнике средь дюн в безмолвии ночном,
О старом рыбаке, присевшем на пороге,
О тех, кто рубит лес тяжелым топором,
О шуме города, душе, моей тревоге.

9

Я шел в полях. Гроза уже росла над садом,
На утро хмурое тяжелый полог лег,
А ворон сумрачный летел со мною рядом,
И ручейки дождя струились вдоль дорог.

Сверкала молния вдали, в полях унылых,
А ветер продолжал сильней и злее выть,
Но были этот вой и тяжкий гром не в силах
Тревог души моей в то утро заглушить.

Добычу Осени — листву — роняли клены
И золото свое растратили дубы.
А ворон так же длил полет свой неуклонный,
Хоть изменить не мог ни в чем моей судьбы.

1932

Альбер Самен

483. СИРЕНЫ

Сирены пели... В ночь с зеленых островов
Любовь аккордом лир вздыхала неустанно,
Лилась мелодия средь лунного тумана,
И слезы жгли глаза суровых моряков.

Сирены пели... Там, где виделась земля,
Дыхание цветов ложилось на ветрила,
А небо звездное спокойный свет струило,
Томя тоской стоявших у руля.

Сирены пели... Стон, и жалобы, и страсть,
Сплетаясь с гулом волн, летели издалека,
И сердце, словно плод от налитого сока,
От сладкой тяжести готово было пасть.

К цветущим берегам волна корабль несла,
Как очарованный, он шел на ветер свежий,
А там, над золотом пустынных побережий,
Клубились, как туман, влюбленные тела.

Из голубых глубин, в сиянии луны,
Чешуйчатым хвостом взрезая гребень пенный,
Всплывали у кормы зовущие сирены,
И серебро их тел сияло из волны.

И любо было им длить пение свое...
С плеч перламутровых жемчужины стекали,
А груди юные среди морской эмали
Коралловых сосков вздымали острие.

Простерты руки дев, о чем-то молит взор,
Неведомых цветов плывет благоуханье,
И чудится гребцам скользящее касанье
Горячих влажных губ и ласк немой укор.

Так, пленник тайных сил, у бездны на краю,
Сопровождаемый сирен волшебным пеньем
И убаюканный их рук прикосновеньем,
Корабль в туман глубин скользил к небытию.

Благоухала ночь... С цветущих островов
Мелодия любви на арфах замирала,
И море бережно, безмолвно покрывало
Лазурным саваном тонувших моряков.

Сирены пели...
Но... Когда, в какой стране,
В какие времена, стремясь к манящей цели,
Конец свой встретим мы, чтоб нам сирены пели
И шли мы в глубину блаженно, как во сне?..

Анри де Ренье

484. ЗАВЕРШЕНИЕ

Бегут короли, потеряв корону,
Лишь крысам Гамлет внушает страх.
Состарилась Порция. Дездемона
Вчера умерла у меня на руках.

Весну печалят дожди, морозы,
На плащ тумана закат похож.
Увидим ли мы, как дышат розы,
Как колосится на солнце рожь?

Прекрасных видений быстротечность —
Вот участь мира, где свет угас,
И отмечает на башне Вечность
То слишком короткий, то долгий час.

В этом последнем безмолвии мира
Что-то бесследно тает во мгле.
Шаги звучат одиноко и сиро...
Устал я от всех и всего на земле,

Затем что вижу исчезновенье
Очарований, жививших стих,
И бесконечное слез теченье
По мертвому лику богов моих.

1932

485. ДЕРЕВЕНСКОЕ ЗЕРКАЛО

Простой раскраской теша взгляд,
Вокруг стекла неприхотливо
Написаны крутые сливы,
Инжир и желтый виноград.

И роза, пышностью горда,
В гирлянде, вырезанной грубо
Ножом пастушеским из дуба,
Овал венчает, а когда

Вы поглядитесь в омут зыбкий,
То в смутном облике улыбки,
Живым, внезапным в этот час,

Сквозь легкое отображенье
Всплывет прекрасное виденье:
Звезда двойная ваших глаз.

1932

486. ОЖЕРЕЛЬЕ ИЗ СТЕКЛЯШЕК

В прохладной лавочке на площади Сан-Марко
Среди стеклянных бус я долго выбирал
Колье, чья синева отсвечивает ярко,
И слушал, как звенит нанизанный кристалл.

Нора старьевщика — от потолка до пола —
Живая бахрома качающихся струн,
В чьих ровных бусинах, блестящих и тяжелых,
Живут морской закат и серебро лагун.

Жилище старика чуть посветлей колодца,
Товар его убог и пылью занесен,
Но всё здесь светится, сверкает и смеется,
И длят бахромки бус стеклянный тонкий звон.

Случится ль на ходу задеть движеньем резким
Иль тронуть пальцами сверкающую сеть,
Столкнутся в тесноте хрустальные подвески,
И тихо комната вдруг начинает петь.

Когда-то в майский день, который был так ярок,
Нехитрое колье я выбрал здесь для вас.
Вы не могли забыть меня, и мой подарок,
И этот голубой венецианский час.

Вы не могли забыть... Но паркою сердитой
Соседство наших душ уже расплетено.
Рассыпано колье, все бусины разбиты,
И то, что помню я, забыли вы давно.

По той же площади весь день бродя без цели,
Один я думаю в просветах полутьмы
О темной лавочке, стеклянном ожерелье
И узкой улице, где проходили мы.

1932

487. ВЕРОНА

О город памятной любви,
Ты венчан страстью, как короной.
Щебечет стриж, восток в крови,
Восходит утро над Вероной.

Есть лестница в гербе твоем —
То «Scala»,[1] вписанный умело,
Иль та, которой в тихий дом
Поднялся некогда Ромео?

У всех здесь женщин острый взгляд —
Горячей дерзости примета.
Не им ли семь веков назад
Встречала гнев семьи Джульетта?

И кипарис — другому вслед —
Встает над темными холмами,
Не так ли поднял Капулет
Клинка отточенное пламя?

Верона! Горестный рассказ,
Из страсти сотканный и крови,
Венчал тебя в тот давний час
Бессмертным именем любови.

Он — честь твоя, печать, он взят
Из хроник сердца потаенных,
Когда в трагический закат
Проносится чета влюбленных.

1932

---

[1] «Скала» (итал.). — *Ред.*

488. ГОРОДОК

В старинном городке, чья жизнь вам незнакома
И где вы в первый раз, я с детских лет как дома.
Мне каждый камень здесь и каждый домик свой.
Я знаю улиц шум, прохожих шаг ночной,
То быстрый — по делам, то медленный и странный,
То звонкий каменный, то тусклый — деревянный.
Я помню звон церквей, звон детства моего,
Известно мне, куда выходит сквер Гюго,
Знакома эта тень — двойная, без узора —
От башен-близнецов стрельчатого собора,
И тинная река, и круглый мост над ней,
Все улицы, дома, балконы и Музей
Этнографический, и вал эпохи Рима,
В музее щит вождя, кадильница без дыма,
И в зале, где шкафы таинственно блестят,
Пирога с Островов и австралийский яд.
Питаю в этот миг я грустную усладу
Блуждать — пускай в мечте — по городскому саду,
Где скрестится ваш путь с моим путем не раз —
Незримо для души, неведомо для глаз.

1932

489. ПРИМЕТЫ

В любви — примета каждый случай:
Стрижа стремительный полет,
Ползущая на запад туча,
Снег, ветер, воздух, ясность вод.

И встреча с дубом у дороги
В вечерней мгле — внушает ей
Надежду, страх, огонь тревоги,
Предчувствие счастливых дней.

Так каждый признак неслучайный
Здесь на земле иль в небесах
Сердца живит влекущей тайной —
Иль дарит им невнятный страх.

Но нет сравнений, нет названий
Приметам милого лица
В предчувствии воспоминаний
Или надежды до конца.

1932

490. ЗАМЫСЕЛ

То, что впишу я на страницы,
Пройдет, как дни, — за рядом ряд, —
Как небо в тучах иль зарницы,
Как полдня блеск или закат,

Пройдет как жест, улыбка, слово,
Далекий отзвук, легкий след
Еще живущего, былого,
Или того, чего и нет.

Обиды прошлой отголоски,
Грядущий, миновавший день,
Чуть приглушенный стук повозки,
Катящейся в ночную тень,

Пейзажи детства: горы, реки,
Леса в родимой стороне,
Черты, ушедшие навеки
И вновь живущие во мне.

И перед каждою счастливой
Строфой, где след удач иль мук,
То чуть замедленно, то живо
Мне отзовется сердца стук.

1932

491. ТАЙНА

Будь осторожен, друг, и, говоря со мною,
Не спрашивай меня, о чем печалюсь я
И почему мой взгляд всегда покрыт слезою,
Всегда опущен вниз в тумане забытья.

Чтобы отвлечь меня от горя и молчанья,
Не вызывай в душе из хладной темноты
Видений прошлого, надежд и упованья —
Минувших радостей угасшие черты.

Нет, лучше назови каскады, солнце, чащи,
Вскипающий прибой, леса в полночный час
И молодой луны над полем серп всходящий —
Весь мир, раскинутый для упоенных глаз.

И дай мне свежих роз: лимонных, белых, красных, —
В их юной красоте мне жизнь пошлет привет,
Затем что форма, цвет и плоть вещей прекрасных —
Единая мечта, в которой грусти нет.

1932

Франсис Жамм

492

Подростком-девочкой с подстриженною челкой
В свой пансион она ходила каждый день
И на каникулы, когда цветет сирень,
Любила уезжать в зеленой одноколке.

Легко спускается с холма ее гнедой,
Коляска чуть жива (семейство не богато...
Одно из тех семейств, прославленных когда-то,
Где бедность не щадит осанки родовой).

Такими полюбил я школьниц прежних дней,
В чьих звучных именах, восторженно-печальных,
Есть нежность «рококо» и стиль «листов похвальных»
С овальной рамкою из золотых ветвей.

О, Клара д'Элебёз, Виктория Дерваль,
Лаура д'Этремон, Мари де Лавалэ,
О, Лия Фланширэз, о, Бланш де Персиваль,
Тереза Лиммерайль и Сильва Лабулэ!

Я думаю о вас, чей милый голос слышен
Сквозь частую сирень в поместьях до сих пор,

Кто любит яблоки и вкус неспелых вишен,
Сквозной узор ворот и подметенный двор.

Вы проведете жизнь в домах гостеприимных,
Где вилки и ножи беседе в такт звенят,
Где в окнах виден пруд, а из-за тучи дымной
В стекло оранжерей бьет розовый закат.

Потом в свой час зажгут вам свадебные свечи,
И молодой сосед (он нежный был жених)
В постели целовать вам будет грудь и плечи,
Да поджидать детей, «умея делать их».

Люси Делярю-Мардрюс

493. ЗАПАХ МОЕЙ РОДИНЫ

Свой запах, родина, ты в яблоко вложила...
Закрыв глаза, его слегка я надкусила, —
И вот, мне кажется, стою в траве густой,
Где с моря ветерок едва смягчает зной.
Тенистых тополей шумят здесь вереницы,
Присев на изгородь, щебечут звонко птицы,
И слышно, как волна на отмель прилегла...
Так, с яблоком в руке, в поля, где даль светла,
Из сада я иду калиткою знакомой
Под перекладиной с нависшею соломой.

Как часто в золоте и в багреце листвы
Стояла я одна, в потоке синевы,
С румяным яблоком, закрыв глаза, впивая
Его прохладный сок, Нормандия родная!..
Да, я больна тобой, о родина моя,
И в запахе твоем пить вечно буду я
Давно минувших дней невинное наследство.

Неистребимы в нас воспоминанья детства!

494. РЕЗНАЯ ДЕВА НА НОСУ КОРАБЛЯ

Изваяна ножом, вслед за бушпритом черным,
Она, девичий лоб подставив всем ветрам,
Свой начала полет. Как полотняный храм,
За ней могучий бриг скользит рабом покорным.

Морская синева горит в глазах у ней,
А ноздри полнятся бодрящей свежей солью,
Она летит вперед, к безбрежному раздолью,
Глотая жадным ртом дыхание морей.

С тех пор как в первый раз, разрезав вал белесый,
Покинул новый бриг родные стапеля
И взвились паруса по мачтам корабля,
«С ней хоть на край земли!» — воскликнули матросы.

В тот день с Неведомым вступила в брак она,
И Случай с этих пор ее подстерегает.
К каким она морям и берегам — кто знает? —
В пыли соленых брызг лететь обречена?

Ей видеть суждено вздыхающие волны,
Полудня золото и серебро ночей,
Мечтать о гаванях, заливах средь ветвей,
Когда весь океан вскипает, гнева полный.

Всё испытать в пути: ветров унылый плач,
Жару и холода, экватор, круг Полярный,
И плечи напрягать под ношей благодарной
Сияющих небес на острых пиках мачт.

За чайками летя, скользя вокруг планеты,
В водовороте бурь и в сонной тишине,
Она ведет свой бриг к той сказочной стране,
Куда всегда летят мечтаньями поэты.

И ей неведом страх средь этих волн крутых
Лицом к лицу с врагом, коварным и суровым,
Но не венком она украшена лавровым,
А памятью тревог и бурь пережитых.

Когда, уйдя от бурь в их дерзком постоянстве,
От штиля, что жарой над гладью распростерт,
Она, уставшая, в родной вернется порт,
Вся в ожерелье брызг, как в перлах дальних
странствий,

Пусть дольше в памяти тропических зыбей
Живет ее лицо с тревогой неизменной,
Чтоб стать отныне ей последнею сиреной,
Чей взор яснее дня и моря голубей.

О, если б я сама резною Девой стала,
Покинувшею порт на утренней заре!
Я ей завидую, скиталице-сестре,
В обрывках трав морских и веточках коралла.

Я б вызов бросила и штилям и штормам
В сетях Реального, в морях Воображенья, —
Ведь странствия — живой источник вдохновенья,
Они огнем мечты взор зажигают нам.

Как я хотела бы стать Девой-изваяньем,
Чья грудь в купели волн и пены рождена,
Чье сердце радостью насыщено до дна,
А жизнь вся отдана тревогам и скитаньям!

Жак Тишнеп

495. ТЩЕТНОСТЬ

Я на песке пишу признанье,
Чтоб был, хоть зна́ком, сохранен,
Как вечное воспоминанье,
Здесь пережитый мною сон.

Я замечаю туч скопленье,
Мной пойманное на лету,
Чтоб сохранить изображенье,
Запечатлевшее мечту.

Для лиры с нежною душою
Надежный гроб я сколотил,
Чтоб унесла она с собою
Весь бред тех мест, где я любил.

Но всё проходит, гибнет вскоре:
С ветрами тучам не дружить,
Пески волною смоет море
И мне, как прежде, не любить!

496. ОСЬ

На колесо взгляни. Вокруг оси оно
Вращается. Стиху вот так же суждено
Поставить в центре Мысль, чтоб во вращенье голом
Поэзия была ей должным ореолом.
Чтоб колесу себя рассыпать не пришлось,
Его от всех безумств удерживает ось.
Оно своей оси не может быть умнее.
Искусство подчинить должно себя Идее.

Гийом Аполлинер

497

Я слушаю шумы столицы,
И, пленник глухой полутьмы,
Я вижу, как небо косится
На голые стены тюрьмы.

Дни тратятся даром, без цели,
И лампы порядочной нет,
Со мной в этой сумрачной келье
Лишь разум — немеркнущий свет.

498. ОТКРЫТКА

Я пишу тебе из траншеи
В угасании летнего дня,
При закате, что, розовея,
Всё хранит еще отблеск огня,
Но, померкнув под гром батарей,
Уж не радует больше меня.

499. КОШКА

Хотел бы я иметь в дому своем
Жену с веселым сердцем и умом
И кошку, друга книг, в спокойном кабинете —
Вот спутники мои в пути земном,
Без них мне б не хотелось жить на свете!

500. ПАВЛИН

Надув надменно грудь, павлин
Свой распускает хвост во всем параде.
Среди красавцев птиц — он властелин,
Когда его не видишь сзади.

Поль Элюар

501. СВОБОДА

На школьных тетрадях,
На партах и на деревьях,
На песке, на снегу
Я пишу твое имя.

На полях прочитанных книг,
На всех белых страницах,
На камне, на пепле остывшем
Я пишу твое имя.

На цветных иллюстрациях,
На оружии воинов,
На королевских коронах
Я пишу твое имя.

На джунглях, песках пустыни,
На гнездах и травах,
На отсветах детства
Я пишу твое имя.

На чуде ночного неба,
На хлебе нашем насущном,
На сменах года, покорных надежде,
Я пишу твое имя.

На всех обрывках лазури,
На солнечном тинном пруду,
На лунных живых озерах
Я пишу твое имя.

На лугах, на черте горизонта,
На птичьих крыльях
И на мелькании тени
Я пишу твое имя.

На каждом разливе зари,
На море и лодке рыбачьей,
На вершине безумной горы
Я пишу твое имя.

На пенной гряде облаков,
На каплях грозы,
На густом и бесцветном дожде
Я пишу твое имя.

На сверкающих образах,
На симфонии красок,
На правде, всем ясной,
Я пишу твое имя.

На оживленных тропинках,
На широких дорогах,
На площади людной
Я пишу твое имя.

На лампе, едва зажженной,
На лампе, которая гаснет,
На блоках зданий
Я пишу твое имя.

На разрезанном яблоке,
На зеркале моей спальни,
На опустевшей своей кровати
Я пишу твое имя.

На ушах моей собаки,
Всегда торчком стоящих,
И на лапах неуклюжих
Я пишу твое имя!

На созвучном мне теле,
На лице друзей, мне близких,
На каждой протянутой мне руке
Я пишу твое имя.

На пороге моей двери,
На вещах моего быта,
На священном пламени мысли
Я пишу твое имя.

На окне в неизведанный мир,
На губах с печатью вниманья, —
Много выше молчанья —
Я пишу твое имя.

На уже отслуживших убежищах,
На рухнувших моих надеждах,
На стенах моей тоски
Я пишу твое имя.

На отсутствии желаний,
На голом одиночестве,
На ступенях смерти
Я пишу твое имя.

На вернувшемся здоровье,
На исчезнувшей опасности,
На надежде без воспоминаний
Я пишу твое имя.

И во имя власти слова
Я вновь начинаю жизнь.
Я родился, чтобы узнать тебя
И чтобы тебя назвать —
Свобода!

Жак Превер

502. СЕНА ВСТРЕЧАЕТ ПАРИЖ

Кто она,
Всегда в Париже моем,
Чья неустанно струится вода
И ускользает из глаз навсегда?

«Это — река!» —
Отвечает ребенок,

Вечный разгадыватель загадок,
С загоревшимся взглядом.
«Эта река называется Сеной,
И называется город Парижем,
И эта Сена совсем живая,
Потому что она то бежит, то идет,
И спешит, коль подходит вечер.
Весной она замирает и дремлет
И как зеркало смотрит на вас.
Плачет Сена, коль плачете вы,
И старается вас утешить улыбкой,
И трепещет от смеха, когда
Отражается в ней июньское солнце».

«Сена, — кот говорит, —
Это кошка, подружка моя,
Что мурлычет, ласкаясь.
Иль, быть может, то шустрая мышка,
Что играет со мной, ускользнув из лапок?»

«Сена — это красавица давних времен,
Сена — это плясунья ночных кабачков», —
Говорит старик, поживший на свете,
Джентльмен нищеты,
И, следя за вскипающим следом
Шаланды, такой же старой, как и сам,
Вспоминает галантные призраки прошлого,
Милые сердцу тени шелками шуршащих времен.

«Сена, — так говорит человек рабочий,
Труженик вечный, чьи руки в поту и мозолях, —
Сена — это подобье завода,
Сена — это труд неустанный,
Вечный рычаг от истоков до устья,
Движущий бочки с вином, пшеницу и уголь,
Что приливают и снова отходят вместе с рекою,
Повинуясь капризным дыханиям Биржи.
Это — сокровище битых бутылок и банок,
Это — богатство железного ржавого лома,
Старых измятых железных кроватей,
Всё, что годится еще беднякам.
Сена —
Это фабрика, склад,
Даже когда она дышит прохладой,
Сена — всегда это Труд!»

«Сена — журчание песенки, чистый родник,
Голос ее — это юности светлой начало», —
Девушка так бы сказала,
Девушка старых парижских кварталов,
И повторила б за нею другая,
Сердцем влюбленным теченье реки провожая.

«Сена!
Знаю ее, словно сам ее сделал! —
Скажет о ней кочегар речного буксира,
В зареве топки пропитан мазутом,
Солнцем и дымом. —
В голову блажь ей приходит порою
И называет она эту блажь — наводненьем.
К утру — глядишь — она дрыхнет, словно сурок,
И в те минуты — ровнее паркета,
Скромная, томная, властно-безгласно-опасная,
Льнущая в смутных мечтах к ступенькам крутым
парапета.
Вот какая она —
Вечно-капризная, нежно-коварная,
Томно-ленивая, неблагодарная...
Вся ее жизнь — перед вами!»

«Сена — река, как другая любая река! —
Разочарованно скажет месье,
Корректный, пресыщенный,
Пастеризованный скептик речных пароходов,
Завсегдатай маршрутов туристских. —
Есть тут мосты, парапеты и доки,
В сточных клоаках утопленник всплывает — если
Только не труп какой-нибудь дохлой собаки.
Есть рыболовы с удилищем длинным,
Которые здесь ничего никогда не поймали...
Словом, река как река —
И я первый о ней сожалею...»

Слушает Сена всё это с улыбкой
И, напевая, вперед продолжает стремленье.
Да, река как река, как все эти реки другие,
То же теченье, такое же точно теченье,
Теченье, теченье,
Путь свой начавшее от ледников и потоков,
От подземных пещер, от снегов, что тают на солнце,
От облаков, уносимых ветрами.

Да, река как река, как другие все реки,
Гвадалквивир,
Амазонка иль Мозель,
Темза, Рейн или Нил.
Словно река, что зовется Любовью,
Сена поет каждой своею струей,
И звездной полночью вторит ей нежно
Млечных путей и созвездий серебряный голос,
Смешанный с гулом Парижа и лязгом железа.

Слушая нежный тот голос,
Красавицы Сены журчанье,
Ее голубиное воркованье,
Так говорит завсегдатай откосов прибрежных,
Парень-поденщик с причалов Райэ:
«Сена, река любви!
В лодке качаясь, я слышу твой ласковый шепот,
Нет, ты не только река —
Ты сама Любовь для меня,
Моя Сена,
Мой праздник,
Мой мир целиком
И отдых всей моей жизни!
Лувр, Тюильри, Нотр-Дам,
Эйфеля башня и обелиск,
Лионский вокзал и другие вокзалы —
Вот мои замки Луары!

Сена, —
Ривьера моя.
Я ее турист неизменный,
Если порой она стонет,
Холодная, голая,
В страхе перед неведомым,
Было б нечестно мне вспоминать
Дни нищеты на ее берегах,
Дни отчаянья!
Всё в себе совмещает она —
И сказки фей, и кошмары.
Когда,
Здесь, под Новым Мостом,
Ветер задует свечу моей жизни,
Когда все земные покончу я счеты,
Когда наконец обрету я последний покой,

Там, в чертогах лежащих безмолвно рядами,
На кладбище Пер-Лашез,
Я улыбнусь и скажу:

«Была когда-то Сена,
Да, была, была...
Была когда-то Любовь,
Были радость и горе,
И были всё же минуты забвенья...

Была когда-то Сена,
И Жизнь когда-то была...»

Эмиль Верхарн

503. ЗВОНАРЬ

Как рев слепых быков среди тумана,
Пронесся низко в ужасе ночном
Вой урагана,
И вдруг сверкнувшей молнии излом
В собор ударил своевольно —
И загорелась колокольня.

Старик звонарь, крича от страха,
Схватил веревки; бьет с размаха
В набат,
И звуки колокола в ночь летят,
Отчаянные, грозовые,
Врываясь ритмом в гул стихии.

Собор
Под призрачными небесами
Огня кидает сноп живой,
Вздымая над простором пламя.
Весь город озарен ночной,
Везде испуганные лица,
Народ на улицах толпится,
И стен дремавших чернота
Вдруг в окнах кровью залита.

Старик звонарь в простор полей безгласных
Кидает меди звон, безумный и ужасный.

Собор
Растет, в ночи шатаясь темной,
Охвачен пламенем огромным,
Над ширью рек, полей, озер,
И сорванные черепицы,
Раскалены, летят, как птицы,
В глухую тьму, в ночной простор.

И, словно выхватив из тьмы строенья,
Огонь в полете множит разрушенья.
Церковный свод обрушился, и крест
Свои надломленные руки
Вдруг опустил под гнетом муки.

Старик звонарь трезвонит что есть сил,
Как будто бог его горит средь алых крыл.

Собор,
Взвивая пламени водоворот
И руша с грохотом каменья,
Горит. Огонь до башни достает,
Где пляшет колокол, кричащий в исступленье.
Толпа ворон и сов,
Слетаясь изо всех углов,
В закрытые окошки бьется,
Сгорая на лету, и в пустоту колодца
Вдруг падает, сквозь дым и гром.
Обугленным комком
К ногам толпы, окоченевшей в страхе.

Старик звонарь глядит, как пламя в вихре гула
К колоколам уж руки протянуло.

Собор
Багряным кажется кустом,
Чьих веток огненных цветенье
Весь остов оплело в неистовстве своем.
Огня гигантское растенье
Вздымается до сводов голых,
Где, с брусьев свесившись тяжелых,
Колокола кричат в безумье, в исступленье.

Старик звонарь звонит о том, что может пламя
Похоронить его с колоколами.

Собор
Сквозь этот грохот, там,
В дыму, ползущем по камням,
Вдруг раскололся пополам.
И смолкло всё, притихло пламя.
Оно не страшно уж домам.
А башня черная слегка
Качнулась, будто от толчка,
И слышно было, как скачками
Колокола, катясь с камнями,
Гремя, вонзились в грудь песка.

Старик звонарь уже был мертв.

И колокол его собой
Прикрыл, как крышкой гробовой.

⟨1955⟩

504. КОРАБЛЬ

Мы мирно курс ведем под звездными огнями,
И месяц срезанный плывет над кораблем.
Нагроможденье рей с крутыми парусами
Так четко в зеркале отражено морском!

Ночь вдохновенная, спокойно холодея,
Горит среди пространств, отражена в волне,
И тихо кружится созвездие Персея
С Большой Медведицей в холодной вышине.

А снасти четкие, от фока до бизани,
От носа до кормы, где светит огонек,
Доныне бывшие сплетеньем строгой ткани,
Вдруг превращаются в запутанный клубок.

Но каждый их порыв передается дрожью
Громаде корабля, стремящейся вперед;
Упругая волна, ложась к его подножью,
В широкие моря все паруса несет.

Ночь в чистоте своей еще просторней стала,
Далекий след кормы, змеясь, бежит во тьму,
И слышит человек, стоящий у штурвала,
Как весь корабль, дрожа, покорствует ему.

Он сам качается над смертью и над бездной,
Он дружит с прихотью и ветра и светил;
Их подчинив давно своей руке железной,
Он словно и простор и вечность покорил.

⟨1955⟩

Джордж Байрон

505. К ЭММЕ

Пора тяжелая настала
Для наших любящих сердец.
Ты едешь, счастье миновало,
Прощанья час. Всему конец.

Тебя в печальное мгновенье
Я провожаю в дальний путь,
Оставив горечь сожаленья
О том, чего уж не вернуть.

Мы вспомним мирные долины
С отрадой нежной и тоской
И замка дряхлые руины,
Куда взбирались мы с тобой.

Здесь нам в готические окна
Сияло озеро вдали,
Мы, провожая туч волокна,
Слез удержать уж не могли.

Вот роща, где с тобой, бывало,
Мы в детстве бегали, резвясь,
Где ты так мирно отдыхала,
Мне головой на грудь склонясь.

Я на тебя глядел, счастливый,
Твой сон я ласково стерег,
За мотыльком следя ревниво,
Что милых мне коснулся щек.

Вот пруд, разлившийся широко.
О нем не вспомнишь, не скорбя.
Вот вяз, вознесшийся высоко,
Куда влезал я для тебя.

Счастливых мест не видеть боле,
Уедешь ты — пропал и след.
Один бродить я буду в поле,
Где без тебя мне счастья нет.

Как пережить нам расставанье?
В слезах разлуки, в горький час
Мы говорим слова прощанья
Всему, что дорого для нас.

Что горше этого томленья,
И слезы льются через край.
Слова любви в миг разлученья
Твержу я: «Милая, прощай!»

506. О, ЕСЛИ В СУЕТЕ ДНЕВНОЙ...

О, если в суете дневной
Утрачу я твой образ милый,
В час одинокий, в час ночной
Он возвратится с прежней силой.
В печальный, тихий час ночной
Я облик твой увижу снова
И всё, не сказанное мной,
Вложу в таившееся слово!

Прости, порой среди чужих,
Смеясь, беспечным я бываю
И в суете речей пустых
Тебя как будто забываю, —
Но ты не верь моим словам,
Тебе забвением грозящим,
Я не хочу отдать глупцам
Хоть вздох, тебе принадлежащий!

Пусть наливают мне вино,
Что топит скорби и обеты,
Пусть страшной силою оно
Напоминает воды Леты,

И пусть от горя моего
Оно сулит освобожденье, —
Я наземь выплесну его,
Чтоб никогда не знать забвенья!

Когда бы я тебя забыл
Средь суеты толпы мишурной,
Кто б слезы горестные лил
Перед покинутою урной?
Нет, дело гордости моей —
В душе хранить твой образ свято
И средь забывчивых друзей
Тебе быть верным, как когда-то.

Я знал души твоей привет
И нежное твое участье
К тому, кто сам в юдоли бед
В одной тебе увидел счастье.
Тобою жизнь моя светла —
Пусть я души твоей не стою:
Небесной слишком ты была,
Чтоб страстью здесь дышать земною!

⟨1967⟩

Роберт Саути

507. ЕПИСКОП БРУНО

Епископ Бруно пробудился вдруг
И слушает смятенный сердца стук;
В глухой ночи ему приснился сон:
Гудел над ним заупокойный звон.

Епископ смехом гонит страхи прочь,
И новый сон к нему низводит ночь:
У черных стен стучится он теперь,
А Смерть ему приоткрывает дверь.

Он в ужасе встает от ложа сна —
Сова кричит у черного окна;
Теперь ему заснуть еще трудней,
Он рад был свету утренних лучей.

Одет епископ в бархат и багрец,
Идет он в императорский дворец,
Великолепной свитой окружен,
Как ни один в Германии барон.

Выходит стража перед ним вперед,
Народ на площади без шапок ждет —
Все на епископа пришли взглянуть,
Но ни один не молвил: «Добрый путь!»

А он идет, храня надменный вид.
Вдруг чей-то голос громко говорит:
«Епископ Бруно? Весел жребий твой,
Но не забудь, что встретишься со мной!»

Вперед, назад, у локтя своего
Смотрел он и не видел никого,
Но в холоде душа едва жива:
Епископ ясно слышал те слова.

Когда привратник повернул засов,
Он Смерть свою увидеть был готов,
Услышать вновь его душа ждала
Заупокойные колокола.

Он гонит страх из сердца своего —
Сам император чествует его:
Средь лучших яств на стол принесено
В графинах круглых красное вино.

Епископ яства стал благословлять.
Вдруг тайный голос говорит опять:
«Вино сверкает в кубке пред тобой,
Но знай, епископ, ты сидишь со мной».

Епископ стал бледнее полотна;
И он уже не требует вина,
Непобедимым ужасом томим,
И яства остывают перед ним.

Вот понемногу он в себя пришел,
Он весело оглядывает стол,
Позабывая свой недавний страх,
И пьет вино с румянцем на щеках.

Но сам за императорским столом
Он всех грустней и тише. Лишь потом,
Когда ворвались маски в гулкий зал,
Он всех шумней и веселее стал.

Опять за маскированной толпой
Был слышен голос резкий и глухой:
«Епископ, ты провел веселый день,
Но ты со мной сойдешь в ночную сень».

Епископ вздрогнул; слезы очи жгут,
И вкруг тонзуры волосы встают,
Лицо епископа белей, чем снег;
К нему подходит в маске человек.

Дотронулась костлявая рука,
И ледяная смертная тоска
В единый миг по жилам протекла,
И пал епископ мертвым у стола.

⟨1922⟩

508. КОЛОДЕЦ СВ. КАТЕРИНЫ

Колодец на западе Англии есть —
  Краса потаенной долины,
И знают все женщины в этой стране
  Колодец святой Катерины.

Дуб старый и гордый поднялся над ним,
  И ясень разросся красиво,
И, с вязом могучим сплетая листы,
  Склонилась плакучая ива.

Однажды прохожий к нему подошел,
  От долгой дороги усталый, —
С рассветом он вышел и шел целый день,
  А чистое небо пылало.

Он выпил холодной, прозрачной воды,
  Измученный жаждою жгучей,
И ближе к святому источнику сел
  Под вязом у ивы плакучей.

Из ближней деревни с ведром человек
  Сошел зеленеющим склоном
И путника, с краю поставив ведро,
  Приветствовал низким поклоном.

«Женат ли ты, путник? — крестьянин спросил. —
  Коль есть на то милость Господня,
То самый счастливый ты выпил глоток
  Во всей своей жизни сегодня!

А если твоя побывала жена
  Среди Корнваллиской долины,
Она зачерпнула, клянусь головой,
  Водицы святой Катерины».

«Жена моя дома и здесь не была, —
  Прохожий не медлил с ответом, —
Но разве от этого лучше глоток,
  В колодце почерпнутый этом?»

Крестьянин ответил: «Служил я не раз
  Святой Катерине в угоду.
И прежде чем ангел восхитил ее,
  Она закляла эту воду:

Коль раньше жены догадался супруг
  Глотнуть из святого колодца,
Счастливец — отныне в семействе своем
  Хозяином он остается.

Но если успела напиться жена —
  Пусть просит он помощи божьей».
И снова холодной воды зачерпнуть
  Склонился к колодцу прохожий.

«Но ты-то, конечно, — он парня спросил, —
  Ты пил пред своею женою?»
А тот улыбнулся при этих словах
  И робко поник головою.

«Я после венчания, бросив жену,
  К источнику кинулся пылко,
Да только хитрей оказалась жена:
  Пришла уже в церковь с бутылкой».

⟨1922⟩

Роберт Браунинг

509. МЫСЛИ НА ЧУЖБИНЕ О РОДИНЕ

Ах, быть бы дома, в Англии,
Когда цветет Апрель!
Тот, кто проснулся в Англии,
Вдохнув весенний хмель,
Тот может видеть, как в рассветный час
Нежданной зеленью покрылся вяз
И зяблик сыплет трели средь ветвей
Там, в Англии моей!

Сменив Апрель, и Май уж тут как тут,
Уж ласточки и славки гнезда вьют.
Взгляни, как груша около реки
На клевер осыпает лепестки,
Как светится роса, ручей течет,
А дрозд мой дважды песенку поет,
И знают все, что так тому и быть,
Что свой восторг он может повторить!

510. УТРАЧЕННАЯ ЛЮБОВЬ

Итак, всё кончено. . . Слова любви
Не обещают больше ничего.
«Прощай!» — чирикают нам воробьи
Из-под застрехи дома твоего.
А в почках виноградная лоза —
Я сам увидел это в первый раз —
Вот-вот готова распахнуть глаза,
И красный цвет стал серым вдруг для нас.
Как встретим утро мы, любовь моя?
Позволь твою мне руку нежно взять,
Ведь мы — друзья. Но лучшие друзья
Хранят всё то, что должен я терять.
Хотя сверканье черных глаз твоих
Я сохраню на долгие года,
Хоть голос твой в ромашках молодых
Останется со мною навсегда,

Как подобает дружбе, я скажу
Чуть больше, провожая в дальний путь,
Как все, твою я руку задержу,
Как все, иль даже дольше — так, чуть-чуть...

Вильям Батлер Йитс

511

Если к вам подкралась старость, голова у вас седая
И вздремнулось у камина, то раскройте книгу эту,
Не спеша ее читайте, дни былые вспоминая,
Дни, когда ваш взгляд туманный был открыт не тьме, а свету.

Да, в вас многие ценили сердца радостность и ясность,
Красоту любили вашу — вдохновенно иль притворно, —
Но бродячую в вас душу лишь один любил так страстно,
Что она его пленяла даже в дни печали черной.

И, склоняясь над вечерним, догорающим камином,
Прошепчите с легкой грустью, что любовь та улетела
В край далекий, край нагорный к ледяным его вершинам
И свой ясный лик укрыла там, где звездам нет предела.

512

Если б в небесный я плащ был одет,
Вытканный золотом и серебром,
В голубоватый и дымчатый свет
В этом сиянье дневном и ночном,

Бросил его бы я под ноги вам,
Но я богат лишь мечтой красоты,
Я положу ее к вашим ногам —
Тише ступайте — ведь это мечты!

513. ОЗЕРО ИННИСФРИ

Вот я встану и отправлюсь к Иннисфри, к его лазури,
Там я хижину построю из простой ирландской глины,
Посажу бобы на грядке, а в саду поставлю улей,
Буду жить один в долине, где не молкнет гуд пчелиный.

Там найду я мир, который утро льет с одежд в тумане,
В час кузнечиков звенящих, в час их тихих перекличек,
Полночь там вся в звездном блеске, полдень в солнечном сиянье,
Вечер трепетом наполнен крыльев славок и синичек.

Вот я встану и отправлюсь, чтоб всегда, и днем и ночью,
Слушать, как лепечут глухо волны озера родного,
Здесь, на каменной дороге, это вижу я воочью,
В сокровенной глуби сердца неотступно слышу снова...

С НЕМЕЦКОГО

Генрих Гейне

514. КАРЛ I

Угрюмый, сидит король в лесу,
В избе дровосека дальней,
Качает чужого ребенка он,
Качает, поет печально:

«Спи, мальчик! Кто там в соломе шуршит?
Овечки заблеяли где-то.
Недобрый знак на лбу твоем,
И страшно смеешься во сне ты.

Спи, мальчик милый! Кота уже нет,
Ты мечен пророческим знаком,
Вот подрастешь, возьмешь топор;
Деревья охвачены мраком.

Уж прежней веры в народе нет,
Не верят простые дети —
Спи, мальчик! — ни в бога, ни в короля
И ни во что на свете.

Кота уже нет. Раздолье мышам.
Насмешкой для черни сонной
Мы стали. — Спи, мальчик! — на небе бог,
Здесь я, король ваш законный.

Мой дух угас, на сердце боль,
И жизнь подходит к краю.
Спи, сын дровосека, будешь ты
Моим палачом, — я знаю.

В твоей колыбельной я смерть пою.
Спи, мальчик мой! Не жалея,
Седые ты волосы срежешь мне,
Топор приподнят над шеей.

Спи, мальчик! Кто там в соломе шуршит?
Наездник леса и пашен,
Ты голову мне снесешь долой,
А мертвый кот не страшен.

Спи, мальчик! Кто там в соломе шуршит?
То овцы блеют спросонок.
Кота уже нет, раздолье мышам.
Спи крепко, мой палачонок!»

⟨1931⟩

515. СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ

Много женщин — много блошек;
Много блошек — много боли;
Блошки жалят понемножку,
Ты же терпишь поневоле.

Мстят они неблагодарно,
Ночью хочешь улыбнуться
И обнять — они коварно
Всей спиною повернутся.

⟨1931⟩

Фердинанд Фрейлиграт

516. ПИРАТСКИЙ РОМАНС

1

Вождь-гяур, грабитель ярый,
У фок-мачты отдыхает.
Пепел гаснущей сигары
Он стряхнуть позабывает.

Да, вполне свою сигару
Мог забыть ты, кастильянец,
Слыша голос под гитару
И прелестный видя танец!

Шелк клубя благоуханный,
Привезенный из Китая,
Веселит твой взор Хуана,
В пляске с боцманом летая.

Ножки чертят арабески,
Проносясь под парусами,
И на поясе подвески
Блещут рядом с жемчугами.

Щечкам любо разгораться
Ярче роз в садах Севильи,
С белых плеч ее струятся
Складки легкие мантильи.

Локон сеткой сжат зеленой.
И, забыв про струн бряцанье,
Двое мавров, слуг влюбленных,
Погрузились в созерцанье.

А на реях, на лафетах
Восхищенные пираты.
Не фитиль, а кастаньеты
У парней в руках зажаты.

Мавритенок ей гитару
Подает с огнем во взоре,
И романс о Сиде старый,
О бойце Кампеадоре

Всем поет она — о башнях,
О садах Гвадалквивира,
Шумных празднествах всегдашних
В дни веселия и мира,

О голубизне залива,
Где их парус крылья склонит,
Где ленивый и счастливый
Мирно дремлет лаццарони,

И о Риме, о Милане,
Где в засаде ждут бандиты...
Капитан, очнись! В тумане
Беды многие сокрыты!

2

В Средиземном море в руки
Взяли власть сыны пророка.
Тихо крадутся фелуки...
Им нужны рабы в Марокко.

Песнь Хуаны не допета.
Абдулле везде дорога.
Блещут копья Магомета:
«Нету бога, кроме бога!»

Залп по кораблю! Как пламя,
Пусть клинков сверкнут полоски!
К борту борт сцепясь крюками,
Перекидывайте доски!

Пусть гяуры наготове —
Все падут в бою напрасном!
Что кафтанам пятна крови?
Это красное на красном!

Бог велик! Гяуры смяты.
Шейх погиб в кровавом деле.
Крепко связаны пираты,
Те, что в схватке уцелели.

Рабства их страшат угрозы.
Эй! Хуана ждет, рыдая...
Госпожа! Ты вытрешь слезы
Тканью пестрою Китая!

Пред тобой в песках Марокко
Пальмы встанут, взор печаля.
Солнце там палит жестоко
Крыши плоские сераля...

Но трехмачтовый в тумане
Поднялся корабль нежданно...
На мешок пиастров станет
Легче вновь казна султана!

⟨1956⟩

Янка Купала

517. Я НЕ ПОЭТ

Я не поэт — нет, избавь меня, боже!
Славы такой не ищу я нимало.
Но песню сложить я сумею, быть может,
И просто зовуся: Янка Купала.

Слава поэтов ласкала на свете,
Много им песен хвалебных слагала...
Тихо пою я — кто тихих приметит?
Ведь я из деревни — Янка Купала.

В каждой стране, вдохновеньем согрето,
Слово певца о народе звучало.
У белорусов же нет и поэта.
Пусть уж им будет хоть Янка Купала!

Он незадачливый, тихий, несмелый,
Горькая доля его воспитала.
Слезы, обиду и горе век целый
Только и знал он — Янка Купала.

Песню сдружил он с той речью убогой,
Которая только насмешки снискала,
Пусть ее судят надменно и строго, —
Вот, скажут, выдумал Янка Купала.

Счастье так редко над миром восходит,
Нам оно светит так скупо, так мало.
Счастье увидев в родимом народе,
Сам бы стал счастлив Янка Купала.

Долго не цвесть этой песенной силе,
Смерть стережет нас, и дней у нас мало.
Спросит прохожий: «Кто в этой могиле?»
А надпись ответит: «Янка Купала».

⟨1948⟩

518. МУЖИК

Что я мужик — все это знают
И сплошь да рядом — свет велик —
Меня насмешкою встречают —
Ведь я мужик, простой мужик!

Читать, писать я не умею,
Не очень гибок мой язык.
Я всю-то жизнь пашу да сею —
Ведь я мужик, простой мужик!

Трудом я хлеб свой добываю,
Нередко слышу брань и крик
И вовсе отдыха не знаю —
Ведь я мужик, простой мужик!

Жена в лохмотьях, плачут дети,
Сам без сапог ходить привык.
Век без гроша живу на свете —
Ведь я мужик, простой мужик!

Залиты горьким потом очи.
И молод я или старик,
Тружусь весь день, как вол рабочий, —
Ведь я мужик, простой мужик!

В болезнях, в бедности страдаю
И сам себя лечить привык.
Я вовсе доктора не знаю —
Ведь я мужик, простой мужик!

Уж видно, я повинен сгинуть,
Как в темной чаще лесовик,
И псом бездомным мир покинуть —
Ведь я мужик, простой мужик!

Но если жить я долго буду,
Коль будет жизни путь велик,
Вовек я, братья, не забуду,
Что человек я, хоть мужик!

И тот, кто жизнь мою узнает,
Услышит только этот крик:
Хоть мною каждый помыкает,
Я буду жить — ведь я мужик!

⟨1950⟩

Якуб Колас

519. НА ЗАПАД

Рассыпался туч медно-красный убор,
На запад уносится вдаль.
А я озираю безмолвный простор,
И в сердце такая печаль!

Летучие тучи,
Краса вы природы,
Сроднился я с вами
В далекие годы.

На крыльях ветров расстилая руно,
Я вижу — застыли они,
Как марево, сон, что приснился давно,
В былые осенние дни.

Лохматые тучи,
Куда вы плывете?
Ой, много простора
Вам в этом полете!

Стою и смотрю я на небо, где лег
Их путь по полям голубым.
Волнуют и манят просторы дорог
На запад, к границам моим.

Курчавые тучи,
Куда вы летите?
Родимому краю
Мой клич донесите!

Горюет мой край под жестокой пятой...
Он в горькой беде изнемог.
Мой дуб сиротою стоит над рекой
И ветви простер на восток.

Грозовые тучи
Сверканием бури,
Обрушьтесь на катов
С небесной лазури!

Висит над лесами в родимом краю
Пожарища душная мгла.
Печать непокорства в смертельном бою
На душу народа легла.

На запад, на запад
Несите удары
И вражеской кровью
Залейте пожары!

(1948)

С ЛАТЫШСКОГО

Ян Райнис

520. СЛОМАННЫЕ СОСНЫ

Сломил беспощадно ветер злой
Высокие сосны на дюне морской.
Их взоры стремились до края земли, —
Скрываться и гнуться они не могли.

«Враждебная сила сломила нас,
Но битва не кончена и сейчас.
Ведь в каждой ветке отпор живет,
И в каждом стоне — порыв вперед!»

И сосны, хотя и сломило их,
Плывут кораблями средь волн морских.
Идут против бури грудью крутой,
И снова с волной закипает бой.

«Враждебная сила, волну вздымай —
А всё ж мы увидим счастливый край!
Ты можешь сломить нас, щепой разметать —
Достигнем мы дали, где солнцу вставать!»

⟨1953⟩

521. В ВЕЧНОМ СОЗВУЧИИ

Кто повредить мне может?
Тверда душа моя.
О нет, я не исчезну,
Хотя бы умер я!

С широким шумом моря,
Когда леса гудят,
С медноголосой бурей
Всегда пою я в лад.

Я с тучами, с грозою
Звучу одной струной,
С потоком, что о берег
Бьет пеной снеговой.

Когда с востока ветер
Летит заре вослед,
Я вам с его дыханьем
Шлю утренний привет.

Когда же гаснет солнце
И затихает дом,
Заря меня скрывает
Померкнувшим плащом.

Кто повредить мне может?
Тверда душа моя.
О нет, я не исчезну,
Хотя бы умер я!

⟨1953⟩

522. СЛЕЗЫ И КРОВЬ

Я пою слезами вам и кровью,
Воплями войны, предсмертным стоном...
Песни прежние грозою смыты,
Кровь течет ручьями, листья кружит.
Нежные любви признанья
Не слышны за плачем ветра,
Золотое кукованье стихло.
Журавли кричат, летя далёко...

⟨1953⟩

523. РАНЫ НАРОДА И ЧЕСТЬ НАРОДА

Для чего свою ты прячешь рану,
Если сквозь повязки кровь сочится?
Ложь речей и власти славословье,
Вымученное твое веселье,
Позолота звезд и пожеланий
И врагу угрозы и проклятья —
Всё на свете
Скрыть не в силах той глубокой раны,
Что сочится тихо кровью сердца.

Ведь она не заживет вовеки,
Болью будет мучить в непогоду
И, когда придет победы радость,
Выдаст всем тебя гримасой боли.
А настанет час с врагом сразиться,
Чтоб борьбу закончить вековую, —
В самый грозный миг рука ослабнет.

Мал твой рост и слишком слабо тело,
Средь больших народов ты — ребенок,
Маленькая девочка-крестьянка.
Пахарь ты, народ трудолюбивый
С мирным нравом и привычкой к дому.
Где герой твой, находящий смелость,
Чтоб не только огрызаться волком
В окруженье своры псов рычащих,
Но и гнать гонителя отважно?

А героев время наступило!..

Где же у тебя герой великий,
У кого в груди живет отвага,
В голове всегда большие мысли,
А в душе всегда большое чувство?

Погибают без конца, без счета
В общей яме, залитые кровью,
Люди с выплаканными глазами.
Не вода в ручьях, а ржавь болота,
Много слез, но больше льется крови.

В час, как шли враги по нашим нивам,
Изрыгая злобные проклятья,
Были золотом их рты набиты,
Сапоги налиты нашей кровью.

Тут конец моей нераткой песне,
Долгой же борьбе конца не видно.

Сказано: презрен народ, который
Неспособен к жертвам ради чести.
Сказано: кто жизнь свою спасает,
Тот ее теряет без возврата.

⟨1953⟩

524. В РЕШАЮЩИЙ БОЙ!

Скоро решающий бой развернется меж старым и новым.
Стали раздельно полки, шире сраженья простор.
Зрителя вправо и влево уносит круженье битвы,
Мир рассечен пополам, рвется из трещин огонь.
Если за новый ты мир, то тебе становиться налево.
Время раздумий прошло, о чистоте не жалей!
Слякотью, грязью и кровью запятнан ты будешь —
так надо!
Пламя пройдет по земле, мир раскалит добела.
Вот уж решающий бой развернулся меж старым и новым.
Стали раздельно полки, шире сраженья простор.

⟨1954⟩

Мирдза Кемпе

525. ВЕНОК ИЗ ДУБОВЫХ ЛИСТЬЕВ

Венок из дубовых листьев,
Ты мужества, силы знамя,
И весь от земли и света
Твой темно-зеленый пламень,
Овеянный зноем лета!

Венок из дубовых листьев,
Сплетенный руками братьев!
Ты дышишь спокойной силой,
В свои заключил объятья
Чело ты родины милой.

Венок из дубовых листьев,
Родные цветы и травы!
В колхозах ты — на воротах,
Тобою венчают зданья,
Ты видишь костры Купалы.

Венок из дубовых листьев,
Твой шорох я понимаю:
В нем голос нашей свободы,
Ты блещешь, как сталь литая,
Шумишь, как на ниве всходы.

Венок из дубовых листьев,
Свежее ты год от года,
Светла мне с тобой беседа.
Для доблестных дел народа
Тебя сплетает победа.

Венок из дубовых листьев!

⟨1956⟩

Абай Кунанбаев

526. ВЕСНА

Еще сыростью дышит весенний двор,
Но поля — словно шелком расшитый ковер,
Солнце взором ласкает, как нежная мать,
Позолотой покрыло дорог простор.

Обитатели гор и зеленых низин —
Все приветствуют шумно весну, как один.
И, минутку урвав от забот деловых,
Мило шепчется юность под сенью вершин.

Во дворах блеют овцы и стонет верблюд.
Шмель гудит, свищут птицы и мошки снуют,
И деревья, склоняясь с цветущих лугов,
Смотрят в бурные реки и ласковый пруд.

Утки косо взлетают с прохладных озер,
Дети ищут яичек, чей ярок узор,
Низвергаются беркуты с синих высот
На добычу стремглав, и навстречу к тому,
Кто наполнил отменною дичью суму,
С благосклонной улыбкою дева идет.

На верблюдах увозит товары купец,
Сев в разгаре — томленью зимы конец.
В клокотанье работы — дохода залог,
И уж дарит приплодом стадо овец.

Солнце льет свою милость — живительный свет.
И весь мир, словно в праздник, богато одет.
Кормит травы набухшею грудью земля,
И предела просторам синеющим нет.

Перед солнцем склоняется тихо душа.
Жизнь, лишенная холода, так хороша!
Как волнуется сердце в горячих лучах,
Как трепещет оно, ликованьем дыша!

Солнце скроется — звезды плетут свою сеть,
Всходит месяц — им так никогда не гореть.
На рассвете же, перед разгаром зари,
Все они начинают бледнеть и тускнеть.

Дышат страстным желаньем солнце-жених
И невеста-земля, вся в цветах живых.
И поэтому, только зажжется заря,
Меркнут звезды, невесте-земле не до них.

Ветер шепчется с месяцем, степь шевеля,
И на пиршестве светлом ликуют поля,
Белый траур на свежую зелень сменив,
Улыбается полная счастья земля.

Землю мучил в разлуке мороз и туман,
Но теперь ей возлюбленный в спутники дан.
Поцелуями, ласками утомлена,
Расцвела, засияла она, как фазан.

В очи солнцу глядеть не решаясь в упор,
Растворилась душа в теплоте с этих пор.
И я видел, как солнце, склонясь над землей,
Опускалось, горя, в златотканый шатер.

(1936)

527

Вдоль спины заплетенные косы лежат,
И шолпы отвечают движениям в лад.
Взор под шапкой бобровой — для глаза кумыс.
Нет, такой красоты не встречал еще взгляд!

Бархатистые черные звезды очей
Льют в смятенное сердце потоки лучей.
Что за голос! Улыбка! Как телом нежна!
Кто посмел бы сравниться средь девушек с ней?

Высока, с легкой ножкой, пленительный стан...
Ты другой не ищи средь полуденных стран.
Всё мне кажется, где-то я видел уже
Это зрелое яблоко, нежный шафран.

Если пальцы чуть тронут ее локоток,
В самом сердце почувствуешь крови толчок.
А лицо к ней наклонишь — горячая страсть
Разольется по жилам, как бурный поток.

⟨1936⟩

528

Всем пресытиться может душа,
Только песня всегда хороша.
Если ты вдохновенно поешь —
Грудь ликует, свободно дыша.

Голос мой, заливайся и пой,
Гордых дум пусть закружится рой.
Пусть текут мои слезы ручьем,
Душу всю заполняют собой.

Кто шатается по свету, тот,
Как невежда, меня не поймет.
Только твердый душой человек
Этих звуков услышит полет.

А не вникнет в них — всё равно,
Пусть волнуется сердце одно,
Пусть проверит мои слова:
Живо горе, что село на дно.

Скорбь колышущимся огнем
Подымается в сердце моем,
И умру я, оставив стихи
Лишь для тех, кто поймет их потом.

Кто несчастней меня живет?
Пусть услышит меня народ.
Кому нужно слово мое,
Тот его пускай и возьмет.

Что мне пользы, коль вызовет стих
Восхищенье судей тупых?
Пусть уж лучше найдется одна,
Кто поймет смысл мечтаний моих!

Много вас, но не каждый казах
Разобраться способен в стихах,
Ни познаний у вас, ни ума —
Вам волками бы рыскать в степях.

Вы сердца не хотите раскрыть,
Слухом стих не привыкли ловить,
И лишь поверху ум ваш скользит...
Что ж впустую мне вам говорить!

⟨1940⟩

529

О порыв души огневой,
Твой отточен и меток луч,
Словно молния перед грозой,
Что прорвалась из черных туч.
О язык мой, о пыл стихов,
Непонятен ты для глупцов!

Дерзновенных помыслов пыл
Превратил мой язык в копье,
Чтоб в бою он сил не щадил
И явил искусство свое.
Но по-прежнему спит народ,
И ничто его не проймет.

Слово, понятое умом,
Ускользает, как звук пустой,
Но по жилам течет огнем,
Коль берешь его всей душой.
Люди учат, поют мой стих,
Но он темен еще для них.

⟨1940⟩

С УЗБЕКСКОГО

Алишер Навои

530

На ее щеке девичьей темной родинки пятно,
Каплей амбры на горящем угле кажется оно.

В сердце милой вызвал жалость я жемчужною слезой;
Я — купец, и наживаюсь я на жемчуге давно.

Шах на пиршестве печали — кровью плачу, желт
лицом, —
Так из кубка золотого каплет красное вино.

Сердце просит подаянья уст твоих, но ты скупа.
Почему хотя б надеждой жить сейчас мне не дано!

Приходи, я буду прахом, попираемым тобой;
Вся душа полна страданья, тело муками полно.

Уничтожь в своем сознанье бытие, небытие:
Быть — не быть за гранью жизни — ах, не всё ли нам
равно!

Навои! Ужель пророком пьяной музыки ты стал?
Музыкант, играй на лютне! Виночерпий, лей вино!

⟨1941⟩

Айбек

531. ФРАГМЕНТЫ ИЗ ПОЭМЫ «ГУЛИ И НАВОИ»

1

Вдохновение в час ночной
В нас стихов пробуждает рой,

Окрыленный мечтой поэт
Пишет, пишет, забыв весь свет,

И газелей тех красота
Переходит из уст в уста.

Девы, вспыхнувшие, как тюльпан,
Над газелями клонят стан,

У старух по морщинам щек
Слез-жемчужин бежит поток.

Вдохновенная вязь стихов
Всем мила испокон веков.

Мудр визирь, но от всех невзгод
Как ему оградить народ?

2

Был просторен султана дом,
Мрамор пола покрыт ковром,

И в цветных узорах ковра
Света с тенью слилась игра.

Ослепляют взор их цвета,
Сердце радует красота.

Сколько здесь ковров дорогих,
Чьи же ноги целуют их?

Чьи мечты в их узор легли?
Руки чьи их соткать могли?

Сквозь решеток резной узор
Виден сад и обширный двор,

На дворец, ослепивший глаз,
Смотрит солнце — небес алмаз.

Расцветает фруктовый сад,
Свеж и чист тополей наряд,

Нежно дышит вокруг весна,
Дань с поэтов берет она.

⟨1971⟩

С ЭСТОНСКОГО

Лидия Койдула

532. СЕРДЦЕ МАТЕРИ

Один есть в мире уголок,
Ты и любовь и счастье мог —
Редчайший дар — в нем обрести
На жизненном своем пути.

То сердце матери. Оно
Всегдашней верности полно,
Оно и в радости с тобой,
И в дни, объятые тоской.

Когда людей коварство, ложь
Во всех делах ты их прочтешь,
Узнаешь ненависть к себе,
Презрение к твоей судьбе, —

Лишь сердце матери тебя
Поймет, печалясь и скорбя,
И на груди ее родной
Ты сердце облегчишь слезой.

Друзей, что потеряла я,
Вернуть мне может жизнь моя.
Но сердце матери одно —
Его вернуть не суждено...

⟨1959⟩

533. ПЕСНИ

Песни — это слезы сердца,
Слезы тайные души.
Боль ли в сумраке ненастья,
Дуновение ли счастья
Всколыхнет ручей в тиши, —

Падает волной свободной
Слух ласкающий родник.
Капли в недрах потаенных,
Струйки в зарослях зеленых, —
Что расскажет нам язык?

Лейся, лейся, речка песни,
Сердцу милая струя!
Если кто и улыбнется,
Сердцем песне отзовется —
Счастье вновь узнаю я!

⟨1961⟩

534. ЖАЛОБА

Где народ, хранящий гордость,
Где его живой язык?
Где старинной чести твердость
В тех, кто к горестям привык?
Ванемуйне где, чьи струны
Песнь разносят над землей?
Где сердца, что в стужи юны?
Здравствуй, Ээсти, край родной!

В детстве с матерью, бывало,
По полям родным я шла
И эстонским сердцем знала,
Как мне родина мила.
Для чего мне с ней разлука
Уготована судьбой?
Без тебя не жизнь, а мука,
Край эстонский, край родной!

Жизнь с тобой нас разлучает,
На чужбине я в тоске.

Слова здесь никто не знает
На эстонском языке.
Пролетают птицы мимо
Дома гнезда вить весной...
Ах, когда ж и мы, любимый,
Возвратимся в край родной?

Березняк и луг покатый,
Эмайыги берега,
В роще Таары клад богатый,
Что хранит мужей рука,
Наши песни среди луга,
Вдаль летящие волной...
Ах, в груди мороз и вьюга.
Где ты, где ты, край родной?

Горе в травах здесь ютится,
Бродит грусть в березняке,
На болоте след ложится,
Трудно сердцу петь в тоске.
Брат, как колокол далекий
Над родимой стороной,
Стон мой льется одинокий:
«Сбереги мне край родной!»

⟨1961⟩

Йоле Станишич

535. ГОЛОС УБИТЫХ

Из-под песка говорю, из полусгнивших костей,
рассыпанных в темной пучине.
Волны морские у острых камней
плещутся равнодушно;
рыбы, играя, скользят надо мной,
череп мой задевая.

Всё здесь темно.

Волны шумят, равнодушны и сини,
вытекли очи мои от укола иголок,
лежу я в безмолвной пучине,
свой бесконечный раскинувшей полог.
Мохом заросшие,
ноги мои переломаны, известью стали суставы,
складки упорства, надежды
застыли у рта величаво.
Шел я ко дну сквозь взметенные воды,
рыбы скользили во тьме, чешуей зеленея,
камень тяжелый лежал у меня на груди,
камень висел и на шее.
Ржавчина проволок съела узлы,
камень мне в грудь провалился. . .

Всё здесь темно.

Слушайте, люди!
Полно смотреть на сады и дворцы
и любоваться полетами чаек!
Кто из вас там глаза закрывает?

День обнимается с палачами,
в чаши кровавые им вино и зарю наливает.
Чувствую... тени плывут надо мной,
солнце и неба лазурь поглощаются тьмою,
кровь моя слышит и смех, и веселье
там, наверху,
и в мой подводный песок, в эту тину
доходит ко мне оскорбленье.
Боль и порыв мой смирились,
припоминая и раны, и битвы, и цепи.
Больше ничто у меня не болит.
Что же мне делать и думать о чем?
Что мне поведает полдня сиянье,
если он может смеяться с моим палачом,
смотрит на пальмы, любуется их трепетаньем?
Страшный я слышу голос сейчас, —
скоро ль замолкнет хор палачей?
Время, скажи, дай ответ!
Ждем мы, здесь сотни покоятся нас,
в тине, во мху этих темных глубин.

Всё здесь темно...

Сюда не доходит
нежный румянец рассвета.
С камнем на шее нашли мы могилу.
В ночь, когда волны бурлили,
нас глубоко в эту тьму опустили,
где уже нет и надежд на спасенье,
где нас никто не может увидеть.
Слушайте ж голос из тьмы погребенья, —
пусть, одиночество нарушая,
там он звучит, где лишь темень немая.
Вести ужасные день к нам доносит нередко.
Окровавленную видите руку
С голубем, с мирной оливковой веткой?
Там, наверху, погребают Свободу, —
ищет убийца признания, лавров почета.

О, до каких еще пор
будет голос звучать в этот сумрачный час?
Время, скажи, дай ответ.
Ждем мы. Здесь сотни покоятся нас
в тине, во мху этих темных глубин.

⟨1966⟩

536. ВОРОН

Вороны в этих горах летают кругами.
Домики лепятся, словно орлиные гнезда.
С черными днями сроднился здесь камень...
Ворон из клюва роняет сюда партизанские звезды —
родине милой привет прощальный.
Вороны кружат то ниже, то выше,
крыльями осеняя окон пустые глазницы,
тенью своей покрывая холодные крыши.

Ждут и ждут дома́ сыновей,
вдаль устремляя очи.
Зори здесь смерти бледней,
вороны цветом чернее ночи,
а в карканье их слышится горе
камней Черногории.

Клонит голову ворон, тревогою мучим,
клювом сердито вгрызается в нож,
найденный около черепа в травах колючих,
упорно вгрызается в нож,
который поил его кровью...
Вот он насытился вдоволь,
поднятым клювом пронзает небес высоту,
карканьем смерть проклинает
и вечную перьев своих черноту.
На пастбищах горных не бродят стада,
и ворон слезы роняет
на черные платки матерей и вдов,
на опустошенные очаги.

(1966)

537. ПИСЬМО НАЗЫМУ ХИКМЕТУ

Пять веков черногорцы и турки клинки своих сабель
скрещали.
громоздили паши глыбы башен из наших голов,
с черепами турецкими в Цетине колья стояли,
и, где кровь пролилась, нет поныне ни трав, ни цветов.

До сих пор еще гневом костры в моем крае дымятся,
в битве на Косовом поле не сломлен наш дух боевой,

но звезда Октября и дороги изгнания — братство
принесли нам с тобою и общей сдружили судьбой.

Помню Мамулу, Лопарь, жестокую сеньскую бурю,
стражу смерти я видел на волчьих холодных горах.
И в осином гнезде, там, в застенках на острове Гргуре,
был твой стих для меня песней сердца и саблей в руках.

Этот факел я поднял средь мрака и бурь завыванья.
Ветвь племен непокорных, родной Черногории сын,
верен пламени сердца и предков своих завещанью,
я двадцатому веку скажу: «Этот турок — мой друг, мой
Назым!»

Я на Ловчен высокий хотел бы подняться с тобою,
ввысь, где вечность парит в окруженье полета орлов,
чтоб ты Негоша племя увидел, готовое к бою,
племя камнем рожденных юнаков, поэтов, бойцов.

В тяжкий час испытаний я сердцем твой голос услышал.
Мы все казни, все пытки, весь ужас, всё горе прошли.
В это трудное время сказал ты нам: «Головы выше!»
И стихов коммунистов враги расстрелять не смогли.

Предки гибли мои от турецких кривых ятаганов,
и родные дома пустовали под небом сырым.
Одинокая мать всё тоскует в дождях и туманах.
Я пишу ей: «Теперь не один я, со мною Назым!»

Жаждой мучили нас, убивали в застенках камнями,
кости, ребра ломали, но нас вдохновляла всегда
песнь твоя в эти дни испытаний и черной печали,
непреклонными мы проносили ее сквозь года.

Стройный тополь поет в твоем сердце, а там,
на Босфоре,
ждут тебя твои зори над теплой, лазурной волной.
Я прошел весь Дунай, все теснины мучений и горя,
но родимого явора ветка всё время стоит предо мной.

В одиночке своей всей земли перечислил ты раны.
В смертный час наш звезда нам сияла в сгустившейся
мгле,

сквозь решетки мы видели дерева цвет долгожданный,
зелень свежих ветвей и средь них человека в петле.

След тюремных оков и поныне хранят мои кости.
Помню сыщиков тени, что всюду, как змеи, ползли.
Сколько наших голов на запятнанном кровью подносе,
в тьме полночной таясь, кровопийцы на пир понесли!

И когда тигры злобы в пожарах земли стервенели,
когда в ямах тюремных мы гибли, тонули в крови,
а заря и сады этой пролитой кровью алели, —
в твоей песне свой дом обрела вся планета любви.

За тюремной стеной своим сердцем, звездою высокой,
счастья вольный корабль защищал ты и разума свет,
чтоб они не погибли от войн, бушевавших жестоко, —
ведь за века судьбу в наши дни отвечает поэт!

Птицы медлят в полете, как тучки на ясной лазури.
Утихают вулканы в плену расстояний и дней.
Но сломить не сумеют порывы неправедной бури
вознесенный твой тополь и явор надежды моей.

В море века нам виден в грядущее парус летящий,
и желанной зари всей душою касаемся мы.
Турну-Северин — берег свободы манящий —
звал от Бурсы, от Главнячи, мрачной белградской
тюрьмы.

Я в Констанце стою, где на площади грустный Овидий,
гроздья боли своей я готов обнажить перед ним.
Спали голода цепи, Москву я мечтаю увидеть.
Там, под небом московским, я встречусь с тобою, Назым!

Сталинграду, Байкалу, Неве и широкому Дону
я хочу отнести моей родины жаркий привет.
Я судьбою изгнания тоже подобен Назону
и на руку твою опираюсь по-братски, Хикмет.

Ты грустишь по Стамбулу, а я всё по Зете, по Ибру, —
дух поэзии вольной не служит тиранам земным,
тень Овидия вечно стремится к родимому Тибру,
где стоит отблеск зорь, в куполах отражающий Рим.

(1966)

538. ЖАЖДА ФОНТАНОВ

Фонтан — это взятый в плен источник
из каменных расщелин, из пещеры,
из озера лесного, заключенный
в железных трубах городских бассейнов.
Там где-то травы тщетно просят влаги,
а здесь фонтаны рушатся в бетон
и разбивают грудь свою на брызги,
томясь извечно жаждою свободы.

Они шуршат, они печально стонут,
и радуга в их струях преломилась,
подобная изогнутому луку.
Фонтаны — это пленные ручьи,
они тоскуют по росистым веткам,
по небу в грозовых летящих тучах,
по зорям, отраженным в их воде,
и по оленю на скалистых кручах.
Они поили и кусты, и травы,
и путников, жарою истомленных,
они в своем потоке увлекали
осеннюю листву и отводили
от леса руку ночи ледяной.
Теперь, стесненные трубою ржавой,
они рокочут гневно в пыльных скверах
и горестно дробят себя в неволе
на брызги безысходной горькой доли.
И гóрода усталые глаза,
его вспотевшее в жару лицо
кропят прохладной пылью на мгновенье,
ломаясь о бетонную ограду.
Они всегда в плену, и только ночью,
когда их закрывают на покой
садовники иль сторожа бассейнов,
им слышно, как поют в горах их братья.

Но в час дневной, любимцы горных круч,
они сквозь горло и сквозь зубы труб
со свистом прорываются и рушат
свой тяжкий столб о грани стертых плит.
Кто видел за решеткой зоосада
тоску тигриных глаз в тревоге неустанной,

тот знает неизбывную печаль
и этих пленных городских фонтанов.
На раскаленный падая асфальт,
они, ветвясь, прохладу распыляют,
и брызги их подобны тем слезам,
что горе всем несчастным посылает.

Асфальт молчит, — он мертв, он безответен.
Но кто не понял бы оцепененья
воды остановившейся, плен**ё**нной
и запертой в своей бетонной чаше?
Так замерзает молодость воды,
затиснутая в узость ржавых труб.
Фонтан тоскует о полете в небо,
но к высоте протянутую руку
всегда ломает кто-то, и она
бессильно падает, дробясь о камень.
Он помнит горы — все в изломах молний,
а здесь, над городом, заря томится
и жаждет влаги, а сухие травы
о свежести тоскуют дождевой.
Струя уже разломана, когда
со свистом прорывается сквозь зубы
и пасть окаменевшей львиной маски.

Фонтаны жаждут вольного паденья
с отвесных скал, у своего истока.

⟨1967⟩

539. ЗЛАТНА УЛИЦА

Над слезами, над грозами детства,
каменным домиком,
горной тропинкой
шелестит и ветвями тянется
дуб с потрескавшейся корою;
долго рос он,
чтоб закрыть вершиною небо
и утеса кремнистый гребень,
откуда с расщелин высоких
брошена вниз дорога,

как веревка,
держащая якорь спасенья.
Ее окаймляют обрывы,
а сучковатый терновник
глядится в отвесную пропасть;
кустики горькой полыни
в трещинах тесных
полны одинокой печали...

Над домом и песнею детства
старый дуб зеленеет.
Диким утесам
весна дарит птиц щебетанье,
лето — жарой опаляет
и в трещинах змей разводит;
росой, как слезами
и вздохом печали,
сыплет золото осень
на отвесную эту дорогу.

Ветер над гребнем утеса
лохматое облако треплет,
утес от меня скрывая
дождя и тумана завесой.

Росли возле дуба
я и тоненький стебель.
Орел наблюдал за нами
со скал, где его крепость,
где ранней весною
в сухих камнях
траву молодую встретишь,
пчел и свежие листья.

Я вижу минувшие годы,
дорогой идущие в гору,
там всё обещает счастье
на каменных копьях вершины,
где разбиваются тучи
о трон золотого солнца.
В грозу на его ступенях
ломались тяжкие тучи,
как челюсти волчьи,

и дорога та называлась
улица Златна.

Была эта улица первой,
которую я увидел,
и долгое время думал,
что улицы все на свете —
это крутые дороги,
какими и люди, и зори
спускаются с круч отвесных.

Заря над горой гасит звезды,
и я никогда не забуду,
как в дождик
и вечером темным
искал я улицу эту
и видел только,
как об ее уступы
гасят грозы
небесные свечи.

На этой отвесной дороге
золота не искал я,
но я следы там видел
гайдуцких отрядов.
И на рассвете часто
находил оловянные пули,
расплющенные о камень,
да гильз пустые глазницы,
затянутые паутиной.

Выщербленные камни
ни улиц не знали, ни злата.
Так при чем здесь External «Златна»?
Никто не мог мне ответить,
ни когда вынимали занозы
терновника из моей пятки,
ни когда бинтовали туго
об эти острые камни
ободранные колени.

Только мне рассказывали старцы,
что в былые времена
сквозь эти горы

шли царицы
и меж расщелин ка́мней
обронили золотые кольца...

Горные зори мне говорили:
«Мы много раз лучами
золотили эти утесы.
Но годы омыли их кровью,
и они почернели от зноя
и грусти дождей осенних».

Зори родные,
я не могу поверить,
что взбирались царицы
по этим скалам,
где даже горным волчицам
нетрудно было б разбиться...

Города я прошел и страны,
ходил по улицам гладким,
и они мне кололи ноги
невидимым терном.
Прекраснее сновидений
те были края с золотыми
куполами, где пели птицы...
Но я нигде не видел
улицу Златну.

Почему же в горах суровых
каменная тропинка
носила такое имя?
И ответила мне чужбина:
«На этой дороге
тебя согревало
сияние глаз материнских,
и там ты первое слово
сказал людям и солнцу».

Тропа каменистая, крутая,
где я в метель и во мраке ночи
узнавал камень каждый
и где всегда встречал я
друга иль брата,

где в норе пещерной
не был вовек одиноким...

Быть может, иные дали
красивый мне край откроют,
и горы там будут круче,
но золотой дороги не будет,
как дорога моего детства,
которая вела к высотам, —
она — начало пути и песни,
она — моя Родина!

⟨1969⟩

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

5

Лето
Перед 1 Главу о пылком Монте-Кристо
Дочитываю как-нибудь,
Смотрю на венчик золотистый,
И сладко хочется зевнуть.

10 И где-то там, поверх страниц,

13—16 Еще нежней, еще свободней
Порхают смуглые персты.
Скупую жизнь мою сегодня
Шелками вышиваешь ты.

23

БМ
5 Ты глазами, словно осень, чистыми,

7—8 С полустанками, телеграфистами,
Степью, рудниками и рекой.

10—11 На разбой — за голенищем нож —
На раскольничье самосожжение

14 Непутевой ночью, без креста,

22—25 На Смоленском дом твой стерегут.
От тебя на все четыре стороны
В злую степь дороженьки бегут.

Не в церквах за душною обеднею

77

Ст. 56
1 Что же, песня, мы с тобой в расчете,

6—8 Всё скажи тому, кто вслед за мной

Так захочет жить, чтоб ты продлилась,
Радуя людей своей весной.

9—12 *Отсутствуют*

13—14 Разве я не знал с тобою счастья,
Если даже на закате дня

81

Загл. **ФЛАНДРИЯ**

Автограф (ЛА) 1—2
Во Фландрию, во Фландрию,
Веселую, как пламя,

4—5
Над низким очагом.
Во Фландрию, во Фландрию

7—8
Чепцами, черепицею
Над грядкой под окном.

Автограф (ЛА), ГС 21
В расчесанные овощи,

Автограф (ЛА) 25—32 *Отсутствуют*

Вместо 33—48
Не жизнь — глава из Библии,
Сквозное воскресенье,
Читай ее внимательно,
И думай не спеша.
Всё сделано, всё сказано,
Нет грусти, нет сомненья,
И вымыта, как комната,
Просторная душа.

О, видно, надоело мне
Бродягою усталым
В дожде и одиночестве
Скитаться день-деньской,
Что думаю о Фландрии
Над выцветшим каналом
С такою безнадежностью
И злобою такой.

Иду — а ночь прорезана
Скрежещущим трамваем,
У берега качается
Мой нищий Ленинград.
Но в этой горькой сырости
Мы времени не знаем
И в дымные столетия
Уходим наугад.

Неправда, что история
Рассказана не нами,
Неправда, что рождаемся
Мы в жизни только раз, —
Во Фландрию, во Фландрию,
Веселую, как пламя,
Простую, точно песенка,
Баюкавшая нас!

94

ГС 7 Здесь чугунная Леда раскинутых крыл

10—12 У дрожащего золотом клена
И в прогулках над озером горько томил
Ионический бред Камерона.

13—18 Лебедей здесь кормили камены с руки,
Дни вела Аполлонова пряжа,
Всё смывающий ветер нецарской тоски
Заворачивал перья плюмажа,
И лукавый барокко бежал в завитки
На покатых плечах Эрмитажа.

Между 18 и 19 С Иннокентием Анненским нашу весну
Я не звал в Эврипидовы рощи, —
Медногорлые трубы мне пели войну,
День вставал непреклонней и проще,
Ни о чем не жалея, я встретил луну
Под покровом державинской нощи.

19—24 О, Элизиум муз! В лебедином бреду,
Обожженный дыханьем столетий,
По дряхлеющим паркам я юность веду,
Сам струюсь отраженьем «Мечети»,
И шумят, как бывало, в Лицейском саду
Академики, липы и дети.

26 Прогоняют по улицам стадо.

29—30 Только был бы мой парк золотист и широк —
Ничего от судьбы мне не надо.

114

Загл. **САД**

ОвС 3 Умел я в синий час апреля

9 Умно, лукаво и жестоко

Между 10 и 11 У складок гипсовой Киприды,
В пруду, сверкающем как сон,

Струистым призраком обиды
Привык смещать кариатиды
Ее разорванный фронтон,

12 Уже любил игру волют,

17 Озерных листьев пестрота

26—29 Люблю Элладу Камерона,
Английских парков легкий скат,
Дубов редеющие кроны,
Суровость бронзы оснеженной

118

Посвящ. *Д. С. Усову*

ЗС
2 Утонул в ночную синь.

7 Иноземной легкой крови

Между 12 и 13 Блудный сын любви и света,
Я, последний в их роду,
Сам скитальчество поэта
Выбрал, сердцу на беду, —

13—14 Оттого, что всех чудесней
Пал в наш род — за чьи вины?

После 24 Он для песенной забавы,
Для потехи кузнеца
Заложил степные травы
В книги деда и отца —

И, должно быть, по примете
Я люблю всё горячей
На бездомном этом свете
Скачку песен и ночей!

119

ЗС Ингерманландскою белесой ночью,
Между 8 и 9 Когда висел, как шар стеклянный, мир,
Я с музами беседовал воочью,
И строгий мне завещан был empire.

13—16 В оврагах дней, на полевом разъезде,
Средь тульских звезд блуждал я наугад,
И цвел со мной в Ефремовском уезде
Неповторимый яблоновый сад.

24 На огоньки курчавой Костромы, —

34 Шел этот сад, как девушка суров.

38 Саади пел угрюмый карагач.

44 Глухой мечты отрада и затвор?

47 Отдам я жизнь бездонному покою,

53 Но всё равно — восторженней и шире,

55 В пустом как ночь и равнодушном мире

136

Загл. **ЧЕРНОЕ МОРЕ**

ОвС 23 Плоскоспинный Севастополь,

28 Бухту синюю зажав.

Вместо 29—32
Но, скользя в тени отвеса,
Уж ловил биноклем я
Слева — соты Херсонеса,
Справа — грузный мыс Айя.
Вновь проходят (в губках туфа,
Море, пенься и кипи!)
Виноградный дол Гурзуфа
С Аю-Дагом на цепи,
Пепельные Оделары,
Мутно-сизый Чатыр-Дах
И Алушты камень старый
В черных грушевых садах.
За Алуштой — область мрака,
Горы, вставшие венцом,
Башни желтого Судака,
В горькой пене Меганом.
Дальше — гребень Киммерии,
А за ним, как спелый плод,
Сердце в овиди сухие
Феодосия берет,
И, простой лозой украшен,
Город всходит здесь и там
В ожерелье серых башен
По оранжевым холмам,
Чтоб в пустынном ветре склона
Мне открыть скитаний цель:
Карадаг — веков корону —
И лазурный Коктебель.

163

Ладога Между 12 и 13

Есть складкой скорби искривленный рот,
Туман, ползущий к тяжкому надбровью
(Черты, которые читает тот,
Кто сам отравлен черною любовью).

Есть омуты зеленых, смутных глаз,
Где всё — сплетенье тины и кувшинок.
(Я знал их все, я выдержал не раз
Испепелявший душу поединок).

Между 20 и 21

Твой карий взгляд и строгий взмах ресниц
И это имя — нет его напевней —
Уводят память в терема цариц,
В старинные посады и деревни.

26—27

Что лишь в тебе (пусть я того не стою),
Живет моя бездомная душа

172

БМ

1

Сердце, сумасшедший бубенец,

4

Этому нетрудному покою.

5—12

Выпивая жизнь свою до дна,
Допоем и то, что недопето.
На земле была мне суждена
Невеселая судьба поэта.

Но жалеть я стану в этот час —
Что бы нам с тобой ни говорили —
Не о том, что смерть сильнее нас,
А о том, что мало мы любили.

13—24

Отсутствуют

182

Загл.

ПАМЯТИ А. А. БЛОКА

Автограф (ЛА)

Шел Он в мире по скалам суровым
В одиночестве гордом своем,
Словно Дант, опаленный багровым,
Роковым и жестоким огнем.

И, терзая бессонную совесть,
Беспощадный к себе и к другим,

Жизнь свою рассказал нам, как повесть,
Порожденную веком глухим.

В путь далекий его провожали,
Чтоб во тьме был Он светел и прост,
Гамаюн, птица вещей печали,
И взметенный костром Алконост.

И вставала Россия за далью
Всё сжигающей в мире мечты
Незнакомкой, за синей вуалью
Недоступно сокрывшей черты.

Нет, недаром в очах этих страстных
Он нашел оправданье и свет,
И во тьме прочертил не напрасно
Огневую орбиту комет.

Повела его в путь не тревога,
А любимая с детства до слез
Та же русская наша дорога,
Вся в колосьях вдоль старых берез.

Сам рожденный в года роковые,
Простирающий руки к весне,
Сердце отдал Он гневной России,
Вознесенной на алом коне.

И, роняя свинцовые слезы
На просторах родимой земли,
Все великой истории грозы
Через сердце поэта прошли.

Знал Он — вьюге пора разгуляться,
Старый мир засыпая собой,
И навстречу нам вышли «Двенадцать»,
Чтобы с нашей сродниться судьбой.

А за то, что во тьме бездорожий
Эту правду увидеть Он мог,
Мне сейчас ничего нет дороже
Благородного имени — Блок!

198

Загл. **ВЕЧЕРНИЙ ЧАЙ**

Лето Что может быть милей и проще, —
Когда еще прозрачен май,
К березовой причалить роще
И пить в тени вечерний чай!

В густой траве дымятся чашки —
Благоухающий огонь —
И золотистые букашки
Щекочут теплую ладонь.
Так нежно со стаканом чая,
В струистой синеве костра,
Склоняется ко мне — не знаю —
Любимая или сестра.
И кажется, что это Счастье
Встает, спускается к реке.
А белое мелькает платье
Как облако в березняке.

205

Загл. **ФЕОДОСИЯ**

Посвящ. *Худ. К. Ф. Богаевскому*

Ст. 36 Перед 1 Путник, кто бы ты ни был, присядь, отдыхая,
Над откосом, где ходит морской купорос.
Под тобой Феодосия — чаша пустая,
Сохранившая запах аттических лоз.

Над рыбачьим поселком, над скудным прибоем,
По колючкам оврагов ты будешь готов
Целый день пробродить, обессиленный зноем,
В жидкой охре ее невысоких холмов.

День сегодняшний здесь так похож на вчерашний:
Над пустеющим портом — соленая синь,
Черепицы лачуг, генуэзские башни,
Те же сети рыбачьи, и та же полынь.

По извилинам рва заблудилась корова,
Время гложет латинские буквы ворот,
И, как девушка, башня Климента VI-го
В хороводе подруг над холмами идет...

5 Зоркой тростью слегка отогнув подорожник,

13 Но не только монеты разбойничьей расы

15—16 Есть колодезь у стен караимской кенасы,
Весь осыпанный листьями розовых груш.

25—36 А потом мы спускались по алым ступеням
Лабиринтами улицы к порту, к огням,
И не мог надышаться я этим осенним
Острым уксусом славы с вином пополам.

Итальянская улица. Сад. И у входа
Громыханье оркестра. В ларьках виноград,
И в порту нескончаемый рев парохода,
Где у мола тяжелые волны гремят.

Ровно в полночь, качаясь на койке каютной,
Я увижу, вдыхая прохладу и мрак,
Как мигнет мне в окошко тревогой попутной
Над Двуякорной бухтой зеленый маяк.

После 36 И останется, звездною ночью хранима,
У ворот в Киммерию, страну забытья,
Внучка синей Эллады, соперница Рима,
Смуглоскулая Кафа, турчанка моя!

211

Автограф (ЛА)
Перед 1 Всё то же. Не может ветер
Угомониться никак,
Как будто на целом свете
Устроили нам сквозняк.

И кто бы мог поверить,
Что боги в упорстве своем
Как распахнули двери,
Так и забыли о том.

Вместо 3—10 Как будто с собой в кочевье
Их манит скользящий луч.

И рвутся они — и ни с места.
А листья далеко летят,
И даже береза-невеста
Осыпала свой наряд.

Обрывками туч косматых
Запутанные на юру,
Навытяжку, как солдаты,
Одни только сосны в бору.

Стоят и скрипят угрюмо,
Колючей шуршат хвоей.

20 На скошенные поля!

246

Автограф (ЛА)
Вместо 1—4 Всю ночь березы да болота,
Разлив апрельских сизых вод,
Косящий дождь — и с поворота,
Как семга розовый, восход.

Мой Новгород! Навоз в соломе,
Заборы, яблоки, грачи,
Герань на окнах в каждом доме,
И каша пшенная в печи.

По дымным улицам церквушки,
Проваливаясь в грязный снег,
Как на пригорок побирушки,
Бредут в одиннадцатый век.

Еще и холодно и рано
Здесь, на Софийской стороне,
Но Волхов блещет сквозь туманы
И гонит зайчиков в окне.

11—12 Не сложен рабьими руками,
А дивно вырос из земли.

14 Он белой схимою покрыт,

21—36 Пчелиный разум Византии
Лепил апсиды и притвор,
Чтоб грозным именем Софии
Остановил он праздный взор,

Но я — задумчив и беспечен —
Иду сегодня, сам не свой,
Как утро прост, как дым не вечен,
По крутолобой мостовой.

А день восходит ясноликий,
А Ильмень-Озеро светло.
Но терпким привкусом брусники
Мне всё же сердце обожгло.

Над потонувшею Россией
Стою в каком-то смутном сне, —
И сизый шлем святой Софии
Мне ясно виден в глубине...

289

БМ Чаще вспоминает Эвридика
3—36 Ледяное озеро, кувшинки
И бежит босая по тропинке
К желтой пене мельничных колес.

В соскользнувшем облаке рубашки
Вся она как стебель. А глаза —
Желтые мохнатые ромашки.
Сзади поле с пегим жеребенком,
На плече, слепительном и тонком,
Синяя сквозная стрекоза.

Вот таким в зеленом детстве мира
(Разве мы напрасно видим сны?)
Это тело, голубая лира,
Билось, пело в злых руках Орфея
На лугах бессмертного шалфея
В горький час стигийской тишины.

Эвридика! Ты пришла на север.
Я благословляю эти дни.
Белый клевер, вся ты белый клевер!
Дай мне петь, дай на одно мгновенье
Угадать в песке напечатленье
Золотой девической ступни.

Дрогнут валуны, взревут медведи,
Всей травой вздохнет косматый луг,
Облако в доспехе ратной меди
Остановится над вечным склоном,
Если вместе с жизнью, с пленным стоном,
Лира выпадет из рук.

323

Загл. **ЗАЗДРАВНЫЙ ТОСТ**

Ладога 3—4
От дружеских пиров и гордых восклицаний,
Я пью, высокий тост со дружеством деля.

Вместо 6—40
Всё пережитое встает костром высоко!
Я — сверстник Октября и современник Блока —
В его лицо взглянуть хочу в последний раз.

Да, молодость была глупа и хороша!
Но есть всему черед, времен круговращенье,
И холод поздних лет нам обостряет зренье,
И словно старый сад растет у нас душа.

Иные, лучшие даны нам времена...
Сквозь стужу, голод, смерть звучал нам чести голос,
Когда за жизнь свою родимая страна
В неистовых боях мужала и боролась.

Мы знаем жар огня, нам ведом хлеба вкус,
И что такое жизнь — на ощупь слышат руки,
Мы дом свой пронесли сквозь холода разлуки,
И солнца наших встреч не влить в пределы чувств.

Всё, что утрачено, мы возвратили вновь
И в мужестве боев себе добыли право:
Как знамя развернуть святое имя «Слава»,
Сквозь ненависть пройдя, произнести «Любовь».

Потомки с гордостью помянут песней нас,
И тот, кто с нами был в походах хоть однажды,
Тому уж не уйти от негасимой жажды:
Пусть миг один, но жить, вот в эти дни, сейчас!

336

Ст. 36
1—8 *Отсутствуют*

9 Снились мне взгорья и рощи, где солнце запутало косы,

12—15 Села ползли по оврагам, и яблонь цвела на краю.

Шел я по звонким дорогам, — было мне двадцать — не больше,
Песня бродила по жилам, темный боярышник цвел,
Прямо в лицо мне смеялась голубоглазая Польша,

18 Ласточки резали воздух, тихо дымилась река.

Вместо 21—40 Сердце — Марыся — Марина! Имя твое неизменно,
Свежий ковер маргариток, дедовский пенистый мед,
Шум кринолинного шелка в разбеге мазурок Шопена,
Звезды и пламя повстанцев в сугробах медвежьих охот.

Ты — это снег на Карпатах, дубовые срубы в камине,
Шелест девичьих светелок, отцовский закрученный ус,
Цоканье четок и речи, звонкая льдинка латыни,
Хлопья росистого сада, белого яблока хруст.

Может быть, это — судьба моя — пена и пламя, Марыся!
По снегу пели полозья, вспыхивал синий зрачок.
Сыпался порох на полку, жгла меня оторопь рысья,
Ты рукавичку роняла — и было лишь мне невдомек.

Что ж! Скорей на коня! Стисни сердце и шпоры,
Плетью воздух резнув, ляг на луку, гони.
Тысячу гончих спусти с туго натянутой своры —
Пусть они рвут и клубят в лес уходящие дни!

Пусть, обезумев, гнедой в лунные вломится буки,
Оземь ударив тебя, вырвет из памяти день, —
Алую струйку со лба вытрут прохладные руки,
Очи затянет туман — белая девичья тень.

357

БМ *Посвящ.*	*Бор. Лавреневу*
ГС *6*	Гусарский пунш. Былой мазуркой
БМ, ГС *18*	И душит голову похмелье,
34	И день, и ночь в хандре тревожной,

БМ
Вместо 37—52

Храпит денщик. Плывет свеча...
Забыться, что ль, тетрадку вынув,
Пока не поднял сгоряча
Стволов какой-нибудь Мартынов?

Мой Лермонтов, мой мальчик злой,
Платил ты горькою ценою
Прогоны жизни почтовой,
Скача к запретному покою.

Ты мучил женщин, ты искал
Забвения, любил деревья
И ни на что б не променял
Тревог военного кочевья.

Здесь, возле черных деревень
Всю жизнь отдать казалось мало
За грозовой короткий день,
Зажатый в трещине Дарьяла.

ГС
Вместо 37—52

Храпит денщик, плывет свеча...
Забыться, что ль, тетрадку вынув,
Пока не поднял, сгоряча,
Стволов... какой-нибудь Мартынов!

390—403

12

Посвящ. *Анне Ахматовой*

Автограф (ЛА)
Вместо 5—8

Стихам — широкие пути,
Дыханье счастья и простора,
Но суждено ли им найти
Лесные тихие озера?

Подстерегают лебедей
В судьбе крутой и неминучей
Косые полчища дождей,
Огнем грохочущие тучи.

Но, прорываясь за черту
Разбушевавшейся стихии,
Они выносят Красоту
В лазурь сияющей России.

И там, над тучами — смотри!
Где тает птичья эскадрилья,
Ложатся отблески зари
На их раскинутые крылья.

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание является наиболее полным научно подготовленным собранием стихотворений и переводов В. А. Рождественского. Свою задачу составители видели в том, чтобы представить наиболее характерные образцы творчества Рождественского, отражающие основные этапы становления его как поэта.

При составлении сборника были использованы книги Рождественского, начиная с одной из первых — «Лето» (стихи 1916—1918 годов) и кончая подготовленной автором, но вышедшей посмертно книгой «Психея» (1980). Некоторые из публикуемых стихов не включались поэтом в сборники и извлечены составителями из периодических изданий 1920—1930-х годов. Но они важны для начала творческого пути Рождественского в советской поэзии. Впервые печатаются также стихи, сохраненные в его архиве.

Судьба поэтического наследия Рождественского достаточно сложна. В годы блокады в Ленинграде погибла большая часть его архива. Будучи военным корреспондентом и продолжая при этом писать лирические стихи, поэт пытался по памяти восстановить утраченное. Так появляются в рабочих тетрадях 1942—1944 гг. записи стихов юности. Иногда Рождественский перерабатывал их и датировал стихотворение заново, иногда вносил поправки в отдельные строфы.

Подобная работа продолжалась и впоследствии в связи с изданием итоговых сборников 1956, 1965, 1970, 1974 гг. В 60-е годы многие стихи молодости вернулись к Рождественскому из архивов друзей: графика С. М. Пожарского (машинописный сборник «На полях книг (Тетрадь старинных литографий)»; тетрадь автографов, сохраненная Л. А. Горнунгом, с неоконченной поэмой «Петербург» (1923); машинописный сборник «Стихи ранних лет», собранный Ф. Ф. Кудрявцевым. Все эти материалы выправлены автором.

Таким образом, из личного архива Рождественского, хранящегося в его семье, при издании были использованы следующие материалы:

— черновые и беловые автографы отдельных стихотворений;

— одиннадцать датированных автором беловых тетрадей стихотворений 1945—1977 гг.;

— авторизованные машинописные сборники «Окно в сад (Графика)», «Стихи о Царском Селе», «Китеж» (неопубликованная книга, 1920), «Стихи друзьям» (1923—1925);

— машинописные копии с авторской правкой разных лет.

Составителями были учтены также автографы стихотворений поэта, переданные им в разное время в государственные хранилища.

Две тетради стихотворений находятся в фондах Государственного литературного музея: стихи 1943—1944 гг. (Волховский фронт— Карельский фронт), стихи 1956—1960 гг.

В Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина хранятся: тетрадь черновых автографов «Стихи из „Золотого веретена“» (1916—1921); авторизованная машинопись сборника «Окно в сад (Графика)»; черновые автографы стихов, вошедших в сборник «Большая Медведица» (1923—1926); записная книжка «Стихи во время войны 1940—1943»; рабочая тетрадь (1942—1943); авторизованная машинопись сборника «Утро победы» (будущая «Ладога») 1944—1945 гг.

В Отделе рукописей Института мировой литературы им. М. Горького АН СССР хранятся тетради с автографами и машинописные стихотворения разного времени; в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР — тетради с вырезками из газет разных лет, где публиковались стихотворения и критические материалы о творчестве поэта.

В примечаниях к стихотворениям составители использовали следующие неопубликованные материалы из личного архива: письма поэта к литературному работнику И. М. Басалаеву, физику Г. В. Глекину, поэтам Н. С. Тихонову и Б. А. Леонтьеву, историку литературы Д. С. Усову, жене поэта И. П. Стуккей, а также автобиографические очерки «Черноземные края», «В те дни» (о ленинградской блокаде), «Так это начиналось» (о Союзе поэтов), воспоминания сестры Рождественского О. А. Федотовой и дневник Н. А. Бринкман. Хронологически эти материалы охватывают 1926—1976 годы. В примечаниях их местонахождение специально не оговаривается.

Кроме личного архива поэта в примечаниях использованы материалы государственных хранилищ: письма В. А. Рождественского Е. Я. Архиппову и записи Е. Я. Архиппова 1925—1926 гг. (Центральный государственный архив литературы и искусства, ф. 1458); письма Э. Ф. Голлербаху 1922—1933 гг. (Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград).

Готовя свои сборники к печати, поэт обычно объединял стихи в тематические разделы, например: «На полях книг», «Родные имена» и т. п. Эти разделы, по замыслу автора, должны были показать движение на пути от «деревенских ямбов» «Лета», через книжное, романтизированное восприятие мира в «Золотом веретене» и «Большой Медведице» к новым темам, поиску нового голоса в книгах «Гранитный сад» и «Земное сердце», где поэт стремился «овладеть языком своей эпохи» [1], «в ногу попасть и припев подхватить» [2].

Военные стихи Рождественского печатались во фронтовых газетах «В защиту Ленинграда», «На страже Родины». Лирика тех лет опубликована в книгах «Голос Родины» (1943), «Ладога» (1945) и «Родные дороги» (1947). Сам поэт так оценивал свою работу военных лет: «Основное и самое существенное в ней то, что все это писалось под свежим впечатлением в обстановке фронтовой. Конечно, основная литературная работа на этом материале начнется потом, после войны, но в том, что делается сейчас, есть ценность непосредственности». [3]

---

[1] Письмо к Д. С. Усову от 9 августа 1930 г.
[2] Стихотворение «Парад» (1927).
[3] Письмо к жене от 25 апреля 1942 г.

Следующий сборник Рождественского, подводящий итоги его тридцатипятилетней работы в литературе, вышел лишь в 1956 г. Готовя его к печати, поэт критически пересмотрел написанное и в ряде случаев, иногда по причинам внелитературного порядка, дал новые редакции своих ранних стихов. В последующих изданиях он вновь перерабатывал стихотворения 1920—1930-х гг.

17 мая 1970 г. поэт писал Ф. Ф. Кудрявцеву: «Другая моя забота — составление однотомника или двухтомника, где хочется мне кое-что вынуть, а кое-что и ввести вновь. Попутно я, видимо, восстановлю некоторые прежние редакции, прислушиваясь к тем советам, которые весьма подробно дал мне в большом письме Н. В.» (Банников. — *Сост.*)[1] (ЛА).

В личном архиве поэта имеется подготовленная им в 1976—1977 гг. авторизованная машинопись собрания сочинений в 3-х томах, в котором поэт действительно восстановил некоторые ранние редакции (например, стихотворения «Если не пил ты в детстве. . .», «Сын Мстислава, княжич Мономаха. . .» и др.). При отборе и подготовке произведений для настоящего сборника составители учитывали этот важный источник, в котором нашла отражение последняя авторская воля Рождественского. Критерием отбора в отдельных случаях служил сам факт включения того или иного стихотворения в названное «собрание сочинений».

Поскольку издание его не было осуществлено, то варианты текстов, представленных в «собрании сочинений», помещены в разделе «Другие редакции и варианты». В отдельный раздел в настоящем сборнике выделены произведения особого жанра: «Надписи на книгах», подаренных друзьям, в том числе и на авторских сборниках.

В. А. Рождественский известен и как мастер поэтического перевода. В издание включены его переводы из западноевропейской поэзии и поэзии народов СССР. Особенностью данной публикации является то, что почти половина переводов печатается впервые. Это относится прежде всего к переводам из французской и английской поэзии начала XX века, к которой В. А. Рождественский обратился в последние годы жизни, в том числе — к произведениям малоизвестных или забытых, но бесспорно интересных поэтов.

В основу издания переводов, ранее не публиковавшихся, легла авторизованная машинопись подготовленной Рождественским антологии «Поэты Франции», из которой в посмертный сборник «Средоточие времен» (М., 1979) вошла лишь малая часть. Кроме того, были использованы автографы из личного архива поэта и из его фонда в Государственной Публичной библиотеке (переводы из Анри де Ренье, Жана Мореаса, Теофиля Готье и Беранже). Переводы Рождественского знакомили советского читателя и с поэзией братских республик. Он переводил поэтов Украины, Белоруссии, Латвии, Эстонии, республик Средней Азии. Со многими из этих поэтов его связывала личная и творческая дружба. В настоящее издание вошли наиболее характерные образцы этих переводов.

При расположении стихотворений в настоящем издании соблюдается хронологический принцип. Это даст возможность проследить путь поэта от одного из самых ранних стихотворений, датированного 1916-м г., к стихам зрелых лет, последние из которых написаны в июле — августе 1977 г., незадолго до кончины поэта. В послевоенные

---

[1] Банников Н. В. — критик и литературовед.

годы В. А. Рождественский, как правило, указывал в автографах время написания стихотворения, зачастую — вплоть до месяца и числа. Датировка же довоенных, особенно ранних, стихотворений вызывает ряд трудностей. Некоторые даты проставлены в первых сборниках поэта (это оговаривается в примечаниях); в других случаях определить время написания стихотворения позволяет его место в хронологических разделах (например, в книгах военных лет, в Ст. 1936) или в названных выше авторизованных машинописных сборниках, имеющих общую дату на титульном листе (такого же рода даты содержатся на титульных листах нескольких ранних печатных изданий). В сборниках последних лет стихи автором, как правило, не датируются. Исключение составляет издание 1970 г. («Библиотека советской поэзии»). Однако к датам, поставленным там, особенно у стихотворений, написанных до 1941 г., следует относиться критически: многие из них воспроизведены по памяти, нередко, что устанавливается по автографам, — ошибочно. Особые трудности возникают при установлении дат тех стихотворений, которые подверглись значительной, иногда кардинальной переработке. В этих случаях дата окончательной редакции чаще всего определяется условно — по времени выхода в свет того издания, в котором впервые текст появился в измененном по сравнению с первыми публикациями виде. В этих случаях в примечаниях оговаривается, как правило, только источник даты первоначальной редакции, дата же переработки заключается (в корпусе книги) в угловые скобки. В таких же скобках помещаются годы, не позднее которых могло быть написано данное стихотворение (наиболее часто — это время его первой публикации). В примечаниях это специально не оговаривается. Две даты, отделенные запятой, указывают на наличие двух редакций произведения; даты, объединенные тире, — на период работы поэта над произведением. К некоторым своим произведениям, например «Девятнадцатый век», «Сын Мстислава, княжич Мономаха. . .» и др., поэт возвращался на протяжении многих лет, что и отражено в датах. Некоторые произведения удалось датировать только временным промежутком, определяющим крайние годы его создания (между . . .). Предположительные даты (их немного) сопровождаются знаком вопроса.

В разделе «Переводы» материал организован в соответствии с тем, с какого языка переведено данное произведение, а внутри такого подраздела сгруппирован по именам авторов оригинала. (Подробнее — в преамбуле к разделу «Переводы».)

В разделе «Другие редакции и варианты» представлены наиболее характерные примеры авторской работы над произведением, отраженной как в рукописных источниках-автографах или в авторизованных машинописных копиях, так и в печатных изданиях, где от публикации к публикации текст подвергался авторской правке, в ряде случаев — кардинальной. Стилистические варианты, которых весьма много, как правило, не фиксируются.

В примечаниях после порядкового номера стихотворения указываются первая публикация, а также все последующие изменения текста и, наконец, источник, отражающий последнюю ступень изменения текста, являющийся соответственно источником публикации. Если произведение не переиздавалось или переиздавалось без смысловых изменений, отмечается только первая публикация, служащая одновременно и источником текста. Отмечается наличие автографов с вариантами текста или заглавия, с датой и т. п. Дается также необходимый историко-литературный и реальный комментарий.

В подготовке настоящего издания, особенно при систематизации и анализе рукописного наследия, принимала участие старшая дочь поэта, Наталья Всеволодовна Рождественская. В комментировании раздела переводов существенную помощь оказал Марк Захарович Гордон, за что составители приносят ему глубокую благодарность. Составители считают своим долгом выразить признательность Дмитрию Константиновичу Ралинскому, который проделал большую работу в подготовке всего библиографического раздела.

Условные сокращения, принятые в разделе «Другие редакции и варианты» и в примечаниях:

Ал. — Вс. Рождественский, Аленушка. Стихи, М., 1971.
БМ — Вс. Рождественский, Большая Медведица. Книга лирики (1922—1926), Л., 1926.
В дружбе с мечтой — Вс. Рождественский, В дружбе с мечтой. Лирика, Л., 1959.
ГЛМ — Государственный литературный музей. Москва.
ГнН — Вс. Рождественский, Город на Неве. Стихи о Ленинграде, изд. 2-е, доп., Л., 1978.
ГПБ — Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ленинград.
ГР — Вс. Рождественский, Голос Родины. Стихотворения, Л., 1943.
ГС — Вс. Рождественский, Гранитный сад. Книга лирики. 1925—1928, Л., 1929.
ДД — Вс. Рождественский, Добрый день. Лирика, Л., 1973.
ЗВ — Вс. Рождественский, Золотое веретено. Стихи, Пб., 1921.
ЗО — Вс. Рождественский, Золотая осень. Книга лирики, Л., 1969.
ЗПТ — журнал «Записки передвижного театра».
ЗС — Вс. Рождественский, Земное сердце. Книга лирики. 1929—1932, Л., 1933.
Ив. — Вс. Рождественский, Иволга. Стихотворения, Л., 1958.
Из. 65 — Вс. Рождественский, Избранное. М. — Л., 1965.
Из. 74 — Вс. Рождественский, Избранное, в 2-х тт., т. 1, Л., 1974.
ИМЛИ — Рукописный отдел Института мировой литературы им. М. Горького.
ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.
КГ — «Красная газета».
ЛА — личный архив Вс. Рождественского; хранится в семье поэта.
Ладога — Вс. Рождественский, Ладога. Стихи, Л., 1945.
Лето — Вс. Рождественский, Лето. Деревенские ямбы. Стихи 1918 года, Пб., 1921.
Лир. — Вс. Рождественский, Лирика (1965—1969), Л., 1970.
ЛкЗ — Вс. Рождественский, Лицом к заре. Книга стихов, Л., 1976.
ЛМ — журнал «Литературная мысль».
ЛР — газета «Литературная Россия».
ЛС — журнал «Литературный современник».
ОвС — Вс. Рождественский, Окно в сад. Книга лирики, Л., 1939.
Психея — Вс. Рождественский, Психея. Книга лирики, Л., 1980.
РД — Вс. Рождественский, Родные дороги. Стихи 1941—1946, Л., 1947.

РЗ — Вс. Рождественский, Русские зори. Лирика разных лет, Л., 1962.
СВ — Вс. Рождественский, Средоточие времен. Стихи зарубежных поэтов. Мастера поэтического перевода, М., 1979.
СЖ — Вс. Рождественский, Страницы жизни. Из литературных воспоминаний, изд. 2-е, доп., Л., 1974.
СМ — Вс. Рождественский, Страна молодости. Лирика, Л., 1976.
Ст. 36 — Вс. Рождественский, Избранные стихи, Л., 1936.
Ст. 56 — Вс. Рождественский, Стихотворения. 1920—1955, Л., 1956.
Ст. 70 — Вс. Рождественский, Стихотворения, Л., 1970. «Библиотека советской поэзии».
Степная весна — Вс. Рождественский, Степная весна. Стихи. Переводы, Алма-Ата, 1975.
СтоЛ. 63 — Вс. Рождественский, Стихи о Ленинграде, Л., 1963.
СтоЛ. 67 — Вс. Рождественский, Стихи о Ленинграде, Л., 1967.
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. Печ. впервые по датированному автографу.

2. Печ. впервые по датированному автографу. См. прим. 28.

3. Лето, с. 17. Книга «Лето» написана «в заброшенном имении Хомяково, Пискаревка тож, Тульской губернии» (автобиографический очерк «Черноземные края», 1976). *Борис* и *Глеб* — юные князья, убитые старшим братом Святополком (ок. 980—1019), стремившимся устранить претендентов на престол великого князя Киевского; православной церковью причислены к лику святых. В ранних книгах поэта Б. Лавренев отмечал «любовь к жизни, к ее бурному биению во всех проявлениях... Уже с первых строк... чувствуешь подлинный, простой, но радостно слепящий свет земного солнца... Этот солнечный свет, простая человеческая любовь к родной, круглой, прекрасной земле является стимулом Рождественского» (Б. Лавренев, Всеволод Рождественский, 1923. — Собр. соч., М., 1963, т. 6, с. 12).

4. В первых публикациях каждая часть стих. печаталась как самостоятельное произведение под разными загл. Объединены в Из. 74, под загл. «Утро». Печ. по Из. 74, с. 326. Часть 1-я публиковалась: Лето, с. 9, под загл. «Утро»; Ст. 56, под загл. «Утром», в цикле «Летний день». Часть 2-я публиковалась: Лето, с. 10, под загл. «Купанье»; Ст. 36, под тем же загл.; Ст. 56, под тем же загл., в цикле «Летний день»; Из. 65, под тем же загл.

5. Лето, с. 19. Печ. по Ст. 56, с. 13, где в цикле «Летний день».

6. Лето, с. 15, под загл. «Именины». Печ. по Ст. 36, с. 8.

7. Лето, с. 23. *Било* — здесь: колокол. *Тихвинская система* — одна из трех искусственных водных систем, соединяющих Волгу с Балтийским морем. Н. А. *Римский-Корсаков* (1844—1908), уроженец г. Тихвина, в оркестровке симфонической музыки использовал коло-

кольный звон. Тихвинские края были особенно дороги Рождественскому, жившему здесь летом все детские годы (см.: СЖ, гл. «Тихвинщина»).

8. ЛМ, вып. 2, Пг., 1923, с. 3. Датируется по автографу, под загл. «Баллада об ангелах».

9. Петербург, вып. 2, 1922, с. 6. Посмертная публ. — Нева, 1982, № 11, с. 96, по автографу с датой: 1919.

10. ЗВ, с. 30, с датой, без строф 8, 9; Ст. 36, без строф 8, 9; Ст. 56, под загл. «Воспоминание о Диккенсе», в цикле «На полях книг». Печ. по Из. 65, с. 49. Автограф (ГПБ), с посвящ. К. И. Чуковскому. Стих. навеяно романом Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба». *А где-то за конторкой Сити* и т. д. В юные годы Диккенс служил писцом и клерком в адвокатской конторе.

11. Дракон, Пб., 1921, вып. 1, с. 25, без строфы 4; ЗВ; Ст. 56, под загл. «Сон», в цикле «На полях книг»; РЗ, под тем же загл.; Из. 65, под тем же загл. Печ. по Из. 74, с. 301. Датируется по автографу.

12. ЗВ, с. 14, с датой, под загл. «Путешествие». Печ. по Из. 74, с. 303. Автограф с вариантами (ГПБ).

13. ЗВ, с. 12, с датой; Ст. 36. Печ. по РЗ, с. 306. Стих. вошло в авторизованный машинописный сборник «На полях книг (Тетрадь старинных литографий)» с пометой рукой поэта: «Стихи 20-х годов. Собраны весной 1970 г.». Сборник открывается авторским вступлением (машинопись), с подписью-автографом: «Всеволод Рождественский. Май 1970 г.». Поэт рассказывает: «Это было где-то в середине 20-х годов. Поздняя осень застала меня и моего приятеля художника-графика Сергея Пожарского на уже покинутой всеми даче, среди сосен и обрывистых дюн Финского залива. ⟨...⟩ А по вечерам садились за круглый стол на веранде, зажигали керосиновую лампу ⟨...⟩ неторопливо беседовали о любимых книгах, читали вслух припомнившиеся стихи или просто обменивались краткими репликами, прислушиваясь к неустанному шороху дождя. Сережа Пожарский набрасывал какой-нибудь, как он называл, «пейзажно-костюмный» рисунок, погружаясь мысленно в путешествия по векам и странам, а я тут же откликался стихами на то, что он изображал. Часто происходило все это и в обратном порядке: я писал стихи, к которым он тут же находил живописное воплощение. Так и родилась эта стихотворная тетрадь, которую мы поначалу хотели назвать «Приглашение к путешествию», разумея странствия скорее во времени, чем в пространстве. ⟨...⟩ Я возвращаюсь к этим пожелтевшим и полустертым листкам с особым чувством, как к улыбке далекой юности, которой снисходительно прощаешь и наивность воображения, и романтику книжных пристрастий». Об этом сборнике поэт вспоминал также в письме к Б. А. Леонтьеву (см. о нем прим. 171) от 28 сентября 1956 г.

14. ЗВ, с. 16, с датой. Печ. по ГнН, с. 33. *Летний сад* — старейший парк Ленинграда, заложенный при Петре I. *Ваза* из красного порфира установлена у входа в сад со стороны реки Мойки; решетку сада здесь венчают двуглавые *орлы*.

15. ЗВ, с. 55, с датой. Рецензент отмечал в этом стих. «удивительно острый подход к теме творчества» (Б. Лавренев, Всеволод Рождественский, 1923. — Собр. соч., М., 1963, т. 6, с. 14).

16. ЗВ, с. 19, с датой. *Фигаро, Розина, опекун* — персонажи оперы Россини «Севильский цирюльник». *Кьянти* — сорт итальянского вина. *Портшез* — переносное кресло. *Секстина* — строфа из шести ст. на две рифмы.

17. ЗВ, с. 21, с датой. *Робин Гуд* — герой цикла шотландских народных баллад; см. также прим. 324. *Кринолин* — широкая, на обруче, юбка, модная в первой половине XIX в. *Доломан* — см. прим. 197.

18. ЗВ, с. 36, под загл. «Гатчинский сонет». Печ. по СтоЛ. 63, с. 135. *Гатчина* — пригород Петербурга, где находилась царская резиденция, постоянное местопребывание Павла I. *Бронзовый маньяк* — монумент Павла I перед гатчинским дворцом. *Фофанов* К. М. (1862—1911) — русский поэт. Психическое заболевание, неизлечимый алкоголизм, неустроенность быта вынудили его переселиться из Петербурга в Гатчину, где он провел последние годы жизни в нищете и отчуждении от литературной среды. В архиве Рождественского находится рукопись книги «Русские поэты» (1975), где одна из глав («Нищий принц») посвящена Фофанову. *Приорат* — часть парка в Гатчине.

19. ЗВ, с. 52, с датой.

20. БМ, с. 8, под загл. «Зима», с подзаг. «(1921 г.)»; Ст. 36, с тем же загл. и подзаг. Печ. по Ст. 56, с. 59. Вернувшись с фронтов гражданской войны, *Н. С. Тихонов* (1896—1979) поселился в Доме искусств, в одной комнате с Рождественским (см.: СЖ, гл. «Дом искусств»). Тихонов вспоминал: «Всеволода Рождественского я знал свыше пятидесяти лет... Он был хорошим другом, прекрасным товарищем. У нас в комнате часто беседовали о литературе, читали стихи... Мы были участниками частых поэтических вечеров, дискуссий, горячих споров о судьбах современного стиха...» (Нева, 1977, № 12, с. 90).

21. ЗВ, с. 56, с датой. Печ. по Из. 74, с. 325.

22. Дракон, Пб., 1921, вып. 1, с. 27; ЗВ, с датой; Ст. 36, под загл. «Начало рассказа». Печ. по Из. 74, с. 310. Автографы с вариантами (ЛА, ГПБ). Рассказ ведется от имени французского аристократа, вспоминающего свои приключения в период Великой французской революции (1789—1794). *Санкюлоты* — так назывались представители революционных масс. *Консьержери* — тюрьма в Париже. *«Pater noster»* (лат.) — «Отче наш», христианская молитва. *В кирасирском сене.* Кирасиры — род войск тяжелой кавалерии. *Национальный гвардеец* — представитель национальной гвардии (военного формирования буржуа и ремесленников, поддерживающих революцию). *Луи Капет* — Людовик XVI (1774—1793), французский король, казненный по приговору *Конвента.* Конвент — представительное собрание во Франции, высшее законодательное учреждение революции (1792—1795). *Мирабо* В.-Р. (1749—1791) — выдающийся деятель революции,

приобрел популярность обличениями абсолютизма. *Вандея* — департамент провинции Пуату, очаг контрреволюционных выступлений, особенно сильных в период 1793—1796 гг.

23. ЗПТ, 1923, № 61, с. 1, без загл.; БМ. Печ. по Из. 74, с. 109. Датируется по автографу в архиве Э. Ф. Голлербаха (ГПБ). *7 августа 1921 г.* — день смерти А. А. Блока. 11 апреля 1926 г. Рождественский писал Э. Ф. Голлербаху, очевидно, в ответ на его просьбу прислать стихи для предполагаемого сборника, посвященного Блоку: «Можно составить прекрасную книгу стихов о Блоке, ибо кто же не чувствовал его родным. Разве в последние годы не был Блок для всех нас символом, где каждый видел лучшие из своих дум и снов!» (ГПБ). В письме к Е. Я. Архиппову от 1927 г. Рождественский признавался: «Я ведь люблю Блока самого последнего периода, Блока III-го тома, с темой цыганской песни, России и „Страшного мира“». В 1928 г., прочитав первые публикации дневников Блока, писал тому же корреспонденту: «...чудесно то, что Блок шел впереди своего времени и ⟨...⟩ единственный из всех слышал грохот приближающихся времен» (ЦГАЛИ, фонд Е. Я. Архиппова). (См. также: СЖ, гл. «Александр Блок».)

24—27. Петербургский сборник, 1922, с. 29, в цикле под загл. «Царское Село», из 2-х стих. (4, 3); Царское Село в поэзии, Пб., 1922, с. 49, в настоящем составе, но с другим порядком стих. (4, 2, 1, 3); СтоЛ. 63, в цикле под загл. «В зимнем парке (1916)», из 3-х стих. (1—3). Печ. по ГиН, с. 171.

1. Царское Село в поэзии, Пб., 1922, с. 50, с посвящ. Э. Голлербаху; СтоЛ. 63. Датируется по автографу. *Красные ворота* — в Екатерининском парке г. Пушкина (б. Царское Село). *«Эрмитаж»* — павильон Растрелли (1700—1771), русского архитектора. Построил Смольный собор и Зимний дворец в Петербурге, Большой дворец в Петергофе и Екатерининский (1752—1757) в Царском Селе.

2. Рудин, 1916, № 4, с. 10, под загл. «В царскосельском парке», с посвящ. В. Т.; Царское Село в поэзии, Пб., 1922, под тем же загл.; Ленинград, 1946, № 6, под загл. «В парке», РЗ, под загл. «В зимнем парке»; СтоЛ. 63. *Афродита* — статуя богини красоты (греч. миф.) итальянской работы XVIII в. в регулярной части Екатерининского парка. *Борей* (греч. миф.) — бог северного ветра.

3. Петербургский сборник, Пб., 1922, с. 30, без строфы 7; Царское Село в поэзии, Пб., 1922; СтоЛ. 63. Датируется по автографу. *Бронзовый мечтатель за Лицеем* — памятник юному Пушкину работы скульптора Р. Р. Баха. Установлен в Лицейском саду в 1900 г. *Леда* (греч. миф.) — возлюбленная Зевса, который являлся к ней в виде *лебедя*. Имеется в виду скульптура, установленная в парке. *Турецкий минарет* — павильон «Турецкая баня», построенный в виде мечети в Екатерининском парке.

4. Петербургский сборник, Пб., 1922, с. 29, с посвящ. Э. Голлербаху; Царское Село в поэзии, Пб., 1922, под загл. «Царское Село». Датируется по автографу в беловой тетради 1956—1957 гг. Голлербах Э. Ф. (1896—1942) — искусствовед и литератор, уроженец Царского Села, автор ряда книг, посвященных Царскому Селу. *Над будкой с инвалидом.* При Александре I и позднее надзор за порядком в царскосельских парках был поручен солдатам-инвалидам Отечественной войны 1812 г. *Чугунный Кифаред* — статуя Аполлона-Кифареда (букв.: играющего на кифаре) в Павловском парке. *Аониды*

(греч. миф.) — прозвище муз (Аония — часть Беотии, области в Греции, где на горе Геликон, по поверьям древних, обитали музы). *Анненский* И. Ф. (1856—1909) — поэт, переводчик трагедий Еврипида, автор драмы «Фамира-Кифарэд», директор Царскосельской гимназии, где учился Рождественский. *«Всё простить обидам».* — Возможна реминисценция двух стих. Анненского: оригинального («„Pace“. Статуя мира») и перевода из Гейне «Ich grolle nicht...», начинающегося строкой: «Я всё простил: простить достало сил...» Стих. Гейне привлекло внимание и самого Рождественского (см. № 108). *О чем задумался, отбросив Апулея* и т. д. Речь идет о юном Пушкине (ср. в «Евгении Онегине»: «...Читал охотно Апулея, А Цицерона не читал» (VIII, I). Апулей (II в.) — римский писатель, автор книги «Золотой осел».

28. Литературные вечера. Вечер 1-й, Пг., 1923, с. 22. Печ. по РЗ, с. 321. Датируется по автографу. Это и стих. № 29, 2, 30, 31 объединены в автографе позднего времени под загл. «Юный дневник», с пометой: 1922.

29. Из. 65, с. 59. Датируется по автографу. См. предшествующее прим.

30. Нева, 1980, № 8, с. 57, где опубликовано по датированному автографу. См. прим. 28.

31. Нева, 1980, № 8, с. 57, где опубликовано по датированному автографу. См. прим. 28.

32. Петроград, I. Лит.-худож. альманах, Пг. — М., 1923, с. 16. Печ. по БМ, с. 84. *Легионеры* — римские воины. *Готские косы.* Готы — группа германских племен; воевали с Римом.

33. ЛМ, вып. 2, Пг., 1923, с. 4; БМ. Печ. по Ст. 56, с. 14. Автографы с разночтениями.

34. Жизнь искусства, 1923, № 11, с. 8. Стих. вошло в авторизованный машинописный сборник «Окно в сад (Графика)», с общей датой на титульном листе: 1923—1926. *Словно воск, что наколот на кончик масонской иголки.* Масонство — религиозно-этическое движение, возникшее в начале XVIII в. в Англии; распространилось во многих странах. Многие обряды масонов имели таинственный, мистический характер.

35. ЗПТ, 1923, № 60, с. 2, без эпиграфа, без строфы 3 и с иным порядком строф. Печ. по БМ, с. 58. Эпиграф — из стих. Ф. И. Тютчева «Весенняя гроза». Автографы с вариантами. Вошло в машинописные сборники: под загл. «Майская гроза» — «На полях книг (Тетрадь старинных литографий)» (см. прим. 13); под загл. «Когда весенний первый гром...» — «Окно в сад (Графика)» (см. прим. 34).

36. Стожары, вып. 3, Пб., 1923, с. 17. Печ. по ОвС, с. 121. *Плачет Ярославна, На стене в Путивле.* Навеяно образом княгини Ярославны, жены князя Игоря Святославича («Слово о полку Игореве»).

37. Жизнь искусства, 1923, № 4, с. 8. Печ. по Ст. 56, с. 16. Стих. связано с воспоминаниями поэта о селе Хомяково Тульской губернии (см. прим. 3).

38. Журнал для всех, 1928, № 4, стлб. 5-6; ГС. Печ. и датируется по Ст. 36, с. 28.

39. Нева, 1981, № 4, с. 100, где опубликовано по автографу из тетради с общей датой: 1921—1923. *Клюев* Н. А. (1887—1937) — русский советский поэт, уроженец Олонецкой губернии.

40. Печ. впервые по датированному автографу. Стих. — реминисценция бретонских сказаний о бессмертной любви рыцаря Тристана и королевы *Изольды*, известных в западноевропейской литературе, начиная с XII в., и вошедших в цикл романов «Рыцарей Круглого Стола». *Тинтажель* — замок корнуэльского короля Марка, дяди и сюзерена Тристана. *Герольд* — средневековый глашатай. *Мы смерть свою на море пили, Изольда.* Тристан увез на корабле дочь ирландского короля Изольду, предназначенную в жены его дяде, королю Марку. Во время путешествия Тристан и Изольда по ошибке выпили волшебный любовный напиток, приготовленный ирландской королевой для Изольды и Марка, и полюбили друг друга. *Запрет Корнуэла — пылающий меч.* С намерением исполнить свой вассальный долг перед королем Марком и не допустить любовной близости, Тристан кладет ночью между собой и Изольдой обоюдоострый меч. *Недолго тебе, неутешной княгине* — т. е. Ярославне, см. прим. 36. *Фирман* (тюркск.) — приказание, указ. *Далёко петровские стружки летят.* Имеется в виду строительство Петербурга. Образ использован в стих. № 254. *Сирин* — мифологическая «сладкогласная» птица, обитающая в раю.

41. БМ, с. 81. Датируется по автографу (собрание А. Н. Рашковской). *Ариадна* (греч. миф.) — дочь критского царя Миноса, помогла Тесею выйти из Лабиринта при помощи клубка ниток.

42. Стожары, вып. 3, Пб., 1923, с. 17; БМ; ОвС. Печ. по Ст. 56, с. 19. Датируется по авторизованной машинописи.

43. БМ, с. 37; ОвС, без строфы 4. Печ. по Ст. 56, с. 21. Датируется по автографу.

44. Норд (Баку), 1926, с. 5, с датой; БМ; Ст. 56, где в цикле «Голубой залив». Печ. по Из. 74, с. 307.

45. Печ. впервые по машинописному сборнику «На полях книг (Тетрадь старинных литографий)», см. прим. 13. Вошло также в машинописный сборник «Окно в сад (Графика)», см. прим. 34. Датируется по оглавлению в записной книжке поэта. Стих. навеяно романом Гёте «Страдания молодого Вертера». *Шарлотта* — героиня этого романа.

46. БМ, с. 82, без эпиграфа; Ст. 56, в цикле «На полях книг». Печ. по Из. 65, с. 43. Датируется по автографу. Эпиграф — неточная цитата из принадлежащего В. А. Жуковскому перевода «Одиссеи» Гомера. *Навзикая* (Навсикая, греч. миф.) — прекрасная дочь Алки-

ноя, царя феаков. По желанию Афины Навсикая встретила на берегу потерпевшего кораблекрушение Одиссея и отвела его в дом отца. Она полюбила Одиссея и хотела стать его женой, но, узнав, что Одиссей стремится на родину, отпустила его и только просила помнить о той, которая спасла ему жизнь. В письме к Д. С. Усову из Коктебеля (см. прим. 100) от 6 сентября 1930 г. поэт писал: «Поднимаясь к себе на веранду, я каждое утро вижу, как вбегает в воду Навзикая. Я счастлив — ничем и всем».

47. Печ. впервые по датированному автографу.

48. БМ, с. 90. Датируется по автографу (собрание В. А. Мануйлова).

49. БМ, с. 87, в цикле «Стансы». Печ. по ДД, с. 166.

50. Норд (Баку), 1926, с. 9, под загл. «Стансы»; БМ, в цикле «Стансы». Печ. по ДД, с. 168. Датируется по автографу (собрание В. А. Мануйлова).

51. ЛкЗ, с. 101. Датируется по автографу. Эпиграф — первая строка стих. А. С. Пушкина «Заклинание».

52. БМ, с. 27, как эпиграф к разделу «Березовая роща»; ОвС; Ст. 56, в цикле «В родной природе» (др. ред.); РЗ, как эпиграф к разделу «В русской природе». Печ. по Из. 74, с. 327. Датируется по автографу (ГПБ).

53. Ковш, кн. 3, 1925, с. 191, без загл.; БМ, под загл. «Севастополь»; Ст. 56; В дружбе с мечтой. Печ. по Из. 65, с. 99. Автограф с вариантами. *Синий с белым, как старинный флаг.* Имеется в виду кормовой флаг кораблей русского военного флота, введенный Петром I: белый с диагональным синим крестом (Андреевский).

54. НМ, 1925, № 11, с. 70, без загл.; БМ. Печ. по ДД, с. 170.

55. БМ, с. 44. Датируется по автографу (собрание В. А. Мануйлова).

56. БМ, с. 64, без загл.; Ст. 36, без загл.; Ст. 56, без загл.; РЗ, без загл. Печ. по СтоЛ. 63, с. 124. Датируется по автографу (без загл). *Павловск* — дворцово-парковый ансамбль под Ленинградом, построен для Павла I. *Портик Дружбы* — павильон в парке, архитектор — Ч. Камерон (1730-е годы — 1812).

57. БМ, с. 67. Датируется по автографу.

58. БМ, с. 30; РЗ, без строфы 5; СтоЛ. 63; Из. 65. Печ. по ГнН, с. 27. Датируется по автографу. Набережная реки *Мойки* в Ленинграде известна прежде всего тем, что в доме № 12 находилась последняя квартира А. С. Пушкина; возможно, что именно это — *памятный для сердца молчаливый дом.* Однако в БМ: «Голубой и белый в медальонах дом». Тогда это дом № 23, архитектор И. А. Фомин. *Баратынский* и *Дельвиг* упоминаются не случайно: на Мойке находилась

квартира К. Ф. Рылеева, где устраивались т. н. «русские завтраки», на которых бывали знаменитые поэты, там же — редакция альманаха «Полярная звезда»; неподалеку — дом И. И. Пущина. *Дымный Исаакий* — Исаакиевский собор. *Темный плащ Петра.* Имеется в виду памятник Петру I — Медный всадник.

59. Норд (Баку), 1926, с. 7. Стих. под загл. «На последней странице» (с разночтениями), завершает авторизованный машинописный сборник «На полях книг (Тетрадь старинных литографий)», см. прим. 13. Автограф середины 1950-х годов, под тем же загл., с разночтениями. *Прованс* — историческая область на юго-востоке Франции.

60. БМ, с. 53, как эпиграф к разделу «Земное сердце».

61. БМ, с. 33. Печ. по СтоЛ. 63, с. 59.

62. БМ, с. 87, в цикле «Стансы».

63. КГ (веч. вып.), 1926, 10 декабря, с. 5, под загл. «В грозовые дни»; БМ, с иным порядком строф. Печ. по Из. 65, с. 82.

64. КГ (веч. вып.), 1926, 31 октября.

65. Новые стихи, М., 1926, с. 48, без загл.; БМ; Ст. 56, без строф 6, 7. Печ. по Из. 74, с. 304. *Миньона* — персонаж романа Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера».

66. БМ, с. 14, без загл.; ГС, без загл.; Ст. 36, без загл.; СтоЛ. 63; РЗ, без строфы 3; Из. 65, без строфы 3. Печ. по ГнН, с. 12. *За богатырку и за два квадрата Леворукавных.* Имеются в виду атрибуты формы красного командира в гражданскую войну.

67. БМ, с. 16. *Пэонные турбины.* Пэон (пеан) — в древнегреческой литературе победная песнь.

68. Печ. впервые по авторизованному машинописному сборнику «На полях книг (Тетрадь старинных литографий)», см. прим. 13. Датируется по авторизованному машинописному сборнику «Окно в сад (Графика)», где под загл. «Моя Лизетта», см. прим. 34. *Сарматы* — кочевые племена, поселившиеся на Волге в VI—IV вв. до н. э. *Скифия* — в древности племенное образование в Северном Причерноморье. *Назон* — Публий Овидий Назон (43 до н. э. — 18 н. э.) — римский поэт, автор книги «Наука любви». *Наука страсти нежной* — цитата из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (I, VIII).

69. ОвС, с. 119. Датируется по авторизованному машинописному сборнику «Окно в сад (Графика)», см. прим. 34.

70. Ст. 36, с. 20. Датируется по авторизованному машинописному сборнику «Окно в сад (Графика)» (см. прим. 34), где под загл. «За круглым столом (Гравюра на меди)» и с посвящ. А. И. Доливо-Добровольскому (ум. 1931. Знаток и собиратель гравюр, сотрудник Эрмитажа. Рождественский писал о нем в неопубликованной новелле «Мои чудаки»). Другой вариант стих., под загл «Молодой Гёте»,

в авторизованном машинописном сборнике «На полях книг (Тетрадь старинных литографий)», см. прим. 13. *Хариты* (греч. миф.) — богини красоты, радости, олицетворение женской прелести. *Катулл* (ок. 87 — ок. 54 до н. э.) — римский поэт. *Моро* Ж.-М. (1741—1814) — французский график и иллюстратор.

71. Печ. впервые по авторизованному машинописному сборнику «На полях книг (Тетрадь старинных литографий)», см. прим. 13. Датируется по авторизованному машинописному сборнику «Окно в сад (Графика»), см. прим. 34. *Крошка Доррит* — героиня одноименного романа Диккенса.

72. Печ. впервые по авторизованному машинописному сборнику «На полях книг (Тетрадь старинных литографий)», см. прим. 13. Датируется по авторизованному машинописному сборнику «Окно в сад (Графика)» (см. прим. 34), где стих. с подзаг. «(Рифмы)». *Канцоны* — песни. *Лукреций* — римский поэт-философ I в. до н. э. *Лев* — герб Венецианской республики (кон. XVII—XVIII вв.). *Баптистерий* (греч.) — крещальня (помещение для крещения). Обычно отдельно стоящее сооружение круглой или восьмигранной формы, завершающееся куполом. *Остерия* — харчевня, трактир. *Дож* — правитель Венецианской республики. *«Совет десяти»* — выборный орган управления Венецианской республики. *Я слышу стансы Байрона.* В 1817—1820 гг. Байрон жил и писал в Венеции. *Мюссе рассказ* — «Венецианская ночь» (1830). В Венеции долгое время жил и творил итальянский комедиограф К. *Гольдони* (1707—1793). *Баута* — маска с капюшоном. *Павел* I, будучи наследником престола *(цесаревич)*, путешествовал по Европе под именем *«Граф Северный». Княжною Таракановой Пленяется Орлов.* Елизавета Тараканова (ок. 1745—1775) — авантюристка, выдававшая себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны (1709—1761), объявила себя претенденткой на русский престол. Граф Алексей *Орлов* (1737—1807) обманным путем вывез ее в Петербург, где «княжна» была заключена в Петропавловскую крепость. *Ренье* — см. прим. 390—403 (10). *«Севильского цирульника» Здесь слушал бы Моцарт.* Оперы Россини (1792—1868) «Севильский цирюльник» (1816) и Моцарта (1756—1791) «Свадьба Фигаро» (1787) написаны на сюжет драматической трилогии Бомарше (1739—1799).

73. ГС, с. 84; Ст. 36. Печ. по РЗ, с. 308. Датируется по одному из вариантов авторизованного машинописного сборника «Окно в сад (Графика)», см. прим. 34. Вошло и в другой машинописный сборник «На полях книг (Тетрадь старинных литографий)», см. прим. 13.

74. БМ, с. 68. Печ. по Из. 74, с. 322. Датируется по авторизованному машинописному сборнику «Окно в сад (Графика)», см. прим. 34. Вошло и в другой машинописный сборник «На полях книг (Тетрадь старинных литографий)», см. прим. 13. *Доде Альфонс* (1840—1897) — французский писатель, автор цикла поэтических очерков, воспоминаний, рассказов, объединенных названием «Письма с моей мельницы». *Русский друг его, Тургенев, Был ли счастлив так в «степях»?* Неточная передача фрагмента статьи А. Доде «Тургенев» (1880). Ср.: «Русские степи пробудили чувство и сердце Тургенева» (А. Доде, Собр. соч., т. 7, М., 1965, с. 427). *Гонкуры* — братья Эдмон (1822—1896) и Жюль (1830—1870) — французские писатели. *Opéra* — Гранд-

Опера, крупнейший французский оперный театр, центр музыкальной театральной жизни.

75. Из. 65, с. 393. Датируется по автографу (собрание В. А. Мануйлова). *Я пью из своего стакана* — перефразировка афоризма А. Мюссе из стихотворного посвящ. к драме «Чаша и уста» (1832).

76. Ленинград, 1946, № 6, с. 15, под загл. «Цыганская песня». Печ. по Из. 65, с. 134. Датируется по автографу, под загл. «Песнь степей» (собрание В. А. Мануйлова), с посвящ. Нине Шишкиной, известной в 1920—1930-х годах исполнительнице цыганских песен.

77. Ст. 56, с. 32, без строфы 3. Печ. по ДД, с. 167. Датируется по автографу.

78. Ст. 56, с. 18. Датируется по автографу.

79. Звезда, 1927, № 4, с. 108, под загл. «Федотов»; ГС — в специальном разделе, открывающемся титульным листом, где эпиграф: «. . . «И правит Бенкендорф, Где правили хариты»... Лариса Рейснер. Юношеские стихи» и загл. «Ночной пешеход», с подзаг. «(Петербургская тень)», текст поэмы — под загл. «Ночной пешеход» (первая главка под загл. «Вступление»); Ст. 36, под загл. «Ночной пешеход», без подзаг. (первая главка под загл. «Вступление»); Ст. 56, в цикле «Родные портреты», под загл. «Федотов» (первая главка под загл. «Вступление»); СтоЛ. 63, под загл. «Федотов»; Из. 65; СтоЛ. 67, Печ. по ГнН, с. 68. Датируется по письму Рождественского к Е. А. Архиппову от 27 января 1927 г., где сообщается о завершении работы над поэмой. *Федотов* Павел Андреевич (1815—1852) — русский живописец и поэт. *1. Киприда* — прозвание Афродиты (греч. миф.), богини красоты и любви. *Если в пестрых будках инвалиды* и т. д. См. прим. 24—27. *Павловск, Петергоф* (ныне: Петродворец), *Ораниенбаум* (ныне: Ломоносов) — дворцово-парковые ансамбли под Петербургом. *Плюмажный император* — Николай I. *Плюмаж* — султан, украшение военного головного убора. Марат (*Marat*, 1743—1793) — деятель Великой французской революции 1789—1794 гг., один из вождей якобинцев. *2. Ухнул выстрел.* Сигналом наводнения служил выстрел пушки Петропавловской крепости. *Руку Петра.* Имеется в виду памятник Петру I (Медный всадник). *3. Архалук* — здесь: халат. *Чубук* — длинный мундштук для курительной трубки. *Отставной поручик.* Неточность: Федотов вышел в отставку в чине капитана. *Васильевский* остров — район Петербурга, где в деревянном домике на 16-й линии поселился Федотов. *Исакий В деревянных ребрах на заре!* Строительство Исаакиевского собора завершено в 1858 г. *«Сватовство майора»* — картина Федотова (1848). *Салопница* — женщина, носящая поношенную одежду и просящая на бедность в богатых домах. *«Последний день Помпеи»* — картина К. Брюллова, написанная им в Италии (1830—1833). *Кварта* — в России мера жидкости, кружка. *4. Шпицрутены* — длинные прутья для телесных наказаний. *Корнет* — младший офицерский чин в русской кавалерии. Рождественский рассматривал поэму как переломный момент творчества, начало нового этапа. 19 марта 1927 г. поэт писал Е. А. Архиппову: «После выхода в свет «Большой медведицы» почувствовал я некую завершенность, невозможность идти дальше по той же дороге. Идиллическое эпикурейство как-то уже перерастается мной. И все больше тянет меня к романтике, окрашенной в трагические тона. Таковы

стихи «Судьба поэта», таков и «Федотов». ⟨...⟩ Проблема поэта все больше и больше начинает заполнять мое воображение. Я словно стараюсь дать себе отчет, в чем назначение на нашей земле такого человека, у которого архитектурные свойства воображения более реальны, чем сама жизнь. И что такое в конце концов мечта, как не сгущенная реальность?» В другом письме тому же адресату (от 27 января 1927 г.) автор так характеризовал свою новую работу: «„Федотов" на прошлой неделе закончен. Это называется „Ночной пешеход" («Петербургская поэма»). Мне трудно рассказать Вам об этой вещи. Я еще не успел отойти от нее на достаточное расстояние. Лирическим своим захватом она еще продолжает волновать меня. Это в полном смысле Петербургская поэма. Там и осенний ветер со взморья, и подъем воды в Неве, угрожающий наводнением, и Петропавловская крепость, и луна, разрывающая тучи, и одинокий ночной пешеход, и унылые линии Васильевского острова в туманном рассвете, и пьяница Федотов, и сытый славой Брюллов. Работал я три недели с большим захватом по ночам... Я не переписываю Вам эти полтораста строк, потому что они должны еще полежать немного, остыть и превратиться в звонкий, новый металл».

80. ГС, с. 128, без строф 3, 4; Ст. 56, в цикле «На полях книг». Печ. по Из. 65, с. 41. Датируется по автографу. Другой автограф — с пометой: «Зима 1927». Стих. без строф 3, 4 вошло в авторизованный машинописный сборник «Окно в сад (Графика)», см. прим. 34. *Розина, Альмавива, доктор Бартоло, Фигаро* — персонажи оперы Россини «Севильский цирюльник». *Тщетная предосторожность.* Возможно, использовано загл. балета «Тщетная предосторожность» (первая постановка 1789 г.), автор либретто Ж. Дюбервиль, композитор неизвестен.

81. ЛС, 1938, № 4, с. 148, под загл. «Эрмитаж»; ОвС, под тем же загл.; Ст. 56, в цикле «На полях книг». Печ. по РЗ, с. 254. Датируется по автографу. Вариант начала в автографах: «Во Фландрию, во Фландрию, веселую, как пламя...». *Фландрия* — одна из провинций Нидерландов. Облик этой страны оживает на полотнах голландских живописцев, широко представленных в *Эрмитаже.*

82. ГС, с. 139. Датируется по автографу.

83. ДД, с. 79, Печ. по Из. 74, с. 36. Датируется по автографу. Источник эпиграфа — не установлен. *На крутой горе Давида.* Имеется в виду гора Мтацминда, где построен храм св. Давида; у подножья горы расположен Тбилиси. *«Муша»* — разносчик в старом Тбилиси; также работник. *Авлабар* — район старого Тбилиси, по левую сторону от Куры. *Тари* — восточный музыкальный струнный инструмент.

84. КГ (веч. вып.), 1927, 26 октября, с датой; ГС; Ст. 56. Печ. по Из. 65, с. 119.

85. ГС, с. 133; Ст. 36, под загл. «Зимние дни»; Ст. 56. Печ. по СтоЛ. 63, с. 126. Датируется по автографу. *Желтый Павловский дворец* — памятник архитектуры русского классицизма, построенный на высоком берегу Славянки в 1782—1786 гг. по проекту Ч. Камерона. *Снежный камень Камерона* — павильон Дружбы, построенный по проекту Камерона. *Сольвейг* — героиня пьесы Г. Ибсена «Пер Гюнт»,

86. Печ. впервые по датированному автографу. Посвящено *Ирине* Павловне Стуккей (1906—1979), будущей жене поэта.

87. ГС, с. 123; ОвС. Печ. по СтоЛ. 63, с. 66. Датируется по авторизованной машинописи. *Фонтанка* — река в Ленинграде.

88. КГ (веч. вып.), 1928, 30 октября; ОвС. Печ. по РЗ, с. 240.

89. КГ, 1928, 11 ноября; ГС; Ст. 56; СтоЛ. 63; Из. 65. Печ. по ГнН, с. 25.

90. КГ (веч. вып.), 1928, 18 июня, под загл. «Крымский тополь»; ГС, в цикле «Черноморские ночи»; Ст. 56. Печ. по Из. 65, с. 310.

91. Гул земли, Л., 1928, с. 78, под загл. «Черноморская ночь»; ГС, в цикле «Черноморские ночи»; ОвС; Ст. 56, в цикле «Голубой залив», без строф 4, 5. Печ. по Из. 65, с. 115.

92. Красная новь, 1928, № 11, с. 103; ГС, Печ. по ОвС, с. 95. *Хорей* — в русском стихосложении двусложная стопа, в которой безударный слог следует за ударным. *Гекзаметр* — метрический стих из шести стоп дактиля (дактиль — трехсложная стопа с ударением на первом слоге). *Цезура* (лат. — разрез) — постоянный словораздел в стихе.

93. ГС, с. 29.

94. ГС, с. 135, с эпиграфом: «Сады прекрасные! Под сумрак ваш священный Вхожу с поникшею главой... Пушкин»; Ст. 36, с тем же эпиграфом; Ст. 56, под загл. «Сады поэта», в цикле «Родные портреты»; СтоЛ. 63; Из 74. Печ. по ГнН, с. 174. Эпиграф в ранних публикациях — из стих. «Воспоминания в Царском Селе» (1829). *Из разбитого девой кувшина.* Речь идет о фонтане «Девушка с кувшином» (скульптор П. Соколов) в Екатерининском парке г. Пушкина (бывшее Царское Село). Воспет А. С. Пушкиным в стих. «Царскосельская статуя». *Над орлами в дыму Наварина.* Имеется в виду обелиск в Екатерининском парке, поставленный в память морского боя 1770 г., когда русские войска взяли турецкую крепость Наварин. *Леда* — см. прим. 24—27. *Катюша Бакунина* — Екатерина Бакунина (1795—1869) — сестра лицейского товарища Пушкина. Ей посвящены стихи Пушкина 1815—1817 гг. *И над озером первые строфы сложил* и т. д. Имеется в виду стих. Пушкина «Воспоминания в Царском Селе» (1814). *Лебедей здесь когда-то кормили с руки.* Озеро с лебедями упоминается в стих. Пушкина «Городок» (1815). *В мертвом царстве команд и плюмажа.* У Екатерининского парка в пушкинское время были расположены казармы гусар. Плюмаж — султан, украшение военного головного убора. *Барокко* (итал., буквально: странный, причудливый) — основное стилевое направление в искусстве Европы конца XVI — середины XVIII в., отличавшееся декоративной пышностью и живописностью. В этом стиле построен *«Эрмитаж»* в Екатерининском парке (архитектор — Растрелли, см. прим. 24—27). *«Мечеть»* — см. прим. 24—27.

95. КГ (веч. вып.), 1928, 19 июня, под загл. «Яблонь», в цикле «Балтийские дни»; ГС; ОвС; Ст. 56. Печ. по Из. 65, с. 86. Датируется по автографу.

96. ОвС, с. 124. Датируется по автографу.

97. ГС, с. 37; РЗ; СтоЛ. 63; Из. 65; Из. 74. Печ. по ГнН, с. 8. Датируется по авторизованной машинописи.

98. Красная панорама, 1928, № 31, с. 9 (др. ред.); ГС; Ст. 56; В дружбе с мечтой; РЗ; Из. 65. Печ. и датируется по Ст. 70, с. 31.

99. Дон, 1975, № 4, с. 43. Печ. по ЛкЗ, с. 109. Датируется по дневниковой записи Н. А. Бринкман. Стих. связано с пребыванием поэта летом 1927 и 1928 гг. в Гаспре.

100. ЗС, с. 64, с датой; Ст. 56, под загл. «Кокгебель» (др. ред.). Печ. по Из. 65, с. 105. *Коктебель* (ныне Планерское) — посслок в Крыму, где в выстроенном по его чертежам доме жил поэт М. А. Волошин (1877—1932). *«Мастерская»* построена по проекту Волошина в 1913 г. В этом доме прошел последний период его жизни (1917—1932). В летние месяцы в доме Волошина собиралась творческая интеллигенция. В 1927 г. в письме к Э. Ф. Голлербаху (см. о нем прим. 24—27) Волошин заметил: «„Волошинский Дом" — это не я. А целый коллектив». Рождественский познакомился с Волошиным в 1926 г., но впервые приехал в Коктебель по его приглашению год спустя (см.: СЖ, гл. «Коктебель»). После смерти Волошина в письме 1932 г. к Е. Я. Архиппову Рождественский признался: «Встречу и общение с ним, Поэтом и Другом, считаю я лучшим даром судьбы» (ЦГАЛИ). *Гоген* П. (1848—1903) — французский художник, умер на *Таити,* где провел последние годы жизни. *С сребристым мудрецом в повязке Гезиода.* Имеется в виду Волошин; подобно древним грекам, он повязывал волосы шнурком или полынным венком. Гезиод (VIII—VII вв. до н. э.) — древнегреческий поэт. *Он водит кисточкой по вкрадчивой бумаге.* Волошин был также художником. *Он колет мысль мою концом масонской шпаги.* См. прим. 34. *Мне «море Черное шумит, не умолкая»* — цитата из стих. М. Ю. Лермонтова «Памяти А. И. О⟨доевско⟩го». В письме к Д. С. Усову от 6 сентября 1930 г. из Коктебеля Рождественский рассказывал: «Моя комната в этом году раскрыта на Карадаг и на зеленые горы старого Крыма, прямо под черепичной крышей. Море я только слышу — неумолчно. Комнатка монастырски бела. На ее голых стенах пучки горных пахучих мят и сухой кустик розоватого перекати-поля. На гладкой доске стола мои тетради, коктебельские камни, свеча и один из узлистых габриаков — на счастье. У изголовья постели — ниточка татарских бус... Когда я утром раскрываю дверь, меня ослепляет синий огонь моря и неба. Из глубины комнаты все, что видишь в светлом квадрате окна или двери, кажется кусочком какой-то Италии, снившейся в детстве... День проходит в зное берега и прохладе известковых комнат. Вечер приносит с собой графическую ясность и точность кругозора, тихо синеющие горы, первую звезду над морем и свечи на балконе. Черное небо начинает роиться золотыми и серебряными пчелами. Наступает час бесед и стихов. Деревушка засыпает. Море тяжело вздыхает, шуршит каменьями, осыпается пеной. Сейчас полнолуние. Воздух соткан из стеклянного звона цикад. С Южного берега идет теплый бриз. Лодка со свернутым парусом равномерно и настойчиво подергивает веревку причала. Чертят небо падающие искры. Коктебель становится Киммерией, и в бухту скользит Одиссеева ладья».

101. Лит.-худож. сборник «Красной панорамы», 1929, август, с. 56; ГС; Ст. 56; Из. 65; Из. 74. Печ. по ГнН, с. 23. *Ампир* — архитектурный стиль трех первых десятилетий XIX в., завершивший развитие классицизма; его представители в России: А. Д. Захаров, А. Н. Воронихин, К. И. Росси, В. П. Стасов (см. прим. 183—188). *Барокко* — см. прим. 94.

102. ЗС, с. 40, с подзаг. «Ханчквари», с датой и пометой. Печ. по Из. 74, с. 38. Дата уточняется по автографу. *Имеретия* — область в Грузии.

103. Психея, с. 67. Датируется по автографу. В стих. речь идет о Коктебеле и М. А. Волошине — см. прим. 100. Из письма Рождественского к Е. А. Архиппову от 28 августа 1932 г. известно, что один из номеров «*Mercure de Françe*» был на столике у постели Волошина в самые последние его дни. *Геракл* (греч. миф.) — герой, совершивший множество подвигов; победил своего учителя в стрельбе из лука. *И, словно лебеди эпохи символизма.* Лебеди — см. прим. 390—403 (12). Ср. высказывание Рождественского в письме к Е. А. Архиппову от 1932 г.: «Будут меняться в веках лики Коктебеля, каждая человеческая культура будет оставлять свой отпечаток... Уже прошел на наших глазах Русский Символизм, и следы его, всюду рассеянные в комнатах и книгах Максимилиана Волошина, кажутся глубокой историей». *Скифия* — см. прим. 68. *Молодость Стрибожья.* Стрибог в мифологии восточных славян — бог ветра. *Пан* (греч. миф.) — бог лесов и рощ, покровитель пастухов, охотников, рыболовов. *Гезиод* — см. прим. 100. *Мятежный протопоп* — протопоп Аввакум (1621—1682) — писатель, идейный вдохновитель русского старообрядчества; сожжен в Пустозерске, на Мезени. М. А. Волошину принадлежит поэма «Протопоп Аввакум».

104. ЗС, с. 93, под загл. «Павловский вокзал (Девятисотые годы)»; Ст. 36, под тем же загл.; РЗ; СтоЛ. 63; Из. 74, под загл. «Павловский вокзал (Начало века)». Печ. по ГнН, с. 195. Датируется по авторизованной машинописи. В стих. описываются музыкальные концерты, устраиваемые, начиная с 1830-х годов, в специально построенном павильоне Павловского парка (см. прим. 79) — *Павловском вокзале* (ныне не сохранившемся). В творчестве поэта музыка занимала важное место. Еще в 1927 г. он писал Е. А. Архиппову: «Музыка помогает мне нести мои ритмы, не растрачивая их по пути. Но она же и перебивает их своими ритмами» (ЦГАЛИ). *Кирасиры* — см. прим. 22. *Мой директор* — И. Ф. Анненский, см. прим. 24—27. *Трек* — площадка и дорожки для спортивных игр, рядом с ж.-д. станцией Павловск-2 и зданием музыкального павильона. *Септет* — музыкальное произведение для семи исполнителей. *Окарина* — флейта. *Мельничьи колеса, форель* — намек на вокальный цикл Ф. Шуберта (1797—1828) «Прекрасная мельничиха» (1823). *Татарщина Бородина.* Имеется в виду опера «Князь Игорь».

105. ЗС, с. 7, под загл. «Дід Дніпро», с датой; Ст. 36, под тем же загл.; Ст. 56; Из. 65. Печ. по Из. 74, с. 31. 14 июля 1930 г. поэт писал Д. С. Усову: «...скажу только, что я живу сейчас в общежитии и что окна выходят прямо на постройку, и что это великолепное чудище и денно и нощно ревет, пыхтит, стучит, воет — и мешает спать, и вливается в кровь непобедимым ритмом бодрости и весе-

лья... Хожу всюду, куда только можно пойти, и, о техника! — «темный твой язык учу». А это действительно интересно для меня! Я хочу сказать точнее — интересны не машины, а люди — и писать буду только о людях и — скажу Вам по секрету — о том, чем и как отличается человек от машины. Днепрострой — не правительственный циркуляр. Днепрострой — творимая легенда».

106. Резец, 1939, № 17—18, с. 13. Печ. по ОвС, с. 120. Датируется по беловой тетради 1946—1955 гг., где помета: «1920-е».

107. Ст. 56, с. 38; РЗ. Печ. по Из. 74, с. 229. Датируется по беловой тетради 1946—1955 гг., где помета: «1920-е».

108. Ст. 36, с. 46; Из. 65. Печ. по Из. 74, с. 306. Стих. вошло в авторизованный машинописный сборник «На полях книг (Тетрадь старинных литографий)», см. прим. 13. Датируется по этому сборнику. *Раскаты* — откосы крыши. *Пилястра* — плоский вертикальный выступ прямоугольного сечения на поверхности стены или столба.

109. ОвС, с. 146. Датируется по беловой тетради 1946—1955 гг., где помета: «Конец двадцатых».

110. Нева, 1980, № 8, с. 57, где опубликовано по автографу с пометой: «Конец двадцатых».

111. Ст. 56, с. 37. Датируется по автографу.

112. ЗС, с. 69, без строф 5, 6, с датой. Печ. по ОвС, с. 106. *«Киммерийские пустыни»* — намек на название берегов Восточного Крыма, данное им М. А. Волошиным (см. цикл его стихов «Киммерийские сумерки» и прим. 100). *Щедрин Сильвестр* Феодосиевич (1791—1830) — русский художник, с 1818 г. живший в Италии. Мастер морских прибрежных пейзажей.

113. Психея, с. 65. Датируется по автографу. *Товия* — ветхозаветный апокрифический персонаж; ослеп и нуждался в поводыре. *Вожатый* — М. А. Волошин, см. прим. 100.

114. ОвС, с. 80, под загл. «Сад»; РЗ, без загл. Печ. по СтоЛ. 63, с. 115. Датируется по автографу. Эпиграф — из стих. А. С. Пушкина «Воспоминания в Царском Селе» (1829). Стих. посвящено Екатерининскому парку в г. Пушкине (бывшее Царское Село, см. прим. 24—27). *Корнель* П. (1606—1684) — французский драматург, создатель национальной французской трагедии. *Озеров* В. А. (1769—1816) — русский драматург, автор нескольких трагедий. *Руины* — строения Екатерининского парка, стилизованные под развалины античного здания. *Каскады* — имеется в виду, вероятно, Красный каскад. *Барокко* — см. прим. 94. *Волюта* — архитектурный мотив в виде спиралевидного завитка. *Растрелли* — см. прим. 24—27 (1). *Колонны сдержанный полет.* Имеется в виду Чесменская мраморная колонна, увенчанная бронзовым орлом (архитектор А. Ринальди), установленная над водой Большого пруда в память о победе русского флота в войне с Турцией в Чесменской бухте 26 июня 1770 г. *Перетта* — «Девушка с кувшином», см. прим. 24—27, 94.

115. ОвС, с. 164; Ст. 56; В дружбе с мечтой. Печ. по Из. 65, с. 423. Датируется по автографу. *Плеяды* (греч. миф.) — семь сестер, превращенные в семизвездие.

116. Ст. 36, с. 151. Печ. по ОвС, с. 105. Датируется по автографу.

117. ЗС, с. 19, с пометой: «Манес. Лорийское ущелье»; Ст. 36, с той же пометой; Ст. 56. Печ. по Из. 65, с. 123. *Тар* (тари) — см. прим. 83.

118. ЗС, с. 79, с посвящ. Д. С. Усову; Ст. 56; Из. 65. Печ. по Из. 74, с. 127. Датируется по письму Д. С. Усова к Е. А. Архиппову от 10 октября 1932 г. *Справа — тихвинские реки, Слева — тульская полынь.* Отец Рождественского родился в с. Ильинском под Тихвином, мать — уроженка с. Туртень Ефремовского уезда Тульской губернии (см.: СЖ, гл. «Родительское гнездо» и «Тихвинщина»). Существовала семейная легенда о примеси цыганской крови со стороны матери, о чем поэт любил вспоминать.

119. ЗС, с. 108, с датой; Ст. 36; РЗ. Печ. по Из. 65, с. 362. *Растрелли* — см. прим. 24—27. В этом автобиографическом стих. последовательно описываются Екатерининский парк г. Пушкина (*руины, каскады* — см. прим. 114); Тихвинщина (см. прим. 118); имение Хомяково в Ефремовском уезде Тульской губернии (см. прим. 3); казахские степи и городок Аулие-Ата, где поэт побывал с геологическими экспедициями в 1931 и 1932 гг. (см. прим. 123, 124).

120. ЗС, с. 83; ОвС, без строфы 5; Ст. 56, без строф 5, 6. Печ. по Из. 74, с. 128.

121. ЗС, с. 81, под загл. «Северная дорога (Апрель)». Печ. по Ст. 56, с. 22.

122. ОвС, с. 126. Печ. по Из. 65, с. 360. Датируется по автографу.

123. Печ. впервые по датированному автографу. Стих. навеяно путешествиями автора по Южному Казахстану в 1931—1932 гг. в составе геологических экспедиций. 16 августа 1932 г. он заметил: «Неизъяснимое наслаждение долгую дорогу качаться в седле, дышать полынью и мятой, следить за широким — насколько хватает глаз — волнообразным переливанием холмов, на которых только изредка можно увидеть маячащую точку другого всадника!.. Чувство времени, чувство пространства заполняет все».

124. ЗС, с. 22, с датой и пометой: «Южный Казахстан»: Ст. 36; Ст. 56; В дружбе с мечтой; Из. 65; СВ. Печ. по СМ, с. 55. В письме к Д. С. Усову от 17 августа 1932 г. Рождественский писал: «А геологи! Эти «земные» люди — самые большие «идеалисты», которых я только встречал. Они любят землю не для себя, а для нее самой. ...В тяжелую и подчас скучную работу они умеют вносить фантазию и пылкость».

125. ЗС, с. 44, с датой и пометой; Ст. 56; Из. 74, без строф 3, 4. Печ. по Степная весна, с. 24.

126. ЗС, с. 60; РЗ. Печ. по Степная весна, с. 23. Датируется по автографу. 21 августа 1932 г. поэт признался в письме к Е. А. Архипову: «Порой мне кажется, что я близок к состоянию полного физического счастья. Это выражается прежде всего в том, что я пишу — после почти двухлетнего безмолвия».

127. ЗС, с. 62; РЗ; Степная весна, под загл. «Жулдыз». Печ. по СМ, с. 60.

128. ОвС, с. 134. Печ. по Ив., с. 53. Посмертная публикация — Нева, 1982, № 11, с. 97, по датированному автографу, под загл. «Ирине». Автограф записан на авторском экземпляре ЗС (с разночтениями и датой: «XI.33 г.»). Стих. посвящено И. П. Стуккей, см. прим. 86.

129. ОвС, с. 116; Ст. 56; РЗ; Из. 65. Печ. по Из. 74, с. 142. Стих. навеяно воспоминаниями о пребывании в 1914—1918 гг. в имении Хомяково (см. прим. 3).

130. ОвС, с. 149. Печ. по Степная весна, с. 31. Датируется по автографу. *Карашаш* (Кара-Таш) — героиня казахского эпоса.

131. ЛС, 1940, № 12, с. 78, в цикле «Стихи памяти»; ОвС. Печ. по Ст. 56, с. 96, где в цикле «Голубой залив». Датируется по машинописи, под загл. «Голубой залив». *Снова подушка моя горяча.* Ср. начальные строки первого стих. цикла А. Ахматовой «Два стихотворения»: «Подушка уже горяча С обеих сторон». *Блещет игла над каналом.* Имеется в виду, вероятно, шпиль Казанского собора.

132. ЛС, 1938, № 12, с. 152; Ст. 56, в цикле «Родные портреты». Печ. по ГнН, с. 85. Ф. И. *Тютчев* (1803—1873) более двадцати лет провел на дипломатической службе в Западной Европе. *Камергер* — придворное звание старшего ранга. *Спустился по ступенькам Камерона.* Имеется в виду Камеронова галерея в г. Пушкине (бывшее *Царское Село,* см. прим. 24—27). *«Мечети» призрак* — см. прим. 24—27. *Славянство и Босфор.* Речь идет о политических статьях Тютчева, в которых отразились его славянофильские настроения 1860-х — начала 1870-х годов. *Ночь, хаос* — ключевые слова тютчевской лирики. *О, за один усталый женский взгляд* и т. д. Имеется в виду цикл стих. Тютчева, посвященный Е. А. Денисьевой (1826—1864), написанный в 1850—1860-х годах, в частности стих. «Чему молилась ты с любовью...». *«Возвышенной стыдливостью страданья»* — неточная цитата из стих. Тютчева «Осенний вечер».

133. Звезда, 1939. № 2, с. 79; ОвС; Ст. 56, в цикле «Родные портреты»; СтоЛ. 63; Из. 74. Печ. по ГнН, с. 59. *Юрьев* Ф. Ф. (1796—1860) — офицер гусарского полка, член общества «Зеленая лампа». *Чаадаев* П. Я. (1794—1856) — офицер гусарского полка, участник Отечественной войны 1812 г., член Союза благоденствия, философ. *Каверин* П. П. (1794—1855) — офицер гусарского полка, член Союза благоденствия. Полк, к которому принадлежали гусары, друзья А. С. Пушкина, квартировал в Софии, районе, расположенном между Царским Селом и Павловском. *Сильфиды* (кельтск. миф.) — духи воздуха, персонажи романтического балета. *«Их важно чашники носили...»* и т. д. — цитата из поэмы Пушкина «Руслан и Людмила»,

По свидетельству Пушкина, поэма была начата им еще в Лицее. *Вдоль озера с колонной* — см. прим. 114. *Чертог* — Екатерининский дворец (см. прим. 24—27). *В четвертом этаже окно.* На четвертом этаже располагались спальни лицеистов.

134. ОвС, с. 137. Печ. по Ст. 56, с. 20.

135. ОвС, с. 160. Печ. по Ст. 56, с. 133.

136. ОвС, с. 100, под загл. «Черное море» (др. ред.); Ст. 56. Печ. по Из. 65, с. 101.

137. ОвС, с. 42, без подзаг. Печ. по РЗ, с. 319. Датируется по авторизованной машинописи. *Чекмень* — одежда кавказских горцев. *Домик в Пятигорске*, где жил М. Ю. Лермонтов, ныне превращен в музей. *Подкумок* — река, на которой стоит Пятигорск; приток Кубани.

138. Резец, 1939, № 17—18, с. 13; ОвС. Печ. по Ив., где является эпиграфом к книге.

139. ОвС, с. 135; ДД. Печ. по Из. 74, с. 151. Датируется по автографу в беловой тетради 1946—1955 гг., где в разделе стих. 1930-х годов.

140. ЛС, 1940, № 2, с. 77, без загл., в цикле «Стихи памяти»; Ст. 56; РЗ; СтоЛ. 63; Из. 65. Печ. по ГнН, с. 180. Датируется по авторизованной машинописи. *Городок* — г. Пушкин.

141. Звезда, 1942, № 3-4, с. 156, без строфы 5; РД; Ст. 56; РЗ; СтоЛ. 63; Из. 65. Печ. по СМ, с. 21. Датируется по черновому автографу во фронтовой тетради (ГПБ). *Памятник* А. В. *Суворову* (автор — скульптор М. И. Козловский, 1801 г.), изображающий его в доспехах римского военачальника, установлен в Ленинграде, на Марсовом поле, при въезде на *Кировский мост. «Наука побеждать»* — название знаменитой книги А. В. Суворова (1806). *Твердыни Измаила.* Армия Суворова в 1790 г. взяла штурмом турецкую крепость Измаил. *В Италии летела с гор лавиной.* Имеется в виду Итальянский поход Суворова во время войны с французской армией Наполеона I. *Фридрих* II Великий (1740—1786) — прусский король. *Чертов мост* — узкий проход в горном узле Швейцарских Альп, Сен-Готарде. В 1799 г. армия Суворова совершила знаменитый переход через перевал, в результате чего остатки французской армии были разбиты.

142. Звезда, 1942, № 5-6, с. 32 (др. ред.); ГР. Печ. по РД, с. 13. Датируется по черновому автографу во фронтовой тетради (ГПБ).

143. Звезда, 1942, № 5-6, с. 33. Печ. по ГР, с. 30. Датируется по автографу во фронтовой тетради (ГПБ).

144. ГР, с. 17. Датируется по автографу, под загл. «Гнев советского народа», во фронтовой тетради (ГПБ). *Меч поднявший — гибнет от меча.* Перефразировка слов, приписываемых Александру Невскому (1220—1263); восходят к Евангелию (Матф., XXVI, 52).

145. Звезда, 1942, № 5-6, с. 32; ГР, с посвящ. «Ирине». Печ. по РД, с. 43. Датируется по автографу, под загл. «Ты в бой идешь со мной», во фронтовой записной книжке (ГПБ). Ирина — см. прим. 86.

146. Ленинград, 1943, № 9, с. 2, с обл. (др. ред.), без подзаг.; Ладога, под загл. «Мой Ленинград», с подзаг. «Белая ночь», с датой: Июнь 1942; Город славы боевой, Л., 1945, без подзаг.; РД, под загл. «Белая ночь», без подзаг., с датой «1942, Волховский фронт»; РЗ; СтоЛ. 63, под загл. «Белая ночь», с подзаг. «Волховский фронт (1942)»; Из. 65, без даты в подзаг.; Ст. 70, с датой под текстом: 1942; Из. 74, без даты в подзаг. Печ. по ГнН, с. 102. Датируется по Ладога. *Острова* — Кировские острова, парк, любимый ленинградцами. Упоминание Островов, *колонн* придает стихотворению блоковский колорит (ср. стих. А. Блока «На островах»). Изваяния *львов* — характерная примета ленинградского пейзажа. В письмах этого времени к жене с Ленинградского и Волховского фронтов Рождественский писал: «Все мысли и чувства обращены к Ленинграду. Если бы ты знала, с каким волнением слушаем мы по радио его голос!» (25 апреля 1942 г.) 14 апреля 1942 г.: «Я много думаю о Ленинграде — даже не в узко личном, бытовом плане, а в каком-то общем значении для страны, для всех нас этого города... Его стойкость и героизм становятся символом, утверждением непобедимости русского народа. Но как все это не просто, не легко! Что же! тем прекраснее будет наша окончательная победа». 8 мая того же года: «Лучше города на свете нет, а сейчас после всего пережитого в нем и с ним, он для меня всего дороже». 14 февраля 1944 г. в письме к И. М. Басалаеву: «Я не близко от него, но мое сердце все время с ним. Помните эти счастливо найденные строки (Лавренева)?: „Сердце — в вазу порфирную, в Летний торжественный сад!"» (имеется в виду стих. Б. Лавренева «Славянин и татарин, потомок степного номада...», посвящ. Вс. Рождественскому; напечатано в ЗПТ, № 64, 1923, с. 3). *Летний сад* — см. прим. 14.

147. Звезда, 1943, № 3, с. 8 (др. ред.); ГР; РД, с посвящ. «Ирине». Печ. по Ст. 56, с. 181. Датируется по автографу (ГПБ). Ирина — см. прим. 86.

148. ГР, с. 38; РД. Печ. по Из. 65, с. 336. Датируется по черновому автографу (ГПБ).

149. ГР, с. 34; РД, без строфы 1; Ст. 56; РЗ; Из. 65; Ст. 70. Печ. по Из. 74, с. 59. Датируется по автографу во фронтовой записной книжке (ГПБ).

150. ГР, с. 31. Датируется по автографу во фронтовой тетради (ГПБ).

151. ГР, с. 39; РД. Печ. по Из. 65, с. 308. Датируется по автографу во фронтовой тетради (ГПБ). В письме к жене (1942) Рождественский писал: «Стоит ясный осенний день. Желтые листья, сквозистые лесные чащи, мягкие и сыроватые кочки под ногами... Затем заставили меня читать лирические стихи и не отпускали часа полтора. Быть может, нигде, ни в какой другой аудитории так хорошо не читается, как здесь, в глухом лесу, где нет-нет гремят раскаты, слышится над головой грозное жужжание авиамоторов».

152. ГР, с. 12, с посвящ. «Боевым друзьям». Печ. по РД, с. 27.

153. ГР, с. 10; РД; Ст. 56. Печ. по СтоЛ. 63, с. 23. Датируется по черновому автографу во фронтовой тетради (1942—1943, ГПБ).

154. ГР, с. 23; под загл. «День радости»; Нева, 1973, № 1, с. 42, под загл. «Ломился враг в ворота Ленинграда». Печ. по ГнН, с. 111. Автограф, под загл. «Героям Тихвина и Волхова», среди стих., посланных жене с фронта. В авт. экз. ГР автограф загл. «Клятва».

155. Ленинград, 1943, № 9, под загл. «Волховская весна»; Ладога, под загл. «Тишина». Печ. по Ст. 56, с. 194.

156. Звезда, 1944, № 3, с. 39; Ладога; РД; Ст. 56. Печ. по Из. 65, с. 202. Датируется по автографу во фронтовой записной книжке (ГПБ). В черновом автографе (ГЛМ) и авторизованной машинописи (ГЛМ) — разночтения. 10 февраля 1943 г. поэт писал жене: «Ты все поймешь, если я скажу тебе, что находился в дни прорыва блокады там, где мне, как природному ленинградцу, и подобало быть, — на передовом крае. Скажу больше — мне несказанно повезло — все это происходило на моих глазах». Осенью того же года: «. . .А вместе с тем все больше и больше растет уверенность, что мы все сойдемся здесь вокруг нашего круглого стола».

157. ГР, с. 36. Печ. по РД, с. 44. Датируется по автографу во фронтовой записной книжке (ГПБ). *На Каме, в глухом городке.* Семья Рождественского во время войны находилась в эвакуации в Пермской области, дер. Черная, вместе с детским лагерем Литфонда.

158. ГР, с. 40. Печ. по РД, с. 46. Датируется по черновому автографу (ГПБ). *Светлана* — героиня одноименной баллады В. А. Жуковского.

159. Звезда, 1943, № 3, с. 8; Ладога; РД; СтоЛ. 63; Ст. 70, с датой: 1943; Ал. Печ. по Из. 74, с. 66. Датируется по черновому автографу (ГПБ). По поводу этого стих. В. М. Инбер писала Рождественскому 11 июня 1943 г.: «Стихи... очень хороши. «Могилу бойца» очень хочется дать в «Звезду», если Вы не возражаете».

160. Ленинград, 1944, № 4, на обл.; Ладога, с ошибочной датой; РД. Печ. по Ст. 56, с. 179. Датируется по автографу в записной книжке (ГПБ).

161. Ладога, с. 17; Известия, 1946, 7 апреля, под загл. «И я служил народу своему». Печ. по РД, с. 26. Датируется по черновому автографу (ГПБ). В письме к жене с фронта от 11 мая 1942 г. В. А. Рождественский писал: «Несмотря на все трудности и опасности мне приятно сознавать, что личная и непосредственная моя судьба неотделима сейчас от судьбы народа, от его героической борьбы... Здесь все в душе стало просто и ясно, и весь лишний сор ушел из нее. И несмотря на то, что живешь, подвергнутый всяким случайностям, сознание не покидает полная уверенность в том, что именно так и надо жить — нет лучшего пути».

162. Ладога, с. 23. Печ. по Ст. 56, с. 177. Датируется по автографу во фронтовой записной книжке (ГПБ). Посвящено поэту А. И. Гитовичу (1900—1966). В. А. Рождественский писал жене с фронта: «Поздно вечером приехал я сюда — и сразу попал в дружную командирскую семью. Почти все ленинградцы, культурные люди. За ужином, при свете маленькой керосиновой лампочки, в тесноте, да не в обиде, вспомнили филармонию, театры. Хорошо беседовали на симоновскую тему «Жди меня», рассказывали боевые случаи, перебирали в памяти отсутствующих товарищей. Конечно, есть и свои трудности, связанные с фронтовой обстановкой, но не в них суть, а в той подлинно товарищеской солидарности, в подлинном духе бодрости и уверенности в своих силах, которые живут в каждом окопе, в каждом блиндаже». *Недостает нам только кружки* и т. д. — намек на стих. А. С. Пушкина «Зимний вечер».

163. Звезда, 1944, № 3, с. 40; Ладога; РД; Ст. 56. Печ. по Ив., с. 30. Датируется по автографу во фронтовой тетради (ГЛМ). В рецензии на сборник «Ладога» (Звезда, 1945, № 9, с. 136—137) П. Громов назвал это стих. «самым сильным ... во всей книге». «В стихотворении есть то, что присуще как будто бы в столь прямом виде только роману, — острый, аналитически точный, даже отчасти как бы рассудочный психологический рисунок. Стихотворение это является наиболее точным и художественно законченным воплощением всего того, что — в порядке задания, поэтической тенденции — обещает вся книга».

164. Ладога, с. 59; РД. Печ. по Ст. 56, с. 187. Датируется по черновому автографу во фронтовой записной книжке (ГПБ).

165. Ладога, с. 68. Печ. по Ст. 56, с. 222. 3 сентября 1943 г. В. А. Рождественский писал жене: «И уж если говорить до конца, то вот этой самой «лирики» и не хватает больше всего. На фронте, в разлуке с тобой я убедился, что самая малая крупица ее — золото, без которого никто не хочет жить. Это порою нужнее хлеба...».

166. Ладога, с. 62, без загл. Печ. по Ст. 56, с. 176. Датируется по черновому автографу (без загл.) во фронтовой тетради (ГЛМ).

167. Ленинград, 1943, № 9, с. 2, с обл. Печ. по Ладога, с. 10. Датируется по автографу во фронтовой тетради (ГЛМ). В письме к жене от 23 апреля 1942 г. поэт писал: «Здесь нашел я людей, особенно в Политотделе, с которыми приходится встречаться по работе на каждом шагу, культурных, идейно цельных, любящих по-настоящему и музыку, и слово, понимающих действенную силу искусства. Я с большой радостью пишу для них стихи, песни, стихотворные лозунги, листовки, принимаю участие в редакторской работе. С таким же удовольствием я читаю простым бойцам...». *ППС* — походно-полевая связь.

168. Ленинград, 1943, № 10, с. 7; Ладога; Ст. 56; В дружбе с мечтой; РЗ; Из. 65. Печ. по СМ, с. 25.

169. Ладога, с. 72; РД; Ст. 56, с посвящ. «Памяти матери». Печ. по Из. 65, с. 398. Датируется по автографу во фронтовой тетради (ГЛМ). Стих. посвящено памяти матери поэта, Анны Александровны Рождественской (в девичестве Казанской, 1854—1942). «У меня

сохранился портрет матери, относящийся к этим годам. Из овальной, простого дерева, рамки, с пожелтелого картона глядит в мягком повороте лицо молодой женщины, почти девочки-подростка, в заложенных коронкой тяжелых косах. ⟨...⟩ Такими, вероятно, и были лучшие девушки и женщины той эпохи, умевшие мужественно порывать со всеми благами и соблазнами жизни и в порыве вдохновенного самоотречения неуклонно, до конца, идти за своей окрыляющей правдой» (СЖ, с. 44).

170. Звезда, 1944, № 7-8, с. 93; Ладога; РД; Ст. 56. Печ. по Из. 65, с. 200. Датируется по автографу.

171. Звезда, 1944, № 7-8, с. 94; Ладога; РД, с посвящ. Борису Леонтьеву; Ст. 56; РЗ. Печ. по Из. 65, с. 266. Б. А. Леонтьев (1898—1960) — рязанский поэт, автор двух поэтических сборников, друг В. А. Рождественского.

172. БМ, с. 91 (др. ред.); Ладога, с посвящ. «Ирине». Печ. по Ст. 56, с. 226. Датируется по БМ и автографу во фронтовой тетради (1943—1944, ГЛМ). Это стих. может служить примером того, как во время войны поэт возвращался к своим ранним стихам и, отталкиваясь от них, создавал, по существу, другие стих., связанные, однако, с ранними сложной внутренней связью. 26 апреля 1942 г. Рождественский писал жене: «Попутно с письмами буду отправлять и лирику (которая все же пишется), чтобы ты хранила все это для будущей моей книги, которую надеюсь собрать после войны». В другом письме (29 мая 1943 г.): «Чувство Родины стало для меня непререкаемой реальностью, и знаю — теперь уже навсегда. Это — великое завоевание последних лет, теперь уже неотъемлемое наше богатство. Впрочем, я и раньше обостренно чувствовал себя русским человеком». Ирина — см. прим. 86.

173. Ладога, с. 27. Датируется по автографу во фронтовой тетради (1943—1944, ГЛМ).

174. Звезда, 1944, № 7-8, с. 94; Ладога; Ст. 56, без загл. Печ. по РЗ, с. 42. Датируется по автографу во фронтовой тетради (1943—1944, ГЛМ).

175. Ладога, с. 82. Датируется по автографу во фронтовой тетради (1943—1944, ГЛМ). *Иаков* — персонаж Библии (Бытие, XXXII, 24).

176. Ладога, с. 25; РД. Печ. по Ст. 56, с. 192. Датируется по Ладога. *Там Новгород: там с площади Софии* и т. д. См. след. прим.

177. Ладога, с. 48. Печ. по Ст. 56, с. 197. Датируется по черновому автографу во фронтовой тетради (ГЛМ). Рождественский участвовал в освобождении Новгорода от фашистов в январе 1944 г. 20 января он писал жене: «...сегодня наши войска штурмом ворвались в Новгород. София цела. Какое счастье! Но как эти мерзавцы тевтоны разрушили город! Сколько погибло прекрасных памятников зодчества!» *«Из варягов в греки»* — древнейший торговый путь, соединявший северо-запад Руси с Византией и Востоком. *София* —

Софийский собор (1045—1050 гг.), главный храм Новгородской республики, бывший символом независимости Новгорода. *Здесь вечевое сердце всей России.* До присоединения Иваном III к Москве (1478 г.) Новгород был боярской республикой, органом управления которой служило вече. На вече созывал новгородцев своим звоном «вечевой» колокол. *Все полегли, кто встал на нас с мечом.* См. примеч. 144.

178. СтоЛ. 63, с. 32; Звезда, 1971, № 6. Печ. по ГнН, с. 116. Датируется по автографу.

179. Звезда, 1955, № 8, с. 53; Ст. 56; Ив.; Из. 74. Печ. по СМ. с. 30. Датируется по автографу. Под Ленинградом, в пос. Пулково, через который проходит Пулковский меридиан, расположена Главная астрономическая обсерватория АН СССР. *Пулковские высоты* были в годы Великой Отечественной войны огневым рубежом обороны города.

180. Печ. впервые по автографу в беловой тетради 1945—1946 гг.

181. Ив., с. 35. Печ. по РЗ, с. 242. Датируется по автографу.

182. РЗ, с. 69. Датируется по автографу. *Шел всё выше он тро́пами Данта.* Имеется в виду образ ада в «Божественной комедии» Данте. *Гамаюн* и *Алконост* — мифологические птицы, известные и в русском фольклоре. См. стих. Блока «Гамаюн — птица вещая. (Картина В. Васнецова)» (1899). «*Двенадцать*» — поэма А. Блока (1918). Стих. было прочитано на вечере памяти Блока в БДТ 21 августа 1946 г.

183—188. Звезда, 1945, № 8, с. 32, в составе стих. 1—4 (в другом порядке); РД, в составе стих. 1—3; Ст. 56, в составе стих. 1—4, 6; СтоЛ. 67, в составе стих. 1—4; Ст. 70; Из. 65, в окончательном составе; СМ. Печ. по ГнН, с. 88.

1. Звезда, 1945, № 8, с. 32; РД, с посвящением Г. Шенгели; Ст. 56, СМ. Датируется по автографу. *Варфоломей Растрелли* — см. прим. 24—27. *Волюта* — см. прим. 114. *Из кирпичей, из черных клубов дыма Встает ее прекрасное лицо.* Речь идет о варварских разрушениях, произведенных гитлеровцами во время оккупации г. Пушкина.

2. Звезда, 1945, № 8, с. 32; РД; Ст. 56; Из. 65; СМ. Датируется по автографу. *Адриан Захаров* (1761—1811) — русский зодчий, строитель Адмиралтейства. *И этой шпаги острый пламень.* Имеется в виду шпиль на башне Адмиралтейства, увенчанный изображением кораблика.

3. Звезда, 1945, № 8, с. 32; РД; Ст. 56; Из. 65; СМ. Датируется по автографу. *Андрей Воронихин* (1760—1814) — знаменитый русский архитектор, бывший крепостной графа А. С. Строганова. Наиболее известные сооружения в Петербурге — Казанский собор и *Горный институт*. *Спарта* — город-государство в Древней Греции.

4. Звезда, 1945, № 8, с. 33; Ст. 56; Из. 65. *Карло Росси* (1775—1849) — выдающийся русский зодчий, строивший в стиле высокого классицизма (ампир, см. прим. 101). *И Арки, созданной рабочими руками* и т. д. Имеется в виду триумфальная арка, соединяющая зда-

ния Главного штаба на Дворцовой площади; символизирует военную славу России.

5. Ст. 56; Из. 65. Датируется по автографу. *Василий Стасов* (1769—1848) — русский зодчий, строивший здания в классическом стиле: военные казармы Павловского полка *(на поле Марсовом)*, Троицкий *собор*, *Лицей* в г. Пушкине (быв. Царское Село).

6. Звезда, 1946, № 5-6, с. 1; РД, вне цикла; Ст. 56; Из. 65; СМ. Датируется по автографу.

189. Красный воин, 1946, 18 апреля; РД; Ст. 56; РЗ; Из. 65; Ст. 70; Ал.; Из. 74. Печ. по СМ, с. 31. Датируется по автографу. *Памятник юноше Пушкину* — см. прим. 24—27. В начале Великой Отечественной войны статуя была зарыта сотрудниками дворцов-музеев на территории Лицейского садика. Весной 1945 г. скульптуру вновь установили на пьедестале. В мае 1946 г. Рождественский выступал на митинге в честь открытия парков г. Пушкина с чтением этого стих. (См.: Ленинградская правда, 1946, 25 мая). Много лет спустя Рождественский писал: «Как бы ни бродить по Царскому Селу, непременно выйдешь к памятнику Пушкину. Поэт сидит на скамье в аллее парка. Это символ города. Пушкин кажется живым, и ветер треплет его волосы... И я всегда представлял, что наблюдаю процесс творчества гения» (ЛР, 1974, 9 августа).

190. Прибой, Л., 1957, с. 221, в цикле «В пушкинских парках»; РЗ. Печ. по СтоЛ. 63, с. 97. Датируется по автографу. *Арапчонок смуглый и курчавый.* Имеется в виду памятник Пушкину-лицеисту (см. прим. 24—27). *Батюшков* К. Н. (1785—1855) — русский поэт. Наряду с Жуковским явился непосредственным предшественником и литературным учителем Пушкина. *Шолье* Г.-А. (1639—1720) — французский поэт, воспевавший наслаждение жизнью, любовь. См. стих. Пушкина «Моему Аристарху»: «Анакреон, Шолье, Парни, Враги труда, забот, печали, Не так, бывало, в прежни дни Своих любовниц воспевали» (1815).

191. Ст. 56, с. 205; СтоЛ. 63. Печ. по ГнН, с. 117. Датируется по автографу. *Летний сад* — см. прим. 14. *Игла* — шпиль Петропавловской крепости. *«При обстреле опасной»*. В годы блокады на домах Ленинграда была сделана надпись: «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна».

192. РЗ, с. 302. Датируется по автографу. В стих. имеется в виду ряд древнегреческих мифов: о рождении богини красоты Афродиты из морской *пены;* о *Леде;* о любви *Зевса* к *Данае*, к которой он являлся в виде золотого дождя; о похищении Зевсом, принявшим вид *быка, Европы*, игравшей с подругами на берегу моря; о любви Амура и *Психеи*, которой боги не разрешали видеть лицо своего возлюбленного.

193. РЗ, с. 304. Датируется по автографу. *Психея* (греч. миф.) — душа; изображалась в виде *бабочки.*

194. Прибой, Л., 1957, с. 221. Печ. по Ив., с. 19. Датируется по автографу.

195. Ст. 56, с. 227. Печ. по Ст. 70, с. 176. Датируется по автографу.

196. Ив., с. 11. Датируется по автографу.

197. Ст. 56, с. 143, в цикле «Родные портреты»; Из. 65. Печ. по Из. 74, с. 98. Датируется по автографу, где посвящ. Борису Леонтьеву (см. о нем прим. 171). *Доломан* — короткий гусарский мундир. *Вельмож Олимпа звал на ты.* Д. В. Давыдов поддерживал дружеские отношения с А. С. Пушкиным, Е. А. Баратынским, В. А. Жуковским, П. А. Вяземским и другими русскими поэтами. *Беллона* (римск. миф.) — богиня войны.

198. Лето, с. 16, под загл. «Вечерний чай» (др. ред.). Печ. по Ст. 56, с. 13, где в цикле «Летний день».

199. Ст. 56, с. 15, без строфы 5. Печ. по РЗ, с. 316. Первоначальная ред. датируется по автографу, под загл. «Святки».

200. ЗПТ, 1923, № 56, с. 3, в цикле «Китеж», под загл. «Князь» (др. ред.); ОвС, под загл. «Князь»; Ст. 56. Печ. по РЗ, с. 38. *Всеволод* (Гавриил) Мстиславич (ум. 1138) — новгородский князь. В 1192 г. в Пскове были открыты его останки. В марте 1966 г. поэт писал Г. В. Глекину: «Я должен рассказать Вам небольшую легенду, вернее, случай, достойный стать легендой. Когда мы с Ир. Павл. (женой поэта. — *Сост.*) были в Новгороде, нам, кроме замечательного музея древнерусской живописи, удалось посетить и музейные фонды. Там, в запасниках, обнаружилось такое богатство икон новгородского письма XVI—XVII вв. и более раннего периода, что мы бродили, как очарованные. Какие краски, какое изящество композиций! Уже уходя, я, по какому-то непонятному инстинкту, остановился перед рядом повернутых изображением к стене икон и повернул одну из них к свету. Это был кн. Всеволод-Гавриил, строитель Троицкого псковского собора в Кремле. Встреча с моим «предком» была столь неожиданной, что все мы буквально замерли. ... Ир. Павл. заставила меня тут же прочесть на память стихи давних лет, относящиеся к этому защитнику Пскова и Новгорода, облика которого я никогда не видел прежде. Только в гимназической юности посетил его гробницу в псковском кремле и запомнил, что над ней висел меч ливонской работы, отбитый князем в бою. На нем была латинская надпись «Gladium meum nement dabo», что значит «Меча моего никому не отдам». По этому поводу и возникли стихи». К этому стих. поэт возвращался дважды: на Волховском фронте (сохранились автографы) в 1942 г. и при подготовке Ст. 56.

201. БМ, с. 29 (др. ред.), с посвящ. Ник. Баршеву; Ст. 56; РЗ. Печ. по Из. 65, с. 302. Датируется по году выхода в свет БМ и дате в Ст. 70. Баршев Н. В. (1888—1938) — советский писатель.

202. Лит.-худож. сб. «Красной панорамы», 1928, декабрь, с. 57, под загл. «Расставанье с молодостью» (др. ред.); Ст. 36, под тем же загл. (др. ред.); Ст. 56, под тем же загл.; СтоЛ. 63, без строф 1—8. Печ. по ГнН, с. 10. *Летний сад* — см. прим. 14. В письме к Е. А. Архиппову от 19 марта 1927 г. поэт определил эту вещь как «большое лирико-биографическое стихотворение».

203. ГС, с. 109, под загл. «Бессонница» (др. ред.); Резец, 1938, № 22, с. 6, под загл. «Поэт»; ОвС; Ст. 56; Из. 65; Ст. 70; Ал.; Из. 74.

Печ. по СМ, с. 141. *Медвежьих охот*. Возможно, намек на раннюю комедию Некрасова «Медвежья охота». *«Современник»* — литературный журнал, с 1847 г. издавался Н. А. Некрасовым и И. И. Панаевым; орган революционно-демократической мысли. И. Н. *Крамскому* принадлежит картина «Некрасов в период „Последних песен“» (1877).

204. Красная новь, 1928, № 11, с. 105 (др. ред.); ОвС. (др. ред.). Печ. по Ст. 56, с. 83. Первоначальная ред. датируется по авторизованной машинописи. *Медведь Аю-Дага.* Имеется в виду скала около Гурзуфа, напоминающая припавшего к воде медведя.

205. ЗС, с. 70, под загл. «Феодосия», с посвящ. «Худ. К. Ф. Богаевскому» (др. ред.), с датой и пометой: «Восточный Крым. 1928»; Ст. 36. Печ. по Ст. 56, с. 98. Первоначальная ред. датируется по авторизованной машинописи. *Город у моря* — Феодосия. *Карантин* — специальное помещение в порту для осмотра товаров. Здесь имеются в виду остатки стен и башен генуэзской крепости XIV в., бывшей складочным пунктом товаров и невольничьим рынком. *Художник* — К. Ф. Богаевский (1872—1944), ученик Кустодиева, уроженец и житель Феодосии, друг М. А. Волошина. Феодосия основана в 6 в. до н. э. выходцами из малоазийского города *Милета. Золотую эмаль оттоманской поливы.* Речь идет об изделиях анатолийских турков, жителей Османской империи, в древности владевшей Крымом. В начале IV в. до н. э. Феодосия была присоединена боспорским царем Левконом I к *Боспорскому* царству (рабовладельческому государству в Северном Причерноморье). *Сфорца* — династия миланских герцогов (1450—1535), которые вели многочисленные войны с целью расширения своих владений. В августе 1930 г. в письме к Д. С. Усову Рождественский писал: «К. Ф. Богаевский, чудесный, слегка подсушенный мудрой старостью, единственный европеец на азийском этом берегу. К нему захожу я каждый раз, когда бываю в Феодосии. Неистощима его любовь к этой кремнистой стране, и, как кажется мне, никто лучше его не знает здесь каждого камня, обточенного веками... Только с Волошиным могу я сравнить мудрость, «земную» мудрость этого человека. Он сдержанней, суше, и в нем так же, как и в родных холмах, нет излишней влаги, а все очертания остры, точны, строги, как линии мысов, далеко выступающих в море. В этот раз я ночевал у К. Ф. две ночи в его мастерской, окруженный его фантастическими пейзажами, и сны мне снились какие-то пра-исторические — должно быть потому, что всю последнюю неделю я живу призраками веков, и хожу по священной земле, усыпанной воспоминаниями. Если бы Вы только могли быть со мной! Я показал бы Вам старую Феодосию, ⟨...⟩ я провел бы Вас по узеньким ступенчатым уличкам, на которых Вы вспомнили бы Помпеи, и мы вместе бы посидели на пороге какой-нибудь генуэзской башни, над путаницей ослепительно белых переулочков и черепичных крыш, где дышится воздухом Италии, который здесь, по замечанию К. Ф., еще золотистей, чем в Пизе». И далее 6 сентября 1930 г.: «Все время сбиваюсь на писание «для себя». Уже есть три вещи — два лирических фрагмента, одно большое и, кажется, удавшееся стихотворение «Феодосия» — тема, завещанная себе давно».

206. Резец, 1939, № 17—18, с. 13; Ст. 56; В дружбе с мечтой. Печ. по Ст. 70, с. 47. В Новороссийске, которому посвящено стих.,

поэт был дважды: в 1926 и 1932 гг. Им написан очерк «Новороссийск — город цемента и норд-оста».

207. ЗС, с. 26. с датой и пометой: «Аулиэ-Ата, 1932» (др. ред.); сб. Казахстан. Алма-Ата — М., 1935 (др. ред.); Ст. 56. Печ. по Степная весна, с. 10. *Турксиб* — Туркестано-Сибирская железнодорожная магистраль, строилась в 1927—1931 гг. *Джетысу* — Семиречье, юго-восточная часть Казахстана.

208. Новый мир, 1938, № 12, с. 141, без подзаг.; ОвС; Ст. 56. Печ. по СтоЛ. 63, с. 117. *Растрелли* В. — см. прим. 24—27. *Смуглый и курчавый.* Имеется в виду статуя Пушкина-лицеиста (см. прим. 24—27). *Дряхлых лип верхи.* Возможно, восходит к стих. А. С. Пушкина «Царское Село»: «И дряхлый пук дерев. . .» «*Дева* с урною» — см. прим. 94. *Эллада Камерона.* Подразумевается Камеронова галерея (1783—1786), создание архитектора Ч. Камерона (см. прим. 56). *Колонна и орел.* Речь идет о Чесменской колонне (см. прим. 114).

209. Резец, 1939, № 17-18, с. 13 (др. ред.), под загл. «Ленинград»; ОвС (др. ред.), под тем же загл.; Ст. 56, под загл. «Город над Невой». Печ. по СтоЛ. 63, с. 17. *Ампирные колонны* (ампир — см. прим. 101) отличаются массивностью, монументальностью формы.

210. Ленинградский альманах. Л., 1941, с. 298, под загл. «Абай»; Ст. 56, в цикле «Родные портреты» (1-я часть стих.); Из. 65. Печ. по Степная весна, с. 14. *Абай Кунанбаев* (1845—1904) — казахский поэт-просветитель, родоначальник новой письменной казахской литературы. Учился в медресе. В 1870-х годах завел знакомство с русскими ссыльными революционерами. *Слева читает направо*, т. е. по-русски (казахская письменность во времена Абая пользовалась арабским алфавитом; чтение происходило справа налево). *Бешбармак* — национальное казахское блюдо.

211. Ив., с. 22; РЗ. Печ. по Из. 65, с. 296.

212. Звезда, 1957, № 1, с. 114, без строфы 5; Ив. Печ. по Из. 74, с. 144. Датируется по автографу.

213. Ив., с. 83. Датируется по автографу.

214. Звезда, 1956, № 4, с. 56. Датируется по автографу.

215—218. Ив., с. 75, в составе 4-х стих. (1, 2, 4; последнее стих. цикла — «Советская Латвия»). Печ. по Из. 65, с. 143, где цикл в настоящем составе.

1. Ив., с. 76, под загл. «Белая ночь». Датируется по автографу, под загл. «Балтийская ночь».
2. Прибой, Л., 1957, с. 221, вне цикла; Ив., под загл. «На взморье». Датируется по автографу.
3. Вымпел, 1947, 25 ноября, вне цикла; Ст. 56, вне цикла; РЗ, вне цикла. Датируется по автографу.
4. Прибой, Л., 1957, с. 221, вне цикла; Ив.

219. Ив., с. 92; Из. 65; СтоЛ. 67; СМ. Печ. по ГнН, с. 15. Датируется по автографу.

220. Нева, 1958, № 1, с. 36. Печ. по Ив., с. 42. Датируется по автографу.

221. Вечерний Ленинград, 1957, 6 ноября, под загл. «Город Октября»; РЗ, под загл. «Мой город»; СтоЛ. 63; СМ, под загл. «Мой город». Печ. по ГнН, с. 6. Датируется по автографу. *Здесь занялась полярная Аврора* — см. прим. 304.

222. Ив., с. 93; РЗ; Из. 65. Печ. по Из. 74, с. 290. Датируется по автографу.

223. Звезда, 1927, № 10, с. 49 (др. ред.), с эпиграфом — первыми строками стих. А. С. Пушкина «На холмах Грузии лежит ночная мгла, Шумит Арагва предо мною. . .», и пометой: «Пассанаур»; ГС (др. ред.), с тем же эпиграфом. Печ. по Ив., с. 61. Датируется по автографу. *Церетели Акакий* (1840—1915) — грузинский поэт-демократ и общественный деятель. *ЗАГЭС* — Земо-Авчальская гидроэлектростанция на р. Куре, построена в 1923—1928 гг. по плану ГОЭЛРО.

224. Ив., с. 7, без загл.; РЗ, без строф 5, 6. Печ. по Из. 65, с. 284. Датируется по автографу.

225. Ив., с. 50; РЗ; Из. 74. Печ. по ГнН, с. 182. Датируется по автографу.

226. Ив., с. 9. Печ. по РЗ, с. 90. Датируется по автографу.

227—229. Звезда, 1960, № 8. с. 121, в составе цикла «Стихи о Волге» из 4-х стих. (стих. 1—3; стих. 4 впоследствии публиковался под загл. «Колокол Углича»); РЗ, с. 97, в составе цикла «Волжские стихи» из 3-х стих. (стих. 2, 3, в качестве стих. 1 — «Колокол Углича»). Печ. по Из. 65, с. 150, где в окончательном составе. Все стихотворения цикла датируются по автографу.

1. Звезда, 1960, № 8, с. 121; Из. 65.

2. Звезда, 1960, № 8, без загл.; РЗ, в составе цикла «Волжские стихи».

3. Звезда, 1960, № 8, с. 122.

230. РЗ, с. 285. Печ. по Из. 65, с. 408. Датируется по автографу. *И этот луч струною Кифареда.* Аполлон-Кифаред (греч. миф.) — бог искусства, певец и предводитель муз. В стих. — ассоциация со статуей Аполлона-Кифареда в Павловском парке (см. прим. 24—27). См. в письме Рождественского к Д. С. Усову от 6 ноября 1930 г.: «Прекрасные сны моей юности: Пушкин. Античность. . .»

231. РЗ, с. 289. Датируется по автографу.

232. РЗ, с. 228. Датируется по автографу.

233. Звезда, 1961, № 1, с. 47. Печ. по РЗ, с. 295. Датируется по автографу. «Особенная стать» — цитата из стих. Ф. И. Тютчева «Умом России не понять. . .» *Рублев* Андрей (1360—1430) — древнерусский живописец. *Быть не изгоем, нет! — а сыном той страны.* Ср. в стих. М. А. Волошина «Дом поэта»: «. . .Я не изгой, я пасынок России».

234. НС, 1961, № 1, с. 43, под загл. «Стансы». Печ. по РЗ, с. 278. Датируется по автографу.

235. Звезда, 1961, № 1, с. 46; РЗ; Из. 74. Печ. по ГнН, с. 187. Датируется по автографу. *Эвридика* — см. прим. 289.

236. РЗ, с. 261; СтоЛ. 63; Из. 65; Из. 74. Печ. по ГнН, с. 45. Датируется по автографу. *Литейный* проспект в Ленинграде — в прошлом местонахождение многочисленных букинистических магазинов. *Мадригал* — небольшое стих. любовного, хвалебного содержания. *С маркой типографии Плюшар.* А. А. Плюшар (1806—1865) — русский издатель, типограф и книгопродавец, чья типография в Петербурге была одной из лучших в России. *«Искра»* — первая общерусская нелегальная марксистская газета, основанная В. И. Лениным (1900). *«Звезда»* — большевистская легальная газета, выходила в Петербурге в 1910—1912 гг. В. А. *Десницкий* (1878—1958) известный ученый-литературовед, друг М. Горького. *Демьян* — русский советский поэт Демьян Бедный (Е. А. Придворов, 1883—1945). Н. П. *Смирнов-Сокольский* (1898—1962) — советский артист и библиофил.

237. НС, 1962, № 2, с. 80. Стих. навеяно одним из центральных произведений латышского поэта Яна Райниса (1865—1929) «Сломанные сосны», которое Рождественский переводил (см. стих. № 520). *Парус косматый* — цитата из драмы А. Блока «Роза и Крест» (д. I, сц. I, песня Бертрана).

238. РЗ, с. 175. Печ. по Из. 65, с. 332. Датируется по автографу. *Игорева рать* — войска Игоря Святославича (1151—1202), князя Новгород-Северского и Черниговского, героя «Слова о полку Игореве».

239. НС, 1961, № 1, с. 44; РЗ. Печ. по Из. 65, с. 346. Датируется по автографу.

240. Звезда, 1962, № 1, с. 79, под загл. «Былые гончары»; РЗ, под тем же загл.; СтоЛ. 63; ЗО. Печ. по ГнН, с. 47. Датируется по автографу.

241. РЗ, с. 125. Датируется по автографу.

242. День поэзии, Л., 1971, с. 293. Печ. по Психея, с. 95. Датируется по автографу. Эпиграф — распространенный вариант первой строки романса С. Ф. Рыскина (у автора — «Живет моя красотка»).

243. ЛР, 1969, 17 октября, с. 7; Лир. Печ. по Из. 74, с. 54. Датируется по автографу. *Харон* (греч. миф.) — перевозчик, который переправлял через реки подземного царства души умерших. Он довозил их до врат Аида и взимал за перевоз плату (для чего умершему клали в рот монету — *обол*).

244. Вечерний Ленинград, 1962, 1 сентября. Печ. по РЗ, с. 287. *Хорей* — см. прим. 92.

245. СтоЛ. 63, с. 78, без двух последних строф; Ст. 70, с датой; Печ. по ГнН, с. 152. Датируется по автографу. *Новый порт* — морской пассажирский порт Ленинграда, находящийся в начале *Большого проспекта* Васильевского острова, начал строиться в 1960-х го-

дах на месте старой *Галерной гавани.* Эпиграф из поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник».

246. ЛС, 1939, № 9, с. 98 (др. ред.); Ст. 56. Печ. по РЗ, с. 85. Первоначальная редакция датируется по автографу. *Новгородская София* — см. прим. 177. *Детинец* — в древнерусских городах укрепленное место, где обычно строился кремль. *Апсиды, притвор* — части храма. *Здесь, на Софийской стороне.* Новгород делится р. Волховом на две центральные части — Софийскую сторону с Софийским собором и Торговую сторону, с местом бывшего торга, где собиралось вече.

247. ДД, с. 165. Датируется по автографу. На вопрос: «Отчего Вы обратились к своей давней памяти?» — поэт ответил: «Не знаю, но скорее всего потому, что поэтическая душа требует воспоминаний. Требует молодости. А о молодости прожившему долгую жизнь остается только вспоминать. Словно снова живешь, вспоминая» (ЛР, 1974, 9 августа, с. 4).

248. Нева, 1963, № 12, с. 125; ЗО; Ал., Из. 74. Печ. по СМ, с. 98. Датируется по автографу.

249. НС, 1965, № 2, с. 2; СтоЛ. 67; СМ. Печ. по ГнН, с. 161. Датируется по автографу. *Игла* — см. прим. 191. *Петровская скала* — гигантский гранитный валун, обработанный в виде естественной скалы; служит подножием для изваяния Петра I (Медный всадник).

250. НС, 1965, № 2, с. 2; ЗО, под загл. «Первая нота». Печ. по Степная весна, с. 34. Датируется по автографу.

251. НС, 1963, № 1, с. 86. Датируется по автографу. В письме к жене с фронта от 5 июля 1942 г. Рождественский заметил: «Если бы ты знала, как выручали меня любимые книги в самые трудные ленинградские дни ⟨...⟩ Это настоящие друзья».

252. Октябрь, 1965, № 1, с. 96; Из. 65; ЗО; Ст. 70; Ал. Печ. по Из. 74, с. 173. Датируется по автографу. *Георгий* Победоносец — герой христианских легенд, высоко чтимый на Руси. В древности изображался на княжеских печатях и монетах, в царской России — на государственном гербе. Георгиевским крестом награждали за боевые подвиги.

253. Звезда, 1965, № 4, с. 35. Датируется по автографу.

254. СтоЛ. 63, с. 163, под загл. «Петр»; СтоЛ. 67; День поэзии России, М., 1972, с. 332; СМ, под загл. «Рождение флота». Печ. по ГнН, с. 55, где в цикле «Рождение флота». Датируется по автографу. Как подступ к теме данного стих. можно рассматривать раннее стих. «За мокрыми облаками...» (одна из первых публикаций Рождественского — Рудин, 1916, № 8, с. 8). *Бут* — строительный камень неправильной формы.

255—256. СМ, с. 100. Оба стих. датируются по автографу.

1. Нева, 1963, № 12, с. 125; ЗО, в цикле «Русская игрушка»; Ст. 70, вне цикла; Ал., в цикле; Из. 74, вне цикла.

2. Нева, 1965, № 1, с. 140, в цикле «Русские игрушки»; ЗО, в цикле «Русская игрушка»; Ст. 70, вне цикла; Ал., в цикле; Из. 74, вне цикла.

257. ЗО, с. 87. Датируется по автографу. *Персей* (греч. миф.) — герой мифа о спасении Андромеды, обреченной на съедение морскому чудовищу. Черты мифа о Персее вошли в христианскую легенду о Георгии Победоносце (см. прим. 252). *Умбриец* — представитель умбрийской школы итальянской живописи XIII — начала XVI вв.

258. День поэзии, Л., 1964, с. 210. Печ. по ЗО, с. 112.

259. Звезда, 1974, № 11, с. 53. Печ. по ЛкЗ, с. 9. Эпиграф — из «Евгения Онегина» (V, 5). *Светлана* — героиня одноименной баллады В. А. Жуковского. *Растопим над ложкою олово* и т. д. Имеются в виду старинные русские святочные гадания.

260. Звезда, 1969, № 4, с. 123. Печ. по Лир., с. 145. Датируется по автографу. *Азраил* — ангел смерти у мусульман. Ср. юношескую поэму М. Ю. Лермонтова «Азраил», стих. А. С. Пушкина «Не пленяйся бранной славой. . .».

261. Урал, 1969, № 8, с. 36. Датируется по автографу.

262. Лир., с. 144. Датируется по автографу.

263. Неман, 1970, № 5, с. 79. Датируется по автографу.

264. Простор, 1968, № 10, с. 3; ДД. Печ. по Психея, с. 87. Датируется по автографу.

265. ЗО, с. 88. Датируется по автографу. В письме к Г. В. Глекину от 25 июня 1966 г. поэт писал: «Человек, потерявший способность удивляться, т. е. ощущать непривычное и новое, даже в самом обычном, чужд поэзии. Именно это и сказано в моей «Афродите», хотя когда я писал, я просто *видел* и ее, и розовое утро, и морской берег, и отрока-пастуха. А с этим удивлением пришло и чувство Красоты. Кстати, какое оно хорошее и точное русское слово — «удивление»! В нем есть и «диво», и то, что сопутствует ему, существует около него, «у» него». *Афродита* — см. примеч. 192.

266. Калининградский комсомолец, 1969, 3 июня, под загл. «Кукушка». Печ. по Дон, 1971, № 6, с. 17. Датируется по автографу.

267. ЛР, 1967, 16 июня, с. 11. Печ. по Лир., с. 100. Датируется по автографу. *Коктебель* — см. прим. 100.

268. ЛР, 1967, 16 июня, с. 11. Печ. по ЗО, с. 111. Датируется по автографу. *И кто же может угадать заране,* и т. д. Ср. стих. Ф. И. Тютчева «Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется. . .» *Как Гамлет говорил: «Слова, слова, слова. . .»* См. Шекспир, «Гамлет», д. II, сц. 2.

269. НС, 1966, № 5, с. 50; ЗО, Печ. по Ст. 70, с. 130. Датируется по автографу.

270. Простор, 1965, № 10, с. 3. Печ. по ДД, с. 102. Датируется по автографу.

271. Нева, 1967, № 1, с. 67. Печ. по ЗО, с. 78. Датируется по автографу. *Дон* Алонсо *Кихот* из Ламанчи — герой романа Сервантеса (1547—1616). *Санчо* — Санчо Панса, спутник Дон-Кихота. *Ведь о нас мечтатель однорукий День и ночь писал в своей тюрьме.* Участвуя в морском сражении с турками при Лепанто, Сервантес потерял левую руку. Был в плену. Вернувшись в Мадрид, стал чиновником по сбору налогов. По ложному обвинению попал в тюрьму, где и писал свой роман.

272. Нева, 1970, № 8, с. 3. Печ. по ДД, с. 89. Датируется по автографу. В письме к Г. В. Глекину от 7 февраля 1966 г. Рождественский заметил: «Писал всегда по какой-то безотчетной внутренней потребности — и только тогда что-то и получалось. А все, что было неудачным, роковым образом оказывалось связанным с „заранее тщательно обдуманными намерениями"».

273. Психея, с. 141. Датируется по автографу.

274. ЛР, 1967, 16 июня, с. 11. Печ. по Лир., с. 105. Датируется по автографу. *«Река времен в своем стремленьи»* — строка из «Последнего стихотворения» Г. Р. Державина.

275. ЛР, 1967, 16 июня, с. 11. Печ. по ЗО, с. 116. Датируется по автографу. *Не знаешь ты, в ком отзовется* и т. д. См. прим. 268.

276. День поэзии, Л., 1967, с. 23. Печ. по ЛкЗ, с. 107. Датируется по автографу.

277. День поэзии. Л., 1966, с. 47, под рубрикой: «Памяти Анны Ахматовой», с эпиграфом: «„В то время я гостила на земле. Мне дали имя при крещеньи — Анна, Сладчайшее для губ людских и слуха". А. Ахматова». Печ. по Лир., с. 141. Датируется по автографу. *Анна Ахматова* умерла 5 марта 1966 г. *Всё выше к свету по долине лилий.* Возможно, имеется в виду образ «Одиссеи» Гомера: на асфоделевых (асфодели — лилии) лугах блуждают тени умерших. *Вергилий* — римский поэт (70—19 до н. э.) — проводник Данте в его странствиях по аду и раю («Божественная комедия»). *Элизиум* (греч. миф.) — поля блаженных, загробный мир, куда попадают праведники. *Создатель Гамлета* — В. Шекспир, автор трагедии «Ромео и Юлия». *Флорентиец* — Данте, уроженец Флоренции. *Вы гордо отстранили хлеб изгнанья.* См. стих. Ахматовой «Мне голос был. Он звал утешно. . .» (осень 1917). *Царское Село* — ныне г. Пушкин. Ахматова училась в царскосельской гимназии, многократно писала о городе Пушкина в своих стихах.

278. Нева, 1967, № 1, с. 66; ЗО. Печ. по ЛкЗ, с. 74. Датируется по автографу.

279. ЗО, с. 7. Печ. по Из. 74, с. 149. Датируется по автографу.

280. Волга, 1966, № 9, с. 4; Лир. Печ. по ЛкЗ, с. 119. Датируется по автографу.

281. Простор, 1966, № 11, с. 13. Печ. по Лир., с. 94. Датируется по автографу. *Абай* — см. прим. 210. *Джейляу* — высокогорное летнее пастбище. Стих. вызвано воспоминаниями о поездках в Казахстан.

282. ЛР, 1969, 17 октября, с. 16. Печ. по ЗО, с. 100. Датируется по автографу. *Радость — венец страданья.* Ср. в драме А. Блока «Роза и Крест» (д. IV, сц. III, песня Гаэтана): «Радость-Страданье одно!»

283. ЛР, 1966, 17 октября, с. 17. Печ. по ДД, с. 160. Датируется по автографу. *Разрыв-трава,* по народным поверьям, обладает волшебным свойством размыкать запоры, замки.

284. Октябрь, 1969, № 2, с. 127. Печ. по ЗО, с. 95. Датируется по автографу.

285. Звезда, 1967, № 6, с. 4; Ал. Печ. по Из. 74, с. 223. Датируется по автографу. *Гамаюн* — см. прим. 182. *Рублев* — см. прим. 233. *Рамена* — плечи.

286. Звезда Востока, 1972, № 10, с. 7. Печ. по Степная весна, с. 44. Датируется по автографу. *Атлантида* — по древнегреческому преданию, рассказанному Платоном, прекрасная страна — огромный остров в Атлантическом океане, некогда затонувший в результате загадочной катастрофы.

287. День поэзии, Л., 1968, с. 120; Лир. Печ. по Ал., с. 100. Датируется по автографу. *Сирин* — см. прим. 40. *Алконост, Гамаюн* — см. прим. 182.

288. Октябрь, 1969, № 2, с. 128. Датируется по автографу. *Волшебный мир кулис.* Ср. в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина: «Волшебный край! ..» (I, XVIII). В начале 1930-х годов Рождественский работал в литературной части Театра оперы и балета им. С. М. Кирова и писал тогда Д. С. Усову: «В сущности, я уже отравлен «пылью кулис», и первые акты увертюры всегда заставляют вздрагивать сердце». *А рыцари Мальтийского креста.* Имеется в виду рыцарский орден, владевший с 1530 г. островом Мальта.

289. Жар-птица, 1923, № 12, с. 24; ЛМ, вып. III, Л., 1925, под загл. «Эвридика», с посвящ. О. А. Глебовой-Судейкиной. Печ. по Лир., с. 139. Дата окончательной ред. устанавливается по автографу. О. А. Глебова-Судейкина (1885—1945) — актриса, танцовщица, жена художника С. Ю. Судейкина, персонаж «Поэмы без героя» А. Ахматовой. *Эвридика* (греч. миф.) — нимфа, жена *Орфея*, поэта и певца, оставшаяся в подземном царстве *Эреба* (Аида), так как *Орфей* не смог увести ее оттуда — он не выполнил условия не смотреть на тень своей жены и не заговаривать с ней. Эти стихи, как и другие стихи юности, многократно перерабатывались поэтом.

290. Лир., с. 147. Датируется по автографу.

291. ЗО, с. 81. Датируется и исправляется опечатка в ст. 1, прошедшая по всем изданиям («бледного Орфея»), по автографу.

2 ноября 1967 г. в письме к Г. В. Глекину Рождественский пишет: «Эллинская мудрость потому и живет своей юностью, что ее боги — это в сущности те же люди во всей полноте их земных чувств. Мне кажется, я понял это еще в те давние, юношеские времена, когда на гимназической скамье читал Овидиевы «Метаморфозы» и сам пытался перевести захватившую меня легенду о Фаэтоне. Кстати, это был мой первый переводческий опыт. Потом в Университете мне посчастливилось слушать лекции Фад. Фад. Зелинского, и с тех пор античность, на равных правах с Пушкиным, стала одним из основных увлечений молодости. И выходит так, что я нет-нет вновь возвращаюсь к ней, как к чему-то вечно для нас живому. Я часто думаю сейчас о судьбах поэзии в бесконечном будущем. Что станется с нею в конце концов? Как примирить ее с все возрастающим главенством ratio? И нет ли между ними пока еще тайного для нас сродства?» *Орфей, Эвридика* — см. прим. 289.

292. ЛГ, 1968, 11 сентября, с. 7. Печ. по Лир., с. 106. Датируется по автографу.

293. Нева, 1969, № 3, с. 84. Печ. по Лир., с. 43. Датируется по автографу.

294. ЛГ, 1968, 11 сентября, с. 7. ЗО. Печ. по Из. 74, с. 165. Датируется по автографу.

295. Октябрь, 1969, № 2, с. 127. Печ. по ДД, с. 32. Датируется по автографу.

296. День поэзии, Л., 1970, с. 14; Лир. 70; Ал. Печ. по Из. 74, с. 21. Датируется по автографу.

297. ЛР, 1969, 17 октября, с. 16. Печ. по ДД, с. 9. Датируется по автографу.

298. Молодая гвардия, 1969, № 10, с. 149. Печ. по ДД, с. 7. Датируется по автографу.

299. Правда, 1970, 4 ноября, под загл. «В городе над Невой». Печ. по Из. 74, с. 202. Датируется по автографу. *Игла* — шпиль Адмиралтейства (см. прим. 183—188).

300—301. Нева, 1970, № 1, с. 53. Оба стихотворения датируются по автографу.

1. Нева, 1970, № 1, с. 53. В стих. речь идет о памятнике работы скульптора Иокубониса в Пирчюписе.

2. Советская Литва, 1969, 20 июля, с. 2. *Филареты* — тайная национально-освободительная организация студентов Вильнюсского университета в 1820—1823 гг., в которую входил А. Мицкевич. *В тумане невской непогоды* и т. д. Восходит к стих. А. Мицкевича «Памятник Петра Великого». *Слова о братстве всех племен.* Ср. строки о Мицкевиче в стих. А. С. Пушкина «Он между нами жил. . .»: «Он говорил о временах грядущих, Когда народы, распри позабыв, В великую семью соединятся».

302. Нева, 1970, № 8, с. 3. Печ. по Лир., с. 113. Датируется по автографу.

303. ЛС, 1935, № 4, с. 39 (др. ред.), под загл. «Лариса Рейснер», в цикле «Два стихотворения о смерти и жизни» (др. ред.); Ст. 36 (др. ред.) в цикле «Два стихотворения о смерти и жизни», с посвящ. Ин. Оксенову; Ст. 56 (др. ред.); РЗ (др. ред.). Печ. по Ст. 70, с. 26. Датируется по автографу. И. А. Оксенов (1896—1942) — литературный критик; в 1930-х годах входил в группу «Содружество» (см. вступ. статью), собирал материалы о жизни и творчестве Ларисы Михайловны Рейснер (1895—1926), писательницы, журналистки, общественного деятеля. Рейснер была соученицей Рождественского по Петербургскому университету (см. посвященную ей главу в СЖ). В 1930 г. поэт писал о ней И. М. Басалаеву: «Была ли она «авантюристка» — в высоком и страстном смысле этого слова? Да, безусловно была. И не могла не быть в нашу острую эпоху. Судьба дала ей все, чего можно пожелать на земле: молодость, исключительную красоту, острый ум, мужество, стойкость, поэтический талант. Она была человеком, созданным для больших дел. Не нужно воображать ее только «комиссаром в юбке». Любовь сплелась у ней с политикой, и, в сущности, была она любовницей Революции. И то, что она ставила превыше всего на земле, можно было бы назвать единственным и прекрасным именем „Страсть“». *Алые паруса.* В данном стих. название известной феерии А. Грина символизирует романтику революции.

304. Лир., с. 7. *«Варяг», «Кореец»* — корабли российского флота, сражавшиеся и геройски погибшие во время русско-японской войны 1904—1906 гг. *Андреевский флаг* — см. прим. 53. *Прозвана была недаром «Авророй» наша ранняя заря.* Игра слов: Аврора (римск. миф.) — богиня утренней зари.

305. Дон, 1971, № 6, с. 17. Печ. по ДД, с. 156. Датируется по автографу.

306. Из. 74, с. 93. Датируется по автографу. Русский поэт Г. Р. *Державин* (1743—1816) одно время был губернатором Олонецкого края. В стих. описано здание бывших губернских палат в г. Петрозаводске, построенное в 70-х годах XVIII в. *Кивач* — водопад в Карелии. *«Алмазна сыплется гора...»* и т. д. — цитата из стих. Державина «Водопад». *Зане* — потому что.

307. ДД, с. 101. Датируется по автографу.

308. Новый мир, 1975, № 12, с. 5. Датируется по автографу.

309. Памир, 1971, № 1, с. 37. Печ. по ДД, с. 159. Датируется по автографу.

310. ДД, с. 94, без подзаг. Печ. по Из. 74, с. 258. Датируется по автографу.

311. Нева, 1971, № 11, с. 30. Печ. по ДД, с. 56. *Петропавловской шпаги* — см. прим. 191.

312. Нева, 1973, № 12, с. 33; Из. 74; СМ. Печ. по ГнН, с. 159. Датируется по автографу. Во время артиллерийских бомбежек Ленинграда в период блокады несколько осколков попало в *вазу Летнего*

сада (см. прим. 14); следы от них сохранились до сих пор. *Парадиз* (лат.) — рай.

313. ДД, с. 37. Датируется по автографу.

314. Нева, 1972, № 7, с. 4; ДД; Из. 74; СМ. Печ. по ГнН, с. 158. Датируется по автографу. *«Новая Голландия»* — участок застройки в Петербурге между р. Мойкой и каналом Круштейна. *Арка*, соединяющая служебные здания, построена Деламотом в 1765—1788 гг. Название «Новая Голландия» возникло еще во времена Петра I, когда по его приказу были построены деревянные склады для хранения корабельного леса. Ж. Валлен-*Деламот* (1729—1800) — французский архитектор, работавший в России с 1759 по 1775 гг.

315. Нева, 1972, № 7, с. 4; ДД; Из. 74. Печ. по ГнН, с. 107. Датируется по автографу.

316. ДД, с. 58; СМ. Печ. по ГнН, с. 130. Датируется по автографу. На *Стрелке* Васильевского *острова* расположены замечательные сооружения: *Биржа* архитектора Тома де *Томона (российский Парфенон)*, две колонны, украшенные рострами — изображениями носовых частей кораблей и гигантскими статуями, символизирующими реки *Волхов* и *Неву*.

317. ЛкЗ, с. 33. Датируется по автографу.

318. Звезда, 1974, № 11, с. 53. Датируется по автографу.

319. Нева, 1973, № 4, с. 84. Датируется по автографу. *Ярославна* — см. прим. 36. *Зегзица* — кукушка или степная чайка. Датируется по автографу.

320. ДД, с. 157; Из. 74. Печ. по Степная весна, с. 50. Датируется по автографу.

321. Смена, 1972, № 3, с. 18; Из. 74. Печ. по ЛкЗ, с. 37. Датируется по автографу.

322. Нева, 1973, № 4, с. 84. Печ. по Из. 74, с. 129. Датируется по автографу.

323. Ладога, с. 66, под загл. «Заздравный тост» (др. ред.); РД, без загл. (др. ред.); Ст. 56, без загл. (др. ред.); ДД. Печ. по Из. 74, с. 277. Автограф во фронтовой тетради (ГЛМ), под загл. «Тост (XIX век)», с дополнительными строфами и датой: 18.III.1943. Датировка первоначальной ред., сохранившейся в нескольких черновых автографах, основывается на упоминании стих., под загл. «Тост», в письме Д. С. Усова к Е. А. Архиппову от 10 сентября 1932 г. в ряду других стих. Рождественского этого времени. *Как Герцен некогда, огню высокой клятвы.* В 1827 г. Герцен и Огарев на Воробьевых (ныне Ленинских) горах дали клятву посвятить жизнь борьбе за освобождение русского народа.

324. Кругозор, 1975, 9 сентября, с. 4. Датируется по автографу. *Робин Гуд* — герой английских народных баллад. *Вальтер Скотт* (1771—1832) — классик английской литературы, известный своими

историческими романами. В 1919 г. в изд-ве «Всемирная литература» вышли «Баллады о Робин Гуде» с предисловием Максима Горького. Семь баллад из двенадцати переведено Рождественским. В 1926 г., в изд. «Радуга» Рождественским была издана книга для детей «В лесах Робин Гуда». *Баронет* — дворянский титул в Англии. *Эль* — название светлых густых сортов пива в Англии.

325. ЛР, 1974, 5 апреля, с. 5. Печ. по ЛкЗ, с. 106. Датируется по автографу.

326. Дон, 1975, № 4, с. 42. Датируется по автографу.

327. Степная весна, с. 49. Датируется по автографу.

328. ЛкЗ, с. 113. Датируется по автографу. Рождественский писал Г. В. Глекину 18 декабря 1976 г.: «. . .Но о самом себе судить теперь уже не мне. А то, что это действительно так, справедливо подмечено Вами в стихотворении: «Все глубже в поэзию я ухожу». Скажу Вам по дружбе — это прекрасное, ни с чем не сравнимое чувство внутренней свободы, о котором в давние времена я мог только мечтать».

329. Психея, с. 78. Датируется по автографу. В «Записках» поэт размышляет: «Что такое возраст в его психологическом смысле? .. Рост души? Оказывается, это не совсем так. На смену непосредственности чувств приходит горечь трезвого опыта. До известной степени это так. Бывает и обратный ход развития, — движение вспять, возвращение к свежести первоначальных возрастных восприятий, но, разумеется, в каком-то новом качестве. Словом, «возраст» — понятие весьма относительное. Можно оставаться «молодым» до самого своего конца, если речь идет о той же «душе». Жаль только, что «душа» все же облечена в некоторую, и весьма реальную, плоть, которой о ее возрасте напоминает время. . .» («Записки 1974—1976». — Нева, 1978, № 12, с. 122).

330. Огонек, 1974, № 23, без строф 1—3. Печ. по ЛкЗ, с. 55. Датируется по автографу. *Эреб* (греч. миф.) — олицетворение вечного мрака. *Элизиум* — см. прим. 277. *Анненский* — см. прим. 24—27. *Дворец* — Екатерининский, см. прим. 24—27. *Кагульская колонна* поставлена в Екатерининском парке в честь победы русских войск под командованием А. П. Румянцева-Задунайского над турками на реке Кагул в 1770 г. во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. *И бросает Ахматова шаль.* А. Ахматова (см. прим. 277) носила в молодости шаль, воспетую А. Блоком («Анне Ахматовой», 1914) и О. Мандельштамом («Вполоборота, о печаль. . .», 1914). *Диана* — здесь: мраморная скульптура в Екатерининском парке. *Кастальская струя* (Кастальский ключ) — водный источник Парнаса; в Древней Греции считался источником поэтического вдохновения. *Из кувшина у бронзовой Девы.* См. прим. 94.

331. ЛкЗ, с. 111. Датируется по автографу.

332. Звезда, 1974, № 11, с. 54. Печ. по ЛкЗ, с. 75. Датируется по автографу. *Пряха* — Парка (греч. миф.), богиня судьбы, прядущая и обрезающая нить жизни человека.

333. Смена, 1974, № 3, с. 18. Печ. по Степная весна, с. 51. Датируется по автографу.

334. Печ. впервые по датированному автографу. *«Если б нас с тобой Да судьба свела»* и т. д. — неточно процитированная первая строфа стих. М. И. Цветаевой «Кабы нас с тобой...».

335. ЗПТ, 1923, № 62, с. 3, где опубликовано в заключение статьи Рождественского «Петербургская школа молодой русской поэзии», с датой в конце статьи: сентябрь 1923; БМ; ГС, под загл. «Зарево на льдине»; Ст. 36. Печ. по Из. 74, с. 201. Автограф с датой: 1923 (ГПБ). *Сфинксы.* Имеются в виду скульптуры двух сфинксов из египетского города Фивы, высеченные из камня в XIII в. до н. э. и привезенные в Петербург в 1832 г. Установлены у спуска к Неве у здания Академии Художеств. Здания *Сената* и Синода, возведенные в 1834 г. по проекту К. Росси, обрамляют бывшую Сенатскую площадь (ныне пл. Декабристов). Там 14 декабря 1825 г. стояли восставшие полки. *Нетленные лицейские тетради* — рукописи А. С. Пушкина в собрании Пушкинского Дома (Институт русской литературы АН СССР). *Конь на скале* — «Медный всадник», памятник Петру I на площади Декабристов.

336. Ст. 36, с. 48 (др. ред.). Печ. по Из. 74, с. 243. Автограф с вариантами под загл. «Польская рапсодия». Первоначальная ред. датируется по упоминанию стих. в письме Рождественского к Е. Я. Архиппову от 8 июля 1932 г. под загл. «Польская баллада».

337. Ив., с. 54 (др. ред.); Из. 65 (др. ред.). Печ. по Из. 74, с. 292. Первоначальная ред. датируется по автографу.

338. Звезда, 1974, № 11, с. 54. Печ. по ЛкЗ, с. 8. Датируется по по автографу.

339. Звезда, 1974, № 11, с. 53. Датируется по автографу. Стих. навеяно воспоминаниями о поездках в 1930-х годах в Казахстан.

340. Из. 74, с. 279. Датируется по автографу. *Птенцы Вольтерова гнезда* — французские писатели-энциклопедисты. *Консоль* — подставка. *Шеллингианец* — последователь немецкого философа-идеалиста Ф. Шеллинга (1775—1854). Евгений *Базаров — «нигилист»*, герой романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». *Якобинец* — представитель революционно-демократического направления в период Великой французской революции (1789—1794).

341. Психея, с. 138. Датируется по автографу. *Висячий мостик* — Банковский через *канал* Грибоедова; поддерживающие его цепи скрыты в полых фигурах крылатых *львов.*

342. Звезда, 1976, № 5, с. 145; Октябрь, 1976, № 6, без загл. Печ. по ЛкЗ, с. 7. Датируется по автографу. В августе 1974 г. поэт жил под Москвою, в районе Можайского шоссе, побывал на Бородинском поле, в Музее 28-ми героев-панфиловцев, и, возможно, стихотворение возникло как результат этих летних впечатлений.

343. ЛкЗ, с. 91. Датируется по автографу. Эпиграф — из стих. Г. Р. Державина «Цыганская пляска». *Наварра* — провинция в Испании. *Опальная юность поэта.* Имеется в виду южная (1820—1824) ссылка А. С. Пушкина. Поэма *«Цыганы»* начата на юге, завершена в Михайловском.

344. Психея, с. 81. Датируется по автографу.

345. Нева, 1975, № 4, с. 23. Печ. по ЛкЗ, с. 123. Датируется по автографу. *Эмпиреи* — потусторонний мир, где, по представлениям древних, пребывают души умерших.

346. Звезда, 1975, № 6, с. 39. Печ. по ЛкЗ, с. 48. Датируется по автографу. *Нам и вправду покой только снится* — парафраз ст. А. Блока «И вечный бой! Покой нам только снится...» из первого стих. цикла «На поле Куликовом».

347. Новый мир, 1975, № 12, с. 4. Печ. по ЛкЗ, с. 54. Датируется по автографу.

348. Печ. впервые по датированному автографу.

349. Новый мир, 1975, № 12, с. 7. Датируется по автографу.

350. Кругозор, 1975, 9 сентября, с. 4. Датируется по автографу.

351. Новый мир, 1975, № 12, с. 3. Печ. по ЛкЗ, с. 116. Датируется по автографу.

352. ЛР, 1975, 7 ноября, с. 4. Печ. по Нева, 1977, № 12, с. 91. Датируется по автографу. *Не об этой ли «тайной свободе»* и т. д. См. стих. А. С. Пушкина «К Н. Я. Плюсковой»: «Любовь и тайная свобода Внушали сердцу гимн простой». Ср. также стих. А. Блока «Пушкинскому дому».

353. ЛкЗ, с. 108. Печ. по Психея, с. 15. Датируется по автографу.

354. Нева, 1976, № 4, с. 89. Датируется по автографу.

355. ЛР, 1975, 3 октября, с. 11; ЛкЗ, с. 112. Печ. по Психея, с. 182. Датируется по автографу.

356. Аврора, 1977, № 1, с. 31. Датируется по автографу.

357. Звезда, 1925, № 3, с. 114 (др. ред.); БМ, с посвящ. Бор. Лавреневу (др. ред.); ГС, без строф 10, 11; Ст. 36 с посвящ. Бор. Лавреневу, без строф 10, 11; ОвС; Ст. 56, без строфы 10, в цикле «Родные портреты»; Из. 65; Из. 74. Печ. по СМ, с. 138. *Не в силах бабушка помочь.* Е. А. Арсеньева (1773—1845) в 1837 и 1841 гг. хлопотала об облегчении участи Лермонтова. Ряд стих. Лермонтова связан с В. А. *Лопухиной* (1815—1851), к которой поэт испытывал глубокое и долгое чувство.

358. ГС, с. 71; ОвС, под загл. «Над книгой (Жюль Верн)», в цикле «Тени юности»; Костер, 1939, № 6, под загл. «Жюль Верн»; Ст. 56, в цикле «На полях книг»; В дружбе с мечтой; Из. 74. Печ.

по СМ, с. 157. В стих. упоминаются герои и ситуации ряда романов Ж. Верна.

359. Октябрь, 1976, № 6, с. 7. Печ. по Психея, с. 41. Датируется по автографу.

360. Октябрь, 1976, № 6, с. 6. Датируется по автографу.

361. ЛР, 1976, 4 июня, с. 10. Печ. по Психея, с. 127. Датируется по автографу.

362. Нева, 1977, № 9, с. 3. Печ. по Психея, с. 156. Датируется по автографу.

363. Знамя, 1977, № 1, с. 85. Печ. по Психея, с. 28. Датируется по автографу.

364. Знамя, 1977, № 1, с. 85. Датируется по автографу.

365. Знамя, 1977, № 1, с. 84. Датируется по автографу.

366. Знамя, 1977, № 12, с. 109. Печ. по Психея, с. 169. Датируется по автографу. *Шиповник комедий Шекспира.* Образ навеян иллюстрациями В. А. Фаворского (1886—1964) к пьесам Шекспира. *Кираса* — часть вооружения кавалериста-кирасира.

367. Знамя, 1977, № 1, с. 85. Датируется по автографу.

368. Нева, 1979, № 1, с. 37, где опубликовано по датированному автографу.

369. ЛР, 1977, 15 апреля, с. 6. Печ. по Психея, с. 163. Датируется по автографу.

370. Психея, с. 54. Датируется по автографу.

371. Нева, 1977, № 1, с. 91. Датируется по автографу. *Куртина* — группа растений в саду.

372. Психея, с. 180. Датируется по автографу. *Титло* — в письменности средневековой Руси надстрочный знак, указывающий на сокращенное написание слова. *Ять* — буква в дореволюционном русском алфавите. Последняя строфа навеяна размышлениями о судьбе Г. Р. Державина, который в 1803 г. был отстранен Александром I от службы и последние годы жизни провел в своем новгородском имении «Званка». *Фелицыных палат.* Фелица (под этим именем подразумевалась Екатерина II) — героиня одноименной оды (1782) Державина. *Ты онежским гремел водопадом.* Имеется в виду стих. Державина «Водопад».

373. Нева, 1977, № 12, с. 92, где опубликовано по датированному автографу. *Орфей, Эвридика* — см. прим. 289.

374. Психея, с. 166. Датируется по автографу. *Иннокентий Анненский* — см. прим. 24—27. *Ахматовой учителем он был.* См. стих. Ахматовой «Учитель» (1945). *Где пруд колонну Славы отразил.* См. прим. 114.

375. ГнН, с. 157. Датируется по автографу. *Игла над Невой.* См. прим. 183—188, 388.

376. Психея, с. 117. Датируется по автографу, где посвящ. «Ирине» (см. прим. 86). *Коктебельский халцедон.* Коктебель — см. прим. 100.

377. Знамя, 1977, № 12, с. 110. Печ. по Психея, с. 147. Датируется по автографу. *Кастальский ключ* — см. прим. 330.

378. Печ. впервые и датируется по автографу. «Остановись, мгновенье!» — цитата из «Фауста» Гёте (ч. II).

379. Нева, 1977, № 12, с. 93. Печ. по Психея, с. 188.

380. Нева, 1977, № 12, с. 92. Печ. по Психея, с. 187.

381. Звезда, 1978, № 1, с. 158. Датируется по авторизованной машинописи.

382. Нева, 1979, № 9, с. 4, где опубликовано по датированному автографу.

383. Нева, 1979, № 1, с. 38. Печ. по Психея, с. 200. Датируется по автографу. *Психея* — см. прим. 193.

384. Психея, с. 201.

385. Нева, 1979, № 1, с. 37, где опубликовано по датированному автографу. *Нирвана* — здесь: состояние блаженства. В буддийской религии — возвышенное состояние человеческой души, достигаемое в результате ее «перевоплощений» и, таким образом, избавления от страданий.

386. Психея, с. 234. *Икар* — см. прим. 406. Это последнее законченное стих. в рабочей тетради поэта.

387. ОвС, с. 110 (др. ред.). Печ. по Психея, с. 69. Первоначальная ред. датируется по упоминанию стих. в письме Е. А. Архиппова Рождественскому от 15 октября 1933 г. *Рене Шатобриан* (1768—1848) — французский писатель-романтик; завещал похоронить себя на скале у Атлантического океана. *Тригорское* — имение Осиповых-Вульф, где часто бывал в период своей ссылки в Михайловское А. С. Пушкин. *Белый памятник* — на могиле Пушкина в Святогорском монастыре в Пушкинских (бывших *Святых) Горах. Но есть еще страна* и т. д. Имеется в виду Коктебель (см. прим. 100). *Встал профиль Карадага, Как будто сам поэт глядится в свой залив.* Ср. в стих. М. Волошина «Дом поэта»: «Вон там — за профилем прибрежных скал, Запечатлевшим некое подобье (Мой лоб, мой нос, ощечье и подлобье)...» Карадаг — потухший вулкан. На горе Кучук-Енышары, откуда открывается вид на всю Коктебельскую долину, был похоронен М. А. Волошин (1877—1932). В письмах Рождественского конца 1920-х — начала 1930-х годов часто упоминается Р.-Л. *Стивенсон*, который был в юности поэта и в зрелые его годы одним из

самых любимых его писателей — с «установкой на ясность, сжатость и точность латинской культуры... Душа, обветренная морем, глаза, умеющие видеть за много миль редкий парус, ум, привыкший к молчаливому созерцанию Южного Креста...» (из письма Рождественского к Д. С. Усову от июня 1930 г.).

388. ОвС, с. 25; Ст. 56, без строфы 15; Из. 65. Печ. по ГнН, с. 28. Первоначальная ред. датируется по автографу. *Липы были сквозь чугун узора, Полукруг Казанского собора.* Казанский собор — на Невском проспекте Ленинграда. Перед его западным фасадом — полуциркульная площадь с чугунной оградой сквера. *Ни иглы бессонной, ни канала.* Возможно, ассоциация с пушкинским «Медным всадником»: «И светла Адмиралтейская игла». См. также стих. № 375. Канал — канал Грибоедова, на который Казанский собор выходит восточным фасадом. *Крепость* — Петропавловская крепость со шпилем собора. *Острова* — см. прим. 146.

389. Знамя, 1977, № 12, с. 110. Печ. по Нева, 1979, № 1, с. 37, где опубликовано по автографу.

390—403. В данном цикле составители собрали произведения Рождественского, своеобразный характер которых не позволяет включить их в общий ряд стихотворений поэта. Большей частью они не предназначались для печати, являясь или в прямом смысле дарственными надписями на книгах, или своеобразной поэтической оценкой прочитанного, или афористическим итогом авторских размышлений о собственных сборниках. В какой-то мере стихотворения этого цикла соотносятся со стихотворениями, включенными Рождественским в машинописные сборники «Окно в сад (Графика)» (см. о нем прим. 13) и «На полях книг (Тетрадь старинных литографий)» (см. прим. 18). Не случайно некоторые стихотворения настоящего цикла входили в названные сборники. К ним присоединяется еще один авторизованный машинописный сборник — «Стихи друзьям» (1923—1925), в котором представлены несколько стихотворений данного цикла. Бо́льшая часть стихотворений точной датировке не поддается и датируется по косвенным данным.

1—2. Печ. впервые.

1. Датируется по местоположению в сборнике «Стихи друзьям».

2. Датируется по автографу.

3. Печ. впервые по авторизованной машинописи. Предположительный адресат — коктебельская знакомая М. Волошина М. А. Пазухина, которой, как явствует из письма к ней Рождественского (1928), была послана книга. *Коктебельский залив* — см. прим. 100.

4—5. Печатаются и датируются по автографам.

1. Ст. 56, с. 72, под загл. «Надпись на книге». Судя по пометам на других автографах, стих. переписывалось автором в октябре 1941 г. и 28 мая 1952 г. (Рига).

6. Печ. впервые и датируется по автографу на кн.: Ф. Петрарка, Сонеты (на французском языке), хранящейся в библиотеке Иды Моисеевны Наппельбаум. И. М. Наппельбаум — жена поэта и переводчика М. А. Фромана, друга Рождественского, была членом литературного кружка «Звучащая раковина». Стих., под загл. «Надпись на книге», вошло в авторизованный машинописный сборник «Окно в сад (Графика)». Ф. *Петрарка* (1304—1374) — итальянский поэт,

родоначальник гуманистической культуры Возрождения. Его сборник «Книга песен» — сонеты, канцоны, секстины, баллады, мадригалы на жизнь и смерть *Лауры* — лирический дневник любви поэта. *Тоскана* — область в Италии: одна из ее провинций — *Сиена,* с центром — одноименным городом.

7. Печ. впервые по датированному автографу. Возможно, посвящено И. М. Наппельбаум (см. предыдущее прим.), которая в те годы была начинающей поэтессой. *Петрополь* — город Петра, Петроград. *«Необщим выраженьем»* — цитата из стих. Е. А. Баратынского (*Боратынского,* 1800—1844) «Муза».

8. Из. 65, с. 47, под загл. «Ростан». Печ. и датируется по авторизованному машинописному сборнику «Стихи друзьям». В автографе стих. обращено к певице М. И. Бриан (1886—?). *Э. Ростан* (1868—1918) — французский поэт и драматург. *Гасконец* — уроженец Гаскони, исторической области на юго-западе Франции. *Казанова* (1725—1798) — итальянский писатель, автор мемуаров, запечатлевших многочисленные любовные и авантюрные приключения автора. *Галльское вино* — французское. *«Romanesques»* и *«Syrano»* — «Романтики» и «Сирано де Бержерак», пьесы Ростана в стихах.

9. Печ. впервые по датированному автографу. *Ин. Анненский* — см. прим. 24—27. *«Тихие песни»* — единственный поэтический сборник, вышедший (под псевдонимом Ник. Т—о) при жизни поэта. Именем *«Никто»* назвался герой Гомера Одиссей циклопу *Полифему.* Русскому поэту А. Н. *Апухтину* (1840—1893) Рождественский посвятил стих. «Апухтин в Царском Селе» (ОвС, с. 53), завершающееся словами: «И в сырости годов восьмидесятых Роняло листья Царское Село». *«Лакмэ»* (1883) — опера французского композитора Л. Делиба (1836—1891). *Когда на скучный дождь мы выгнали поэму.* Среди стих. французского поэта-лирика *Стефана Маллармэ* (1842—1898), переведенных Анненским, — стих. «Дар поэмы» («Don du poème»). *Ледин выводок.* Леда — см. прим. 192. Многочисленные мифы по-разному рассказывают о потомстве Леды и Зевса. В толковании Рождественского это, видимо, лебеди, как принятый в европейской литературе символ лирического поэта. *Царское Село* — см. прим. 24—27. Здесь: колыбель поэтов. *Котурны* — род сандалий с очень толстой подошвой. Надевались актерами античного театра для увеличения роста с целью придания большей величественности образам богов и героев античной трагедии. *Лоэнгрин* — герой оперы немецкого композитора Р. Вагнера (1813—1883), построенной на сказаниях северных приморских стран: рыцарь приплывает в ладье, ведомой лебедем, и спасает покинутую и преследуемую девушку от смертельных страданий.

10—11. Печ. впервые по датированному автографу. Роман французского поэта и романиста *Анри де Ренье* (1864—1936) *«Шалость»* (*«Escapade»*) вышел в переводе Рождественского в 1925 г. в издательстве «Academia». Ренье пользовался известностью изощренного стилиста в обрисовке утонченных психологических и, в особенности, эротических ситуаций.

2. *Мысли пленной.* Ср. в стих. М. Ю. Лермонтова «Не верь себе»: «Иль пленной мысли раздраженье».

12. Печ. впервые по датированному автографу. Там же прим. поэта: «Есть более поздний вариант этого стихотворения, непосредственно обращенный к А. А. Ахматовой и написанный в военные годы. От прежнего осталась лишь первая строфа. Вс. Р. Июль 1968». Третья книга стихов А. Ахматовой (см. прим. 277) *«Белая стая»*

вышла в 1917 г. Послана Рождественским Е. Я. Архиппову, жившему в Новороссийске. *От лебединого крыла.* См. прим. к стих. 9 данного цикла. Ср. также стих. Ахматовой «Пусть даже вылета мне нет из стаи лебединой. . .».

13. Печ. впервые по датированному автографу.

14. Печ. впервые и датируется по положению в беловой тетради поэта 1946—1955 гг. Стих. написано гекзаметром (см. прим. 92) — размером поэм Гомера. *Сирены* — см. прим. 483. *Калипсо* — нимфа острова Огигия, дочь Атланта (вариант — Океана), державшая 7 лет в плену Одиссея.

ПЕРЕВОДЫ

Переводческую деятельность В. А. Рождественский всегда рассматривал как своеобразную школу мастерства. «Искусство стихотворного перевода, — писал он, — в некоторой и весьма существенной своей части состоит в такте, с которым производятся неизбежные отступления от подлинника. «Отступая», нужно пользоваться тем арсеналом образов, к которым, следуя за логическим развертыванием мысли, мог прибегнуть и сам автор. Может быть, в этой области переводной работы и заключается то очарование, которым манит оно к себе того, кто привык к самостоятельной творческой работе» (недатированное письмо к И. М. Басалаеву).

Систематическая работа Вс. Рождественского над переводами началась в организованном по инициативе М. Горького издательстве «Всемирная литература» еще в 1920-е годы. В 1922 г. были опубликованы в его переводе баллады Роберта Саути. В 1923 г. отдельной книгой вышли переводы стихотворений Теофиля Готье, в 1929-м — «Полное собрание песен» Беранже. В начале 1930-х годов Рождественский переводил Гёте и Гейне. «Большой отдохновительной радостью, — писал он в письме к Е. Я. Архиппову от 14 апреля 1931 г., — была работа. . . над лирикой Гейне» (ЦГАЛИ).

Долгие годы поэт занимался переводами из французской поэзии. Круг его интересов в этой области был очень широк. Внимание его в основном привлекали поэты, чье творчество было проникнуто лиризмом и живым ощущением эпохи, а в формальном отношении отличалось четкостью и изобразительностью стихотворного языка.

Обращался переводчик к поэзии эпохи Возрождения (в частности, деятелей «Плеяды») и к широко распространенному в XVIII в. жанру так называемой «мимолетной поэзии» (мадригалы, эпиграммы, сатиры), которому отдали дань и такие писатели, как Вольтер и Дидро. Представленные в этом разделе стихотворения переведены из французских антологий: Rimes Gauloises, Paris, 1858 и Poésies fugitives, Paris, 1910 и др.

С особенным вниманием обращался Вс. Рождественский к французской поэзии XIX—XX вв. О стихах Шарля Бодлера он писал Е. Я. Архиппову 9 мая 1927 г.: «Бодлер в высшей степени четко являет в жизни трагический образ поэта. Тема трагическая, тема Поэта и глухого мира — в особенности волнует меня теперь. . .» Высоко ценил он творчество Жана Мореаса, находя, что глубокое чувство единения человека с природой сближает его с лиризмом Тютчева. Отмечал Вс. А. Рождественский и творчество Анри де Ренье как тонкого

стилиста, мастера художественного описания. В письме к Д. С. Усову от 18 июня 1932 г. он писал: «Он чрезвычайно требователен... в системе его образов ничего нельзя переставить, их нужно принимать без поправок...» В личном архиве Рождественского и в ГПБ сохранилось более 40 переводов из А. де Ренье.

Незадолго до смерти поэт подготовил книгу переводов из французской поэзии «Средоточие времен». Предлагая ее к изданию, он писал, что книга «создавалась на протяжении многих лет, а выбор авторов и произведений диктовался исключительно личными пристрастиями переводчика к тем тенденциям французской поэзии, которые вели ее по дороге правды чувства и верности завещанным веками нормам реалистического стиха».

Переводы из Жана Мореаса и Анри де Ренье датируются по черновым автографам ГПБ. В угловых скобках приводятся даты первой публикации, позднее которых перевод не мог быть осуществлен. Бо́льшая часть переводов, помещенных в издании, публикуется впервые по авторизованной машинописи и датировке не поддается из-за отсутствия датированного автографа.

С французского

ИЗ ПОЭЗИИ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

ПЬЕР ДЕ РОНСАР (1524—1585)

404. Печ. впервые по авторизованной машинописи. Перевод стих. «Quand vous serez bien vieille au soir à la chandelle...»

ОЛИВЬЕ ДЕ МАНЬИ (1529?—1561)

405. Печ. впервые по авторизованной машинописи. Перевод стих. «Bienheureux est celui qui loin de la cité...».

ФИЛИПП ДЕПОРТ (1546—1606)

406. Печ. впервые по авторизованной машинописи. Перевод стих. «Icare chut ici, le jeune audacieux...». *Икар* — герой древнегреческой легенды. На крыльях из перьев, скрепленных воском, поднялся в небо, но слишком приблизился к солнцу. Воск растаял, юноша упал в море и утонул.

КАТРИН ДЕ РОШ (1550—1587)

407. Печ. впервые по авторизованной машинописи. Перевод стих. «A ma quenouille».

ЖАН БЕРТО (1552—1611)

408. Печ. впервые по авторизованной машинописи. Перевод стих. «Il est temps, ma belle, finir ma lanqueur...». *Амур* (римск. миф.) — бог любви, сын богини красоты Венеры.

ИЗ ПОЭЗИИ XVII—XVIII ВЕКОВ

МАРК СЕНТ-АМАН (1594—1661)

409. Печ. впервые по авторизованной машинописи.

ЖЮЛЬ МЕНАЖ (1613—1692)

410. Печ. впервые по авторизованной машинописи.

БЮССИ-РАБЮТЕН (1618—1693)

411. Печ. впервые по авторизованной машинописи.

ЖАН ГРЕКУР (1683—1743)

412. Печ. впервые по авторизованной машинописи. *Семь мудрецов* — греческие мыслители и государственные деятели VII — VI вв. до н. э., известные житейской практической мудростью и государственным умом. К 7-ми мудрецам в различные периоды времени причислялось до 20 лиц. Появление понятия 7-ми мудрецов совпадает с началом греческой философии.

АЛЕКСИС ПИРОН (1689—1773)

413. Печ. впервые по авторизованной машинописи.

ВОЛЬТЕР (1694—1778)

414. Печ. впервые по авторизованной машинописи. *Дистих* — в античной поэзии строфа из двух строк. *Амур* — см. прим. 408.

415—417. Печ. впервые по авторизованной машинописи.

418. Печ. впервые по авторизованной машинописи. *Иеремия* (10-е гг. VII в. до н. э. — после 586 г. до н. э.) — один из «больших пророков» иудаизма. Ему приписывают книгу Ветхого завета — «Плач Иеремии», в которой оплакивается падение Иерусалима в 586 г. до н. э.

ДЕНИ ДИДРО (1713—1784)

419. Печ. впервые по авторизованной машинописи.

ЭВАРИСТ ПАРНИ (1753—1814)

420. Печ. впервые по авторизованной машинописи.

АНОНИМЫ

421—428. Печ. впервые по авторизованной машинописи.

БЕРНАР ДЕ ЛЯ МОННУА (1641—1728)

429. Печ. впервые по авторизованной машинописи. Перевод стих. «L'Eloge au l'incomparable messire La Paliss».

АНДРЕ ШЕНЬЕ (1762—1794)

430. Андре Шенье, Избр. произведения, М., 1940, с. 62. Перевод стих. «La jeune Tarentine». *Тарент* (современное название: Таранто) — город в Италии, на берегу Ионического моря. *Камарин* — залив Ионического моря. *Фетида* (греч. миф.) — морская нимфа, старшая из нереид, дочерей морского божества *Нерея. Гименей* (греч. миф.) — бог брака.

431. Андре Шенье, Избр. произведения, М., 1940, с. 105. Перевод стих. «Mes chants savent tout peindre. . .».

432. А. Шенье. Избр. произведения. М., 1940, с. 112. Перевод стих. «Eh, le pourrais je au moins? . .». *Венера* (римск. миф.) — богиня красоты.

ИЗ ПОЭЗИИ XIX — XX ВЕКОВ

АЛЬФРЕД ДЕ ВИНЬИ (1797—1863)

433. Ст. 56, с. 284. Перевод поэмы «La mort du loup». *Рем, Ромул* — легендарные основатели Рима, найденные в лесу и вскормленные *волчицей.*

ВИКТОР ГЮГО (1802—1885)

434. В. Гюго, Избр. произведения в 2-х т., т. 2, М. — Л., 1952, с. 323. Печ. по СВ, с. 46. Перевод стих. «Le Novembre». *Саади* М. (нач. XII в. — 1292) — персидско-таджикский поэт. *Галера* — большое весельное и парусное военное судно. *Джинны* — добрые и злые духи в арабской и персидской мифологии. *Баядера* — индийская храмовая танцовщица. *Дромадер* — одногорбый верблюд. *Имам* — духовный глава мусульман. *Сераль* — гарем. *Капище* — языческий храм. *Гоморра* (библ.) — город, уничтоженный богом за царивший в нем разврат. *Вавилон* — древний город на берегу Евфрата, в Библии — символ порока и языческих мерзостей. *Клефт* — греческий партизан, борец против турецкого господства (XVII — XVIII вв.).

435. Ст. 56, с. 277, с подзаг. «Из „Легенды веков“». Печ. по СВ, с. 73. Перевод стих. «La rose de l'infante». *Инфанта* — дочь короля. *Дуэнья* — в Испании пожилая женщина, воспитательница девушки-аристократки. *Литания* — торжественная служба в католической церкви. *Брабант* (историческая область на северо-западе Европы). *Фландрия* (историческая область на западе Европы), *Сардиния* (остров в Средиземном море) — территории, принадлежавшие в XVI в. Испании. *Митра* — головной убор высшего духовенства. *Армада* — «Непобедимая Армада» — испанский флот, созданный королем *Филиппом* II (1527—1598), разбитый и погибший в бою с английским флотом в 1588 г. *Эблис* (Иблис) — злой дух, демон мусульманской мифологии. *Альбион* — Англия. *Покорный данник Рима* — т. е. ревностный католик. *Бургос, Эскуриал, Аранхуэс* — города Испании, где находились королевские дворцы. *Костров рыданье.* Имеется в виду инквизиция.

Карл V (1500—1588) — король, отец *Филиппа* II. *Златое Руно* — орден *Бриз* — береговой ветер. *Адур* — река во Франции. *Эско*, или Шельда — река во Франции. *Коннетабль* — высший военачальник. *Кадикс* — город и порт на Юго-Западе Испании. *Галионы* — парусные плоскодонные транспортные суда. *Бригантина* — небольшое военное судно, парусное и гребное. *Цезарь* — римский император Гай Юлий Цезарь (102 или 100 до н. э. — 44 до н. э.), один из крупнейших полководцев и завоевателей древности. *Позилиппо* — гора близ Неаполя. *Квадрига* — колесница, запряженная четверкой лошадей. *Зефир* — легкий ветерок. *Асфодели* — лилии.

АЛЬФРЕД МЮССЕ (1810—1857)

436. А. де Мюссе, Избр. произведения. М., 1952, с. 165. Перевод стих. «Au lecteur des deux volumes de vers de l'auteur».

437. А. де Мюссе, Избр. произведения, М., 1952, с. 177. Перевод стих. «A. M. Victor Hugo».

ТЕОФИЛЬ ГОТЬЕ (1811—1872)

438. Т. Готье, Избр. стихи, Пг., 1923, с. 25. Перевод стих. «Pastel». *Дюбарри* Мария Жанна (1746—1793) — фаворитка французского короля Людовика XVI. *Помпадур* Жанна, маркиза де (1721—1764) — фаворитка французского короля Людовика XV.

439. Т. Готье, Избр. стихи, Пг., 1923, с. 21, с подзаг. «Сонет». Печ. по СВ, с. 118. Перевод стих. «La Tulipe». *Архипелаг* — группа островов Эгейского моря. *Виссон* — в древности драгоценная ткань, употреблявшаяся на одежду царей и жрецов. *Сага* — древнее эпическое повествование. *Геральдика* — составление, изучение и истолкование гербов. *Порфира* — длинная пурпуровая мантия, парадное одеяние монархов.

440. Т. Готье, Избр. стихи, Пг., 1923, с. 55. Перевод стих. «Les rôdeurs de nuit».

441. Т. Готье, Избр. стихи, Пг., 1923, с. 62. Печ. по СВ, с. 126. Перевод стих. «A une jeune amie».

ПЬЕР ЖАН БЕРАНЖЕ (1780—1857)

442. П. Ж. Беранже, Полн. собр. песен, т. 1, Л., 1929, с. 136. Перевод стих. «Les romans». *Софи* (1785—?) — сестра поэта.

443. П. Ж. Беранже, Полн. собр. песен, т. 1, Л., 1929, с. 312. Печ. по СВ, с. 27. Перевод стих. «L'Épitaphe de ma muse». В *тюрьму Сент-Пелажи* Беранже был заключен в 1821 г. на три месяца. *Дюпен* (1783—1865) — либеральный адвокат, защитник поэта на процессе 1821 г. *Фемида* (греч. миф.) — богиня правосудия. *Маршанжи* (1782—1826) — прокурор, обвинитель Беранже, возбудивший судебный процесс против выпущенного Беранже «Собрания песен».

444. П. Ж. Беранже, Полн. собр. песен, т. 1, М. — Л., 1934, с. 151; П. Ж. Беранже, Полн. собр. песен, т. 1, М. — Л., 1936; Ст. 56. Печ. по СВ, с. 20. Перевод стих. «Madame Grégoire».

ОГЮСТ БАРБЬЕ (1805—1882)

445. О. Барбье, Избр. стихотворения, М., 1953, с. 81. Перевод стих. «Il est triste de voir partout l'oeuvre du mal».

446. О. Барбье, Избр. стихотворения, М., 1953, с. 84. Перевод стих. «Michel-Ange».

447. О. Барбье, Избр. стихотворения, М., 1953, с. 85. Перевод стих. «Cimarosa». *Чимароза Д.* (1749—1801) — итальянский композитор, жил в Неаполе, участвовал в восстании итальянских патриотов против Франции, сочинял патриотические гимны. Был арестован, приговорен к смертной казни, замененной изгнанием.

448. О. Барбье, Избр. стихотворения, М., 1953, с. 86. Перевод стих. «Léonard de Vinci».

ЭЖЕЗИП МОРО (1810—1838)

449. Э. Моро, Незабудка, М., 1937, с. 94. Перевод стих. «Le dernier jour».

ЭДУАРД ГРЕНЬЕ (1819—1901)

450. Печ. впервые по авторизованной машинописи. Перевод стих. «La Glycine».

АНРИ МЮРЖЕ (1822—1861)

451. Печ. впервые по авторизованной машинописи. Перевод стих. «Requiem d'amour». *Саламандры* — по западноевропейским средневековым поверьям, духи огня.

ЛЕКОНТ ДЕ ЛИЛЬ (1818—1894)

Печ. впервые по авторизованной машинописи.

452. Перевод стих. «Le parfum impérissable».

453. Перевод стих. «Le coeur de Hialmar». *Ульмер* (сканд. миф.) — бог-лыжник и лучник. *Ярлы* — родовая знать. *Упсала* — город в Швеции, в I тысячелетии н. э. религиозный языческий центр.

454. Перевод стих. «Les médailles antiques». *Киприда* — прозвание богини красоты Афродиты (греч. миф.), возникшей из морской пены и вышедшей на берег острова Кипр. *Гефест* (греч. миф.) — бог огня и кузнечного ремесла.

ЛУИ БУЙЕ (1822—1869)

Печ. впервые по авторизованной машинописи.

455. Перевод стих. «Le galet».

456. Перевод стих. «Le nid et le cadran».

СЮЛЛИ-ПРЮДОМ (1839—1907)

Печ. впервые по авторизованной машинописи.

457. Перевод стих. «Prière».

458. Перевод стих. «Les yeux». *Эфир* — небесное пространство (в поэтическом словоупотреблении).

459. Перевод стих. «La Grande Ourse». *Архипелаг* — см. примеч. 439. *Халдея* — древняя страна на северо-западном побережье Персидского залива, населенная племенами халдеев, в религии которых широкое распространение получило обоготворение неба и небесных светил, т. н. астральные культы.

ЖОЗЕ МАРИЯ ДЕ ЭРЕДИА (1845—1905)

460. Ж. М. Эредиа, Трофеи, М., 1973, с. 109. Перевод стих. «Médaille antique». *Этна* — действующий вулкан в Италии. *Феокрит* (IV в. до н. э.) — римский поэт, житель *Сиракуз*, древнегреческого города-государства на острове Сицилия. *Лилея Аретуз* — имя нимфы, а также название источника в южной Сицилии. *Агригент* — город в Италии, известный с глубокой древности.

ШАРЛЬ БОДЛЕР (1821—1867)

Печ. впервые по авторизованной машинописи.

461. Перевод стих. «L'Amour du mensonge».

462. Перевод стих. «La voix». *Фаблио* — короткая стихотворная повесть, комическая или сатирическая, во французской литературе XII — XIV вв. *Фолиант* — книга форматом в лист или пол-листа *(ин-фолио)*. *Пилигрим* — паломник к святым местам.

463. Перевод стих. «Le flacon». *Лазарь* — персонаж евангельской легенды, воскрешен Иисусом Христом на четвертый день по смерти.

464. Перевод стих. «A une malabaraise». *Малабарская девушка* — жительница *Малабарских островов* — у западных берегов полуострова Индостан.

ШАРЛЬ КРО (1842—1888)

Печ. впервые по авторизованной машинописи.

465. Перевод стих. «L'Archet». *Кремона* — город в Италии, известный школой мастеров изготовления скрипичных инструментов (Амати, Гварнери, Страдивари).

466. Перевод стих. «Le sonnet astronomique».

АННА ДЕ НОАЙ (1878—1933)

467. Печ. впервые по авторизованной машинописи. Перевод стих. «L'offrande à la nature».

ПОЛЬ ВЕРЛЕН (1844—1894)

Печ. впервые по авторизованной машинописи.

468. Перевод стих. «Les Sages d'autrefois qui valaient bien ceux — ci».

469. Перевод стих. «Le colloque sentimentale».

АРТЮР РЕМБО (1854—1891)

Печ. впервые по авторизованной машинописи.

470. Перевод стих. «Sensation».

471. Перевод стих. «Ma Bohême».

472. Перевод стих. «Le roman». *Эспланада* — открытое пространство вокруг крепости. *Каватина* — сольная лирическая пьеса.

ЖАН МОРЕАС (1856—1910)

Печ. впервые по авторизованной машинописи; датируются по черновым автографам ГПБ. *Стансы* — лирическое стих., состоящее из содержательно и композиционно замкнутых строф.

473. Перевод стих. «La jeune fille parle. . .».

474—482. Стих. входят в 7 книг «Стансов» Ж. Мореаса, где расположены в другом порядке.

1. Кн. 1, 11. Перевод стих. «Ne dites pas: La vie est un joyeux festin. . .».
2. Кн. 2, 1. Перевод стих. «Au temps de ma jeunesse. . .».
3. Кн. 2, 18. Перевод стих. «Nuages qu'un beau jour à présent environne. . .».
4. Кн. 3, 1. Перевод стих. «Eté, tous les plaisirs que ta saison m'apporte. . .».
5. Кн. 3, 8. Перевод стих. «Ah, fuyez à présent malheureuses pensées. . .».
6. Кн. 6, 9. Перевод стих. «L'aube qui doucement se léve sur la ville. . .».
7. Кн. 6, 10. Перевод стих. «Quand reviendra l'automne avec les feuilles mortes. . .».
8. Кн. 6, 11. Перевод стих. «Je songe aux cieux marins à leurs couchants si doux. . .». *Нереиды* — см. прим. 430. *Главк* (греч. миф.) — морское божество. *Протей* (греч. миф.) — морское божество, способное изменять свой облик.
9. Посмертные стансы, 4. Перевод стих. «J'allais dans la campagne avec le vent d'orage».

АЛЬБЕР САМЕН (1858—1900)

483. Печ. впервые по авторизованной машинописи. Перевод стих. «Les Sirènes». *Сирены* (греч. миф.) — полуптицы-полуженщины, увлекающие своим пением моряков на скалы и приводящие их к гибели.

АНРИ ДЕ РЕНЬЕ (1864—1936)

Печ. впервые по авторизованной машинописи; датируются по черновым автографам ГПБ.

484. Перевод стих. «Constatation».

485. Перевод стих. «Le Miroir rustique».

486. Перевод стих. «Le collier de verre». *Сан-Марко* — площадь в Венеции. *Лагуна* — небольшой водный бассейн, соединяемый с морем узким проливом. *Парка* — см. прим. 332.

487. Перевод стих. «Verone». *Есть лестница в гербе твоем* и т. д. Обыгрывается значение фамилии и герб рода делла *Скала*, правившего Вероной в 1260—1387 гг. (ска́ла (итал.) — *лестница*).

488. Перевод стих. «La ville».

489. Перевод стих. «Présage».

490. Перевод стих. «Projet».

491. Перевод стих. «Le secret».

ФРАНСИС ЖАММ (1868—1938)

492. ЗПТ, № 61, 1923, с. 5, с искажениями. Печ. по авторизованной машинописи. Перевод стих. «Clara d'Ellebeuse». *Рококо* — стиль европейского искусства XVIII в.

ЛЮСИ ДЕЛАРЮ-МАРДРЮС (1880—1948)

Печ. впервые по авторизованной машинописи.

493. Перевод стих. «L'odeur de mon pays».

494. Перевод стих. «La Figure de prone».

ЖАК РИШПЕН (1880—1914?)

Печ. впервые по авторизованной машинописи.

495. Перевод стих. «Vanités».

496. Перевод стих. «L'Essieu».

ГИЙОМ АПОЛЛИНЕР (1880—1918)

Печ. впервые по авторизованной машинописи.

497. Перевод стих. «J'écoute les bruits de la ville. . .».

498. Перевод стих. «La carte-postale».

499. Перевод стих. «Le Chat».

500. Перевод стих. «Le Paon».

ПОЛЬ ЭЛЮАР (1895 –1952)

501. Печ. впервые по авторизованной машинописи. Перевод стих. «Liberté».

ЖАК ПРЕВЕР (1900–1977)

502. Печ. впервые по авторизованной машинописи. Перевод стих. «La Seine t'a rencontré, Paris». *Лувр* — художественный музей в Париже, первоначально королевский дворец. *Тюильри* — дворец в Париже, служивший одной из резиденций королей. *Нотр-Дам* — Собор Парижской Богоматери. *Обелиск* — вероятно, Луксорский обелиск на Площади Согласия, привезенный с развалин Фив. *Ривьера* — средиземноморское побережье Франции.

ЭМИЛЬ ВЕРХАРН (1855–1916)

503. Э. Верхарн, Избранное, М., 1955, с. 86. Перевод стих. «Le sonneur».

504. Э. Верхарн, Избранное, М., 1955, с. 371; Ст. 56. Печ. по СВ, с. 133. Перевод стих. «Le navire».

С английского

ДЖОРДЖ БАЙРОН (1788–1824)

505. Печ. впервые по авторизованной машинописи. Перевод стих. «To Emma».

506. Д. Байрон, Лирика, М., 1967, с. 101. Перевод стих. «If sometimes in the haunts of men. . .». *Лета* (греч. миф.) — река забвения в подземном царстве.

РОБЕРТ САУТИ (1744–1843)

507. Р. Саути, Баллады, Пг, 1922, с. 54. Перевод стих. «Bishop Bruno». *Тонзура* — выбритая макушка католического монаха, знак аскетического отречения от мира.

508. Р. Саути, Баллады, Пг., 1922, с. 66. Перевод стих. «The Well of st. Keyne». *Екатерина* — христианская святая, великомученица, ее имя окружено народно-поэтическими легендами. *Корнвалисская долина* — полуостров Корнуолл на юго-западе Великобритании.

РОБЕРТ БРАУНИНГ (1812–1889)

Печ. впервые по авторизованной машинописи.

509. Перевод стих. «Home-thoughts from Abroad».

510. Перевод стих. «The Lost Mistress».

ВИЛЬЯМ БАТЛЕР ЙИТС (1865—1939)

Печ. впервые по авторизованной машинописи.

511. Перевод стих. «When you are old...».

512. Перевод стих. «He wishes for the Cloths of Heaven...».

513. Перевод стих. «The Lake Isle of Innisfree».

С немецкого

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ (1797—1856)

514. Г. Гейне, Стихотворения, М. — Л., 1931, с. 376; Г. Гейне, Избр. произведения, М., 1935. Печ. по Г. Гейне, Избр. произведения, М., 1950, с. 292. Перевод стих. «Karl I». *Карл I* (1600—1649) — английский король, казнен по приговору Верховного трибунала.

515. Г. Гейне, Стихотворения. М. — Л., 1931, с. 422. Перевод стих. «Hausfrieden».

ФЕРДИНАНД ФРЕЙЛИГРАТ (1810—1876)

516. Ф. Фрейлиграт. Избр. произведения, М., 1956, с. 30. Перевод стих. «Piratenromanze». *Гяур* — презрительная кличка христианина у правоверных мусульман. *Романс о Сиде* — испанская эпическая поэма «Песнь о моем Сиде». *Кампеадор* — прозвание доблестного рыцаря Родриго Диаса де Вивары (1040—1099). *Лаццарони* — нищий в Италии. *Фелука* — парусное судно на Средиземном море. *«Нету бога, кроме бога!»* — символ веры ислама. *Шейх* — глава рода, племени у арабских кочевников, вообще почтенный, ученый человек. *Сераль* — гарем. *Пиастры* — итальянское название старинной испанской монеты песо.

С белорусского

ЯНКА КУПАЛА (1882—1942)

517. Антология белорусской поэзии, Л., 1948, с. 66; Я. Купала, Избранное, М., 1950; Антология белорусской поэзии, М., 1952. Печ. по Я. Купала. Стихотворения («Б-ка поэта», М. с.), М. — Л., 1953, с. 120.

518. Я. Купала, Избранное, М., 1950, с. 19; Антология белорусской поэзии, М., 1952. Печ. по Я. Купала, Избр. произведения в 2-х т., т. 1, М., 1953, с. 55.

ЯКУБ КОЛАС (1882—1956)

519. Антология белорусской поэзии, Л., 1948, с. 164.

С латышского

ЯН РАЙНИС (1865—1929)

520. Я. Райнис, Избр. произведения («Б-ка поэта», Б. с.), Л., 1953, с. 83; Я. Райнис, Соч. в 2-х т., т. 1, М., 1955 (др. ред.). Печ. по Я. Райнис, Избр. произведения («Б-ка поэта», М. с.), Л., 1959, с. 84.

521. Я. Райнис, Избр. произведения («Б-ка поэта», Б. с.), Л., 1953, с. 144; Я. Райнис, Собр. соч. в 3-х т., т. 1, Рига, 1954; Я. Райнис, Соч. в 2-х т., т. 1, М., 1955. Печ. по Я. Райнис, Избр. произведения («Б-ка поэта», М. с.), Л., 1959, с. 120.

522. Я. Райнис, Избр. произведения («Б-ка поэта», Б. с.), Л., 1953, с. 172; Я. Райнис, Собр. соч. в 3-х т., т. 1, Рига, 1954 (др. ред.); Я. Райнис, Соч. в 2-х т., т. 1, М., 1955 (др. ред.). Печ. по Я. Райнис, Избр. произведения («Б-ка поэта», М. с.), Л., 1959, с. 125.

523. Я. Райнис, Избр. произведения («Б-ка поэта», Б. с.), Л., 1953, с. 183; Я. Райнис, Собр. соч. в 3-х т., т. 1, Рига, 1954, под загл. «Раны народа»; Я. Райнис, Соч. в 2-х т., т. 1, М., 1955. Печ. по Я. Райнис, Избр. произведения («Б-ка поэта», М. с.), Л., 1959, с. 135, с восстановлением пропущенной строки по Я. Райнис. Собр. соч. в 3-х т., т. 1, Рига, 1954, с. 521.

524. Я. Райнис, Собр. соч. в 3-х т., т. 1, Рига, 1954, с. 591. Печ. по Я. Райнис, Избр. произведения («Б-ка поэта», М. с.), Л., 1959, с. 233.

МИРДЗА КЕМПЕ (1907—1974)

525. Ст. 56, с. 314.

С казахского

АБАЙ КУНАНБАЕВ (1845—1904)

526. Абай Кунанбаев, Избр. стихи, Алма-Ата. — М., 1936, с. 5. Печ. по Степная весна, с. 68.

527. Абай Кунанбаев, Избр. стихи, Алма-Ата. — М., 1936, с. 20; Абай, Стихотворения и поэмы («Б-ка поэта», М. с.), М. — Л., 1966. Печ. по Степная весна, с. 66. *Шолпы* — украшения, вплетенные в косы.

528. Абай Кунанбаев, Лирика и поэмы, М., 1940, с. 108; Абай Кунанбаев, Собр. соч., М., 1954; Абай, Стихотворения и поэмы («Б-ка поэта», М. с.), М. — Л., 1966. Печ. по Степная весна, с. 74.

529. Абай Кунанбаев, Лирика и поэмы, М., 1940, с. 156. Печ. по Степная весна, с. 77.

С узбекского

АЛИШЕР НАВОИ (1441—1501)

530. Алишер Навои, Лирика, Ташкент, 1941, с. 48. *Амбра* — выделение кишечника кашалота, употребляемое в парфюмерной промышленности.

АЙБЕК (1904—1968)

531. Айбек, Гули и Навои, Ташкент, 1971, с. 8. *Газель* — вид лирического стих. в поэзии Ближнего и Среднего Востока. *Визирь* — титул высших сановников и министров в мусульманских странах.

С эстонского

ЛИДИЯ КОЙДУЛА (1843—1886)

532. Антология эстонской поэзии в 2-х т., т. 1, М. — Л., 1959, с. 228.

533. Эстонские поэты XIX века («Б-ка поэта», Б. с.), Л., 1961, с. 136.

534. Эстонские поэты XIX века («Б-ка поэта», Б. с.), Л., 1961. с. 147. *Ванемуйне* — герой эстонского эпоса «Калевипоэг». *Ээсти* — Эстония. *Эмайыги* — река в Эстонской ССР. *В роще Таары клад богатый.* В прибалтийской и финской миф. Таара — бог неба и грома.

С сербскохорватского

ЙОЛЕ СТАНИШИЧ (р. 1929)

535. Й. Станишич. Упрямые скалы. Л., 1966, с. 68.

536. Й. Станишич. Упрямые скалы. Л., 1966, с. 28.

537. Й. Станишич. Упрямые скалы. Л., 1966, с. 74. *Цетине* — древняя столица Черногории. *Косово поле* — место битвы сербов и турок в 1389 г. *Мамула* — древняя крепость, где фашисты уничтожали черногорских патриотов. *Лопарь, Гргур* — острова в Адриатическом море. *Ловчен* — священная гора Черногории. Черногорцы называют ее «алтарем свободы». На вершине находится мавзолей П. П. *Негоша* (1813—1851) — поэта и философа, владыки Черногории (1833—1851). *Турну-Северин* — древний город на берегу Дуная. *Бурса* — город на северо-западе Турции. *Констанца* — город в Румынии, где находится памятник римскому поэту Публию *Овидию* Назону (43 до н. э. — ок. 18 н. э.). *Зета* — река в Черногории. *Ибар* — река в Югославии. *Тибр* — река в Италии.

538. День поэзии. Л., 1967, с. 53.

539. Й. Станишич. Седые орлы. Л., 1969, с. 41.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Абай Кунанбаев («Солнце над сонною степью склоняло лицо золотое. . .») 219
«Аврора» («В Японском море спутница «Варяга». . .») 297
Адриан Захаров («Преодолев ветров злодейство. . .» Строители, 2) 198
Александр Блок («Шел всё выше он тропами Данта. . .») 196
Андрей Воронихин («Крепостной мечтатель на чужбине. . .» Строители, 3) 198
Античная медаль («Всё блещет пурпуром и золотом кистей. . .») *Эредиа* 409
Античные медали («Во славу Музы время победив. . .») *де Лиль* 405
Апрель («Вон там огни, через деревья сада. . .») 90
Арагва («Целый день в лесистой щели. . .») 111
«Армянский зной — он розов и тяжел. . .» (Съезд сельсоветов в горной Армении) 140
«Архипелаг в ночи, семи светил узор. . .» (Большая Медведица) *Сюлли-Прюдом* 408
Астрономический сонет («Под вечер, проводив последний луч заката. . .») *Кро* 414
«. . .Ах, быть бы дома в Англии. . .» (Мысли на чужбине о родине) *Браунинг* 449
«Ах, какая у меня пиала. . .» (Пиала) 148
«Ахматовой учителем он был. . .» (Иннокентий Анненский) 350

Баллада памяти («Кто ты? Мохнатое имя. . .») 69
«Баловень лицейской легкой славы. . .» 202
Балтика (1—4) 224
Баянист («Он на левом колене баян разломил. . .») 183
Без возврата («Есть на свете путники. Они. . .») 92
«Бегут короли, потеряв корону. . .» (Завершение) *де Ренье* 423
Белая ночь («Средь облаков над Ладогой просторной. . .») 166
Белой ночью («Смотри, какая радость глазу. . .» Балтика, 1) 224
«Белый камень. Голубое море. . .» (Севастополь моей юности) 83
«Береза, дерево любимое. . .» 77
«Блажен, кто вдалеке от городских забот. . .» *Маньи* 369
«Блуждая, томился я много. . .» (К юности) 136
Большая Медведица («Архипелаг в ночи, семи светил узор. . .») *Сюлли-Прюдом* 408
«Бросая к небу колкий иней. . .» (В зимнем парке, 2) 65
«Будь осторожен, друг, и, говоря со мною. . .» (Тайна) *де Ренье* 427
«Бывает так — еще дыханьем стужи. . .» (Март) 157
«Бывает так, — слабеет тело. . .» 314
«Бывают запахи, всё существо которых. . .» (Флакон) *Бодлер* 411
«Был всегда я весел и тревожен. . .» 90
«Был деревенский дом с верандой. . .» (Родня) 324
«Был поезд как поезд. Колес перебор. . .» (Крымский скорый) 118
«Был полон воздух вспышек искровых. . .» 62
«Было когда-то. . . И всё позабыто. . .» 266
«Было это небо, как морская карта. . .» 87

В вечном созвучии («Кто повредить мне может? . .») *Райнис* 460
В Вильнюсе («От круглой башни Гедимина. . .» Стихи Литве, 2) 295
«В глухих лесах, в Приладожье студеном. . .» (Господин Великий Новгород) 192
«В годину лихих испытаний. . .» (Родная песня) 177
«В годы юности моей. . .» (Тетка Грегуар) *Беранже* 395
«В дни юности моей, возвышенная лира. . .» (Из семи книг «Стансов», 2) *Мореас* 419
«В дожде, асфальтом отраженный. . .» 292
«В дырявом пиджаке, в карман засунув руки. . .» (Мое бродяжничество) *Рембо* 417
«В жизни много привычек, примет и обличий. . .» 262
«В земном пути, меняющем кочевья. . .» (Деревья) 243
В зимнем парке (1—4) 65
«В июньских сумерках я побреду босой. . .» (Ощущение) *Рембо* 416
«В калитку памяти как ни стучи. . .» 62
«В коридоре сторож с самострелом. . .» (Корсар) 99
В Летнем саду («Вечерняя реет прохлада. . .») 303
«В любви примета каждый случай. . .» (Приметы) *де Ренье* 426
«В нависанье узорных ветвей. . .» 350
«В память горькой разлуки я в море бросаю монету. . .» 248
«В побегах мраморного хмеля. . .» (Сад поэта) 138
«В покой и счастье погружен. . .» (Ему же) *Вольтер* 373
«В простой бревенчатой избушке. . .» (Фронтовому другу) 178
«В прохладной лавочке на площади Сан-Марко. . .» (Ожерелье из стекляшек) *де Ренье* 424
В путь! («Ничего нет на свете прекрасней дороги! . .») 123
В решающий бой! («Скоро решающий

бой развернется меж старым и новым. . .») *Райнис* 463
«В родной поэзии совсем не старовер. . .» 281
«В синеве кремнистых складок. . .» (Terra antiqua) 138
«В старинном городке, чья жизнь вам незнакома. . .») (Городок) *де Ренье* 426
«В столовой музыка и пенье. . .» 95
«В суровый год мы сами стали строже. . .» 169
«В те времена дворянских привилегий. . .» 63
«В те дни я видел мир впервые. . .» (На книге «Золотое веретено». Надписи на книгах, 1—2) 361
В тенетах времен («Не нам в Тинтажеле услышать герольда. . .») 74
«„В чем счастье?" О, как выспренно и странно. . .» 356
В шлюзах («Я этот сонный мир церквушек безымянных. . .» По Волге, 2) 234
В Эрмитаже («Ты снова видишь Фландрию. . .») 108
«В этой комнате проснемся мы с тобой. . .» 121
«В этом городе, иссиня-сером. . .» (Утро) 116
«В этот миг ты сам поймешь. . .» 237
«В Японском море спутница «Варяга». . .» («Аврора») 297
Ванька-встанька («Ванька-встанька — игрушка простая. . .» Из цикла «Русская игрушка», 2) 260
Варфоломей Растрелли («Он русский сердцем, родом итальянец. . .» Строители, 1) 197
Василий Стасов («Простор Невы, белеющие ночи. . .» Строители, 5) 200
«Вдоль спины заплетенные косы лежат. . .» *Кунанбаев* 466
«Вдохновение в час ночной. . .» (Фрагменты из поэмы «Гули и Навои») *Айбек* 469
«Вздыхающий рокот гитары. . .» 328
Венеция («Не счесть в ночи колец ее. . .») 97
Венок из дубовых листьев («Венок из дубовых листьев. . .») *Кемпе* 463
Верона («О город памятной любви. . .») *де Ренье* 425
«Весенние скованы лужи. . .» 340
Весна («Еще сыростью дышит весенний двор. . .») *Кунанбаев* 465
«Весь день метель кружилась на раздолье. . .» 175
Ветер («Сгибаются деревья. . .») 221
«Вечерняя реет прохлада. . .» (В Летнем саду) 303
Вечером («Последний вечер. На прощанье. . .») 53
«Видишь звездную карту вот здесь у меня на ладони? . .» 71
«Видно, и тогда, в неволе древней. . .» (Ярославские окна) 232
«Вижу себя уже издали. . .» 311
«Вижу я: у городской заставы. . .» 209
Виктору Гюго («Нам надо многое среди презренной прозы. . .») *Мюссе* 390
Вино («Есть в Имеретии вино. . .») 128
Винтовка («Пятизарядная, в руках моих. . .») 163
«Во славу Музы время победив. . .» (Античные медали) *де Лиль* 405
Возвращение («Мерным грохотом и звоном. . .») 127
«Вождь-гяур, грабитель ярый. . .» (Пиратский романс) *Фрейлиграт* 453
«Войдя с Петрополем в таинственный союз. . .» (На книге Е. Боратынского. Надписи на книгах, 7) 363
Вологодские кружева («Городок занесен порошею. . .») 252
Волховская зима («Мороз идет в дубленом полушубке. . .») 191
«Вон там огни, через деревья сада. . .» (Апрель) 90
Ворон («Вороны в этих горах летают кругами. . .») *Станишич* 476
«Воскресенье пахло снегом. . .» (Зима) 112
«Восточный Крым. Очарованье. . .» 137
«Восход сквозь тучи ветровые. . .» (Новгородская София) 250
«Вот здесь, перед дворцом, немало лет назад. . .» (Гатчина) 61
«Вот как это было. . .» 272
«Вот кто твой властелин. . .» (Дистих) *Вольтер* 373
«Вот сердце уже осторожно. . .» 109
«Вот я встану и отправлюсь к Иннисфри, к его лазури. . .» (Озеро Иннисфри) *Йитс* 451
«Враг, разбивший лоб о наши стены. . .» (Гнев народа) 165
Всадник («Темноликий и огневолосый. . .») 256
«Всем пресытиться может душа. . .» *Кунанбаев* 467
«Всё блещет пурпуром и золотом кистей. . .» (Античная медаль) *Эредиа* 409
«Всё выше к свету по долине лилий. . .» 274
«Всё выше солнце. Полдень серебрится. . .» 171
«Всё глубже в Поэзию я ухожу. . .» 315
«Всё доступно для зренья поэта. . .» 332
«Всё есть в моих стихах, внимай же им, прилежным. . .» *Шенье* 379
«Всё краснее и ярче рябина. . .» 318
«Всё, что было предназначено. . .» 329
«Встала луна над Парижем, осеребрив черепицы. . .» (Шопен) 321
«Встречайте свежесть ледохода. . .» 312
«Встречают нас собаки. . .» (Ночлег на геолбазе в Таласском Алатау) 147
«Всю ночь шуршало и шумело. . .» 309
«Вся жизнь твоя прошла под подозреньем. . .» (Психея) 203
«Вся юность — на этих страницах. . .» (Читателю двух томиков моих стихов) *Мюссе* 390
«Вы говорите, что я мертв. . .» *Вольтер* 373
«Вы ждете длинного романа. . .» (Романы) *Беранже* 393
«Вянут дни. . . Поспела земляника. . .» 284

«Газета, каждой буквою родная. . .» (Красноармейская газета) 169

Гатчина («Вот здесь, перед дворцом, немало лет назад...») 61
«Где били снаряды по соснам и елкам...» (Сердце связиста) 189
«Где ладожский ветер с разбега...» (Кольцо) 305
«Где легкие листья лепечут на взгорье...» (Мать. Стихи о Литве, 1) 294
«Где народ, хранящий гордость...» (Жалоба) *Койдула* 472
«Где-то в солнечном Провансе...» 88
«Герой двенадцатого года...» (Денис Давыдов) 206
Гёте в Италии («Чуть светлеет вздувшаяся штора...») 96
«Гирлянды облаков синеющей пустыни...» (Из семи книг «Стансов», 3) *Мореас* 419
Глаза («Им всем когда-то ясный день светил...») *Сюлли-Прюдом* 408
Глициния («Люблю я цветенье глициний...») *Гренье* 401
«Глубока тропа медвежья...» 74
Гнев народа («Враг, разбивший лоб о наши стены...») 165
Гнездо и часы («На башне есть часы с огромным циферблатом...») *Буйе* 403
Голос («Мне с детства помнятся шкафы библиотеки...») *Бодлер* 410
Голос убитых («Из-под песка говорю, из полусгнивших костей...») *Станишич* 474
Голуби Таллина («Люблю готические стрелы...» Балтика, 4) 226
Гончары («По ладожским сонным каналам...») 245
Город Пушкина («Нет, не мог он остаться в былом!..») 316
Город у моря («На закате мы вышли к стене Карантина...») 213
Городок («В старинном городке, чья жизнь вам незнакома...») *де Ренье* 426
«Городок занесен порошею...» (Вологодские кружева) 252
Господин Великий Новгород («В глухих лесах, в Приладожье студеном...») 192

«...Да, расточая сердца пыл...» (Звезда) 274
«Да, седеет твое поколенье...» (Другу) 330
«Да, старость надо принимать, как дар...» 301
«Давно нет новых у меня чулок...» (О бедности) *Аноним* 375
«Давно переступают кони...» 53
«Дай упиться мне разбегом...» 160
«„Далеко разрушенная Троя"...» (Навзикая) 79
«„Два льва крыльцо мне сторожат...» (Державин в Петрозаводске) 299
«Две бортами сдвинутых трехтонки...» (Цветок Таджикистана) 186
«Дворик наш затянут виноградом...» 117
Девушки Ленинграда («Над дымкою садов светло-зеленых...» Строители, 6) 200
Девятнадцатый век («Я пью, друзья, до дна. Я пью из хрусталя...») 311
Денис Давыдов («Герой двенадцатого года...») 206
«День угасал неторопливый, серый...» (Могила бойца) 176
Деревенское зеркало («Простой раскраской теша взгляд...») *де Ренье* 423
Деревья («В земном пути, меняющий кочевья...») 243
Деревянный медведь («Закинувший морду сторожко...» Из цикла, 1) 259
Державин в Петрозаводске («„Два льва крыльцо мне сторожат...») 299
Диалог («„Хоть и предан я рассудку..."») 96
Диккенс («Привычные покинув стены...») 56
Дистих («Вот кто твой властелин...») *Вольтер* 373
«Для вас, о юноши, мой каждый стих рождался...» (Приношение) *де Ноай* 414
«Для чего дано мне зрение...» (Пять чувств) 301
«Для чего свою ты прячешь рану...» (Раны народа и честь народа) *Райнис* 462
«Дней прошлых мудрецы — мы не умнее их...» *Верлен* 415
«Добрый Санчо, нет тебя на свете...» (Дон-Кихот) 270
«Дождался я этого мига...» 318
«Долго в жилах музыка бродила...» (Розина) 107
«Домов оранжевая черепица...» (Таллин. Балтика, 3) 225
Дон-Кихот («Добрый Санчо, нет тебя на свете...») 270
«Друг, Вы слышите, друг, как тяжелое сердце мое...» 55
«Друг, сегодня ветер в море...» 78
Другу («Да, седеет твое поколенье...») 330
«Друзей у нас не сосчитать...» *Аноним* 376
«Друзья мои! С высоких книжных полок...» 255

Ему же («В покой и счастье погружен...») *Вольтер* 373
Епископ Бруно («Епископ Бруно пробудился вдруг...») *Саути* 445
«Если б в небесный я плащ был одет...» *Йитс* 450
«„Если б нас с тобой...» (Цыганка) 319
«Если к вам подкралась старость, голова у вас седая...» *Йитс* 450
«Если колкой вьюгой, ветром встречным...» (В зимнем парке, 3) 66
«Если не пил ты в детстве студеной воды...» 120
«Если что вспоминать, я бы вспомнил лесные озера...» 292
«Есть Арка — такой не бывало...» («Новая Голландия») 304
«Есть в Имеретии вино...» (Вино) 128
«Есть глухие лесные озера...» (Лесное озеро) 204

«Есть города — на пенсии у Славы. . .» 228
«Есть какая-то вещая сила. . .» 333
«Есть на свете путники. Они. . .» (Без возврата) 92
«Есть правдивая повесть о том. . .» (Пулковские высоты) 194
«Есть стихи лебединой породы. . .» 287
«Есть странная мечта: себе построить дом. . .» 316
«Есть у души, как у природы русской. . .» 334
«Еще одно несказанное слово. . .» 331
«Еще сыростью дышит весенний двор. . .» (Весна) *Кунанбаев* 465

«Жажда жить во мне неутомима. . .» 272
Жажда фонтанов («Фонтан — это взятый в плен источник. . .») *Станишич* 479
Жалоба («Где народ, хранящий гордость. . .») *Койдула* 472
«Жарко рябины взметнулся костер. . .» 227
Жеребенок («Заря румянилась спросонок. . .») 204
«Живет моя отрада. . .» (Плотичка) 246
«Жизнь была обманчивой и гибкой. . .» (К Лире) 84
«Жизнь моя — мучительное право. . .» 81
«Жизнь проходит. . . Но, хотя и поздно. . .» 239

«За дороги твои, за березы. . .» 83
За круглым столом («Когда мы сойдемся за круглым столом. . .») 173
«Заблудились старые преданья. . .» 356
Завершение («Бегут короли, потеряв корону. . .») *де Ренье* 423
«Заветное дело жизни. . .» 229
«Задвинута зелеными горами. . .» (Зеленая Грузия) 230
«Закинувший морду сторожко. . .» (Деревянный медведь. Из цикла, 1) 259
Замысел («То, что впишу я на страницы. . .») *де Ренье* 427
Запах моей родины («Свой запах, родина, ты в яблоко вложила. . .») *Деларю-Мардрюс* 429
«Запрыгало рваной корзиной. . .» (Керчь) 140
«Заря, которая восходит над столицей. . .» (Из семи книг «Стансов», 6) *Мореас* 420
«Заря румянилась спросонок. . .» (Жеребенок) 204
«Зачем в зеленом мире этом. . .» (Ромашка) 181
««Зашлепал дождь. Но осторожно. . .» 289
Звезда («. . .Да, расточая сердца пыл. . .») 274
«Звездою ты входишь в глухое жилье. . .» (Ирина) 114
Звонарь («Как рев слепых быков среди тумана. . .») *Верхарн* 439
«Здесь когда-то грачи на березах горланили звонко. . .» (Новый порт) 249
«Здесь некогда упал дерзающий Икар. . .» *Депорт* 370
«Здесь солнцем по земле раскиданы лучинки. . .» (Осенние дали. По Волге, 3) 235
Зеленая Грузия («Задвинута зелеными горами. . .») 230
«Зеленая лампа чадит до рассвета. . .» (Некрасов) 211
Зеленый кабинет («Проснулся он. Свежо перед рассветом! . .») 290
«Земное сердце не устанет. . .» 87
Зима («Воскресенье пахло снегом. . .») 112
Златна улица («Над слезами, над грозами детства. . .») *Станишич* 426
«Знал я лунные заливы. . .» 157
Зодчество («Я не хочу крошить по мелочам. . .») 269

«И как бы ни был мир расколот. . .» 255
«И прелесть летних дней, и майских роз цветенье. . .» (Из семи книг «Стансов», 4) *Мореас* 420
«. . .И сыплется меж пальцами песок. . .» 354
«И у бессмертия есть приметы. . .» (Строка) 318
«И я бы мог любить. Ужель я жду напрасно! . .» *Шенье* 379
«И я служу народу моему. . .» 178
Иволга («Иволга, иволга, милая птица. . .») 205
Игла над Невой («Не только, грозы разрывая раскаты. . .») 351
«Из пустыни, где катит буруны Балхаш. . .» 153
Из семи книг «Стансов» (1—9) *Мореас* 419
Из цикла «Русская игрушка» (1—2) 259
«Изваяна ножом, вслед за бушпритом черным. . .» (Резная дева на носу корабля) *Деларю-Мардрюс* 430
«Из-под песка говорю, из полусгнивших костей. . .» (Голос убитых) *Станишич* 474
«Им всем когда-то ясный день светил. . .» (Глаза) *Сюлли-Прюдом* 408
Имя («Что вашего имени проще. . .») 144
Иннокентий Анненский («Ахматовой учителем он был. . .») 350
«Иногда от случайного слова. . .» 280
Ирина («Звездою ты входишь в глухое жилье. . .») 114
«Итак, былой министр смещен. . .» *Вольтер* 373
«Итак, всё кончено. . . Слова любви. . .» (Утраченная любовь) *Браунинг* 449

К Лире («Жизнь была обманчивой и гибкой. . .») 84
К Эмме («Пора тяжелая настала. . .») *Байрон* 443
К юности («Блуждая, томился я много . .») 136
«Как в сумеречный день дыханье пены зыбкой. . .» 135
«Как грустен облик твой и как сухи черты. . .» (Микеланджело) *Барбье* 398

«Как грустно наблюдать повсюду корни зла. . .» *Барбье* 397
«Как мало надо нам, как узок мир порою! . .» (Русская муза) 190
«Как рев слепых быков среди тумана. . .» (Звонарь) *Верхарн* 439
«Как странно встречаются души. . .» 136
«Как я люблю манерность вашей позы. . .» (Пастель) *Готье* 391
«Какие-то улицы, встречные пары. . .» 114
«Какой-то рифмотвор, привыкший к наглой позе. . .» (На плохого рифмотвора) *Пирон* 373
Камешки Коктебеля («Осколки обточенной лавы. . .») 267
Карельская береза («Стоит она здесь, на излуке. . .») 187
Карл I («Угрюмый, сидит король в лесу. . .») *Гейне* 452
Карло Росси («Рим строгостью его отметил величавой. . .» Строители, 4) 199
Кастальский ключ («Кастальский ключ. . . Чудесное теченье. . .») 352
Керчь («Запрыгало рваной корзиной. . .») 140
«Ко мне приходят, как сон нежданный. . .» (Степная весна) 278
«Ко мне пришло письмо по почте полевой. . .» 166
«Когда в пуху лозинник тощий. . .» (На берегу) 207
«Когда возводят дом высокий. . .» (Поэма дня) 94
«Когда дневник есть зеркало души. . .» (На «Дневниках» Стендаля. Надписи на книгах, 13) 366
«Когда душой цветка, чья родина Восток. . .» (Неистребимый аромат) *де Лиль* 403
«Когда мы сойдемся за круглым столом. . .» (За круглым столом) 173
«Когда, под шум ветров гуляя на просторе. . .» (Ноябрь) *Гюго* 382
Когда рождался Днепрогэс («Там, где рвался сизый ситец. . .») 132
«Когда слова случайны и просты. . .» 179
«Когда старушкою над прялкою склоненной. . .» *Ронсар* 369
«Когда томили нас Апухтин и «Лакмэ». . .» (На книге «Тихие песни» Ин. Анненского. Надписи на книгах, 9) 364
«Когда ты здесь скользишь печально и лениво. . .» *Бодлер* 409
«Когда-то в Греции прекрасной. . .» 203
«Когда-то в юности крылатой. . .» (На книге «Земное сердце». Надписи на книгах, 4—5) 362
«Когда у вас в семье знакомился я с вами. . .» (Юному другу) *Готье* 393
Коктебельская элегия («Я камешком лежу в ладонях Коктебеля. . .») 125
«Колеса вздыбленной трехтонки. . .» 173
Колодец св. Катерины («Колодец на западе Англии есть. . .») *Саути* 447
«Коль другой у ней в примете. . .» (Старый Тифлис) 110
Кольцо («Где ладожский ветер с разбега. . .») 305
«Колючие травы, сыпучие дюны. . .» (Сосны Райниса) 242
«Конечно, в племени поэтов. . .» 335
Корабль («Мы мирно курс ведем под звездными огнями. . .») *Верхарн* 441
«Коридор университета. . .» 94
Корсар («В коридоре сторож с самострелом. . .») 99
«Кос ее золотистых волна. . .» (Смычок) *Кро* 412
Кошка («Хотел бы я иметь в дому своем. . .») *Аполлинер* 432
Красноармейская газета («Газета, каждой буквою родная. . .») 169
«Крепостной мечтатель на чужбине. . .» (Андрей Воронихин. Строители, 3) 198
Крым («Спускайся тропинкой, а если устал ты. . .») 212
Крымский скорый («Был поезд как поезд. Колес перебор. . .») 118
«Крысы грызут по архивам приказы. . .» (Отшумевшие годы) 92
«Кто она. . .» (Сена встречает Париж) *Превер* 435
«Кто повредить мне может? . .» (В вечном созвучии) *Райнис* 460
«Кто ты? Мохнатое имя. . .» (Баллада памяти) 69
«Куда же мне деться от этого сердца. . .» 267

«Легкомысленности милый гений. . . .» (Манон Леско) 59
Ледоход («Необычные дни! На Неве ни единой морщины. . .») 253
«Лежала, сумраком полна. . .» 308
«Лежит здесь антиквар— он стал комочком грязи. . .» (Эпитафия) *Дидро* 374
«Лежит здесь Поль, чудак в особом роде. . .» (Эпитафия) *Аноним* 376
«Лежит здесь сомневавшийся во всем. . .» (Эпитафия) *Парни* 374
«Лежит земля в священной немоте. . .» 300
Леонардо да Винчи («Привет, Флоренции великий сын! Твой лик. . .») *Барбье* 399
Лермонтов («Не в силах бабушка помочь. . .») 337
Лесное озеро («Есть глухие лесные озера. . .») 204
«Летит апрельский снег. . .» 298
«Летите прочь, мечты, созданья горькой силы. . .» (Из семи книг «Стансов», 5) *Мореас* 420
«Летят дожди, и медлит их коснуться. . .» 76
«Луна или волчица. . .» 69
«Любил и я волшебный мир кулис. . .» 283
«Любите и радуйтесь солнцу земному. . .» 89
«Люблю готические стрелы. . .» (Голуби Таллина. Балтика, 4) 226
«Люблю я цветенье глициний. . .» (Глициния) *Гренье* 401
Любовь («Не отдавай в забаву суесловью. . .») 195
«Любовь, любовь — загадочное слово. . .» 346

Май («Ты не любишь. Ты не веришь тайне. . .») 78
Малабарская девушка («Точеным станом ты и бедер крутизною. . .») *Бодлер* 412
Манон Леско («Легкомысленности милый гений. . .») 59
Март («Бывает так — еще дыханьем стужи. . .») 157
Мать («Где легкие листья лепечут на взгорье. . .» Стихи о Литве, 1) 294
Мельница («Три окна, закрытых шторой. . .») 100
«Мерным грохотом и звоном. . .» (Возвращение) 127
«Месье Ла-Палисс простерт. . .» (Похвала несравненному мессиру Ла-Палисс) *ла Моннуа* 376
Мечта («Чтоб душа была свободной. . .») 223
Микеланджело («Как грустен облик твой и как сухи черты. . .») *Барбье* 398
«Мир мой — широко раскрытая книга. . .» 191
«Мне не спится. На Неве смятенье. . .» (Октябрьская погода) 122
«Мне не спится под луной морозной. . .» (Полнолуние) 161
«Мне с детства помнятся шкафы библиотеки. . .» (Голос) *Бодлер* 410
«Мне сегодня снилось море. . .» 158
«Мне снились березы, дорога большая. . .» 174
«Мне снилось. . . Сказать не умею. . .» 152
«Много женщин — много блошек. . .» (Семейное счастье) *Гейне* 453
«Много ль сердцу надо? . .» 80
Могила бойца («День угасал, неторопливый, серый. . .») 176
Мое бродяжничество («В дырявом пиджаке, в карман засунув руки. . .») *Рембо* 417
Мои сады («Мой первый сад, где в голубом апреле. . .») 142
«Мой первый сад, где в голубом апреле. . .» (Мои сады) 142
Мой род («Род мой темен, и навеки. . .») 142
Молодая девушка говорит. . . («Укроп сказал: «Он так влюблен. . .») *Мореас* 418
Молодость («Победителям больше не надо. . .») 73
Мольба («О, если б знали вы, как жду я. . .») *Сюлли-Прюдом* 407
«Море немолчно шумит, разбиваясь об острые скалы. . .» (На «Одиссее» Гомера. Надписи на книгах, 14) 366
«Мороз идет в дубленом полушубке. . .» (Волховская зима) 191
Морской камешек («Я поднял камешек, и круглый, и блестящий. . .») *Буйе* 406
Мужик («Что я мужик — все это знают. . .») *Купала* 457
Музыка в Павловске («Оранжерейная ли роза. . .») 130
«Мы в космос пути открыли. . .» 352
«Мы мирно курс ведем под звездными огнями. . .» (Корабль) *Верхарн* 441
«Мы с тобой когда-нибудь поедем. . .» 70
Мысли на чужбине о родине («Ах, быть бы дома, в Англии. . .») *Браунинг* 449

«На башне есть часы с огромным циферблатом. . .» (Гнездо и часы) *Буйе* 406
На берегу («Когда в пуху лозинник тощий. . .») 207
«На закате мы вышли к стене Карантина. . .» (Город у моря) 213
На запад («Рассыпался туч медно-красный узор. . .») *Колас* 458
«На засыпающий мой сад. . .» 314
«На зеленых склонах Лукоморья. . .» (У Лукоморья) 232
«На ее щеке девичьей темной родинки пятно. . .» *Навои* 469
«На исходе зимних первопутных дней. . .» (О музе и о себе) 115
На «Дневниках» Стендаля («Когда дневник есть зеркало души. . .» Надписи на книгах, 13) 366
На книге А. Ахматовой «Белая стая» («У Музы Царского Села. . .» Надписи на книгах, 12) 365
На книге «Большая Медведица» («Семь звезд «Медведицы Большой». . .» Надписи на книгах, 3) 362
На книге Е. Боратынского («Войдя с Петрополем в таинственный союз. . .» Надписи на книгах, 7) 363
На книге «Земное сердце» («Когда-то в юности крылатой. . .» Надписи на книгах, 4—5), 362
На книге «Золотое веретено» («В те дни я видел мир впервые. . .» Надписи на книгах, 1—2) 361
На книге пьес Ростана («Ростан был близок нам когда-то. . .» Надписи на книгах, 8) 363
На книге «Сонеты» Петрарки («Я знаю — мало для подарка. . .» Надписи на книгах, 6) 363
На книге «Тихие песни» Ин. Анненского («Когда томили нас Апухтин и «Лакмэ». . .» Надписи на книгах, 9) 364
«На колесо взгляни. Вокруг оси оно. . .» (Ось) *Ришпен* 432
«На нас глядят два озера печали. . .» 355
На «Одиссее» Гомера («Море немолчно шумит, разбиваясь об острые скалы. . .» Надписи на книгах, 14) 366
«На палубе разбойничьего брига. . .» 57
«На песок, от зари лиловатый. . .» (Пленное море) 182
На плохого рифмотвора («Какой-то рифмотвор, привыкший к наглой позе. . .») *Пирон* 373
«На пустом берегу, где прибой неустанно грохочет. . .» 139
«На рассвете бежали клокастые, рваные тучи. . .» (Рыбаки. Балтика, 2) 225
На романе Анри де Ренье «Шалость» («Примите, друг. В ночи забвенья. . .» Надписи на книгах, 10—11) 365
«На Стрелке острова, где белые колонны. . .» 306

«На школьных тетрадях. . .» (Свобода) *Элюар* 433
Навзикая («„Далеко разрушенная Троя“. . .») 79
«Над дымкою садов светло-зеленых. . .» (Девушки Ленинграда. Строители, 6) 200
Над книгой («Снова в печке огонь шевелится. . .») 339
«Над речкой редеют туманы. . .» (Партизаны) 164
«Над рощей влажная заря. . .» 257
«Над слезами, над грозами детства. . .» (Златна улица) *Станишич* 480
«Надо так, чтобы сразу запела строка. . .» 254
Надписи на книгах (1—14) 361
«Надув надменно грудь, павлин. . .» (Павлин) *Аполлинер* 433
«Нам надо многое среди презренной прозы. . .» (Виктору Гюго) *Мюссе* 390
«Нам снятся до сих пор нездешние закаты. . .» 275
«Наскучив хвастаться дуэльною отвагой. . .» *Сент-Аман* 372
«Не болтовня заезжего фигляра. . .» («Севильский цирульник») 60
«Не в виденьях, не в туманах. . .» (Поэзия) 237
«Не в силах бабушка помочь. . .» (Лермонтов) 337
«Не в отвлеченном мире рея. . .» (Психея) 355
«Не всегда оживают слова. . .» 349
«Не всем дано мечтою прорастать. . .» 265
«Не говори, что жизнь нам радует сердца. . .» (Из семи книг «Стансов», 1) *Мореас* 419
«Не до серьезности, коль вам семнадцать лет. . .» (Роман) *Рембо* 417
«Не знаешь ты, в ком отзовется. . .» 273
«Не нам в Тинтажеле услышать герольда. . .» (В тенетах времен) 74
«Не отдавай в забаву суесловью. . .» (Любовь) 195
«Не ради богатства. . .» 342
«Не раз твердил я: к черту этот. . .» (Последний день) *Моро* 399
«Не счесть в ночи колец се. . .» (Венеция) 97
«Не так далеко до восхода. . .» 323
«Не только, грозы разрывая раскаты. . .» (Игла над Невой) 351
«Не торопи стихов. Им строгий дан черед. . .» 224
«Незадачлив я стал на подарки. . .» 351
Неистребимый аромат («Когда душой цветка, чья родина Восток. . .») *де Лиль* 403
Некрасов («Зеленая лампа чадит до рассвета. . .») 211
«Немало уж лет миновало над звездным простором земли. . .» 276
«Немолчное море. . . века и века. . .» 270
«Необычные дни! На Неве ни единой морщины. . .» (Ледоход) 253
Несмеяна («Тонкие березы Подмосковья. . .») 327
«Нет, мне не говори, что трудно умирать. . .» 238
«Нет, не Генуя, не Флоренция. . .» 58
«Нет, не мог он остаться в былом! . .» (Город Пушкина) 316
«Нет, не напрасно я в звездном лесу. . .» 134
«Нет, судьбой я не пленен иною. . .» 322
«Неужели за чертою. . .» 248
«Никого не люблю — только ветер один. . .» (Песня степей) 101
«Ничего нет на свете прекрасней дороги! . .» (В путь!) 123
«Ничего я не прошу у неба. . .» (Предгорье) 146
«Новая Голландия» («Есть Арка — такой не бывало. . .») 304
Новгородская София («Восход сквозь тучи ветровые. . .») 250
Новый порт («Здесь когда-то грачи на березах горланили звонко. . .») 249
Норд («Пыльное облако разодрав. . .») 214
Ночлег («Теплой солью с луговин подуло. . .») 149
Ночлег на геолбазе в Таласском Алатау («Встречают нас собаки. . .») 147
Ночной пешеход («Что́ стихи, что́ таинства Киприды. . .») 102
Ночные бродяги («Покидают щели, норы. . .») *Готье* 392
«Ночь. Ветер ледяной. Снег, обагренный кровью. . .» (Сердце Гиальмара) *де Лиль* 403
Ноябрь («Когда, под шум ветров гуляя на просторе. . .») *Гюго* 382
«Ну как же я тебя найду? . .» 313
«Ну что ж! Простимся. Так и быть. . .» (Расставанье с юностью) 210
«Ну что ж! О чем бы ни грустил. . .» 263

О бедности («Давно нет новых у меня чулок. . .») *Аноним* 375
«О вечере морском я думаю в тоске. . .» (Из семи книг «Стансов», 8) *Мореас* 421
«О вещах обыкновенных. . .» 329
«О город памятной любви. . .» (Верона) 425
«О, если б знали вы, как жду я. . .» (Мольба) *Сюлли-Прюдом* 407
О, если в суете дневной. . . («О, если в суете дневной. . .») *Байрон* 444
«О любви неразделенной. . .» 332
О музе и о себе («На исходе зимних первопутных дней. . .») 115
«О порыв души огневой. . .» *Кунанбаев* 468
«О, прорезь глаз наискосок. . .» 59
«О прялка, милый друг, клянусь и обещаю. . .» *де Рош* 370
«О русской природе, о милой природе. . .» 244
«О садах, согретых звездным светом. . .» 55
«О свежести Филис так много говорят. . .» *Аноним* 375
«О чайки, длите плач! Вы, дочери морей. . .» (Юная тарентинка) *Шенье* 378
«Обернулась жизнь твоя цыганкою. . .» (Памяти Ал. Блока) 64
«Облака — пилигримы. . .» 302

«Обрывай ромашку. Всё на свете просто. . .» 71
«Овеянные пушкинскою славой. . .» 239
«Овраги, поля и березы. . .» 133
«Один есть в мире уголок. . .» (Сердце матери) *Койдула* 471
«Один, совсем один, за письменным столом. . .» 60
Ожерелье из стекляшек («В прохладной лавочке на площади Сан-Марко. . .») *де Ренье* 424
Озеро Иннисфри («Вот я встану и отправлюсь к Иннисфри, к его лазури. . .») *Йитс* 451
Октябрьская погода («Мне не спится. На Неве смятенье. . .») 122
«Он на левом колене баян разломил. . .» (Баянист) 183
«Он пушкинской сложен строфою. . .» 218
«Он, русский сердцем, родом итальянец. . .» (Варфоломей Растрелли. Строители, 1) 197
«Она ко мне влетает спозаранку. . .» (Синица) 168
«Она ни петь, ни плакать не умела. . .» 67
«Она совсем дитя. И с ней всегда дуэнья. . .» (Роза инфанты) *Гюго* 384
«Они и свеч не зажигали. . .» 347
«Оно опять проходит перед нами. . .» (Старое знамя) 227
«Опущу я по туману. . .» 146
«Опять над лесом просветлело. . .» 313
«Опять стихи со мной. Неровными рядами. . .» 271
«Оранжерейная ли роза. . .» (Музыка в Павловске) 130
«Осколки обточенной лавы. . .» (Камешки Коктебеля) 267
«Осеннею порой среди аллей пустых. . .» (Сентиментальная беседа) *Верлен* 416
Осенние дали («Здесь солнцем по земле раскиданы лучинки. . .» По Волге, 3) 235
«Осень, слякоть, дождик, холод. . .» 51
«Остановись и перечти, прохожий. . .» (Эпитафия моей Музе) *Беранже* 394
«Остаться одному на всей земле. . .» 331
Ось («На колесо взгляни. Вокруг оси оно. . .») *Ришпен* 432
«От былинного кораблика. . .» 288
«От круглой башни Гедимина. . .» (В Вильнюсе. Стихи о Литве, 2) 295
«От наших дружб, от книг университета. . .» (Юность тех дней) 297
«От пестроты цветов и лугового зноя. . .» 307
Открытка («Я пишу тебе из траншеи. . .») *Аполлинер* 432
«„Отчего на склоне. . .» (Тополь) 116
Отшумевшие годы («Крысы грызут по архивам приказы. . .») 92
Ощущение («В июньских сумерках я побреду босой. . .») *Рембо* 416

Павлин («Надув надменно грудь, павлин. . .») *Аполлинер* 433
Павловск («Помнишь маленьких калиток скрипы. . .») 86
Палатка («Поздней осенью в чаще несладко. . .») 170
Памяти Ал. Блока («Обернулась жизнь твоя цыганкою. . .») 61
Памятник Суворову («Среди балтийских солнечных просторов. . .») 162
Памятник юноше Пушкину («Распахнув сюртук свой, на рассвете. . .») 201
Память («Смятенная память. . .») 119
Парк в городе Пушкина («Я помню голубой холодноватый воздух. . .») 216
Партизаны («Над речкой редеют туманы. . .») 164
Пастель («Как я люблю манерность вашей позы. . .») *Готье* 391
Перелески («Поедем в пушкинские парки. . .») 232
Персей («Покрыты жесткою коростой. . .») 261
Песенка про зеленый цвет («Я люблю зеленый цвет. . .») 61
Песни («Песни — это слезы сердца. . .») *Койдула* 472
Песня степей («Никого не люблю — только ветер один. . .») 101
Пиала («Ах, какая у меня пиала! . .») 148
Пиратский романс («Вождь-гяур, грабитель ярый. . .») *Фрейлиграт* 453
Письмо Назыму Хикмету («Пять веков черногорцы и турки клинки своих сабель скрещали. . .») *Станишич* 476
Пленное море («На песок, от зари лиловатый. . .») 182
Плотичка («Живет моя отрада. . .») 246
По Волге (1—3) 233
«По Волге бегут теплоходы. . .» (По Волге, 1) 233
«По ладожским сонным каналам. . .» (Гончары) 245
«. . .По сухим дорогам Крыма. . .» 124
«Победителям больше не надо. . .» (Молодость) 73
«Погасла люстра, меркнут ложи. . .» (Тихрин) 54
«Под вечер, проводив последний луч заката. . .» (Астрономический сонет) *Кро* 414
«Под красною луной бежали тучи мимо. . .» (Смерть волка) *Виньи* 380
«Подари мне молчание, лес, подари! . .» 296
«Подростком-девочкой с подстриженною челкой. . .» *Жамм* 428
«Поедем в пушкинские парки. . .» (Перелески) 232
«Поздней осенью в чаще несладко. . .» (Палатка) 170
«Пойдем со мной вдоль тихого канала. . .» 327
«Пока живу, пока дышу. . .» 300
«Покидают щели, норы. . .» (Ночные бродяги) *Готье* 392
«Покрыты жесткою коростой. . .» (Персей) 261
Полнолуние («Мне не спится под луной морозной. . .») 161
«Помнишь маленьких калиток скрипы. . .» (Павловск) 86
«Помню, как в студенческие годы. . .» (Старые книжники) 240
«Пора, красавица, пора кончать томленье. . .» *Берто* 371
«Пора неясных обещаний. . .» 252

«Пора тяжелая настала. . .» (К Эмме) *Байрон* 443
«Порою, заставляя долго ждать. . .» 343
«Последний вечер. На прощанье. . .» (Вечером) 53
Последний день («Не раз твердил я: к черту этот. . .») *Моро* 399
«Посмотри, на озере ночном. . .» 222
Похвала несравненному мессиру Ла-Палисс («Месье Ла-Палисс простерт. . .») *ла Моннуа* 376
Поэзия («Не в виденьях, не в туманах. . .») 237
Поэма дня («Когда возводят дом высокий. . .») 94
Предгорье («Ничего я не прошу у неба. . .») 146
«Преодолев ветров злодейство. . .» (Адриан Захаров. Строители, 2) 198
«Преодолев мильоны лет разлуки. . .» (Турксиб) 215
«Привет, Флоренции великий сын! Твой лик. . .» (Леонардо да Винчи) *Барбье* 399
«Привычные покинув стены. . .» (Диккенс) 56
«Придет мой час — молчать землею. . .» 81
Приметы («В любви — примета каждый случай. . .») *де Ренье* 426
«Примите, друг. В ночи забвенья. . .» (На романе Анри де Ренье «Шалость». Надписи на книгах, 10—11) 365
Приношение («Для вас, о юноши, мой каждый стих рождался. . .») *де Ноай* 414
«Принимай меня, светлая келья. . .» 344
«Прислушайся к песне старинной. . .» 308
«Прославленных имен у Греции немало. . .» *Грекур* 372
«Проснулся он. Свежо перед рассветом! . .» (Зеленый кабинет) 290
«Прости меня и улыбнись, прощая. . .» 68
«Простой раскраской теша взгляд. . .» (Деревенское зеркало) *де Ренье* 423
«Простор Невы, белеющие ночи. . .» (Василий Стасов. Строители, 5) 200
«Проходят и волны, и миги. . .» 82
Психея («Не в отвлеченном мире рея. . .») 355
Психея («Вся жизнь твоя прошла под подозреньем. . .») 203
Пулковские высоты («Есть правдивая повесть о том. . .») 194
«Пусть то будет как сон или бред. . .» 334
Пушкин Александр («Сбивая тростью лопухи. . .») 155
«Пыльное облако разодрав. . .» (Норд) 214
«Пятизарядная, в руках моих. . .» (Винтовка) 163
«Пять веков черногорцы и турки клинки своих сабель скрещали. . .» (Письмо Назыму Хикмету) *Станишич* 476
Пять чувств («Для чего дано мне зрение. . .») 301
«Рад я был с тобою породниться. . .» 277
«Разбег его стихов подобием прибоя. . .» 353
«Раздвинул Киев крутые склоны. . .» 246
«Разлука любящих. . . О ней. . .» *Бюсси-Рабютен* 372
«Разрыв-трава, разрыв-трава. . .» 279
Раны народа и честь народа («Для чего свою ты прячешь рану. . .») *Райнис* 462
«Распахнув сюртук свой, на рассвете. . .» Памятник юноше Пушкину) 201
Расставанье с юностью («Ну что ж! Простимся. Так и быть. . .») 210
«Расставаясь с милою землей. . .» 90
«Расхвасталась пчела: «Я выше всех летаю. . .» *Аноним* 375
«Рассыпался туч медно-красный убор. . .» (На запад) *Колас* 458
Резная дева на носу корабля («Изваяна ножом, вслед за бушпритом черным. . .») *Деларю-Мардрюс* 430
Реквием любви («Так были счастливы мы в комнате чердачной. . .») *Мюрже* 401
Реки русские («Я дружу с вами, реки русские. . .») 289
«Рим строгостью его отметил величавой. . .» (Карло Росси. Строители, 4) 199
«Род мой темен, и навеки. . .» (Мой род) 142
Родная песня («В годину лихих испытаний. . .») 177
Родня («Был деревенский дом с верандой. . .») 324
«Родословное древо? Оно у меня. . .» 354
«Рожденный в той стране, где чист лазури цвет. . .» (Чимароза) *Барбье* 398
Роза инфанты («Она совсем дитя. И с ней всегда дуэнья. . .») *Гюго* 384
Розина («Долго в жилах музыка бродила. . .») 107
Роман («Не до серьезности, коль вам семнадцать лет. . .») *Рембо* 417
Ромашка («Зачем в зеленом мире этом. . .») 181
Романы («Вы ждете длинного романа. . .») *Беранже* 393
«Ростан был близок нам когда-то. . .» (На книге пьес Ростана. Надписи на книгах, 8) 363
«Рука с рукой по тонкому лучу. . .» 82
Русская муза («Как мало надо нам, как узок мир порою! . .») 190
Русская природа («Ты у моей стояла колыбели. . .») 231
Рыбаки («На рассвете бежали клокастые, рваные тучи. . .» Балтика, 2) 225

«С алебардою сутулится. . .» (Таллин) 336
«С красавицей ее изображенье схоже. . .» *Менаж* 372
Сад поэта («В побегах мраморного хмеля. . .») 138
Салют освобождения («Такого дня не видел Ленинград! . .») 193

«Сбивая тростью лопухи. . .» (Пушкин Александр) 155
«Свежеет смятая подушка. . .» (Утро) 52
«Светом бывает тьма разбужена. . .» 278
Свобода («На школьных тетрадях. . .») *Элюар* 433
«Свой запах, родина, ты в яблоко вложила. . .» (Запах моей родины) *Деларю-Мардрюс* 429
«Сгибаются деревья. . .» (Ветер) 221
Севастополь моей юности («Белый камень. Голубое море. . .») 83
Северная дорога («Я люблю железные дороги. . .») 145
«Севильский цирульник» («Не болтовня заезжего фигляра. . .») 60
Семейное счастье («Много женщин — много блошек. . .») *Гейне* 453
«Семь звезд «Медведицы Большой». . .» (На книге «Большая Медведица». Надписи на книгах, 3) 362
Сена встречает Париж («Кто она. . .») *Превер* 435
Сентиментальная беседа («Осеннею порой среди аллей пустых. . .») *Верлен* 416
«Сердце бы отдал мелькнувшему мигу. . .» 73
Сердце Гиальмара («Ночь. Ветер ледяной. Снег, обагренный кровью. . .») *де Лиль* 403
Сердце матери («Один есть в мире уголок. . .») *Койдула* 471
«Сердце, неуемный бубенец. . .» 188
Сердце связиста («Где били снаряды по соснам и елкам. . .») 189
Синица («Она ко мне влетает спозаранку. . .») 168
Сирены («Сирены пели. . . В ночь с зеленых островов. . .») *Самен* 421
«Сквозь ветер походкой твердой. . .» 258
«Сквозь падающий снег над будкой с инвалидом. . .» (В зимнем парке, 4) 67
«Скоро решающий бой развернется меж старым и новым. . .» (В решающий бой!) *Райнис* 463
«Скрипучий голос, старчески глухой. . .» (Тютчев на прогулке) 154
Слезы и кровь («Я пою слезами вам и кровью. . .») *Райнис* 461
Слова («Слова, которых нет нездешней. . .») 159
«Словно ветер на степном просторе. . .» 151
Сломанные сосны («Сломил беспощадно ветер злой. . .») *Райнис* 460
«Сломил беспощадно ветер злой. . .» (Сломанные сосны) *Райнис* 460
Смерть волка («Под красною луной бежали тучи мимо. . .») *Виньи* 380
«Смотри, как розовеют облака. . .» 266
«Смотри, какая радость глазу. . .» (Белой ночью. Балтика, 1) 224
Смычок («Кос ее золотистых волна. . .») *Кро* 412
«Смятенная память. . .» (Память) 119
«Снова в печке огонь шевелится. . .» (Над книгой) 339
«Снова дружба фронтовая. . .» 182
«Снова подушка моя горяча. . .» 153
«Солнце над сонною степью склоняло лицо золотое. . .» (Абай Кунанбаев) 219
«Сонной, глухой тишиной наливаются в августе ночи. . .» 102
Сосны Райниса («Колючие травы, сыпучие дюны. . .») 242
«Спускайся тропинкой, а если устал ты. . .» (Крым) 212
«Среди балтийских солнечных просторов. . .» (Памятник Суворову) 162
«Средь облаков над Ладогой просторной. . .» (Белая ночь) 166
«Стареют книги. . . Нет, не переплет. . .» 282
Старое знамя («Оно опять проходит перед нами. . .») 227
Старые книжники («Помню, как в студенческие годы. . .») 240
Старый портрет («Я не хочу жалеть о том, что было. . .») 184
Старый Тифлис («Коль другой у ней в примете. . .») 110
Степная весна («Ко мне приходят, как сон нежданный. . .») 278
Стихи о Литве (1—2) 294
«Стоит она здесь, на излуке. . .» (Карельская береза) 187
Строители (1—6) 197
Строка («И у бессмертия есть приметы. . .») 318
«Струится степь. Широко и нескоро. . .» (Ылдыз) 150
«Стучался враг в ворота к Ленинграду. . .» 172
«Сын Мстислава, княжич Мономаха. . .» 208
Съезд сельсоветов в горной Армении («Армянский зной — он розов и тяжел. . .») 140

«Таинственно сверкающий покров. . .» *Аноним* 376
Тайна («Будь осторожен, друг, и, говоря со мною. . .») *де Ренье* 427
«Так были счастливы мы в комнате чердачной. . .» (Реквием любви) *Мюрже* 401
«Такая мне нравится тишина. . .» 68
«Такого дня не видел Ленинград! . .» (Салют освобождения) 193
Таллин («Домов оранжевая черепица. . .» Балтика, 3) 225
Таллин («С алебардою сутулится. . .») 336
«Там, где рвался сизый ситец. . .» (Когда рождался Днепрогэс) 132
«Тебя всегда я лишь хвалил. . .» *Аноним* 375
«Тебя не по пристрастью своему. . .» 323
«Темноликий и огневолосый. . .» (Всадник) 256
«Теплой солью с луговин подуло. . .» (Ночлег) 149
Тетка Грегуар («В годы юности моей. . .») *Беранже* 395
Тихвин («Погасла люстра, меркнут ложи. . .») 54
«То ли пчелы гудели невнятно. . .» 314
«То, что впишу я на страницы. . .» (Замысел) *де Ренье* 427
«Только вспомню овраг и березы. . .» 85

«Тонкие березы Подмосковья. . .» (Несмеяна) 327
Тополь («„Отчего на склоне. . .») 116
«Торопливым женским почерком. . .» 167
«Точеным станом ты и бедер крутизною. . .» (Малабарская девушка) *Бодлер* 412
«Три окна, закрытых шторой. . .» (Мельница) 100
«Тряхнула б ты, Память, кошелкою. . .» 263
«Туманят ночи грозовые. . .» 52
Турксиб («Преодолев мильоны лет разлуки. . .») 215
Тщетность («Я на песке пишу признанье. . ») *Ришпен* 431
«Ты говорила гневные слова. . .» 195
«Ты знаешь, почему Иеремия. . .» *Вольтер* 374
«Ты лети, рябина, на гранитный цоколь. . .» 72
«Ты не любишь. Ты не веришь тайне. . .» (Май) 78
«Ты пришел откуда? . .» 313
«Ты снова видишь Фландрию. . .» (В Эрмитаже) 108
«Ты у моей стояла колыбели. . .» (Русская природа) 231
«Ты хочешь знать, как это было. . .» 180
«Ты хочешь обрести в несчастьях утешенье? . .» *Аноним* 375
Тюльпан («Цветок Голландии,я огненный тюльпан. . .») *Готье* 392
Тютчев на прогулке («Скрипучий голос, старчески глухой. . .») 154

«У волн Атлантики, бегущих неустанно. . .» 358
У Лукоморья («На зеленых склонах Лукоморья. . .») 282
«У Музы Царского Села. . .» (На книге А. Ахматовой «Белая стая». Надписи на книгах, 12) 365
«У нас под снегом сфинксы и закат. . .» 320
«У старой мельницы осеннею порою. . .» (Из семи книг «Стансов», 7) *Мореас* 420
«Угрюмый, сидит король в лесу. . .» (Карл I) *Гейне* 452
«Укроп сказал: «Он так влюблен!». . .» (Молодая девушка говорит. . .) *Мореас* 418
Утраченная любовь («Итак, всё кончено. . . Слова любви. . .») *Браунинг* 449
Утро («В этом городе, иссиня-сером. . .») 116
Утро («Свежеет смятая подушка. . .») 52

«Фаянсовых небес неуловимый скат. . .» (Nature morte) 129
Флакон («Бывают запахи, всё существо которых. . .») *Бодлер* 411
«Фонтан — это взятый в плен источник. . .» (Жажда фонтанов) *Станишич* 479
Фрагменты из поэмы «Гули и Навои» («Вдохновение в час ночной. . .») *Айбек* 469
Фронтовому другу («В простой бревенчатой избушке. . .») 178

«Хорошо улыбалась ты смолоду. . .» 91
«Хотел бы я иметь в дому своем. . .» (Кошка) *Аполлинер* 432
«„Хоть и предан я рассудку". . .» (Диалог) 96

«Цветок Голландии, я огненный тюльпан. . .» (Тюльпан) *Готье* 392
«Цветок нежданный жив одно мгновенье. . .» 353
Цветок Таджикистана («Две бортами сдвинутых трехтонки. . .») 186
«Целовались мы и любили. . .» 122
«Целый вечер слушаем мы Глинку. . .» 207
«Целый день в лесистой щели. . .» (Арагва) 111
«Целый день я сегодня бродил по знакомым местам. . .» 202
Цыганка («„Если б нас с тобой. . .») 319

«Через Красные ворота я пройду. . .» (В зимнем парке, 1) 65
Чимароза («Рожденный в той стране, где чист лазури цвет. . .») *Барбье* 398
Читателю двух томиков моих стихов («Вся юность — на этих страницах. . .») *Мюссе* 390
«Что вашего имени проще? . .» (Имя) 144
«Что ж, душа, с тобою мы в расчете. . .» 101
«Что же мне делать с тобой? . .» 285
«Что́ стихи, что́ таинства Киприды. . .» (Ночной пешеход) 102
«Что толку — поздно или рано. . .» 101
«Что я мужик — все это знают. . .» (Мужик) *Купала* 457
«Чтоб душа была свободной. . .» (Мечта) 223
«Чуть светлеет вздувшаяся штора. . .» (Гёте в Италии) 96

«Шел всё выше он тро́пами Данта. . .» (Александр Блок) 196
«Шиповник комедий Шекспира. . .» 345
«Широко заря разлилась в поднебесье. . .» 303
«Широко раскинув руки. . .» 76
Шопен («Встала луна над Парижем, осеребрив черепицы. . .») 321

Ылдыз («Струнтся степь. Широко и нескоро. . .») 150

Эпитафия («Лежит здесь антиквар — он стал комочком грязи. . .») *Дидро* 374
Эпитафия («Лежит здесь Поль, чудак в особом роде. . .») *Аноним* 376
Эпитафия («Лежит здесь сомневавшийся во всем. . .») *Парни* 374
Эпитафия моей Музе («Остановись и перечти, прохожий. . .») *Беранже* 394
«Эти дни славой Родины стали. . .» 171
«Это было. . . Когда это было? . .» 310

Юная тарентинка («О чайки, длите плач! Вы, дочери морей. . .») *Шенье* 378
Юному другу («Когда у вас в семье знакомился я с вами. . .») *Готье* 393
Юность тех дней («От наших дружб, от книг университета. . .») 297

«Юность, юность! Ты ушла до срока. . .» 359

«Я в этой книге жил когда-то. . .» 160
«Я вглядываюсь в неизбежное. . .» 255
«Я верю солнцу, рощам и туманам. . .» 268
«Я видел бедного Орфея. . .» 286
«Я дружу с вами, реки русские. . .» (Реки русские) 289
«Я думаю о том, что жадно было взято. . .» 361
«Я знаю — все пройдены дни и пути. . .» 316
«Я знаю — мало для подарка. . .» (На книге «Сонеты» Петрарки. Надписи на книгах, 6) 363
«Я их пустил на волю. Пусть слова. . .» 347
«Я камешком лежу в ладонях Коктебеля.. .» (Коктебельская элегия) 125
«Я люблю железные дороги. . .» (Северная дорога) 145
«Я люблю зеленый цвет. . .» (Песенка про зеленый цвет) 61
«Я на песке пишу признанье. . .» (Тщетность) *Ришпен* 431
«Я начал день свой пушкинским стихом. . .» 236
Я не поэт («Я не поэт — нет, избавь меня, боже! . .») *Купала* 456
«Я не хочу жалеть о том, что было. . .» (Старый портрет) 184
«Я не хочу крошить по мелочам. . .» (Зодчество) 269
«Я отвыкаю от вещей. . .» 317
«Я пишу тебе из траншеи. . .» (Открытка) *Аполлинер* 432
«Я поднял камешек, и круглый, и блестящий. . .» (Морской камешек) *Буйе* 406
«Я помню голубой холодноватый воздух. . .» (Парк в городе Пушкина) 216
«Я пою слезами вам и кровью. . .» (Слезы и кровь) *Райнис* 461
«Я проснусь на сеновале. . .» 291
«Я пью, друзья, до дна. Я пью из хрусталя. . .» (Девятнадцатый век) 311
«Я слушаю шумы столицы. . .» *Аполлинер* 432
«Я сроднился с последней тревогой. . .» 331
«Я тебе эту песню задумал на палец надеть. . .» 63
«Я тебя давно не понимаю. . .» 51
«Я шел в полях. Гроза уже росла над садом. . .» (Из семи книг «Стансов», 9) *Мореас* 421
«Я этот сонный мир церквушек безымянных. . .» (В шлюзах. По Волге, 2) 234
Ярославские окна («Видно, и тогда, в неволе древней. . .») 232

«Ich grolle nicht. . .» („Ich grolle nicht. . .“ Глубокий вздох органа. . .») 134
Nature morte («Фаянсовых небес неуловимый скат. . .») 129
Terra antiqua («В синеве кремнистых складок. . .») 138

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* Вс. Рождественский. Фотография 1970-х годов.

2. *Между с. 80 и 81.* Анна Александровна Рождественская, мать поэта. Фотография 1870-х годов.

3. *На обороте.* Вс. Рождественский-гимназист.

4. *Между с. 112 и 113.* М. Волошин и Вс. Рождественский. Коктебель (ныне Планерское). Фотография конца 1920-х годов.

5. *На обороте.* Слева направо: М. Панич, Вс. Рождественский, Г. Холопов. Карельский фронт. Фотография 1942 г.

6. *Между с. 272 и 273.* А. Чепуров, Г. Пагирев, Вс. Рождественский на встрече ленинградских поэтов с деятелями культуры Литвы. Фотография 1960-х годов.

7. *На обороте.* Выступление Вс. Рождественского на могиле Ал. Блока. 28 ноября 1970 г.

8. *Между с. 304 и 305.* Вс. Рождественский в редакции журнала «Нева». Фотография начала 1970-х годов.

9. *На обороте.* Вс. Рождественский дома, в рабочем кабинете. Фотография последних лет жизни поэта.

10. *С. 341.* Автограф стихотворения «Леший». Личный архив Вс. Рождественского.

11. *С. 357.* Автограф стихотворения «На нас глядят два озера печали. . .» Личный архив Вс. Рождественского.

СОДЕРЖАНИЕ

Всеволод Рождественский. *Вступительная статья А. И. Павловского* 5
Немного о себе 45

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. «Осень, слякоть, дождик, холод...» 51
2. «Я тебя давно не понимаю...» 51
3. «Туманят ночи грозовые...» 52
4. Утро («Свежеет смятая подушка...») 52
5. Вечером 53
6. «Давно переступают кони...» 53
7. Тихвин 54
8. «О садах, согретых звездным светом...» 55
9. «Друг, Вы слышите, друг, как тяжелое сердце мое...» 55
10. Диккенс 56
11. «На палубе разбойничьего брига...» 57
12. «Нет, не Генуя, не Флоренция...» 58
13. Манон Леско 59
14. «О, прорезь глаз наискосок...» 59
15. «Один, совсем один, за письменным столом...» 60
16. «Севильский цирульник» 60
17. Песенка про зеленый цвет 61
18. Гатчина 61
19. «В калитку памяти как ни стучи...» 62
20. «Был полон воздух вспышек искровых...» 62
21. «Я тебе эту песню задумал на палец надеть...» 63
22. «В те времена дворянских привилегий...» 63
23. Памяти Ал. Блока (7 августа 1921) 64
24—27. В зимнем парке *(1916)*
 1. «Через Красные ворота я пройду...» 65
 2. «Бросая к небу колкий иней...» 65
 3. «Если колкой вьюгой, ветром встречным...» 66
 4. «Сквозь падающий снег над будкой с инвалидом...» 67
28. «Она ни петь, ни плакать не умела...» 67
29. «Такая мне нравится тишина...» 68
30. «Прости меня и улыбнись, прощая...» 68
31. «Луна или волчица...» 69
32. Баллада памяти 69
33. «Мы с тобой когда-нибудь поедем...» 70
34. «Видишь звездную карту вот здесь у меня на ладони?..» 71
35. «Обрывай ромашку. Всё на свете просто...» 71

36. «Ты лети, рябина, на гранитный цоколь...» 72
37. «Сердце бы отдал мелькнувшему мигу...» 73
38. Молодость 73
39. «Глубока тропа медвежья...» 74
40. В тенетах времен 74
41. «Широко раскинув руки...» 76
42. «Летят дожди, и медлит их коснуться...» 76
43. «Береза, дерево любимое...» 77
44. «Друг, сегодня ветер в море...» 78
45. Май 78
46. Навзикая 79
47. «Много ль сердцу надо?..» 80
48. «Жизнь моя — мучительное право...» 81
49. «Придет мой час — молчать землею...» 81
50. «Проходят и волны, и миги...» 82
51. «Рука с рукой по тонкому лучу...» 82
52. «За дороги твои, за березы...» 83
53. Севастополь моей юности 83
54. К Лире 84
55. «Только вспомню овраг и березы...» 85
56. Павловск 86
57. «Земное сердце не устанет...» 87
58. «Было это небо, как морская карта...» 87
59. «Где-то в солнечном Провансе...» 88
60. «Любите и радуйтесь солнцу земному...» 89
61. Апрель 90
62. «Расставаясь с милою землей...» 90
63. «Был всегда я весел и тревожен...» 90
64. «Хорошо улыбалась ты смолоду...» 91
65. Без возврата 92
66. Отшумевшие годы (1923) 92
67. Поэма дня 94
68. «Коридор университета...» 94
69. «В столовой музыка и пенье...» 95
70. Гёте в Италии 96
71. Диалог *(Полька)* 96
72. Венеция 97
73. Корсар 99
74. Мельница 100
75. «Что толку — поздно или рано...» 101
76. Песня степей 101
77. «Что ж, душа, с тобою мы в расчете...» 101
78. «Сонной, глухой тишиной наливаются в августе ночи...» . 102
79. Ночной пешеход (П. А. Федотов) 102
80. Розина 107
81. В Эрмитаже 108
82. «Вот сердце уже осторожно...» 109
83. Старый Тифлис 110
84. Арагва 111
85. Зима 112
86. Ирина 114
87. «Какие-то улицы, встречные пары...» 114
88. О музе и о себе 115
89. Утро («В этом городе, иссиня-сером...») 116
90. Тополь 116

91. «Дворик наш затянут виноградом...» 117
92. Крымский скорый 118
93. Память 119
94. «Если не пил ты в детстве студеной воды...» 120
95. «В этой комнате проснемся мы с тобой...» 121
96. «Целовались мы и любили...» 122
97. Октябрьская погода 122
98. В путь! 123
99. «...По сухим дорогам Крыма...» 124
100. Коктебельская элегия 125
101. Возвращение 127
102. Вино 128
103. Nature morte 129
104. Музыка в Павловске (Девятисотые годы) 130
105. Когда рождался Днепрогэс 132
106. «Овраги, поля и березы...» 133
107. «Нет, не напрасно я в звездном лесу...» 134
108. «Ich grolle nicht...» 134
109. «Как в сумерчный день дыханье пены зыбкой...» 135
110. «Как странно встречаются души...» 136
111. К юности 136
112. «Восточный Крым. Очарованье...» 137
113. Terra antiqua 138
114. Сад поэта 138
115. «На пустом берегу, где прибой неустанно грохочет...» . . 139
116. Керчь 140
117. Съезд сельсоветов в горной Армении 140
118. Мой род 142
119. Мои сады 142
120. Имя 144
121. Северная дорога 145
122. «Опущу я по туману...» 146
123. Предгорье 146
124. Ночлег на геолбазе в Таласском Алатау 147
125. Пиала 148
126. Ночлег 149
127. Ылдыз 150
128. «Словно ветер на степном просторе...» 151
129. «Мне снилось... Сказать не умею...» 152
130. «Из пустыни, где катит буруны Балхаш...» 153
131. «Снова подушка моя горяча...» 153
132. Тютчев на прогулке 154
133. Пушкин Александр (1817) 155
134. Март 157
135. «Знал я лунные заливы...» 157
136. «Мне сегодня снилось море...» 158
137. Слова (Лермонтов в Предкавказье) 159
138. «Я в этой книге жил когда-то...» 160
139. «Дай упиться мне разбегом...» 160
140. Полнолуние 161
141. Памятник Суворову 162
142. Винтовка 163
143. Партизаны 164
144. Гнев народа 165
145. «Ко мне пришло письмо по почте полевой...» 166

146. Белая ночь. Волховский фронт (1942) 166
147. «Торопливым женским почерком...» 167
148. Синица 168
149. «В суровый год мы сами стали строже...» 169
150. Красноармейская газета 169
151. Палатка 170
152. «Эти дни славой Родины стали...» 171
153. «Всё выше солнце. Полдень серебрится...» 171
154. «Стучался враг в ворота к Ленинграду...» 172
155. «Колеса вздыбленной трехтонки...» 173
156. За круглым столом 173
157. «Мне снились березы, дорога большая...» 174
158. «Весь день метель кружилась на раздолье...» 175
159. Могила бойца 176
160. Родная песня 177
161. «И я служу народу моему...» 178
162. Фронтовому другу 178
163. «Когда слова случайны и просты...» 179
164. «Ты хочешь знать, как это было...» 180
165. Ромашка 181
166. Пленное море 182
167. «Снова дружба фронтовая...» 182
168. Баянист 183
169. Старый портрет 184
170. Цветок Таджикистана 186
171. Карельская береза 187
172. «Сердце, неуемный бубенец...» 188
173. Сердце связиста 189
174. Русская муза 190
175. «Мир мой — широко раскрытая книга...» 191
176. Волховская зима 191
177. Господин Великий Новгород 192
178. Салют освобождения 193
179. Пулковские высоты 194
180. «Ты говорила гневные слова...» 195
181. Любовь 195
182. Александр Блок 196
183—188. Строители
1. Варфоломей Растрелли 197
2. Адриан Захаров 198
3. Андрей Воронихин 198
4. Карло Росси 199
5. Василий Стасов 200
6. Девушки Ленинграда 200
189. Памятник юноше Пушкину 201
190. «Баловень лицейской легкой славы...» 202
191. «Целый день я сегодня бродил по знакомым местам...» . . 202
192. «Когда-то в Греции прекрасной...» 203
193. Психея («Вся жизнь твоя прошла под подозреньем...») . 203
194. Жеребенок 204
195. Лесное озеро 204
196. Иволга 205
197. Денис Давыдов 206
198. На берегу 207
199. «Целый вечер слушаем мы Глинку...» 207

200. «Сын Мстислава, княжич Мономаха...» 208
201. «Вижу я: у городской заставы...» 209
202. Расставанье с юностью 210
203. Некрасов 211
204. Крым 212
205. Город у моря 213
206. Норд 214
207. Турксиб 215
208. Парк в городе Пушкина. *Элегия* 216
209. «Он пушкинской сложен строфою...» 218
210. Абай Кунанбаев 219
211. Ветер 221
212. «Посмотри, на озере ночном...» 222
213. Мечта 223
214. «Не торопи стихов. Им строгий дан черед...» 224
215—218. Балтика
1. Белой ночью 224
2. Рыбаки 225
3. Таллин 225
4. Голуби Таллина 226
219. Старое знамя 227
220. «Жарко рябины взметнулся костер...» 227
221. «Есть города — на пенсии у Славы...» 228
222. «Заветное дело жизни...» 229
223. Зеленая Грузия 230
224. Русская природа 231
225. Перелески 232
226. Ярославские окна 232
227—229. По Волге
1. «По Волге бегут теплоходы...» 233
2. В шлюзах 234
3. Осенние дали 235
230. «Я начал день свой пушкинским стихом...» 236
231. «В этот миг ты сам поймешь...» 237
232. Поэзия 237
233. «Нет, мне не говори, что трудно умирать...» 238
234. «Жизнь проходит... Но, хотя и поздно...» 239
235. «Овеянные пушкинскою славой...» 239
236. Старые книжники 240
237. Сосны Райниса 242
238. Деревья 243
239. «О русской природе, о милой природе...» 244
240. Гончары 245
241. «Раздвинул Киев крутые склоны...» 246
242. Плотичка 246
243. «В память горькой разлуки я в море бросаю монету...» . 248
244. «Неужели за чертою...» 248
245. Новый порт 249
246. Новгородская София 250
247. «Пора неясных обещаний...» 252
248. Вологодские кружева 252
249. Ледоход 253
250. «Надо так, чтобы сразу запела строка...» 254
251. «Друзья мои! С высоких книжных полок...» 255
252. Всадник. *Фреска* 256

253. «Над рощей влажная заря...» 257
254. «Сквозь ветер походкой твердой...» 258
255—256. Из цикла «Русская игрушка»
1. Деревянный медведь 259
2. Ванька-встанька 260
257. Персей 261
258. «В жизни много привычек, примет и обличий...» 262
259. «Тряхнула б ты, Память, кошелкою...» 263
260. «Ну что ж! О чем бы ни грустил...» 263
261. «Не всем дано мечтою прорастать...» 265
262. «Я вглядываюсь в неизбежное...» 265
263. «И как бы ни был мир расколот...» 265
264. «Смотри, как розовеют облака...» 266
265. «Было когда-то... И всё позабыто...» 266
266. «Куда же мне деться от этого сердца...» 267
267. Камешки Коктебеля 267
268. «Я верю солнцу, рощам и туманам...» 268
269. Зодчество 269
270. «Немолчное море... века и века...» 270
271. Дон-Кихот 270
272. «Опять стихи со мной. Неровными рядами...» 271
273. «Вот как это было...» 272
274. «Жажда жить во мне неутомима...» 272
275. «Не знаешь ты, в ком отзовется...» 273
276. Звезда 274
277. «Всё выше к свету по долине лилий...» 274
278. «Нам снятся до сих пор нездешние закаты...» 275
279. «Немало уж лет миновало над звездным простором земли...» 276
280. «Рад я был с тобою породниться...» 277
281. Степная весна 278
282. «Светом бывает тьма разбужена...» 278
283. «Разрыв-трава, разрыв-трава...» 279
284. «Иногда от случайного слова...» 280
285. «В родной поэзии совсем не старовер...» 281
286. «Стареют книги... Нет, не переплет...» 282
287. У Лукоморья 282
288. «Любил и я волшебный мир кулис...» 283
289. «Вянут дни... Поспела земляника...» 284
290. «Что же мне делать с тобой?..» 285
291. «Я видел бедного Орфея...» 286
292. «Есть стихи лебединой породы...» 287
293. «От былинного кораблика...» 288
294. Реки русские 289
295. «Зашлепал дождь. Но осторожно...» 289
296. Зеленый кабинет 290
297. «Я проснусь на сеновале...» 291
298. «Если что вспоминать, я бы вспомнил лесные озера...» . . 292
299. «В дожде, асфальтом отраженный...» 292
300—301. Стихи о Литве
1. Мать 294
2. В Вильнюсе 295
302. «Подари мне молчание, лес, подари!..» 296
303. Юность тех дней 297
304. «Аврора» 297
305. «Летит апрельский снег...» 298

306. Державин в Петрозаводске 299
307. «Лежит земля в священной немоте...» 300
308. «Пока живу, пока дышу...» 300
309. «Да, старость надо принимать, как дар...» 301
310. Пять чувств (Два голоса) 301
311. «Облака — пилигримы...» 302
312. В Летнем саду 303
313. «Широко заря разлилась в поднебесье...» 303
314. «Новая Голландия» 304
315. Кольцо 305
316. «На Стрелке острова, где белые колонны...» 306
317. «От пестроты цветов и лугового зноя...» 307
318. «Лежала, сумраком полна...» 308
319. «Прислушайся к песне старинной...» 308
320. «Всю ночь шуршало и шумело...» 309
321. «Это было... Когда это было?..» 310
322. «Вижу себя уже издали...» 311
323. Девятнадцатый век 311
324. «Ты пришел откуда?..» 313
325. «Ну как же я тебя найду?..» 313
326. «Бывает так, — слабеет тело...» 314
327. «То ли пчелы гудели невнятно...» 314
328. «Всё глубже в Поэзию я ухожу...» 315
329. «Я знаю — все пройдены дни и пути...» 316
330. Город Пушкина 316
331. «Я отвыкаю от вещей...» 317
332. Строка 318
333. «Дождался я этого мига...» 318
334. Цыганка (*Под гитару*) 319
335. «У нас под снегом сфинксы, и закат...» 320
336. Шопен 321
337. «Нет, судьбой я не пленен иною...» 322
338. «Тебя не по пристрастью своему...» 323
339. «Не так далеко до восхода...» 323
340. Родня 324
341. «Пойдем со мной вдоль тихого канала...» 327
342. Несмеяна 327
343. «Вздыхающий рокот гитары...» 328
344. «Всё, что было предназначено...» 329
345. «О вещах обыкновенных...» 329
346. Другу 330
347. «Еще одно несказанное слово...» 331
348. «Остаться одному на всей земле...» 331
349. «Я сроднился с последней тревогой...» 331
350. «О любви неразделенной...» 332
351. «Всё доступно для зренья поэта...» 332
352. «Есть какая-то вещая сила...» 333
353. «Пусть то будет как сон или бред...» 334
354. «Есть у души, как у природы русской...» 334
355. «Конечно, в племени поэтов...» 335
356. Таллин (*Средневековье*) 336
357. Лермонтов 337
358. Над книгой 339
359. «Весенние скованы лужи...» 340
360. «Не ради богатства...» 342

361. «Встречайте свежесть ледохода...» 342
362. «Порою, заставляя долго ждать...» 343
363. «Опять над лесом просветлело...» 343
364. «Принимай меня, светлая келья...» 344
365. «На засыпающий мой сад...» 344
366. «Шиповник комедий Шекспира...» 345
367. «Любовь, любовь — загадочное слово...» 346
368. «Есть странная мечта: себе построить дом...» 346
369. «Я их пустил на волю. Пусть слова...» 347
370. «Они и свеч не зажигали...» 347
371. «Всё краснее и ярче рябина...» 348
372. «Не всегда оживают слова...» 349
373. «В нависанье узорных ветвей...» 350
374. Иннокентий Анненский (Две тени) 350
375. Игла над Невой 351
376. «Незадачлив я стал на подарки...» 351
377. Кастальский ключ 352
378. «Мы в космос пути открыли...» 352
379. «Разбег его стихов подобием прибоя...» 353
380. «Цветок нежданный жив одно мгновенье...» 353
381. «... И сыплется меж пальцами песок...» 354
382. «Родословное древо? Оно у меня...» 354
383. Психея («Не в отвлеченном мире рея...») 355
384. «На нас глядят два озера печали...» 355
385. «„В чем счастье?“ О, как выспренно и странно...» 356
386. «Заблудились старые преданья...» 356
387. «У волн Атлантики, бегущих неустанно...» 358
388. «Юность, юность! Ты ушла до срока...» 359
389. «Я думаю о том, что жадно было взято...» 361
390—403. ⟨Надписи на книгах⟩
1—2. На книге «Золотое веретено»
1. «В те дни я видел мир впервые...» 361
2. «Вместе были мы на сенокосе...» 362
3. На книге «Большая Медведица» 362
4—5. На книге «Земное сердце»
1. «Когда-то в юности крылатой...» 362
2. «В грудь мою вложено „Сердце земное“...» . . 363
6. На книге «Сонеты» Петрарки 363
7. На книге Е. Боратынского 363
8. На книге пьес Ростана 363
9. На книге «Тихие песни» Ин. Анненского 364
10—11. На романе Анри де Ренье «Шалость»
1. «Примите, друг. В ночи забвенья...» 365
2. «Ренье у нас теперь не в моде...» 365
12. На книге А. Ахматовой «Белая стая» 365
13. На «Дневниках» Стендаля 366
14. На «Одиссее» Гомера 366

ПЕРЕВОДЫ

С ФРАНЦУЗСКОГО

ИЗ ПОЭЗИИ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Пьер де Ронсар

404. «Когда старушкою, над прялкою склоненной...» 369

Оливье де Маньи

405. «Блажен, кто вдалеке от городских забот...» 369

Филипп Депорт

406. «Здесь некогда упал дерзающий Икар...» 370

Катрин де Рош

407. «О прялка, милый друг, клянусь и обещаю...» 370

Жан Берто

408. «Пора, красавица, пора кончать томленье...» 371

ИЗ ПОЭЗИИ XVII—XVIII ВЕКОВ

Марк Сент-Аман

409. «Наскучив хвастаться дуэльною отвагой...» 372

Жюль Менаж

410. «С красавицей ее изображенье схоже...» 372

Бюсси-Рабютен

411. «Разлука любящих... О ней...» 372

Жан Грекур

412. «Прославленных имен у Греции немало...» 372

Алексис Пирон

413. На плохого рифмотворца 373

Вольтер

414. Дистих (написанный на статуе Амура) 373
415. Ему же 373
416. «Итак, былой министр смещен...» 373

417. «Вы говорите, что я мертв...» 373
418. «Ты знаешь, почему Иеремия...» 374

Дени Дидро

419. Эпитафия 374

Эварист Парни

420. Эпитафия 374

Анонимы

421. «Тебя всегда я лишь хвалил...» 375
422. О бедности 375
423. «Расхвасталась пчела: „Я выше всех летаю..“» 375
424. «„Ты хочешь обрести в несчастьях утешенье?..“» 375
425. «О свежести Филис так много говорят...» 375
426. «Друзей у нас не сосчитать...» 376
427. Эпитафия 376
428. «Таинственно сверкающий покров...» 376

Бернар де ля Моннуа

429. Похвала несравненному мессиру Ла-Палисс 376

Андре Шенье

430. Юная тарентинка 378
431. «Всё есть в моих стихах, внимай же им, прилежным...» . 379
432. «И я бы мог любить. Ужель я жду напрасно!..» 379

ИЗ ПОЭЗИИ XIX—XX ВЕКОВ

Альфред де Виньи

433. Смерть волка 380

Виктор Гюго

434. Ноябрь 382
435. Роза инфанты 384

Альфред Мюссе

436. Читателю двух томиков моих стихов 390
437. Виктору Гюго 390

Теофиль Готье

438. Пастель 391
439. Тюльпан 392
440. Ночные бродяги 392
441. Юному другу 393

Пьер Жан Беранже

442. Романы 393
443. Эпитафия моей музе (Тюрьма Сент-Пелажи) 394
444. Тетка Грегуар 395

Огюст Барбье

445. «Как грустно наблюдать повсюду корни зла...» 397
446. Микеланджело 398
447. Чимароза 398
448. Леонардо да Винчи 399

Эжезип Моро

449. Последний день 399

Эдуард Гренье

450. Глициния 401

Анри Мюрже

451. Реквием любви 401

Леконт де Лиль

452. Неистребимый аромат 403
453. Сердце Гиальмара 403
454. Античные медали 405

Луи Буйе

455. Морской камешек 406
456. Гнездо и часы 406

Сюлли-Прюдом

457. Мольба 407
458. Глаза 408
459. Большая Медведица 408

Жозе Мария де Эредиа

460. Античная медаль 409

Шарль Бодлер

461. «Когда ты здесь скользишь печально и лениво...» 409
462. Голос 410
463. Флакон 411
464. Малабарская девушка 412

Шарль Кро

465. Смычок 412
466. Астрономический сонет 414

Анна де Ноай

467. Приношение 414

Поль Верлен

468. «Дней прошлых мудрецы— мы не умнее их...» 415
469. Сентиментальная беседа 416

Артюр Рембо

470. Ощущение 416
471. Мое бродяжничество 417
472. Роман 417

Жан Мореас

473. Молодая девушка говорит... 418
474—482. Из семи книг «Стансов»
1. «Не говори, что жизнь нам радует сердца...» . . . 419
2. «В дни юности моей, возвышенная лира...» 419
3. «Гирлянды облаков синеющей пустыни...» 419
4. «И прелесть летних дней, и майских роз цветенье...» 420
5. «Летите прочь, мечты, созданья горькой силы...» . . 420
6. «Заря, которая восходит над столицей...» 420
7. «У старой мельницы осеннею порою...» 420
8. «О вечере морском я думаю в тоске...» 421
9. «Я шел в полях. Гроза уже росла над садом...» . . 421

Альбер Самен

483. Сирены 421

Анри де Ренье

484. Завершение 423
485. Деревенское зеркало 423
486. Ожерелье из стекляшек 424
487. Верона 425
488. Городок 426
489. Приметы 426
490. Замысел 427
491. Тайна 427

Франсис Жамм

492. «Подростком-девочкой с подстриженною челкой...» . . . 428

Люси Деларю-Мардрюс

493. Запах моей родины 429
494. Резная дева на носу корабля 430

Жак Ришпен

495. Тщетность 431
496. Ось 432

Гийом Аполлинер

497. «Я слушаю шумы столицы...» 432
498. Открытка 432
499. Кошка 432
500. Павлин 433

Поль Элюар

501. Свобода 433

Жак Превер

502. Сена встречает Париж 435

Эмиль Верхарн

503. Звонарь 439
504. Корабль 441

С АНГЛИЙСКОГО

Джордж Байрон

505. К Эмме 443
506. «О, если в суете дневной...» 444

Роберт Саути

507. Епископ Бруно 445
508. Колодец св. Катерины 447

Роберт Браунинг

509. Мысли на чужбине о родине 449
510. Утраченная любовь 449

Вильям Батлер Йитс

511. «Если к вам подкралась старость, голова у вас седая...» . 450
512. «Если б в небесный я плащ был одет...» 450
513. Озеро Иннисфри 451

С НЕМЕЦКОГО

Генрих Гейне

514. Карл I 452
515. Семейное счастье 453

Фердинанд Фрейлиграт

516. Пиратский романс 453

С БЕЛОРУССКОГО

Янка Купала

517. Я не поэт 456
518. Мужик 457

Якуб Колас

519. На запад 458

С ЛАТЫШСКОГО

Ян Райнис

520. Сломанные сосны 460
521. В вечном созвучии 460
522. Слезы и кровь 461
523. Раны народа и честь народа 462
524. В решающий бой! 463

Мирдза Кемпе

525. Венок из дубовых листьев 463

С КАЗАХСКОГО

Абай Кунанбаев

526. Весна 465
527. «Вдоль спины заплетенные косы лежат...» 466
528. «Всем пресытиться может душа...» 467
529. «О порыв души огневой...» 468

С УЗБЕКСКОГО

Алишер Навои

530. «На ее щеке девичьей темной родинки пятно...» 469

Айбек

531. Фрагменты из поэмы «Гули и Навои» 469

С ЭСТОНСКОГО

Лидия Койдула

532. Сердце матери 471
533. Песни 472
534. Жалоба 472

С СЕРБСКОХОРВАТСКОГО

Йоле Станишич

535. Голос убитых 474
536. Ворон 476
537. Письмо Назыму Хикмету 476
538. Жажда фонтанов 479
539. Златна улица 480

Другие редакции и варианты 485

Примечания 501

Алфавитный указатель произведений 564

К иллюстрациям 576

Рождественский Вс.

Р 62 Стихотворения / Вступ. статья А. И. Павловского; Составление, подг. текста и примеч. М. В. и Т. В. Рождественских.— Л.: Сов. писатель, 1985.— 592 с., 8 ил., 1 л. портр. — (Б-ка поэта. Большая сер.).

В настоящем издании разнообразно представлено наследие крупного советского поэта Вс. Рождественского (1895—1977), от первых стихов, написанных под воздействием акмеизма, до произведений последних лет, обобщающих его богатый жизненный и творческий опыт. Видную и замечательную часть наследия поэта, всю свою жизнь верного высоким традициям русской классики, составляют стихи о Ленинграде, его культуре, его людях.

Р $\frac{4702010200-356}{083(02)-85}$ 412—85 ББК 84 Р7

ЗАМЕЧЕННАЯ ОПЕЧАТКА

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
225	20—21	*Балтика* *Август 1955*	*Август 1946* *Балтика*

Всеволод Александрович Рождественский

СТИХОТВОРЕНИЯ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1985, 592 стр.
План выпуска 1985 г. № 412

Редакторы *Л. С. Гейро, Т. С. Харыкина*
Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. С. Орлов*
Техн. редактор *Е. Ф. Шараева*
Корректор *Ф. Н. Аврунина*

ИБ № 4859

Сдано в набор 3.06.85. Подписано к печати 18.11.85. М 30024. Формат 84×108 1/32. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 31,60. Уч.-изд. л. 30,36. Тираж 40 000 экз. Заказ № 1178. Цена 2 р. 90 к. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191104, Ленинград, Литейный пр., 36. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3.